

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

**Вестник
Российского мониторинга
экономического
положения
и здоровья населения
НИУ ВШЭ
(RLMS-HSE)**

Выпуск 5

*Ответственный редактор
П. М. Козырева*

Москва 2015

УДК 316.4
ББК 60.5
В38

*Исследование осуществлено в рамках программы фундаментальных исследований
НИУ ВШЭ*

Редакционная коллегия:

П. М. Козырева, М. С. Косолапов, В. В. Радаев,
С. Ю. Роцин, Я. М. Рощина

В38 **Вестник** Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE). Вып. 5 [Электронный ресурс]: сб. науч. ст. / отв. ред. П. М. Козырева. – Электрон. текст. дан. (объем 2,5 Мб). – М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2015. – 211 с.: илл.

ISBN 978–5-7598–1169–5

Пятый выпуск электронного издания «Вестник RLMS-HSE» составили статьи, подготовленные на основании 22 волн (1992–2013 гг.) панельного обследования «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (RLMS-HSE).

В центре внимания авторов находятся различные показатели социально-экономического положения домохозяйств, характеристики первичной и вторичной занятости, особенности репродуктивного поведения женщин, а также отношение россиян к различным формам получения медицинской помощи. Предлагаемые материалы отражают точку зрения авторов и открыты к обсуждению и дополнению.

Издание адресовано исследователям, преподавателям, студентам и всем, кто интересуется результатами мониторинга RLMS-HSE.

УДК 316.4
ББК 60.5

Содержание

Введение	4
<i>Воронин Г. Л., Киселева И. П., Козырева П. М., Косолапов М. С., Евграфова К. О., Низамова А. Э., Смирнов А. И., Соколова С. Б.</i> Социально-экономическое поведение российских домохозяйств	7
<i>Воронин Г. Л.</i> Вторичная занятость	108
<i>Краснова Л. С.</i> Состояние здоровья как фактор спроса на платные медицинские услуги.....	123
<i>Лукьянова А. Л.</i> Смена работы и рост заработной платы.....	141
<i>Лапишинова В. В., Рощина Я. М.</i> Доступность добровольного медицинского страхования в России	168
<i>Швецова Т. А., Рощина Я. М.</i> Рождение ребенка или прерывание беременности: что влияет на принятие решения россиянками?	184
Сведения об авторах	209

ВВЕДЕНИЕ

В пятом выпуске «Вестника Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)» представлен сравнительный анализ данных, собранных в ходе 22 волны мониторингового обследования в октябре-декабре 2013 г., и результатов предшествующих волн (1992–2012 гг.). Центральными темами анализа являются основные характеристики социально-экономического положения домохозяйств: уровень доходов и расходов, обеспеченность основными продуктами питания и предметами длительного пользования, структура занятости населения, уровень бедности, субъективная удовлетворенность граждан собственным экономическим положением, перспективами на рынке труда и жизнью в целом. В выпуске также представлены отдельные исследования, посвященные трудовой мобильности и вторичной занятости, проблемам репродуктивного здоровья и стратегиям репродуктивного поведения российских женщин, а также спросу на медицинские услуги среди населения Российской Федерации.

Благодаря тому, что Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ основан на вероятностной, стратифицированной, многоступенчатой территориальной выборке, репрезентативной для всего населения России, полученные результаты позволяют дать реалистическую оценку основным тенденциям социально-экономического развития страны. Наряду с эффективностью предшествующей социально-экономической и демографической политики они позволяют оценить потенциал социально-экономической адаптации населения в условиях нового экономического кризиса.

Выпуск открывает [коллективная статья](#), характеризующая основные изменения в социально-экономическом положении российских домохозяйств, произошедшие в 2013 г. по сравнению с предшествующими годами проведения обследования. Согласно данным RLMS-HSE, в условиях снижения основных экономических показателей в 2013 г. наблюдалось существенное замедление темпов роста совокупных доходов и расходов домохозяйств, что, впрочем, не оказало существенного влияния на обеспеченность населения предметами длительного пользования. При этом в ходе 22 волны обследования было отмечено очередное снижение уровня экономической дифференциации домохозяйств, характерное для периодов общего ухудшения экономической ситуации. Несмотря на продолжившееся в 2013 г. снижение уровня безработицы, заметно выросла обеспокоенность населения проблемами занятости. На фоне общего роста неуверенности в перспективах удачного трудоустройства уменьшилось число людей, выражающих же-

ление сменить место работы. В целом динамика социального самочувствия в 2013 г. характеризовалась противоречивыми тенденциями. Нарастание ощущения счастья и межличностного доверия сопровождалось снижением удовлетворенности собственным материальным положением и ухудшением оценок личных и семейных жизненных перспектив.

Анализ трудовой мобильности в преддверии мирового экономического кризиса представлен в статье [А. Л. Лукьяновой «Смена работы и рост заработной платы»](#), где автор не только оценивает экономические эффекты трудовой мобильности, но и делает ценные наблюдения об особенностях дополнительного модуля RLMS-HSE 2008 г., специально посвященного данной проблеме. Несмотря на определенную специфику, связанную с ретроспективной оценкой респондентами своего положения на рынке труда, результаты дополнительного модуля 2008 г. в целом подтверждают выводы, полученные на основании регулярных опросов RLMS-HSE. Они свидетельствуют о сравнительно низком уровне трудовой мобильности, отсутствии связи между причинами увольнения работника и перспективами дальнейшего трудоустройства, а также о позитивных краткосрочных и долгосрочных эффектах смены места работы. Краткосрочные эффекты в 2003–2008 гг. были связаны с единовременным увеличением номинальной заработной платы после смены места работы, долгосрочные — с более высокими темпами последующего прироста заработной платы у мобильных работников.

Анализ вторичной занятости россиян в 2000–2013 гг. представлен в статье [Г. Л. Воронина «Вторичная занятость»](#). Согласно данным RLMS-HSE, в 2013 г. лица, занятые более чем на одной работе, составляли около 4% населения Российской Федерации, что ниже показателя 2000 и 2001 г. на 1,2 процентных пункта. В целом вторичная занятость более характерна для женщин, лиц с высшим образованием, лиц, не состоящих в зарегистрированном браке, а также для жителей областных центров. При этом работники, вовлеченные во вторичную занятость, чаще страдают от хронических заболеваний, но компенсируют потери в области здоровья за счет более высокого индивидуального дохода. Характерно, что темпы роста доходов от вторичной занятости в период с 2000 по 2013 г. в среднем уступали темпам роста доходов от основной работы, что свидетельствует о снижении экономической эффективности, а вслед за ней и экономической привлекательности вторичной занятости.

Отношение россиян к получению медицинских услуг в рамках программ обязательного и дополнительного медицинского страхования исследуется в работах Л. С. Красновой, В. В. Лапшиновой и Я. М. Рощиной. Как показано в статье [Л. С. Красновой «Состояние здоровья как фактор спроса на платные медицинские услуги»](#), самооценка здоровья оказывает незначительное влияние на предпочтения россиян относительно получения медицинской помощи. Независимо от оценки состояния собственного здоровья и наличия заболеваний различной степени тяжести граждане России предпочитают обращаться за медицинской помощью на основании полисов обязательного медицинского страхования (ОМС). Среди немногочисленной группы клиентов медицинских учреждений, предоставляющих платные медицинские услуги, преобладают лица с высокой или очень высокой самооценкой здоровья. При этом граждане, оценивающие свое здоровье как хорошее, производят наибольшие финансовые затраты на профилактику различных заболеваний и поддержание собственного здоровья.

В статье [«Доступность добровольного медицинского страхования в России»](#) [В. В. Лапшинова](#) и [Я. М. Рощина](#) анализируют вовлеченность россиян в систему добровольного медицинского страхования (ДМС). Согласно данным RLMS-HSE, подавляющее большинство держателей полисов ДМС независимо от социально-демографических и социально-экономических характеристик участвуют в системе добровольного страхования за счет средств работодателей. При этом наибольшее количество оплаченных работодателями полисов принадлежит квалифицированным рабочим, лицам, проживающим в городах, состоящим в браке, имеющим диплом о высшем образовании и сравнительно высокий уровень доходов. Независимо от возраста и состояния здоровья россияне неохотно участвуют в самостоятельном финансировании программ ДМС. Некоторое исключение здесь составляют только жители Москвы и Санкт-Петербурга с высшим образованием и высокими душевыми доходами.

Особенности репродуктивного поведения российских женщин рассматриваются в статье [Т. А. Швецово́й и Я. М. Ро́щной «Рождение ребенка или прерывание беременности: что влияет на принятие решение россиянками?»](#). На основании проведенного анализа авторы выделяют в качестве основных факторов репродуктивного выбора российских женщин возраст, семейное положение, доходы супруга, наличие хронических заболеваний, количество детей, наличие собственного жилья, предшествующий опыт прерывания беременности, а также желание женщины иметь (еще одного) ребенка. В ходе исследования выявлено положительное влияние личного дохода женщины на вероятность рождения ребенка и негативное влияние доходов остальных членов домохозяйств, включая супруга. В то же время данные RLMS-HSE свидетельствуют о том, что зарегистрированный брак и наличие детей до трех лет значительно увеличивают вероятность не только деторождения, но и прерывания беременности, что свидетельствует о пренебрежении контрацептивными средствами супружескими парами, особенно в период грудного вскармливания. Как и в предшествующие годы, значимыми факторами выбора женщины в пользу прерывания беременности остаются наличие детей и предшествующий опыт совершения абортов.

*Воронин Г. Л., Киселева И. П., Козырева П. М., Косолапов М. С.,
Евграфова К. О., Низамова А. Э., Смирнов А. И., Соколова С. Б.*

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ РОССИЙСКИХ ДОМОХОЗЯЙСТВ

Продолжающиеся в России реформы оказывают на семьи и отдельных индивидов огромное влияние и приводят к глубоким изменениям условий их жизнедеятельности. При этом разные адаптационные возможности обуславливают существенные различия в уровне и качестве жизни тех или иных групп населения. Представленный анализ продолжает изучение разнообразных аспектов повседневной жизни населения в динамично изменяющихся условиях, реализует стремление лучше понять настроения, потребности и запросы людей, выявить основные тенденции и социально-экономические детерминанты современных процессов социальной адаптации, определить факторы формирования популярных адаптационных стратегий домохозяйств.

Важнейшей задачей работы выступает реалистическая оценка масштабов и потенциала социально-экономической адаптации населения, осмысление сложностей и противоречий развития сопутствующих социальных процессов. В ходе исследования анализируются конкретные практики социально-экономической адаптации населения, получившие распространение в постсоветский период. Значительное внимание уделяется интерпретации полученных в ходе опросов данных, в том числе на основе их сопоставления с соответствующими данными Росстата.

Анализ стратегий и механизмов социально-экономической адаптации во многом базируется на изучении уровня благосостояния семей и различных групп населения как показателя реальной картины степени приспособления их к складывающимся экономическим условиям. В работе представлены важнейшие тенденции, характеризующие изменения в социально-экономическом положении и поведении домашних хозяйств в контексте происходящих социально-экономических изменений. Освещается динамика, источники и дифференциация доходов и расходов домохозяйств. Приводятся обширные данные, содержащие информацию относительно условий и качества жизни семей, поведения домохозяйств на рынках потребительских благ. Дана обобщенная картина стратификации домохозяйств по благосостоянию, показаны тенденции, раскрывающие различия в уровне доходов, расходов и стандартах потребления между наиболее и наименее обеспеченными семьями. Анализируются особенности и тенденции изменения потребительской активности россиян. Проведенный анализ позволяет лучше понять, как меняется уровень материального благополучия семей, насколько остро переживают россияне нынешнюю непростую социально-экономическую ситуацию и какие ресурсы они могут мобилизовать для противодействия неблагоприятным факторам кризисной среды. Также рассматривается динамика уровня удовлетворенности населения жизнью и оценок жизненных перспектив.

Существенной стороной работы является освещение ряда важных проблем, связанных с развитием рынка труда и трудовым поведением, относящихся к базовым социально-экономическим параметрам, по отношению к которым большинство прочих социальных процессов являются производными. Представленные данные характеризуют динамику экономической активности и уровня безработицы, а также обеспокоенность населения угрозой потери работы и возможности трудоустройства в случае потери рабочего места. Результаты анализа позволяют довольно четко обозначить важные тенденции в решении проблемы трудоустройства, занимающей особое место в формировании стратегий социально-экономической адаптации населения. Подробно анализируются динамика и факторы удовлетворенности трудом, рассмотрены причины прекращения и смены работы, способы поиска новой работы и трудоустройства.

Анализ опирается на информационную базу данных «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (RLMS-HSE)», включающую результаты обследований домохозяйств за период с 1992 по 2013 гг. В основу данной работы положен материал, содержащий сравнительный анализ результатов 22-й волны мониторинга, полученных осенью 2013 г., и результатов предыдущих опросов. Мониторинг проводится по вероятностной, стратифицированной, многоступенчатой территориальной выборке, разработанной при непосредственном участии ведущих мировых экспертов в данной области. Выборка сформирована как репрезентативная на федеральном уровне. Объем выборочной совокупности в 2013 г. составлял 8 440 домохозяйств.

Динамика, структура и дифференциация доходов домохозяйств

С точки зрения экономического развития 2013 г. стал для России одним из самых сложных и напряженных. На протяжении всего года текущая ситуация, складывавшаяся в экономике, давала много поводов для серьезного беспокойства. Большинство экспертов она оценивалась как неблагоприятная и характеризовалась замедлением темпов роста, вызванным как внешними, так и внутренними причинами. По мнению Министра экономического развития РФ А. В. Улюкаева, ситуация в экономике в 2013 г. была худшей с момента мирового кризиса 2008 г.¹ Было отмечено дальнейшее ухудшение динамики экономического развития, которое фиксировалось со второй половины 2012 г. после быстрого, но не продолжительного восстановительного роста 2010–2011 гг. В процессе вовлечения России в острый внешнеполитический кризис у юго-западных границ государства осенью 2013 г. торможение все отчетливее стало приобретать характер стагнации.

Согласно официальным данным, по итогам 2013 г. рост ВВП в России составил только 1,3%, тогда как годом ранее он был почти втрое выше — 3,4%. Со стороны производства это замедление было связано, прежде всего, с неблагоприятной динамикой промышленного производства, оптовой и розничной торговли, строительства, операций с недвижимым имуществом и чистых налогов на продук-

¹ Улюкаев А. В. Застой в экономике России хуже кризиса. Интервью 27.09.2013. URL: <http://newsland.com/news/detail/id/1252999/> (дата обращения: 07.08.2014).

ты. Со стороны использования ВВП замедление роста было обеспечено динамикой потребительской активности населения и динамикой накопления основного капитала. Промышленное производство продемонстрировало всего лишь 0,3% роста (2012 г. – 2,6%), в то время как сельское хозяйство – 6,2% (2012 г. – 4,8%).оборот розничной торговли увеличился на 3,9%, что было, однако, намного меньше, чем 6,3% в 2012 г. По мере сокращения темпов роста производства гораздо реже стали модернизироваться и открываться новые предприятия. Характерно также, что экспорт уменьшился на 1,2% (в 2012 г. был отмечен рост 3,1%), а импорт увеличился на 2,3% (в 2012 г. было 5,3%). Инвестиции в основной капитал снизились на 0,3% после прошлогоднего роста на 6,6%. Одним из ключевых негативных факторов в 2013 г. стало снижение доходов компаний¹.

По данным RLMS-HSE, за период с декабря 2012 г. по декабрь 2013 г. цены выросли более чем на 6%, что было, однако, немного меньше роста, зафиксированного в предыдущем году (около 7%). Необходимо подчеркнуть, что в связи с относительно невысоким уровнем инфляции в течение всего последнего периода, показатели доходов, зарплат и расходов в опросах мониторинга точнее отражают реальные экономические условия, чем в периоды, когда отмечался высокий уровень инфляции. Речь идет о сведениях относительно размера реальных рублевых доходов и расходов, полученных в 1990-х гг., которые должны истолковываться с большой осторожностью. Уровень годовой инфляции за каждые 12 месяцев, начиная с 1996 г., показан на рис. 1. Общий тренд, который демонстрируют последние данные, свидетельствует о постепенной стабилизации инфляции на относительно невысоком уровне. По сравнению с кризисным 2008 г. инфляция снизилась почти вдвое.

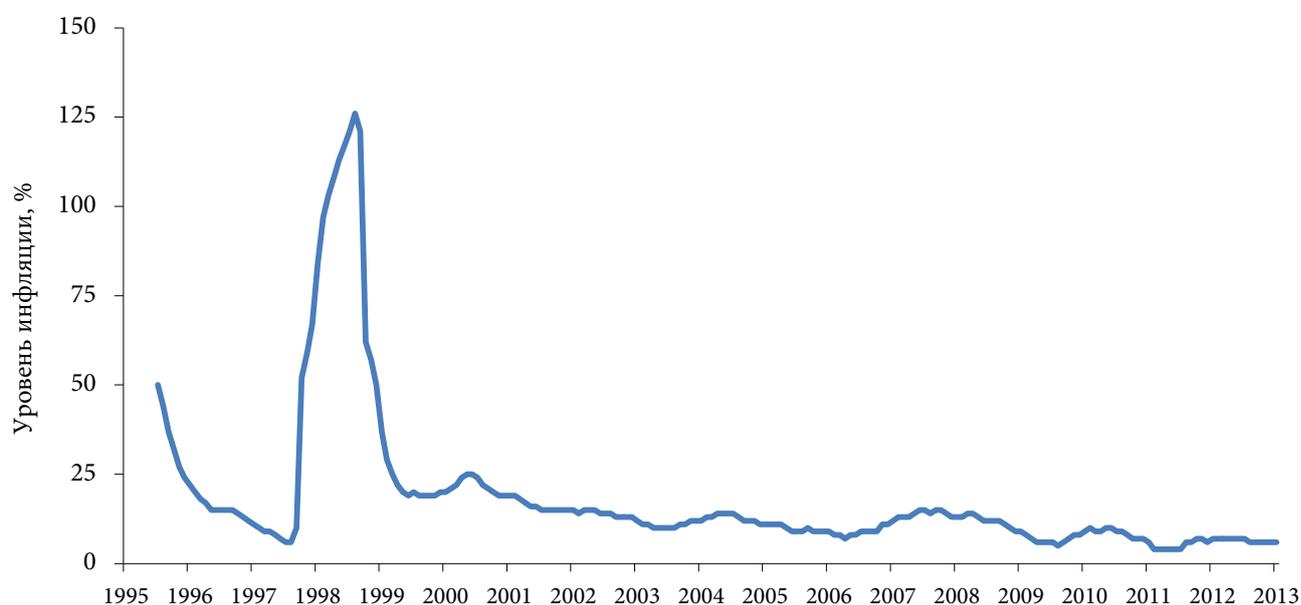

Рис. 1. Годовые (12 месяцев) уровни инфляции, 1996–2013 гг., в % к соответствующему периоду предыдущего года

¹ Об итогах социально-экономического развития Российской Федерации в 2013 г.: Мониторинг. М.: Министерство экономического развития Российской Федерации, 2014. URL: <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depmacro/monitoring2013> (дата обращения: 05.12.2014).

На рис. 2 сравниваются индекс потребительских цен, который отражает изменения общей стоимости жизни для всех россиян, и прожиточный минимум для взрослого мужчины, составленный по среднероссийским ценам, за весь период проведения RLMS-HSE. При обращении к рисунку необходимо иметь в виду, что вертикальная ось представляет собой логарифмическую шкалу. Увеличение значений по этой шкале отражает соответствующие пропорциональные изменения. Как следует из рис. 2, с декабря 2012 по декабрь 2013 г. прожиточный минимум для взрослого мужчины увеличился на 17,3%, что было больше роста общего индекса потребительских цен. Примечательно, что с декабря 2011 по декабрь 2012 г. прожиточный минимум для взрослого мужчины увеличился только на 7,8%.

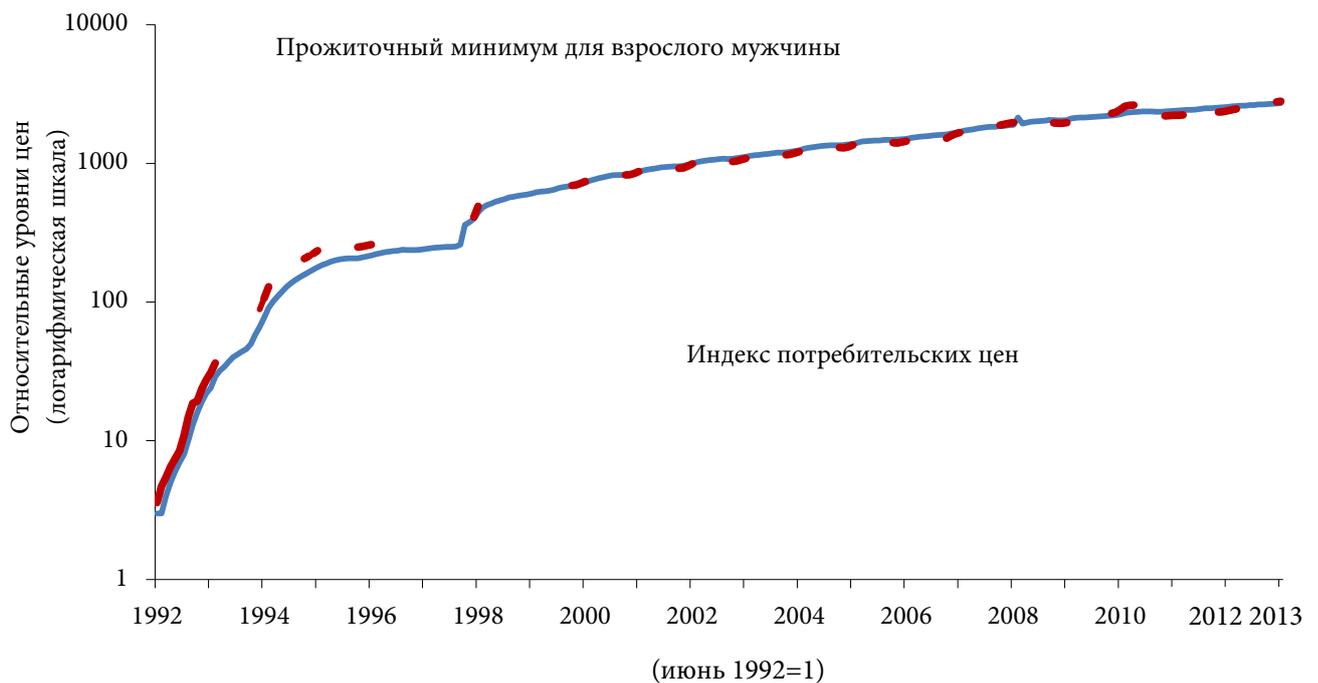

Рис. 2. Уровень цен по месяцам, 1992–2013 гг.

Важно заметить, что согласно данным Федеральной службы государственной статистики (Росстат), по итогам 2013 г. инфляция в России составила 6,5%, что примерно столько же, сколько было в предыдущем году (2012 г. — 6,6%; 2011 г. — 6,1%; 2010 и 2009 г. — 8,8%). При этом рост цен на продовольственные товары составил 7,3%. Это лишь немного меньше, чем 7,5% в 2012 г., но намного больше 3,9%, зафиксированных в 2011 г. Рост цен на продовольственные товары внес основной вклад в инфляцию 2013 г., составивший 2,7 процентного пункта, что примерно столько же, сколько было годом ранее (2,8 процентного пункта). Вместе с тем нельзя не отметить, что если в 2012 г. высокий рост цен на продовольственные товары был обусловлен ростом мировых цен на зерно и продовольствие, то в 2013 г. этот рост происходил на фоне хорошего урожая. Основным фактором сохранения высокого роста цен на продукты стал дефицит и разбалансированность рынков животноводческой продукции. В то же время рост цен на непродовольственные товары в 2013 г. составил 4,5%. Это меньше, чем 5,2%, зафиксированных в 2012 г. и 6,7% — в 2011 г. В целом в 2013 г. прирост цен на непродовольственные товары был самым низким за последние семь лет, что внесло в инфляцию 1,7 процентного пункта (1,9 процентного пункта годом ранее). Низкий рост цен наблюдался в ситуации наличия высоких запасов отдельных непродовольственных

товаров (верхней одежды, обуви, строительных материалов) и вялого растущего спроса. Что касается цен на услуги, то они в 2013 г. выросли почти на 8%, превысив рост 2012 г. (7,3%), но немного не дотянув до показателя 2011 г. (8,7%). Повышение темпов роста цен на услуги увеличило их вклад в инфляцию до 2,1 процентного пункта (год назад было 1,9 процентного пункта).

На фоне снижения темпов роста основных экономических показателей, результаты Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения демонстрировали крайне медленный рост реальных доходов домохозяйств¹. Как следует из данных RLMS-HSE, приведенных в таблице 1, в 2013 г. по сравнению с 2012 г. совокупный доход российских домохозяйств увеличился на символические 0,6%, тогда как в предыдущем году был выявлен существенный рост, достигающий 7,3%². По сравнению с 1998 г., когда было зафиксировано минимальное значение, обусловленное последствиями жесткого финансово-экономического кризиса, этот рост составил 3,2 раза.

Таблица 1

Структура совокупного дохода домохозяйств, 1999–2013 гг., в руб. декабря 2013 г.

Источники дохода	1992	1998	2004	2008	2009	2011	2012	2013
Доход от работы на государственных предприятиях	9903	3149	5807	9871	8797	9661	10 147	10 807
Доход от работы на частных предприятиях	625	1516	5465	10 337	9700	10 799	10 674	10 787
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	1267	910	1364	1545	1377	1301	1108	1151
Общий доход от заработной платы	11 794	5575	12 637	21 897	19 874	21 971	22 151	22 745
Государственные трансфертные платежи	3278	2363	4279	7054	7974	8597	9878	10 027
Денежный доход от домашнего производства и неформального сектора	1318	1035	2146	3137	2309	1762	2119	2475
Натуральный доход от домашнего производства и неформального сектора	1367	1850	996	1076	1570	810	830	939
Доход от продажи личного имущества	913	332	544	342	334	337	220	311
Доход от сдачи личной собственности в аренду	15	29	95	171	156	164	198	211
Дивиденды	0	56	486	93	49	51	95	282
Помощь от родственников и благотворительная помощь	2519	935	1386	2917	1616	2302	2087	2377
Общая сумма месячного дохода	21 202	12 175	22 569	37 243	35 147	36 462	39 133	39 367

¹ Под «домохозяйством» или «семьей» в данном исследовании понимаются люди, проживающие вместе и имеющие общие доходы и расходы.

² В представленной работе размер доходов, расходов и платежей за все годы проведения опросов приведен в ценах декабря 2013 г.

По данным Росстата, за 2013 г. рост доходов населения в реальном выражении (доходы за вычетом обязательных платежей, скорректированные на индекс потребительских цен) составил 3,2%, тогда как за 2012 г. доходы увеличились на 4,6%, в 2011 г. — всего лишь на 0,5%, а в 2010 г. — на 5,9%. В течение года реальные располагаемые денежные доходы населения демонстрировали достаточно устойчивую негативную динамику с постепенным снижением темпов роста — с 5,6% в I квартале до 2,6% в IV квартале 2013 г. относительно соответствующих периодов 2012 г. Реальные располагаемые денежные доходы россиян в декабре 2013 г. по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года увеличились на 1,5%, тогда как по сравнению с ноябрем 2013 г. — на 38,1%. В номинальном выражении среднедушевые денежные доходы в 2013 г. составили в среднем 25 тыс. 647 руб., увеличившись на 10,5% по сравнению с 2012 г. В 2012 г. рост доходов по сравнению с 2011 г. составил 11%. При этом в декабре 2013 г. среднедушевые доходы составили 38 тыс. 712 руб., увеличившись на 9% по сравнению с декабрем 2012 г. и на 44,1% по сравнению с ноябрем 2013 г. (в силу известных причин в декабре доходы и зарплаты существенно выше, чем в среднем за год).

По данным RLMS-HSE, в 2013 г., как и во все предыдущие годы, доминирующее положение в структуре доходов российских домохозяйств занимали доходы от заработной платы и государственных трансфертных платежей, т. е. социальных трансфертов, которые предоставляются населению из федеральных, региональных и местных бюджетов, государственных внебюджетных социальных фондов (пенсии, стипендии, социальные пособия, компенсационные выплаты, льготы и т. п.). Причем в 2013 г. общий реальный доход домохозяйств от заработной платы увеличился на 2,7% в сравнении с 2012 г., достигнув нового максимума. И это было втрое больше, чем 0,8% роста в предыдущем году и лишь немного больше, чем 2,2% роста, которые были зафиксированы двумя годами ранее. Характерно, что по сравнению с непростым 2009 г. рост реального дохода российских домохозяйств от заработной платы составил 14,4%.

К росту зарплат и доходов во многом привели меры правительства по наращиванию оплаты труда в бюджетной сфере. Пик целевого роста заработной платы в бюджетном секторе пришелся на первое полугодие 2012 г., когда была проведена реформа оплаты труда военнослужащих и работников полиции. Согласно официальным данным, в этот период прирост заработной платы работников бюджетной сферы в реальном выражении достиг 18,5 %, но к первому полугодью 2013 г. он снизился до 11,1%. В 2013 г. бюджетные секторы обеспечили около половины прироста зарплат в экономике в реальном выражении. Заработная плата чиновников не только намного превышала среднюю зарплату, но и росла быстрее.

По данным Росстата, в 2013 г. среднемесячная номинальная начисленная заработная плата в целом по экономике составила 29 792 руб., что на 12% больше, чем в 2012 г. Дифференциация размера среднемесячной заработной платы отражала структурные особенности российской экономики. Самая высокая оплата труда отмечалась в отраслях, связанных с добычей топливно-энергетических полезных ископаемых (61 084,1 руб., что на 6,8% больше, чем в 2012 г.), производством кокса и нефтепродуктов (64 760,1 руб.; рост — 9,4%), финансовой деятельностью (63 333 руб.; рост — 7,3%), тогда как наименьшая — в сельском хозяйстве (15 724 руб.; рост — 11,3%), текстильном и швейном производстве

(13 488,5 руб.; рост – 11,5%), производстве кожи, изделий из кожи и производстве обуви (14 725,1 руб.; рост – 12%). В образовании и здравоохранении зарплаты были ниже среднего уровня по стране и составляли соответственно 23 457,9 руб. (рост – 23,5%) и 24 438,6 руб. (рост – 18%).

Согласно RLMS-HSE, в 2013 г. доход от работы на государственных предприятиях лишь немного превысил доход от работы на частных предприятиях, тогда как годом ранее наблюдалась несколько иная картина. Так, в 2013 г. исключительно из частных источников поступало 47,4% всех доходов домохозяйств от заработной платы, тогда как исключительно из государственных – 47,5%. В 2012 г. эти доли составляли соответственно 45,8 и 48,2%. При этом доход от работы на государственных предприятиях за последний год вырос на 6,5%, в то время как доход от работы на частных предприятиях – на 1,1%. Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности увеличился на 3,9%, оставаясь, однако, на 11,5% ниже уровня 2011 г. и на 25,5% ниже значения, зафиксированного в кризисном 2008 г.

В 2013 г. по сравнению с 2012 г. государственные трансфертные платежи увеличились всего лишь на 1,5%. И это было намного меньше, чем 14,9% роста, зафиксированных в 2012 г. по сравнению с 2011 г. Рост государственных трансфертных платежей обеспечивался главным образом повышением пенсий, составляющих основную часть трансфертов.

В 2013 г. трудовые пенсии повышались 2 раза. С 1 февраля их увеличили на 6,6%. Затем с 1 апреля была осуществлена доиндексация трудовых пенсий в связи с ростом доходов Пенсионного фонда Российской Федерации в 2012 г. в расчете на одного пенсионера. Эта мера повысила трудовые пенсии еще на 3,3%. В апреле 2013 г. на 1,81% были повышены пенсии по государственному пенсионному обеспечению, а также на 5,5% были увеличены размеры ежемесячной денежной выплаты федеральным льготникам. В августе 2013 г. был проведен очередной перерасчет трудовых пенсий работающих пенсионеров с учетом поступивших в 2012 г. страховых взносов на обязательное пенсионное обеспечение от их работодателей.

Все эти меры в целом привели к росту за 2013 г. среднего размера назначенной месячной пенсии за год на 9,7%, в результате чего средний размер начисленной пенсии за год сформировался на уровне 9918 руб. в месяц. Прирост среднего реального размера пенсий составил 2,8%. Повышение размеров трудовых пенсий коснулось 37,4 млн человек. Средний размер трудовых пенсий с учетом дополнительного увеличения составил 10 236 руб., трудовой пенсии по старости – 10 645 руб., пенсии по инвалидности – 6651 руб. и пенсии по случаю потери кормильца – 6550 руб.

Значительным в последние годы был рост денежного дохода от домашнего производства и неформального сектора, который в 2012 г. составил 20,3%, а в 2013 г. – 16,8%. Но даже после такого существенного роста размер этого дохода оставался на 21% меньше, чем уровня 2008 г., когда было отмечено его наибольшее значение. Что касается натурального дохода от домашнего производства и неформального сектора, то он за последний год увеличился на 13,1%. И это существенно больше, чем 2,5% роста, выявленных годом ранее. В 2013 г. размер данного дохода оставался в 1,7 раза ниже уровня 2009 г. и почти в 2 раза ниже уровня 1998 г. В результате действия указанных тенденций совокупный доход домашних хозяйств (денежного и натурального) от домашнего производства и неформального сек-

тора вырос за последний год на 15,8%, а за ближайшие два года — почти на треть, а именно на 32,7%. Хотя при этом нельзя не отметить, что в 2013 г. данный доход был все же на 12% меньше, чем в 2009 г.

Анализ результатов мониторинга выявил в 2013 г. рост дохода российских домохозяйств от помощи родственников и благотворительной помощи (частных трансфертов) на 13,9%, который последовал после снижения на 9,3% в предыдущем году. В результате этого роста доход от помощи родственников и благотворительной помощи достиг одного из самых высоких значений за все время наблюдений в рамках мониторинга. В 2013 г. он был на 18,5% меньше значения, зафиксированного в 2008 г., и на 5,4% меньше, чем в 1992 г.

К важным и интересным результатам мониторинга, полученным в ходе последнего опроса, следует отнести также существенное увеличение размера дохода российских домохозяйств от продажи личного имущества и дохода от сдачи личной собственности в аренду. Так, в 2013 г. по сравнению с 2012 г. доход от продажи личного имущества и вещей увеличился на 41,4%, тогда как годом ранее было отмечено сокращение на 34,7%. В то же время доход домохозяйств от сдачи личной собственности в аренду продолжил свой поступательный рост, увеличившись за последний год на 6,6%, и достиг самого высокого значения за все время наблюдений в рамках мониторинга. В результате такого стремительного роста докризисный максимум, отмеченный в 2008 г., был превышен почти на четверть, а именно на 23,4%.

Помимо указанных изменений отмечен также резкий рост дивидендов, достигающий трех раз. Но, рассматривая эти данные, важно помнить, что в сравнении с другими источниками дохода домохозяйств дивиденды в наибольшей мере подвержены ежегодным колебаниям. В решающей мере это объясняется тем, что лишь некоторые респонденты в ходе опросов указывали значения данного источника дохода, тогда как абсолютное большинство опрошенных постоянно сообщали, что они не имеют доходов в виде дивидендов или страховых платежей.

В целом с 2009 г., когда было отмечено снижение всех анализируемых показателей, обусловленное втягиванием России и глобальный финансово-экономический кризис, по 2013 г. общая сумма месячного дохода российских домохозяйств выросла приблизительно на 12%. При этом общий доход домашних хозяйств от заработной платы увеличился на 14,4%. Наиболее высокими темпами рос доход домохозяйств от работы на предприятиях государственного сектора, который за указанный период увеличился на 22,8%, тогда как доход от работы на частных предприятиях — только на 11,2%, а доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности сократился на 16,4%. Достаточно высокими темпами росли также государственные трансфертные платежи, которые за 2009–2013 гг. увеличились более чем на четверть, а именно на 25,7%. Что касается частных трансфертов (помощь от родственников, друзей, знакомых и благотворительная помощь), то они росли еще быстрее, чем государственные трансферты, увеличившись на 47%. Обращает на себя внимание также тот интересный факт, что, если величина месячного денежного дохода от домашнего производства и неформального сектора за анализируемый период увеличилась на 7,2%, то величина аналогичного натурального дохода сократилась почти на 40%. Среди других важных изменений выделим увеличение дохода от сдачи личной собственности в аренду на 35% и стремительный рост дивидендов в 5,8 раза.

Данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения, отражающие процентное соотношение различных источников дохода домохозяйств в период с 1992 по 2013 г., очень ясно показывают, что основными источниками доходов населения являются заработная плата и государственные трансфертные платежи, значимость которых за время наблюдений существенно увеличилась (см. таблицу 2, рис. 3–6¹). Если в 1996–1998 гг. на долю доходов от данных источников приходилось две трети, а именно около 66% совокупного дохода российских домохозяйств, то в 2013 г. – 86,4%, т. е. на 20,4 процентного пункта больше. В 2013 г. доля дохода от заработной платы и государственных трансфертных платежей была на 0,3 процентного пункта больше, чем в 2012 г., и всего лишь на 0,1 процентного пункта меньше максимального значения, зафиксированного в 2011 г.

Таблица 2

Распределение доходов по источникам, 1992–2013 гг., %

Источники дохода	1992	1996	1998	2004	2008	2009	2011	2012	2013
Доход от работы на государственных предприятиях	41,5	22,9	22,3	22,9	23,9	22,9	24,0	23,3	24,1
Доход от работы на частных предприятиях	2,3	9,2	8,0	16,9	21,1	21,3	24,1	21,5	21,4
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	5,1	6,8	5,3	4,7	3,3	3,5	3,0	2,4	2,3
Общий доход от заработной платы	48,9	38,9	35,6	44,5	48,3	47,7	51,1	47,2	47,8
Государственные трансфертные платежи	30,9	27,1	30,9	34,7	34,6	36,4	35,4	38,9	38,6
Денежный доход от домашнего производства и неформального сектора	1,6	6,5	5,6	7,1	5,3	5,2	3,9	4,3	4,2
Натуральный доход от домашнего производства и неформального сектора	7,8	15,9	17,8	5,5	3,9	3,8	2,6	2,4	2,6
Доход от продажи личного имущества	1,2	1,3	1,0	0,5	0,4	0,4	0,4	0,4	0,2
Доход от сдачи личной собственности в аренду	0,0	0,1	0,2	0,3	0,3	0,3	0,3	0,4	0,4
Дивиденды	-	0,6	0,3	0,3	0,3	0,1	0,1	0,2	0,3
Помощь от родственников и благотворительная помощь	9,7	9,6	8,5	7,1	6,9	6,1	6,3	6,2	5,9
Общая сумма месячного дохода	100								

¹ Данные, приведенные в таблице 2 и на рис. 3–6, основаны на средних данных о структуре дохода по домохозяйствам и не могут быть напрямую выведены из данных о среднем доходе, содержащихся в таблице 1. При использовании цифр из таблицы 1 соотношение среднего дохода из одного источника к среднему доходу в целом будет соответствовать средневзвешенным долям дохода домохозяйства, где веса пропорциональны общему доходу каждого домохозяйства.

Характерно, что в 2013 г. доля дохода домохозяйств от заработной платы превысила долю дохода от государственных трансфертных платежей на 9,2 процентного пункта, что немного больше, чем в 2012 г. (8,3%), но существенно меньше, чем в 2011 г. (15,7%). Наибольшим данный разрыв был в 1992 г. и 1993 г., когда он достигал соответственно 18 и 18,7 процентного пункта, а наименьшим – в 1995 и 2000 г., когда разница составляла соответственно 3,4 и 3,9 процентного пункта. Подобные изменения свидетельствуют о том, что если в самом начале 1990-х гг. заработная плата играла гораздо большую роль в обеспечении жизнедеятельности семей, чем трансфертные платежи, то к середине десятилетия значимость этих источников дохода подровнялась. Однако после 2000г. данное расхождение стало вновь нарастать и достигло в 2007 г. своего максимума, составляющего 17,2 процентного пункта.

Подробные данные, характеризующие общую динамику изменения удельного веса доходов от заработной платы и государственных трансфертных платежей в совокупном доходе российских домохозяйств, представлены на рис. 3. Они, в частности, показывают, что с 2000 по 2013 г. доля дохода от заработной платы увеличилась с 38,2 до 47,8%, т. е. на 9,6 процентного пункта, в то время как доля дохода от государственных трансфертных платежей – с 34,3 до 38,6%, т. е. только на 4,3 процентного пункта. При этом хорошо заметно, что если до начала финансово-экономического кризиса значимость дохода от заработной платы повышалась, а весомость дохода от государственных трансфертных платежей снижалась, то с началом кризиса их динамика приобрела неустойчивый, но четко выраженный волнообразный характер.

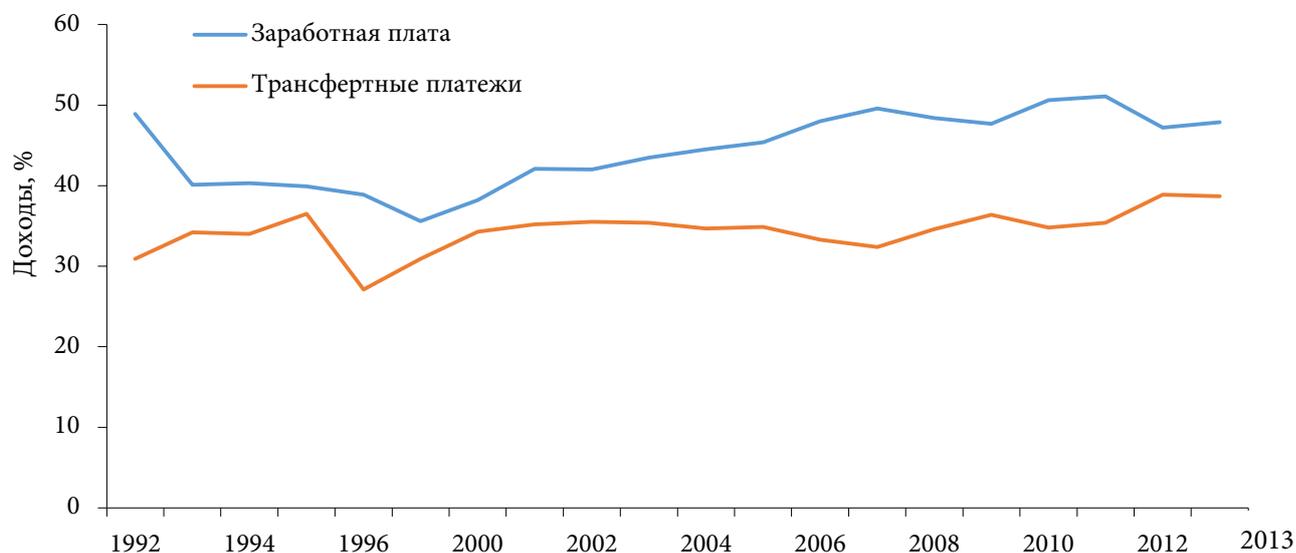

Рис. 3. Распределение доходов по источникам: заработная плата, трансфертные платежи, %

Как следует из рис. 4, доля дохода домохозяйств от работы на предприятиях государственного сектора после снижения в 2012 г. по сравнению с 2011 г. на 0,7 процентного пункта (с 24 до 23,3%), в 2013 г. вновь увеличилась до 24,1%, т. е. на 0,8 процентного пункта. В то же время доли дохода домохозяйств от работы на частных предприятиях и на предприятиях смешанной формы собственности за последний год практически не изменились. Но если обратиться к более длительным тенденциям, то можно увидеть, что с 1998 по 2011 г. доля дохода от работы на частных предприятиях выросла в 3 раза – с 8 до 24,1%, но затем снизилась к концу

2013 г. на 2,7 процентного пункта. В результате указанных изменений весомость дохода от работы на предприятиях частного сектора, достигшая в 2011 г. уровня значимости дохода от работы на государственных предприятиях, вновь снизилась. Что касается доли дохода от работы на предприятиях смешанной формы собственности, то она с 2000 по 2013 г. довольно последовательно сократилась более чем в 2,5 раза – с 6,1 до 2,3%.

За последний год доля дохода домашних хозяйств из государственных или смешанных частно-государственных источников, включая заработные платы и социальные трансферты, увеличилась на 0,4 процентного пункта, продолжая прежнюю тенденцию. В целом с 2008 по 2013 г. доля дохода от данных источников выросла с 61,8 до 65%, т. е. на 3,2 процентного пункта. Заметим, что наибольшим данный показатель был в уже далеком 1992 г. (77,5%), тогда как наименьшим – в 1996 г. и 1998 г. (соответственно 56,8 и 58,5%).

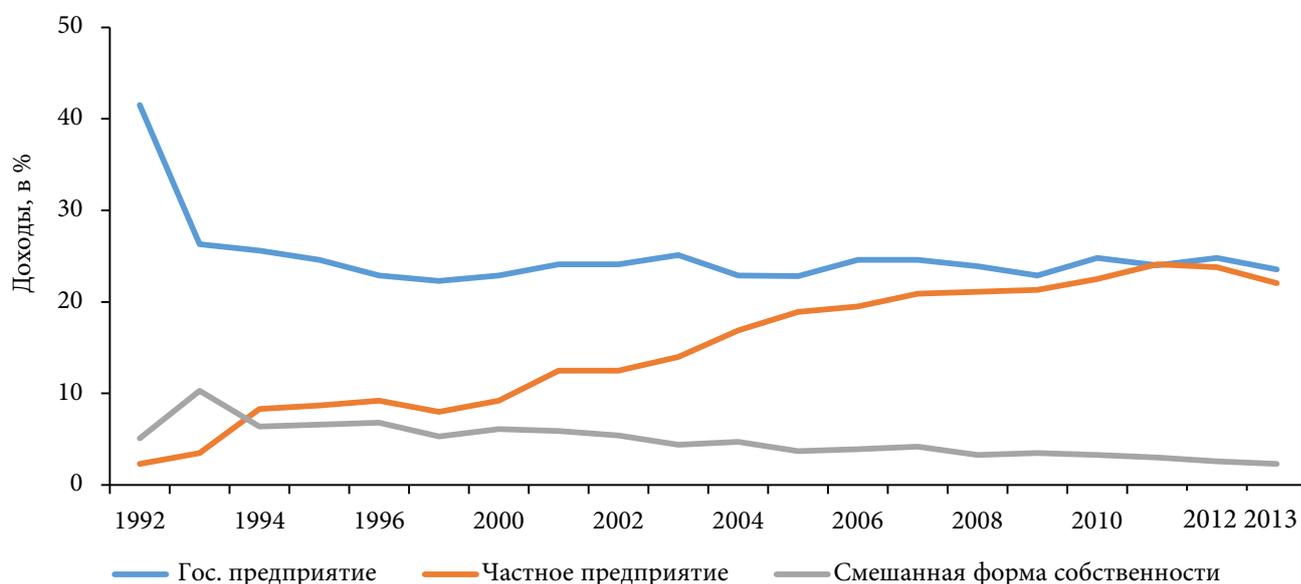

Рис. 4. Распределение доходов, по источникам: государственные, частные предприятия, предприятия смешанной формы собственности, %

Данные, приведенные на рис. 5, свидетельствуют об определенной стабилизации значимости таких видов дохода в формировании совокупного дохода российских домохозяйств, как денежный и натуральный доход от домашнего производства и неформального сектора, а также помощь от родственников и благотворительная помощь. Так, в 2013 г. по сравнению с 2012 г. доля денежного дохода от домашнего производства и неформального сектора сократилась всего лишь на 0,1 процентного пункта (с 4,3 до 4,2%), доля натурального дохода от домашнего производства и неформального сектора увеличилась на 0,2 процентного пункта (с 2,4 до 2,6%), а доля дохода от помощи родственников и благотворительной помощи сократилась на 0,3 процентного пункта (с 6,2 до 5,9%). Но если обратиться к данным, характеризующим длительные тенденции, то можно увидеть постепенное снижение значений всех этих показателей. Так, с 2000 по 2013 г. доля денежного дохода от домашнего производства и неформального сектора сократилась почти вдвое (с 7,5 до 4,2%), доля соответствующего натурального дохода снизилась почти в 4,5 раза (с 11,5 до 2,6%), доля частных трансфертов – в 1,2 раза (с 7,3 до 5,9%).

В целом значимость дохода от частных трансфертов в формировании совокупного дохода российских домохозяйств оказывается в последние годы примерно такой же, как значимость общего дохода (денежного и натурального) от домашнего производства и неформального сектора, хотя еще в самом начале 2000-х гг. их весомость была приблизительно одинаковой (от 6 до 8%).

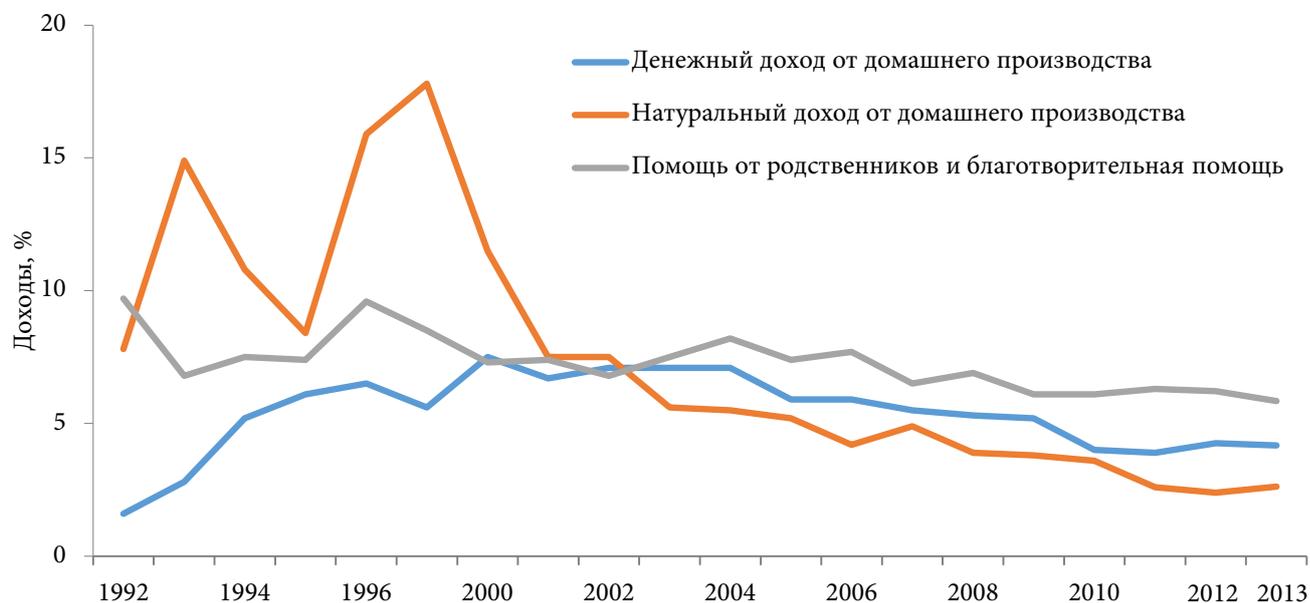

Рис. 5. Распределение доходов по источникам: денежный и натуральный доходы от домашнего производства, помощь родственников и благотворительная помощь, %

Что касается наименее весомых источников дохода (доход от продажи личного имущества, доход от сдачи личной собственности в аренду и дивиденды), то их значимость в формировании совокупного дохода российских домохозяйств на протяжении последних лет менялась не значительно. Как следует из данных мониторинга, представленных на рис. 6, в течение 2006–2013 гг. суммарная доля дохода от этих источников не превышала 1%. Самым большим данный показатель был в середине 1990-х гг., когда он составлял около 2%.

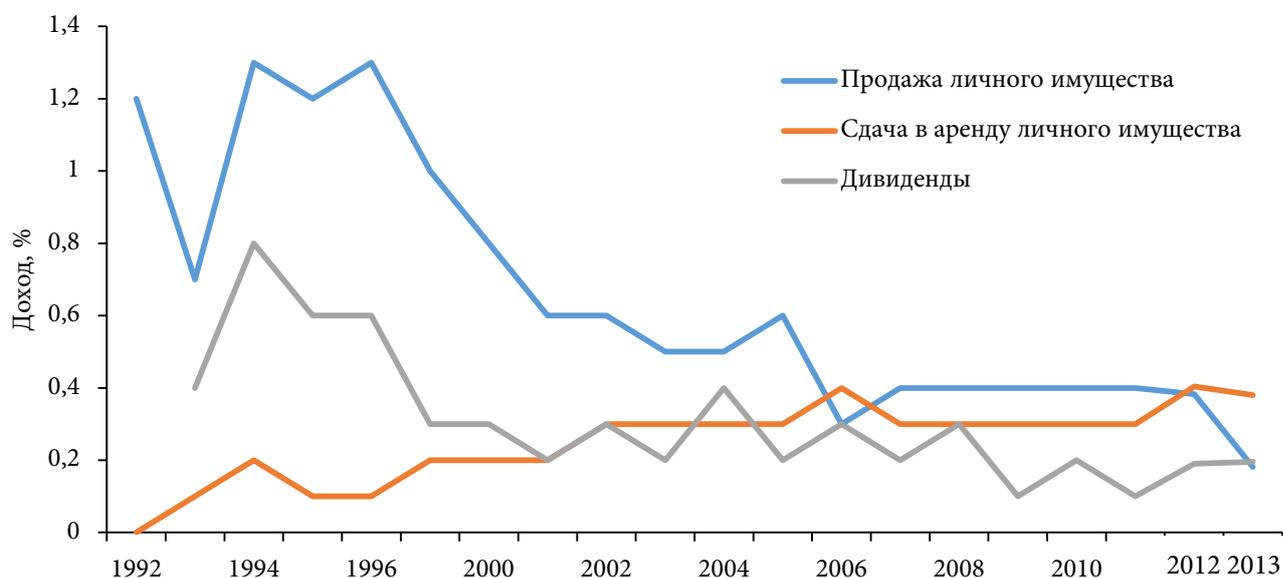

Рис. 6. Распределение доходов по источникам: продажа и сдача в аренду личного имущества, дивиденды, %

В таблице 3 представлены данные о процентном соотношении обследованных домашних хозяйств, имеющих доходы из рассматриваемых источников. Они, в частности, показывают, что удельный вес домохозяйств с каким-либо доходом от заработной платы после сокращения в 2012 г. по сравнению с 2011 г. на 4 процентных пункта (с 69,9 до 65,9%), в 2013 г. увеличился до 66,7%, т. е. на 0,8 процентного пункта. Характерно, что с 1998 по 2010 г. доля таких домашних хозяйств выросла с 57,6 до 71,4%, т. е. на 13,8 процентного пункта, вплотную приблизившись к максимальному значению, зафиксированному в 1992 г. (72,4%).

Таблица 3

Доля домохозяйств с доходом из данного источника, 1992–2013 гг., %

Источники дохода	1992	1996	1998	2014	2008	2009	2011	2012	2013
Доход от работы на государственных предприятиях	64,9	41,2	42,1	43,0	44,7	42,7	44,0	42,7	43,2
Доход от работы на частных предприятиях	5,3	16,6	16,0	28,4	35,7	35,9	38,9	35,5	35,2
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	10,5	12,4	10,7	9,0	6,8	7,2	5,7	4,9	4,8
Общий доход от заработной платы	72,4	59,2	57,6	64,1	67,2	67,7	69,9	65,9	66,7
Государственные трансфертные платежи	86,5	54,8	60,3	76,8	73,1	74,1	68,9	72,6	72,0
Денежный доход от домашнего производства и неформального сектора	15,2	24,9	24,1	24,4	17,8	18,3	14,8	15,9	15,0
Натуральный доход от домашнего производства и неформального сектора	56,3	60,0	62,9	50,5	44,3	46,4	37,9	40,3	39,3
Доход от продажи личного имущества	3,8	3,2	2,8	1,4	0,9	1,3	1,1	1,1	0,6
Доход от сдачи личной собственности в аренду	0,2	0,3	0,6	1,3	1,5	1,2	1,3	1,6	1,7
Дивиденды	-	1,8	1,1	1,1	1,0	0,8	0,9	1,2	2,1
Помощь от родственников и благотворительная помощь	34,7	25,9	25,5	29,0	27,8	26,3	27,5	26,0	25,8

Дальнейший анализ показал, что среди домашних хозяйств, получающих какой-либо доход от заработной платы, как и прежде, преобладают домохозяйства с доходом от работы на предприятиях государственного сектора. В 2013 г. по сравнению с 2012 г. их доля немного выросла – с 42,7 до 43,2%, т. е. всего лишь на 0,5 процентного пункта. В целом значения данного показателя на протяжении более чем пятнадцати лет менялись незначительно, отклоняясь то в одну, то в другую сторону. В то же время удельный вес домашних хозяйств, члены которого получают доход от трудовой деятельности на предприятиях частного сектора, продолжил

в 2013 г. сокращение, начатое в 2011 г. За два года он уменьшился на 3,7 процентного пункта (с 38,9 до 35,2%), в том числе за последний год — на 0,3 процентного пункта. Это сокращение было выявлено впервые после длительного периода последовательного нарастания удельного веса домохозяйств, получающих доход от работы на частных предприятиях. С 1992 по 2011 г. их доля увеличилась с 5,3 до 38,9%, т. е. более чем в 7 раз. Данное нарастание происходило довольно ровными темпами, за исключением наиболее сложных кризисных лет. На фоне указанных изменений наиболее стабильной выглядит тенденция поступательного сокращения удельного веса домохозяйств, имеющих доход от работы членов семьи на предприятиях смешанной формы собственности — с 12,4% в 1996 г. до 4,8% в 2013 г., т. е. более чем в 2,5 раза. При этом за последний год их доля уменьшилась всего лишь на 0,1 процентного пункта.

Удельный вес домохозяйств, имеющих доход от государственных трансфертных платежей, в 2013 г. по сравнению с 2012 г. уменьшился не существенно — на 0,6 процентного пункта (с 72,6 до 72%). Этому небольшому сокращению предшествовало увеличение в 2012 г. на 3,7 процентного пункта доли рассматриваемых домохозяйств, выявленное впервые после длительного периода поступательного уменьшения на 7,9 процентного пункта (с 76,8 в 2004 г. до 68,9% в 2011 г.).

Доли домохозяйств, получающих денежный и натуральный доход от домашнего производства и неформального сектора, после увеличения в предыдущем году, в 2013 г. вновь сократились. Так, за последний год денежный доход от данного источника уменьшился на 0,9 процентного пункта (с 15,9 в 2012 г. до 15% в 2013 г.), тогда как натуральный доход — на 1 процентный пункт (соответственно с 40,3 до 39,3%). Характерно, что с 2009 по 2011 г. удельный вес домашних хозяйств, получающих денежный доход от домашнего производства и неформального сектора, сократился с 18,3 до 14,8%, т. е. на 3,5 процентного пункта, но в 2012 г. вновь увеличился, но только до 15,9%, т. е. всего лишь на 1,1 процентного пункта. В то же время доля домашних хозяйств, имеющих соответствующий натуральный доход, за 2009–2011 гг. уменьшилась с 46,4 до 37,9%, т. е. на 8,5 процентного пункта, тогда как в 2012 г. увеличилась на 2,4 процентного пункта — до 40,3%.

Отмеченное выше сокращение доли дохода от помощи родственников, надежных друзей и благотворительной помощи в совокупном доходе домашних хозяйств в последние годы сопровождалось некоторым уменьшением удельного веса домохозяйств, получающих доход от данного источника. Так, с 2011 по 2013 г. удельный вес таких домохозяйств сократился с 27,5 до 25,8%, т. е. на 1,7 процентного пункта, в том числе за последний год всего лишь на 0,2 процентного пункта. Этому снижению предшествовал рост удельного веса домашних хозяйств, использующих в качестве одного из источников дохода какую-либо материальную помощь от своих родственников, хороших друзей и благотворительную помощь, на 2 процентных пункта (с 25,5 в 2010 г. до 27,5% в 2011 г.). Но в целом доля домашних хозяйств, получающих доход от данного источника, меняется не существенно.

Заслуживает внимания увеличение доли домашних хозяйств, получающих дивиденды, на 0,9 процентного пункта — с 1,2% в 2012 г. до 2,1% в 2013 г. Это увеличение продолжило общую тенденцию роста удельного веса домохозяйств, имеющих доход в качестве дивидендов, которая прослеживается с 2009 г. Аналогичная тенденция наблюдалась также в отношении изменения удельного

веса домохозяйств, получающих доход от сдачи личной собственности в аренду. Как показал анализ, она увеличилась на 0,5 процентного пункта — с 1,2% в 2009 г. до 1,7% в 2013 г. И в то же время доля домохозяйств с доходом от продажи личного имущества за последний период сократилась с 1,3% в 2009 г. до 0,6% в 2013 г., т. е. на 0,7 процентного пункта.

Сведения о доходах обследованных домохозяйств, которые дифференцированы по квинтилям душевого дохода, за 2013 г. представлены в таблице 4. Анализ данных показал, что изменения, которые произошли в 2013 г. в величине доходов домохозяйств, принадлежащих к различным квинтильным группам, способствовали ослаблению материального неравенства. Так, в то время когда доходы домохозяйств самого богатого квинтиля сократились на 5%, доходы домохозяйств, принадлежащих к первым четырем квинтилям, увеличились на 3,4–5,1%.

Таблица 4

Распределение источников дохода в зависимости от квинтилей душевого дохода, декабрь 2013 г., %

Источники доходов	Нижний 20	21–40	41–60	61–80	Верхний 20
Доход от работы на государственных предприятиях	26,9	20,0	20,5	23,1	30,0
Доход от работы на частных предприятиях	17,4	19,3	18,7	22,9	28,9
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	1,9	2,4	1,9	2,7	2,6
Общий доход от заработной платы	46,2	41,8	41,1	48,6	61,5
Государственные трансфертные платежи	35,5	46,7	47,8	40,2	23,0
Денежный доход от домашнего производства и неформального сектора	5,8	3,6	3,5	3,3	4,8
Натуральный доход от домашнего производства и неформального сектора	4,0	2,8	2,2	2,2	1,8
Доход от продажи личного имущества	0,1	0,0	0,2	0,0	0,7
Доход от сдачи личной собственности в аренду	0,2	0,3	0,2	0,4	0,8
Дивиденды	0,2	0,0	0,2	0,2	0,6
Помощь от родственников и благотворительная помощь	8,0	4,8	4,8	5,0	6,8
Средняя сумма месячного дохода, декабрь 2013 г. (в руб. 2013 г.)	18 716	27 422	32 579	42 759	75 367
Общий доход от заработной платы, декабрь 2012 г.	45,3	42,8	39,3	47,9	60,8
Государственные трансфертные платежи, декабрь 2012 г.	35,2	46,5	50,7	39,3	23,0
Средняя сумма месячного дохода, декабрь 2012 г. (в руб. 2013 г.)	17 811	26 220	31 461	40 880	79 298

Примечательно, что если в течение 2009–2011 гг. для российских домохозяйств всех квинтилей наиболее значимым источником дохода являлась заработная плата, то в 2012–2013 гг. для домохозяйств второго и третьего квинтилей наибо-

лее весомым источником дохода стали государственные трансфертные платежи. Вместе с тем во все годы межкризисного периода (1999–2008 гг.) заработная плата выступала важнейшим источником дохода только для наиболее обеспеченных домашних хозяйств, тогда как для наименее обеспеченных домохозяйств таким источником дохода являлись пенсии, стипендии, социальные пособия, льготные выплаты из государственных источников и другие виды государственных трансфертных платежей. При этом довольно четко прослеживается закономерность, свидетельствующая о том, что чем выше доходы домохозяйства, тем в большей мере они обеспечиваются за счет заработной платы. Так, в 2013 г. на долю дохода от заработной платы у домохозяйств четвертого и пятого квинтилей приходилось соответственно 48,6 и 61,5%, тогда как у домохозяйств первых трех квинтилей – только от 41,1 до 46,2%.

За последний год значимость заработной платы как источника дохода для домохозяйств всех квинтилей изменилась очень мало. Наиболее весомым для них являлся доход от работы на государственных предприятиях. Немного уступал этому виду дохода по значимости доход от работы на частных предприятиях и совершенно незначительным являлся доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности. Все перечисленные виды дохода от заработной платы играли наиболее существенную роль в формировании доходов домохозяйств самого верхнего квинтиля. И их роль в данном случае изменилась совершенно незначительно.

Практически не изменились за последний год также доли дохода домохозяйств, принадлежащих к разным квинтилям, от государственных трансфертных платежей. В 2013 г. трансфертные платежи составили около 47–48% совокупного дохода домашних хозяйств второго и третьего квинтилей, немногим более 40% дохода домохозяйств четвертого квинтиля, около 36% дохода домохозяйств первого квинтиля и только 23% дохода домашних хозяйств самого богатого квинтиля.

В 2013 г., как и прежде, денежные и натуральные доходы от домашнего производства и неформального сектора были наиболее значимы для формирования бюджетов самых бедных домохозяйств, попадающих в первую квинтильную группу (соответственно 5,8 и 4%). Обращает на себя внимание также тот факт, что сравнительно высока была роль денежного дохода от домашнего производства и неформального сектора в совокупном доходе домохозяйств самого богатого квинтиля (4,8%). Подобная картина наблюдалась также в отношении такого источника дохода, как помощь родственников и благотворительная помощь (домохозяйства первого квинтиля – 8%, домохозяйства пятого квинтиля – 6,8%). Получение доходов от продажи личного имущества, от сдачи в аренду личной собственности и в виде дивидендов в наибольшей мере характерно для домохозяйств верхнего квинтиля.

К важным последствиям финансово-экономического кризиса следует отнести существенное сокращение разрыва в доходах между наиболее состоятельными, обеспеченными и бедными слоями населения. Если с 2006 по 2008 г. разрыв в доходах между домохозяйствами верхнего и нижнего квинтилей вырос с 6 до 6,7 раза, то в 2009 г. он сократился до 5,3 раза, в 2010 г. до 4,3 раза и в 2011 г. до 4,1 раза. В 2012 г. было выявлено некоторое повышение данного показателя до 4,5 раза, которое, однако, уже в следующем 2013 г. сменилось снижением до 4 раз. По уровню доходов самым большим является отрыв верхнего квинтиля от

ближайшего четвертого, который с 2008 по 2011 г. сократился с 2,2 раза до 1,8 раза. В 2012 г. был выявлен новый рост этого разрыва до 2 раз, который, однако, в 2013 г. сменился снижением до 1,8 раза. При этом в 2013 г., как и в 2011–2012 гг., отрыв домохозяйств второго квинтиля от домохозяйств нижнего квинтиля составил 1,5 раза, домохозяйств третьего от домохозяйств второго квинтиля – 1,2 раза и домашних хозяйств четвертого от домохозяйств третьего квинтиля – 1,3 раза.

По оценкам Росстата, неравенство по доходам в России устойчиво росло с начала 1990-х гг. до 2007 г., в 2008–2010 гг. этот рост приостановился, что было связано с определенным влиянием финансово-экономического кризиса, а затем немного снизился. Максимальный разрыв в доходах между 10% самых богатых граждан и 10% самого бедного населения, зафиксированный в 2007 г., достиг 16,7 раза. В 2013 г. децильный коэффициент фондов (коэффициент дифференциации доходов) составил 16,2 раза против 16,4 раза в 2012 г. Аналогичным образом менялся коэффициент Джини (индекс концентрации доходов), свидетельствующий о степени расслоения общества: с 2000 по 2007 г. он вырос с 0,395 до 0,422; затем к 2011 г. снизился до 0,417, но в 2012 г. вновь вырос до 0,420. В 2013 г. данный показатель составил 0,418. Распределение денежных доходов по 20-процентным группам населения за год практически не изменилось. В 2013 г. на долю первой группы (с наименьшими доходами) приходилось 5,2% всех денежных доходов, тогда как на долю второй группы – 9,9%; третьей группы – 14,9%; четвертой группы – 22,5%; пятой (с наибольшими доходами) – 47,5%, т. е. почти половина всех денежных доходов населения. Подобная картина, подверженная небольшим ежегодным изменениям, вызванным самыми разнообразными факторами, сохраняется с середины 1990-х гг.

Социальное расслоение является одной из наиболее острых проблем, с которой сталкивается постсоветская Россия. По величине коэффициента Джини, характеризующего имущественное расслоение, Россия сегодня превосходит большинство развитых стран. Характерным проявлением социального расслоения в России является значительное различие уровней доходов населения. При этом для нашей страны эта проблема особенно сильно проявляется в региональном разрезе. Социальное расслоение в наибольшей степени проявляется в Чеченской Республике, Москве, Республике Тыва и Республике Дагестан. Регионом с самым низким значением данного показателя является Белгородская область. Что касается межрегиональных различий в уровне ежемесячных денежных доходов населения, то можно отметить, что в 2013 г. самые высокие показатели были отмечены в Ненецком автономном округе (62 323 руб.), Ямало-ненецком автономном округе (52 285 руб.), Москве (48 935 руб.), Чукотском автономном округе (48 533 руб.), Магаданской области (36 620 руб.), тогда как самые низкие – в Республике Калмыкия (10 190 руб.), Республике Тыва (12 014 руб.), Республике Ингушетия (12 322 руб.), Республике Марий Эл (12 532 руб.).

В таблице 5 представлено распределение обследованных домашних хозяйств, получающих доход от заработной платы из разных источников, по квинтилям душевого дохода. Из данных таблицы следует, что в последние годы сложилась довольно устойчивая картина квинтильной дифференциации домохозяйств по доходам от заработной платы. Так, в 2013 г., как и в предыдущие несколько лет, наблюдалось достаточно последовательное и монотонное, за редким исключением, нарастание

удельного веса домохозяйств, получающих доход от трудовой деятельности на государственных предприятиях, на предприятиях частного сектора и на предприятиях смешанной формы собственности, при поступательном переходе от нижнего квинтиля к верхнему: соответственно с 41,7 до 55,4% (в 2012 г. – с 40,4 до 54,3%); с 27,4 до 46,6% (в 2012 г. – с 30,7 до 50,4%); с 2,9 до 5,4% (в 2012 г. – с 3,5 до 6,3%).

Таблица 5

Домохозяйства с доходом из данного источника, по квинтилям дохода, 2006–2013 гг., %

Источники дохода	Нижний 20	21–40	41–60	61–80	Верхний 20
Октябрь 2006					
Доход от работы на государственных предприятиях	35,4	36,9	45,2	52,1	54,4
Доход от работы на частных предприятиях	20,5	22,3	29,0	40,9	50,5
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	3,9	6,5	8,0	10,6	8,9
Ноябрь 2008					
Доход от работы на государственных предприятиях	34,0	36,8	44,6	56,5	51,7
Доход от работы на частных предприятиях	20,5	23,2	36,5	44,3	53,8
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	4,4	5,5	6,6	8,3	9,4
Ноябрь 2010					
Доход от работы на государственных предприятиях	40,4	32,9	43,1	48,6	52,5
Доход от работы на частных предприятиях	26,0	27,9	33,2	39,7	52,7
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	4,8	5,2	8,5	9,5	8,2
Декабрь 2012					
Доход от работы на государственных предприятиях	40,4	41,2	39,5	46,7	54,3
Доход от работы на частных предприятиях	30,7	33,5	35,5	42,2	50,4
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	3,5	5,1	5,2	5,6	6,3
Декабрь 2013					
Доход от работы на государственных предприятиях	41,7	37,3	37,6	44,0	55,4
Доход от работы на частных предприятиях	27,4	31,3	31,8	38,8	46,6
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	2,9	4,7	4,6	6,1	5,4

Стоит обратить внимание на то обстоятельство, что в 2013 г. сокращение удельного веса обследованных домашних хозяйств, получающих доход от работы на предприятиях частного сектора, произошло равномерно во всех квинтильных группах (в пределах 3–4%). Менее заметными явились изменения относительно домохозяйств с доходами от работы на государственных предприятиях и предприятиях

смешанной формы собственности. Так, если доли домашних хозяйств, получающих доход от работы на государственных предприятиях, в самом бедном и в самом богатом квинтилях несколько (немногим более 1 процентного пункта) увеличились, то в трех средних квинтилях уменьшились (от 2 до 3 процентных пунктов). И еще менее существенными оказались изменения в отношении домохозяйств, имеющих доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности: от 0,4 процентного пункта во втором квинтиле до 0,9 процентного пункта в пятом квинтиле.

На рис. 7 подробно представлены изменения в распределении душевого дохода в период с декабря 2012 г. по декабрь 2013 г. Здесь отражено соотношение реального дохода от каждого процентиля в 2013 г. к реальному доходу того же процентиля в 2012 г. Рассматривая данные, следует иметь в виду, что на рисунке представлены данные душевого дохода, в то время как в предыдущих графиках и таблицах использованы данные по доходам домохозяйств. Как следует из рис. 7, по подавляющему большинству процентилей отмечено небольшое увеличение реального дохода, за исключением двух процентильных спадов в первом и последнем децилях.

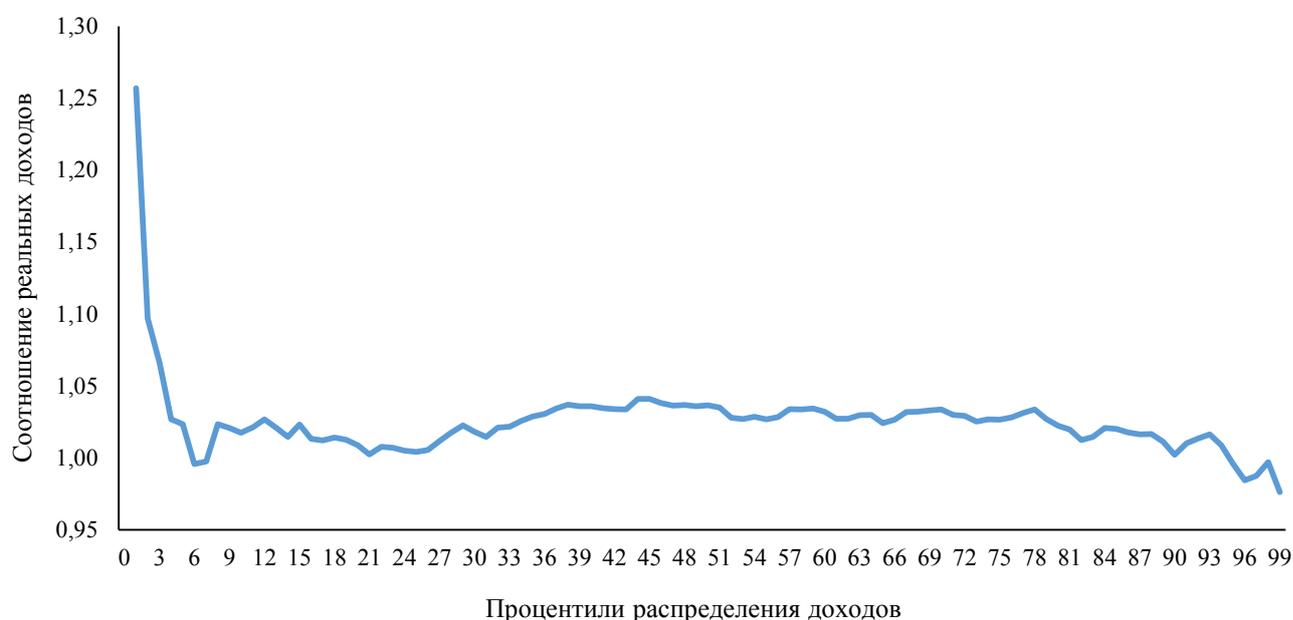

Рис. 7. Соотношение роста доходов каждого процентиля (реальный доход процентиля в 2013 г., деленный на реальный доход процентиля в 2012 г.). Декабрь 2012 г. – декабрь 2013 г.

На следующем рисунке отражены различия в показателях душевых доходов населения по данным RLMS-HSE и Росстата. Как следует из рис. 8, показатели Росстата свидетельствуют о значительных колебаниях в уровне реальных доходов населения России. Но при этом результаты RLMS-HSE, как и прежде, демонстрируют более низкий среднедушевой доход, чем соответствующие данные Росстата.

Рисунок 8 демонстрирует также медианный душевой доход российских домохозяйств по данным RLMS-HSE, который на момент проведения каждого опроса постоянно оказывается ниже среднедушевого дохода. При этом важно учитывать, что величина среднего дохода на душу не отражает действительного уровня доходов большей части населения Российской Федерации. В частности, в октябре 2012 г. средний душевой доход, по данным RLMS-HSE, составлял 15 946 руб., в то время как медианный душевой доход – только 12 207 руб. (в рублях 2013 г.). В 2013 г. анализируемые показатели составили соответственно 16 279 руб. и 12 206 руб.

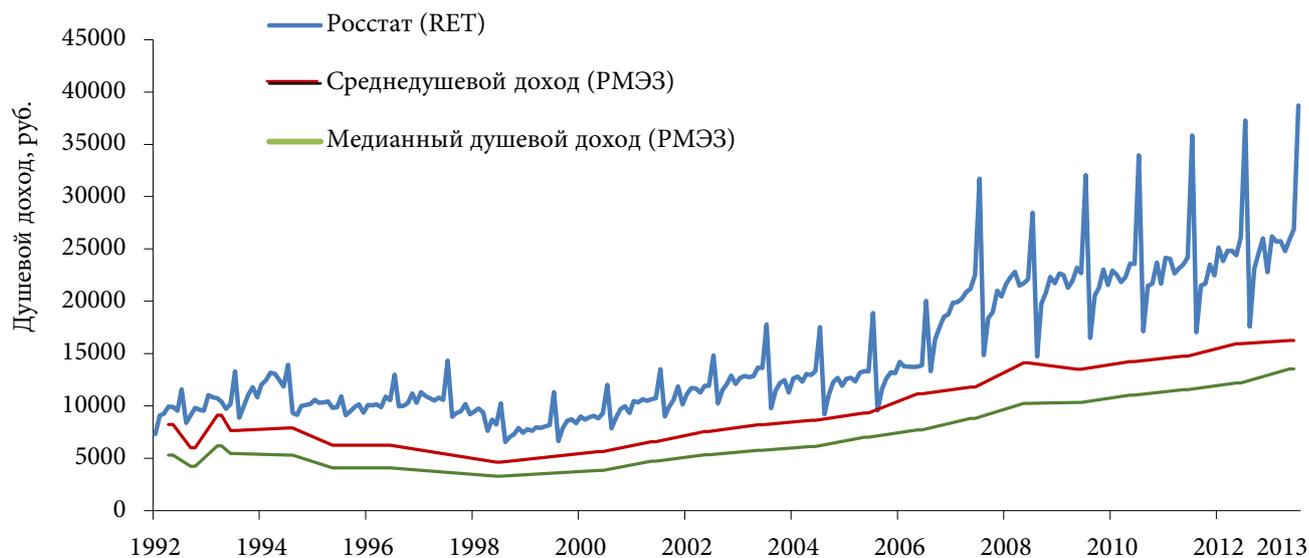

Рис. 8. Сравнение показателей душевых доходов по данным РЛМС-НСЕ и Росстата, ежемесячный доход на душу населения, 1992–2013 гг., в руб. 2013 г.

Таким образом, в ситуации усиления экономической нестабильности и снижения темпов экономического роста, наблюдавшейся в России в 2013 г., отмечался вялый рост реальных доходов домашних хозяйств. Как и во все предыдущие годы, доминирующее положение в структуре доходов домохозяйств занимали доходы от заработной платы и государственных трансфертных платежей. При этом доходы домохозяйств от работы на государственных предприятиях росли намного быстрее доходов от работы на предприятиях частного сектора. Изменения в распределении доходов, отмеченные в 2013 г., способствовали ослаблению социального неравенства. В отличие от предыдущего года, когда наблюдалось повышение уровня дифференциации домохозяйств по доходам, в 2013 г. доходы менее обеспеченных домашних хозяйств демонстрировали некоторый рост, тогда как доходы наиболее обеспеченных домохозяйств снижались.

Расходы домохозяйств

В 2013 г. неспешный рост доходов домохозяйств сопровождался столь же инертным повышением их расходов. Непростая социально-экономическая ситуация мало способствовала подъему потребительской активности семей и повышению объемов текущего потребления населения. Не ясно просматривались и перспективы создания реальных условий для наращивания домашними хозяйствами потребления в ближайшем будущем. Из данных мониторинга, представленных в [таблице 6](#), следует, что если в 2012 г. по сравнению с 2011 г. ежемесячные расходы домохозяйств на приобретение продуктов питания и непродовольственных товаров выросли на 14,4%, то в 2013 г. по сравнению с 2012 г. рост составил 1,2%. Вместе с тем, благодаря солидному совокупному росту, в 2013 г. был достигнут новый максимум ежемесячных расходов домохозяйств, превосходящий более чем на 14% уровень 2008 г. и в 2,7 раза уровень 1998 г.

Таблица 6

Ежемесячные расходы домохозяйств по отдельным статьям, 1992–2013 гг., в руб. декабря 2013 г.

Категории расходов	1992	1998	2004	2008	2011	2012	2013
Расходы на продукты питания							
Молочные продукты	986	627	805	1101	1191	1216	1211
Мясо, птица, рыба	3273	1836	2502	3351	3359	3549	3476
Картофель	427	95	266	220	188	200	273
Хлеб	1567	1074	1025	971	759	759	830
Фрукты, овощи	1601	478	854	1157	1084	1128	1040
Прочие продукты питания	4179	1840	1848	2165	2024	2075	2031
Питание в столовых, ресторанах, кафе	683	517	1186	1645	1731	1677	1772
Продукты домашнего изготовления	1428	1962	1203	1272	1086	1025	1133
Алкоголь	791	305	356	395	361	469	405
Всего расходов на продукты питания	14 936	8743	10 047	12 278	11 721	12 097	12 170
Расходы на непродовольственные товары							
Табачные изделия	420	312	330	381	478	517	549
Одежда	2246	1660	1931	2871	2404	2475	2438
Горючее, топливо*	290	398	857	1301	1355	1413	1506
Электроника и др. товары длительного пользования	1167	1306	3200	5841	4733	6715	5897
Услуги и отдых	366	1772	3422	5995	5636	4662	4511
Оплата обучения, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам	984	510	896	4113	4896	5980	6998
Оплата жилья и коммунальных услуг	305	671	1418	2624	3212	3268	3412
Акции, облигации	139	5	0	0	17	0	17
Различные товары (мыло, игрушки, газеты и т. п.)	1333	-	615	867	879	896	849
Сбережения	454	469	744	1682	1760	1818	1667
Всего расходов на непродовольственные товары	7701	7103	13 415	25 676	25 664	30 665	31 107
Всего расходов на продукты питания и непродовольственные товары	22 637	15 844	23 462	37 956	37 382	42 765	43 277

*Начиная с декабря 1994 г., категория «Топливо» включает в себя бензин, газ в баллонах и дрова. Во время предыдущих опросов газ в баллонах и дрова учитывались в категории коммунальных услуг. Опросы указанных выше годов показывают долю каждого вида топлива: 1994: бензин – 49%, дрова – 19%, газ в баллонах – 32%; 1996: бензин – 56%, дрова – 18%, газ в баллонах – 26%; 1998: бензин – 58%, дрова – 16%, газ в баллонах – 26%; 2000: бензин – 71%, дрова – 11%, газ в баллонах – 18%; 2002: бензин – 72%, дрова – 11%, газ в баллонах – 17%; 2003: бензин – 71%, дрова – 13%, газ в баллонах – 16%; 2004: бензин – 73%, дрова – 13%, газ в баллонах – 13%; 2005: бензин – 73%, дрова – 14%, газ в баллонах – 13%; 2006: бензин – 75%, дрова – 12%, газ в баллонах – 12%; 2007: бензин – 77%, дрова – 12%, газ в баллонах – 11%; 2008: бензин – 83%, дрова – 10%, газ в баллонах – 7%; 2009: бензин – 84%, дрова – 9%, газ в баллонах – 7%. 2010: бензин – 85%, дрова – 9%, газ в баллонах – 7%; 2012: бензин – 87,4%, дрова – 7,3%, газ в баллонах – 5%; 2013: бензин – 88,6%, дрова – 7,6%, газ в баллонах – 3,8%.

Повышение в одинаковой мере коснулось как расходов на продукты питания, так и расходов на непродовольственные товары, хотя годом ранее наблюдалась совершенно иная картина. Так, в 2013 г. по сравнению с 2012 г. траты домохозяйств на продукты питания увеличились лишь на 0,6%, тогда как в 2012 г. по сравнению с 2011 г. — на 3,2%. В то же время расходы на непродовольственные товары в 2013 г. выросли только на 1,4%, что намного меньше, чем 19,5% роста в предыдущем году. В силу этого расходы домохозяйств на продукты питания оставались в 2013 г. на 0,9% ниже показателя, достигнутого в 2008 г., и на 18,5% меньше, чем в 1992 г., когда ежемесячные траты домохозяйств на продовольствие были максимальными. Что касается расходов на непродовольственные товары, то они росли более устойчивыми темпами и в 2013 г. достигли самого высокого значения за время наблюдений, на 21,2% превысившего уровень 2008 г. и более чем в 4 раза уровень 1992 г. и 1998 г.

Динамика расходов домохозяйств на отдельные виды продовольствия характеризовалась различными тенденциями. Расходы на мясо, птицу и рыбу после увеличения в 2012 г. по сравнению с 2011 г. на 5,6%, в 2013 г. сократились на 2,1%. Аналогичным образом изменялись расходы на молочные продукты: после увеличения в 2012 г. на 2,1% эти расходы сократились в 2013 г. на 0,4%. Если сравнивать с данными за 2008 г., расходы на мясо, птицу и рыбу увеличились на 3,7%, расходы на молочные продукты — почти на 10%. Вместе с тем по сравнению с 1998 г. рост анализируемых расходов оказался практически одинаковым. Как и в предыдущем году, в 2013 г. траты на мясо, птицу и рыбу были почти в 3 раза больше, чем расходы на молочную продукцию. Но самой существенной эта разница, достигающая 3,3 раза, была в 1992 г.

Весьма существенным в 2013 г. оказалось сокращение расходов домохозяйств на фрукты и овощи, которое по сравнению с 2012 г. составило 7,8%. Заметим, что в 2012 г. расходы на эти продукты увеличились на 4,5%, тогда как годом ранее было отмечено сокращение данной статьи расходов на 12,4%. По сути, наблюдалось четко выраженное волнообразное изменение, подверженное многочисленным случайным факторам. В то же время ежемесячные расходы на картофель продолжили рост, обозначенный годом ранее. Так, после существенного сокращения в 2011 г. на 48%, в 2012 г. они выросли на 6,8% и затем в 2013 г. — еще на 36,5%. После такого значительного суммарного роста расходы на картофель достигли одного из самых высоких значений, оставаясь, однако, более чем на треть, а именно на 36,1%, ниже уровня 1992 г.

Одной из важных тенденций, получивших развитие в 2013 г., стало повышение по сравнению с 2012 г. на 9,4% расходов на хлебобулочную продукцию, которое было выявлено после длительного периода сокращения данной статьи продовольственных расходов домохозяйств. В целом за 1996—2011 гг. расходы домохозяйств на хлеб сократились почти на 58%, в том числе только за 2011 г. — почти на 11% и оставались такими же в 2012 г. Что касается такой «сборной» статьи расходов домохозяйств, как «прочие продукты питания», то она, после разнонаправленных колебаний в предыдущие годы, в 2013 г. по сравнению с 2012 г. «полегчала» на 2,1% и оставалась на 6,2% менее весомой, чем в 2008 г. Весьма значительными оставались ежегодные колебания расходов на алкоголь, которые после увеличения в 2010 г. почти на 17%, в 2011 г. уменьшились на 7%. Затем в 2012 г. они резко взлетели на 30%, но в 2013 г. вновь снизились на 13,6%. Рассматривая эти данные,

следует иметь в виду, что в 2013 г. из-за увеличения акцизов цены на алкоголь выросли в России на 16,7%. В результате постоянного повышения цен алкоголь в России стоит в 4–6 раз дороже относительно минимальных и средних зарплат, чем в большинстве европейских стран.

Обращает на себя внимание повышение в 2013 г. расходов на продукты домашнего изготовления, которое составило 10,5%. Это повышение примечательно тем, что оно произошло после довольно продолжительного периода сокращения данной статьи расходов домохозяйств, берущего начало в 2009 г. За 2009–2012 гг. расходы на продукты домашнего изготовления сократились в 1,7 раза или на 42%, достигнув наименьшего значения за все время наблюдений.

За изменениями отдельных статей расходов очень часто стоит рост цен на продукты питания, который в одних случаях вызывает снижение потребления и, следовательно, сокращение расходов, тогда как в других – сохранение или повышение потребления и, следовательно, рост расходов. В первом случае речь идет о более дорогих и «менее обязательных» продуктах питания (фрукты, овощи и др.), во втором – о более дешевых и традиционных для россиян видах продовольствия (хлеб, картофель и др.). Известно, что когда происходит существенное удорожание продуктов питания, потребители очень часто заменяют такие более дорогие продукты, как мясо, доступной по цене овощной продукцией.

В связи с этим следует отметить, что, согласно данным официальной статистики, в 2013 г. опережающими темпами росли потребительские цены на молоко, сливочное масло, яйца, а также на хлеб и хлебобулочные и макаронные изделия. Наибольший рост среди продовольственных товаров был зафиксирован в стоимости куриных яиц, которые за год стали дороже на 13,8%. Вторую строчку наиболее подорожавших продуктов питания занял хлеб, стоимость которого выросла на 13,5%. Удорожание хлебобулочной продукции в немалой степени было связано с природными катаклизмами 2013 г.: весной и в начале лета большая часть России «страдала» от засухи, ущерб от которой власти оценивали в несколько млрд. руб., затем на Дальний Восток пришли наводнения, похоронившие добрую часть урожая. Стоит также отметить и удорожание макаронных изделий, стоимость которых в 2013 г. выросла на 10,3%. Рост цен на плодоовощную продукцию составил 9,3%. Особо следует здесь выделить картофель, стоимость которого за год выросла примерно на треть. Разумеется, для столь существенного удорожания были свои причины. Во-первых, в 2013 г. Россия попросту столкнулась с нехваткой картофеля: сказалась элементарная нехватка продукта в начале года, да и новый урожай корнеплода не уложился в прогнозы властей. Во-вторых, сыграл свою роль и запрет Россельхознадзора на поставки продовольственного и семенного картофеля из Египта и Европы – основных поставщиков продукта в нашу страну. Цены на молоко и молочную продукцию выросли на 8%, сливочное масло подорожало на 9,2%.

Как показал анализ данных мониторинга, расходы домохозяйств на питание вне дома (в столовых, ресторанах, кафе, барах и т. п.) после двухлетнего сокращения выросли в 2013 г. по сравнению с 2012 г. на 5,7%. В 2012 г. сокращение составило по сравнению с 2011 г. 3,1%, а по сравнению с 2010 г. – 9,6%. В результате этих изменений траты домохозяйств на питание вне дома достигли одного из самых высоких значений за время наблюдений, уступая на 4,5% только величине расходов, зафиксированных в 2010 г.

Достаточно умеренные траты членов домохозяйств на питание вне дома сопровождались скромным повышением доходов предприятий общественного питания, которые демонстрировали тенденцию к снижению. По данным Росстата, в 2013 г. оборот общественного питания увеличился по сравнению с 2012 г. всего лишь на 4%. При этом в 2012 г. данный рост достигал 6,8%, а в 2011 г. — 6,2%. Т. е. налицо было очевидное замедление, главной причиной которого стало торможение доходов населения. Немаловажное значение имела также и «рационализация» поведения россиян, направленная на ограничение собственных трат на питание вне дома. Опыт показывает, что снижение расходов на питание вне дома — это один из первых шагов, на которые идут россияне в случае снижения уровня доходов. Как правило, наиболее остро ощущают на себе данное снижение бары и рестораны, рассчитанные на представителей среднего класса, во вторую очередь — предприятия быстрого питания. Повышенная устойчивость рынка fast-food объясняется более высокой посещаемостью этих заведений и сравнительно небольшим объемом инвестиций, требуемых для открытия новых пунктов быстрого питания. Между тем нельзя не заметить, что сама культура питания в кафе и ресторанах в России до сих пор не сложилась. В лучшем случае регулярно посещают пункты общественного питания офисные работники, но их расходы на питание вне дома все же не особенно велики. Незрелость культуры питания «вне дома» в совокупности со сложной экономической ситуацией существенно затрудняет развитие данного рынка.

Расходы российских домохозяйств на непродовольственные товары росли в 2013 г. намного медленнее, чем в 2012 г. Этот рост был обеспечен главным образом повышением трат на оплату обучения, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам, на покупку горючего и топлива, а также на оплату жилья и коммунальных услуг. Указанные расходы, получившие определенный импульс к повышению в 2013 г., относятся к наиболее затратным статьям бюджета семей.

Самым большим в 2013 г. был рост расходов домохозяйств на оплату обучения, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам, который составил 17%. Этот рост продолжил долговременную тенденцию, берущую свое начало еще в 1998. В целом за 1998—2013 гг. расходы на оплату обучения, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам последовательно, от года к году, выросли в 13,7 раза. При этом в 2011 г. по сравнению с 2010 г. они увеличились на 15%, а в 2012 г. по сравнению с 2011 г. — на 22,1%. Расходы на топливо и горючее, после небольшого снижения в 2011 г. по сравнению с 2010 г. на 2,6%, в 2012 г. выросли на 4,3% и затем в 2013 г. еще на 6,6%.

Примерно таким же было увеличение постоянно растущих расходов на табачные изделия, которое в 2013 г. составило 6,2%. В целом за 1998—2013 гг. они выросли в 1,6 раза, что было обусловлено не увеличением количества курильщиков и повышением потребления курящими табачной продукции, а постоянным повышением цен на табачные изделия. Характерно, что в 2013 г. среди непродовольственных товаров наибольший рост был зафиксирован именно в стоимости табачных изделий — сигареты стали дороже в 1,3 раза или на 27,2%. Это было связано с реализацией антитабачной политики государства, предусматривающей существенное увеличение акцизов на табачную продукцию.

Из года в год одной из самых заметных статей расходов жителей нашей страны остаются жилищно-коммунальные платежи. При этом, как показал анализ, после определенной стабилизации в предыдущие годы, в 2013 г. был зафиксирован

заметный рост расходов российских домохозяйств на оплату жилья и коммунальных услуг. Если в 2011 г. не было выявлено каких-либо изменений в тратах домохозяйств на эти цели, в 2012 г. было зафиксировано лишь небольшое их увеличение на 1,8%, то в 2013 г. эти расходы увеличились на 4,4%. Выявленные тенденции во многом объясняются повышением в 2013 г. тарифов на тепло и электроэнергию (на 10,5–12,2%), водоснабжение, канализацию (на 10%) и газ (на 15%). В целом, с 1992 по 2013 г. расходы семей на оплату жилья и коммунальных услуг выросли более чем в 11 раз.

К сожалению, постоянно растущие платежи населения не улучшили состояния коммунального хозяйства. По данным Росстата, в 2013 г. к отслужившим свой нормативный срок относились около 60% основных фондов в ЖКХ. Давнишней и трудно решаемой проблемой, актуальность которой постоянно возрастает, является постоянное разрушение теплотрасс и водопроводов. Если в 2000 г. в замене нуждались почти 32% всех водопроводов, то в 2013 г. около 44%. Очень сложная ситуация сложилась и с состоянием теплосетей. В 2000 г. требовалась замена около 30 тыс. км теплосетей, а в 2013 г. — уже более 50 тыс. км. К изношенным относилось также около 40% канализационных сетей. Результатом этого являются рост аварийности, потери в сетях, крайне высокие эксплуатационные расходы. Средства уходят на текущее содержание инфраструктуры ЖКХ, тогда как модернизация системы финансируется по остаточному принципу. В процессе транспортировки по коммуникациям теряется до 27% воды и не менее 11% тепла. Расход энергоресурсов по предприятиям ЖКХ в среднем на четверть, а иногда на половину и более выше, чем в развитых государствах Европы.

Дальнейший анализ данных RLMS-HSE показал, что по всем остальным анализируемым статьям семейного бюджета в части, касающейся непродовольственных товаров, в 2013 г. было выявлено снижение расходов. Причем наиболее существенно сократились траты домохозяйств на электробытовую технику и другие дорогостоящие товары длительного пользования (автомобиль, мебель, предметы интерьера, ювелирные изделия и т. п.). В 2013 г. по сравнению с 2012 г. они уменьшились на 12,2%. Это снижение произошло после резкого роста данных расходов на 41,9% в 2012 г., которое последовало вслед за небольшим снижением на 1,8% в 2011 г. После всех этих изменений расходы на приобретение электроники и других товаров длительного пользования стали в 2013 г. сопоставимыми с расходами на них, зафиксированными в 2008 г., и в 4,5 раза больше, чем в 1998 г.

На фоне значительного сокращения расходов на приобретение электроники и других товаров длительного пользования менее существенным выглядит снижение расходов на оплату услуг и отдых. В 2013 г. по сравнению с 2012 г. они сократились на 3,2%. Это снижение последовало вслед за существенным сокращением, зафиксированным годом ранее, которое составило 17,3%. Таким образом, за два последних года расходы российских домохозяйств на услуги и отдых снизились более чем на 20%. В 2013 г. они были более чем на четверть меньше максимального значения, достигнутого в 2008 г. Такое значительное снижение расходов домохозяйств на услуги и отдых, наблюдаемое на фоне стремительного роста туристического потока в другие страны, является одним из свидетельств глубокого материального неравенства. Согласно официальным данным, в 2013 г. по сравнению с 2012 г. число туристов, выехавших из России в страны ближнего

и дальнего зарубежья, выросло с 15,3 млн до 18,3 млн человек, т. е. почти на 20%. А если сравнивать с 2007 г., когда туристический поток из страны составлял только около 9 млн человек, то этот рост оказывается более 2-х раз.

Что касается расходов на разнообразные и многочисленные товары повседневного спроса (мыло, шампунь, игрушки, газеты, журналы и т. п.), то они уменьшились на 5,2%. Заметим, что после снижения в 2011 г. на 3,7%, эти расходы выросли в 2012 г. только на 1,9%. В 2013 г. они оставались ниже уровня 2010 г., т. е. когда было достигнуто максимальное значение за все время наблюдений в рамках мониторинга, почти на 7%. Расходы на одежду и обувь, вслед за увеличением в 2012 г. на 2,9%, в 2013 г. сократились на 1,5%. После этих несущественных изменений они оставались на 15,1% ниже максимального уровня, выявленного в 2008 г.

Среди других изменений, вызывающих интерес, обращает на себя внимание сокращение в 2013 г. сбережений на 8,3%, которое во многом было обусловлено замедлением роста доходов и неясными жизненными перспективами. И это было только второе сокращение сбережений за все время мониторинга. До 2013 г. рост этих расходов прерывался только один раз в 2009 г., когда они уменьшились на 3,5%.

Из рис. 9 следует, что в 2013 г. были продолжены долгосрочные тенденции нарастания в структуре ежемесячных расходов домохозяйств доли расходов на непродовольственные товары и соответствующего сокращения удельного веса расходов на продукты питания, которые получили развитие в середине 1990-х гг.¹ Эти изменения, свидетельствующие о неуклонном и постепенном приближении структуры расходов российских домохозяйств к стандартам высокоразвитых государств, наблюдаются на протяжении всех лет мониторинга. Известно, что косвенным фактором, указывающим на повышение уровня жизни населения, является снижение доли расходов на продукты питания в общей массе расходов. Иными словами, чем больше денег уходит на еду, тем беднее живет семья.

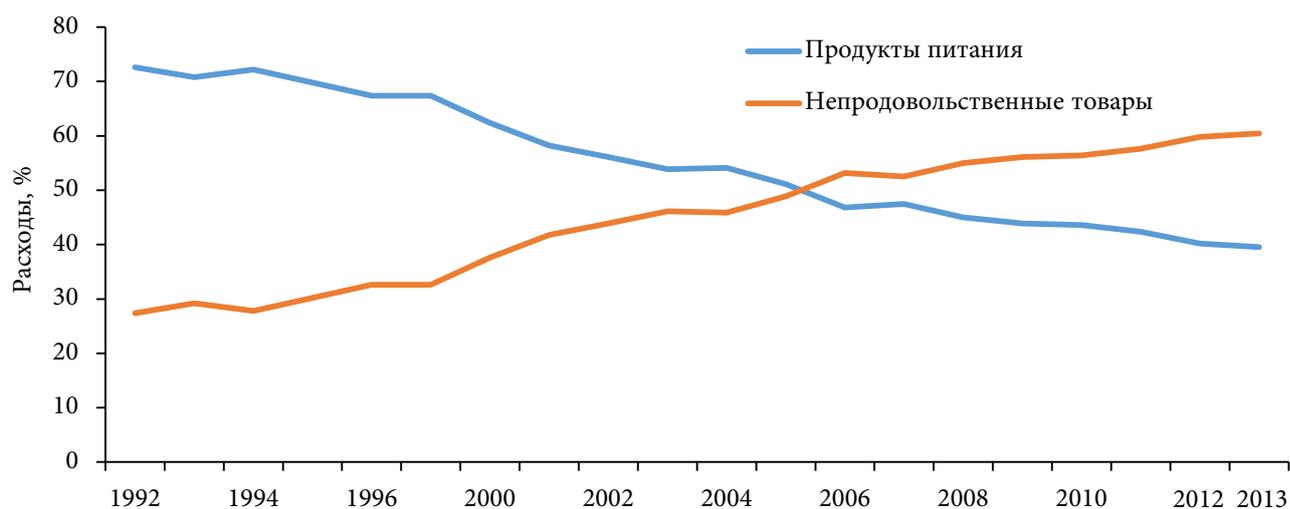

Рис. 9. Структура расходов: продукты питания и непродовольственные товары, 1992–2013 гг., %

¹ Средние по статьям расходов, представленные на рис. 1–4 и в таблицах 2 и 3, получены путем расчета средних отдельно по каждой статье по всем домохозяйствам в выборке. Соотношение средних расходов, представленных в таблице 1, соответствует взвешенным средним данным долей в бюджете, где веса пропорциональны общим расходам домохозяйства. Расходы на одежду, электронику и другие товары длительного пользования учитывались за трехмесячный срок.

В целом с 1992 г. по 2013 г. доля ежемесячных расходов российских домашних хозяйств на продукты питания последовательно сократилась с 72,6 до 39,7%, т. е. более чем в 1,8 раза, тогда как удельный вес расходов на непродовольственные товары не менее поступательно вырос с 27,4 до 60,3%. Что касается последних изменений, то за 2013 г. доля расходов на непродовольственные товары увеличилась на 0,5 процентного пункта, тогда как доля расходов на продукты питания уменьшилась на те же 0,5 процентного пункта, что, однако, гораздо меньше, чем 2,2 процентного пункта разнонаправленных изменений, зафиксированных в 2012 г. В результате указанных перемен разрыв между анализируемыми значениями достиг 20,6 процентного пункта.

На рис. 10–12 представлен подробный материал, демонстрирующий ряд важных тенденций, которые раскрывают долгосрочные изменения в структуре ежемесячных расходов российских домохозяйств. Так, из данных, приведенных на рис. 10, следует, что в 2013 г. вслед за отмеченным ранее довольно умеренным увеличением трат на питание вне дома, было отмечено еще менее значительное увеличение доли этих расходов в структуре ежемесячных расходов домохозяйств, которое составило всего лишь 0,1 процентного пункта. Это увеличение последовало вслед за сокращением доли расходов на питание вне дома с 4,7% в 2010 г. до 4% в 2012 г. Но общий тренд долгосрочных изменений данного показателя остается положительным, демонстрируя рост с 2,9% в 1998 г. до 4,1% в 2013 г., т. е. на 1,2 процентного пункта.

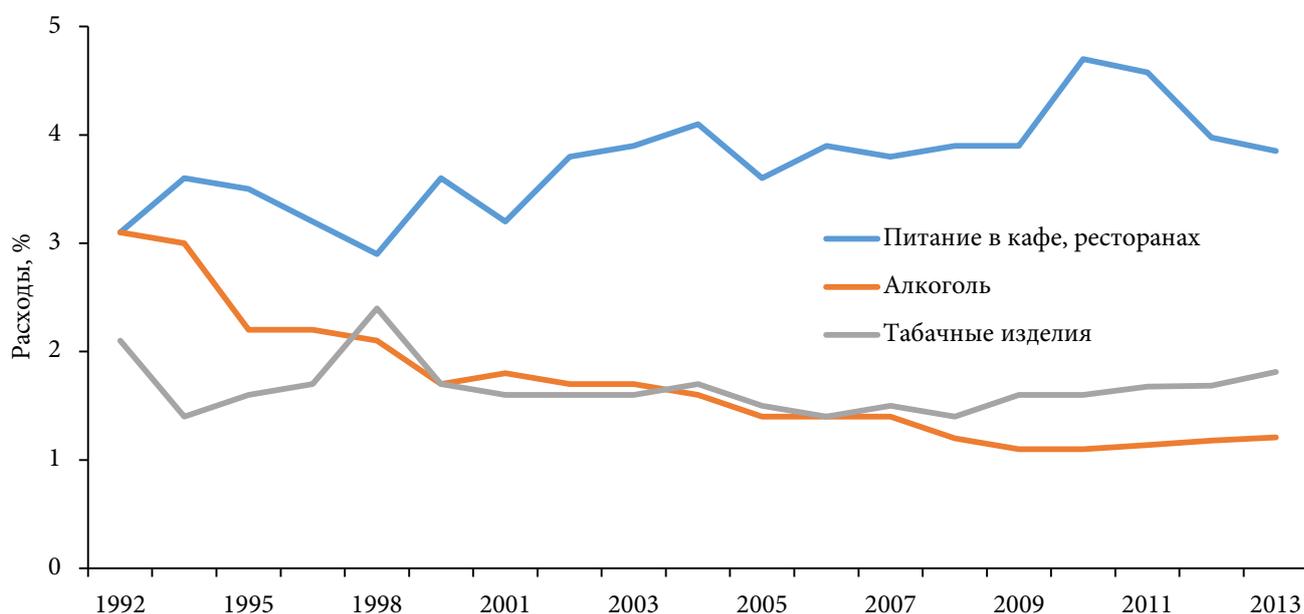

Рис. 10. Структура расходов: питание вне дома, алкоголь, табачные изделия, 1992–2013 гг., %

Примечательно, что выявленное в 2013 г. сокращение величины трат на алкоголь дополнялось стабилизацией доли расходов домохозяйств на алкогольную продукцию в структуре ежемесячных расходов, которая наблюдается с 2008 г. на уровне 1,1–1,2%. И это втрое меньше, чем в начале 1990-х гг., и почти вдвое меньше, чем в начале 2000-х гг. Но в то же время в 2013 г. было выявлено, хотя и небольшое, но все же повышение доли расходов домохозяйств на табачную продукцию.

Это повышение продолжило тенденцию нарастания удельного веса расходов на табачную продукцию в структуре ежемесячных расходов домохозяйств, которая четко прослеживается на протяжении последних шести лет. С 2008 по 2013 г. доля расходов на табачные изделия в структуре ежемесячных расходов российских домохозяйств увеличилась с 1,4 до 1,8%. В целом доля расходов на табачную продукцию на протяжении последних двух десятилетий менялась очень медленно – от 1,4 до 2,4%. Примечательно, что в 2013 г., как и в предыдущие годы, суммарная доля расходов на алкоголь и табачные изделия была втрое меньше, чем доля расходов на питание вне дома.

Из рис. 11 следует, что в 2013 г. одновременно с сокращением величины расходов было выявлено малозаметное снижение доли расходов домохозяйств на оплату услуг и отдыха на 0,1 процентного пункта, которое последовало вслед за более значительным ростом данного показателя с 12,5 % в 2010 г. до 14,2% в 2013 г., т. е. на 1,7 процентного пункта.

Медленное, но достаточно последовательное повышение удельного веса расходов домохозяйств на покупку дорогостоящих товаров длительного пользования и предметов культурно-бытового назначения с 5,1% в 2010 г. до 5,2% в 2011 г. и далее до 5,8% в 2012 г., т. е. в целом на 0,7 процентного пункта, в 2013 г. сохранилось на уровне предыдущего года. И в то же время доля расходов на приобретение одежды и обуви в структуре ежемесячных расходов российских домохозяйств в 2013 г. по сравнению с 2012 г. сократилась на 0,2 процентного пункта (с 5,9 до 5,7%). В целом с 2010 по 2013 г. снижение доли данных расходов составило 1,4 процентного пункта (с 7,1 до 5,7%). До этого удельный вес расходов на покупку одежды и обуви после первоначального увеличения и последующих колебаний стабилизировался в 2004–2010 гг. на уровне 7%.

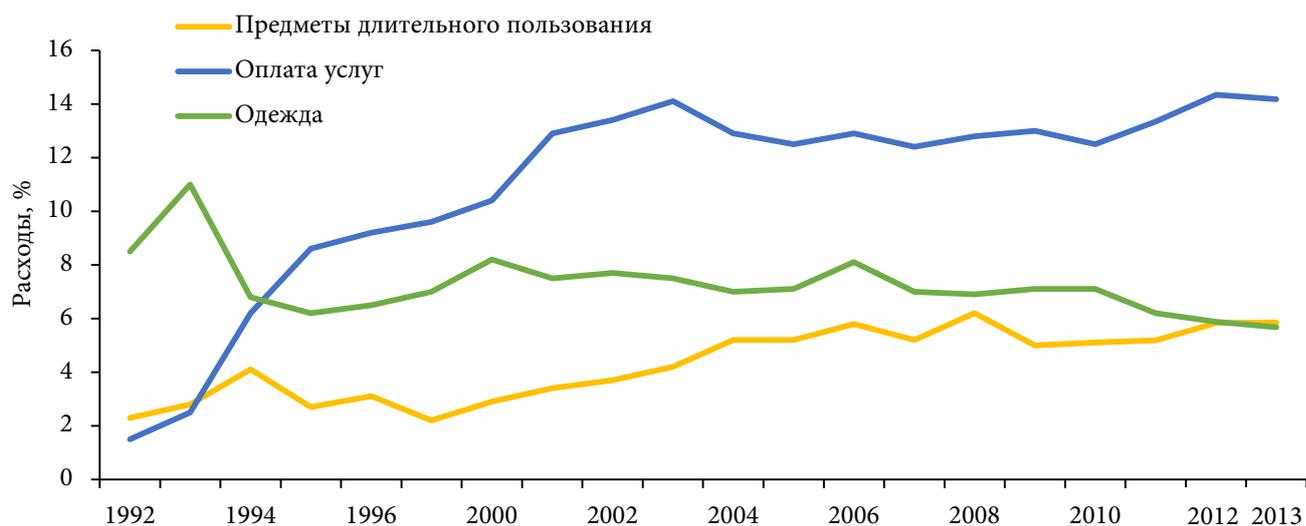

Рис. 11. Структура расходов: предметы длительного пользования, оплата услуг, одежда, 1992–2013 гг., %

Из данных, представленных на рис. 12, видно, что доля расходов на покупку горючего, топлива в 2013 г. по сравнению с 2012 г. немного увеличилась – с 3,4 до 3,6%, т. е. на 0,2 процентного пункта. Но в целом, за последние годы удельный вес расходов на горючее, топливо в бюджете домохозяйств менялся незначительно.

С 1992 по 2000 г. их доля увеличилась с 0,9 до 3%, затем к 2005 г. — до 3,7% и далее менялась в пределах от 3,2 до 3,7%. Не особенно существенными были также изменения в доле расходов домохозяйств на сбережения и облигации. Она увеличилась с 4,1% в 2011 г. до 4,4% в 2012 г., достигнув максимального значения за все время наблюдений в рамках мониторинга, но в 2013 г. снизилась до 3,4%.

Особого внимания заслуживают изменения удельного веса расходов на оплату жилья и коммунальных услуг, которые по своей величине остаются одними из самых высоких, занимая в структуре ежемесячных расходов российских домашних хозяйств одно из ведущих мест. В 2012 г. по сравнению с 2011 г. доля этих расходов сократилась с 13,2 до 12,6%, т. е. на 0,6 процентного пункта, но в 2013 г. вновь выросла до 13,1%. До этого удельный вес расходов домохозяйств на оплату жилья и коммунальных услуг, уменьшившись за 1992–1994 гг. с 2,8 до 1,5%, только рос, увеличившись к концу 2011 г. до колоссальных 13,2%.

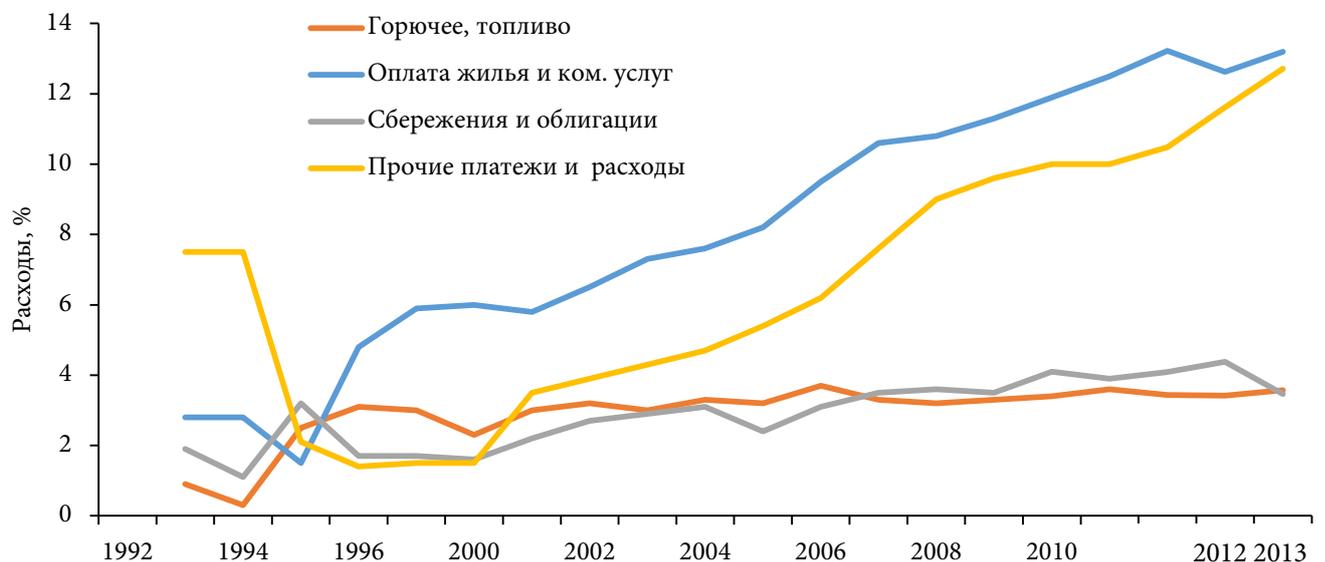

Рис. 12. Структура расходов: топливо, сбережения и облигации, оплата жилья и коммунальных услуг, прочие платежи и расходы, 1992–2013 гг., %

В таблице 7 представлены сведения RLMS-HSE о ежемесячных расходах российских домохозяйств, попадающих в различные квинтили подушевого распределения расходов, за 2013 г., которые еще раз подтверждают наличие глубокого расслоения населения России по материальному признаку. Но при этом анализ самых последних данных демонстрирует некоторое снижение дифференциации домохозяйств по величине расходов. Так, если в 2011 г. разница между ежемесячными расходами 20% самых богатых домохозяйств и 20% беднейших домохозяйств составляла 6,5 раза, то в 2012 г. она выросла до 7,9 раза, но в 2013 г. вновь сократилась до 7,5 раза. Как и прежде, весьма значительными были не только различия в величине расходов между самыми богатыми и беднейшими домохозяйствами, но и между самыми богатыми и всеми остальными российскими домохозяйствами. Так, в 2013 г. расходы домохозяйств, принадлежащих к верхнему квинтилю, превышали расходы домохозяйств предыдущего четвертого квинтиля приблизительно в 2,5 раза, что столько же, сколько было в 2008 г., но немного больше, чем около 2,3 раза, зафиксированных в 2010–2012 гг.

Таблица 7

Ежемесячные расходы домохозяйств по квинтилям распределения душевых расходов.
Декабрь 2013 г., в руб. декабря 2013 г.

Категории расходов	Нижний 20	21–40	41–60	61–80	Верхний 20
Расходы на продукты питания					
Молочные продукты	722	1084	1255	1398	1596
Мясо, птица, рыба	1994	2996	3402	4008	4981
Картофель	141	186	310	294	437
Хлеб	726	801	885	899	839
Фрукты, овощи	420	793	1061	1267	1664
Прочие продукты питания	1188	1677	2064	2436	2790
Питание в столовых, ресторанах, кафе	674	1097	1536	2336	3217
Продукты домашнего изготовления	968	1275	1117	1150	1147
Алкоголь	169	277	386	455	742
Всего расходов на продукты питания	7001	10 186	12 015	14 243	17 413
Расходы на непродовольственные товары					
Табачные изделия	400	502	537	591	721
Одежда	1017	1760	2105	2950	4368
Горючее, топливо	526	915	1243	1928	2926
Электроника и др. товары длительного пользования	319	801	1561	3244	23 580
Услуги и отдых	1632	2738	3935	5891	20 222
Оплата обучения, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам	521	1451	3717	7767	21558
Оплата жилья и коммунальных услуг	2125	3084	3456	3708	4694
Акции, облигации	0	0	0	0	84
Различные товары (мыло, игрушки, газеты и т. п.)	484	669	759	1019	1317
Сбережения	84	459	986	1804	5005
Всего расходов на непродовольственные товары	7107	12 379	18 298	28 901	88 933
Всего расходов на продукты питания и непродовольственные товары	14 108	22 564	30 313	43 143	106 345
Всего расходов на продукты питания. Декабрь 2012 г. (в руб. 2013 г.)	6842	9808	11 431	13 830	18 585
Всего расходов на непродовольственные товары. Декабрь 2012 г. (в руб. 2013 г.)	6661	11 926	17 662	28 881	88 209
Всего расходов на продукты питания и непродовольственные товары. Декабрь 2012 г. (в руб. 2013 г.)	13 503	21 736	29 096	42 713	106 797

Если в 2012 г. расходы наиболее богатых домохозяйств росли намного быстрее, чем расходы бедных и малообеспеченных домохозяйств, то в 2013 г. наблюдалась противоположная картина. Так, если в 2012 г. у домохозяйств первого, т. е. самого бедного квинтиля расходы выросли на 7,3%, то в 2013 г. — на 4,5%; у домохозяйств второго квинтиля — соответственно на 1,1 и 3,8%, а у домохозяйств третьего квинтиля — на 0,8 и 4,2%. В то же время у домохозяйств четвертого квинтиля в 2012 г. расходы увеличились на 10,7%, тогда как в 2013 г. — всего лишь на 1%. А у домохозяйств пятого, т. е. самого богатого квинтиля в 2012 г. рост расходов составил 20,7%, в то время как в 2013 г. они сократились на 0,4%. Эти изменения являются одним из свидетельств постепенного сокращения социального неравенства в России, которое в период радикальных преобразований достигло угрожающих размеров.

В 2013 г. была продолжена тенденция, демонстрирующая медленное ослабление неравенства в области расходов российских домашних хозяйств на продукты питания. Так, если в 2008–2009 гг. домохозяйства самого верхнего квинтиля тратили ежемесячно на питание приблизительно в 3,5 раза больше, чем домохозяйства самого нижнего квинтиля, то к концу 2012 г. данный показатель снизился до 2,7 раза, а к концу 2013 г. — до 2,5 раза. Достигнутое значение было намного меньше, чем в 1998–2000 гг., когда указанная разница достигала 5–6 раз. В анализируемый период было отмечено также некоторое сокращение разницы в расходах на продукты питания между домохозяйствами самого верхнего квинтиля и домохозяйствами ближнего к нему четвертого квинтиля: с 1,3 раза в 2012 г. до 1,2 раза в 2013 г. Примечательно, что если у домохозяйств, принадлежащих к первым четырем квинтилям, расходы на продукты питания в 2013 г. по сравнению с 2012 г. увеличились (соответственно на 2,3; 3,9; 5,1 и 3%), то у домохозяйств последнего квинтиля они снизились на 6,3%. Вместе с тем в 2012 г. расходы на продукты питания быстрее всего росли у домохозяйств верхнего квинтиля (рост составил 7,4%), а затем у домохозяйств самого нижнего, т. е. беднейшего квинтиля (4,4% против 2,1% во втором квинтиле и 1,2% в третьем квинтиле). Что касается домохозяйств четвертого квинтиля, то у них за последний год расходы на продовольствие практически не изменились, сократившись на символические 0,1%.

В 2013 г. были выявлены новые изменения, свидетельствующие об ослаблении различий в ежемесячных тратах по отдельным статьям продовольственных расходов между домохозяйствами, принадлежащими к полярным квинтилям. Так, если в 2008 г. разница в ежемесячных расходах на молочные продукты между самыми богатыми и самыми бедными домохозяйствами достигала 3,7 раза, то в 2012 г. — уже 2,3 раза, а в 2013 г. — 2,2 раза. Аналогичная разница в расходах на мясо, птицу и рыбу уменьшилась с 3,7 раза в 2008 г. до 2,8 раза в 2012 г. и далее до 2,5 раза в 2013 г.; на картофель — с 5 раз в 2008 г. до 3,4 раза в 2012 г. и затем до 3,1 раза в 2013 г. Характерно, что наблюдаемое при этом повышение расходов на картофель затронуло практически в одинаковой степени все квинтильные группы. И в то же время разница в расходах между домохозяйствами крайних квинтилей на овощную продукцию и фрукты, постепенно сократившаяся за 2008–2012 гг. с 5,7 до 3,7 раза, в 2013 г. вновь увеличилась до 4 раз. Как и прежде, одной из самых низких была в 2013 г. разница между самыми богатыми и беднейшими домохозяйствами в расходах на хлебобулочную продукцию (1,2 раза) и на продукты домашнего из-

готовления (1,2 раза), тогда как наиболее высокой — в тратах на алкогольную продукцию, которая, однако, за последний год существенно сократилась (с 7,8 раза в 2012 г. до 4,4 раза в 2013 г.

Что касается разницы между беднейшими и самыми богатыми домохозяйствами в расходах на питание вне дома, то она сократилась с 8,8 раза в 2008 г. до 4,9 раза в 2012 г. и оставалась примерно такой же в 2013 г. При этом домохозяйства средних квинтилей заметно увеличили расходы на питание в столовых, кафе и ресторанах (домохозяйства третьего квинтиля — на 6,1%; четвертого квинтиля — на 28,1%), тогда как домохозяйства остальных квинтилей или лишь обозначили небольшой рост расходов (домохозяйства первого квинтиля — на 1,5%), или уменьшили их (домохозяйства второго квинтиля — на 5,9%; пятого квинтиля — на 2%).

Наличие отмеченных тенденций приводит, в конечном счете, к тому, что представители беднейших домохозяйств нередко страдают от недоедания, тогда как члены самых богатых домохозяйств чаще других вынуждены спасаться от переедания, что обостряет для них проблему лишнего веса. Наиболее сложная ситуация с доступностью основных продуктов питания наблюдается в таких социально неблагополучных регионах, как Ингушетия, Дагестан, Саратовская область и др. В Ингушетии, например, 83,4% семей тратят на еду более 50% всех расходов (семьи с такой долей продовольственных расходов ФАО — продовольственная организация ООН — относят к бедным и уязвимым семьям). В Дагестане доля подобных семей достигает 55,4%, в Саратовской области — 40,5%, в Калмыкии — 39,8%, в Пензенской области — 38,7%, в Брянской области — 37,2%, в Рязанской области — 35,6%, в Ульяновской области — 34,4%.

В 2013 г. наряду с сокращением разницы между домохозяйствами, принадлежащими к самому богатому и беднейшему расходным квинтилям, в величине ежемесячных расходов на продукты питания наблюдалось также сокращение различий в расходах на непродовольственные товары. Если за 2010–2012 гг. эта разница выросла с 10,3 раза до 13,2 раза, то в 2013 г. она сократилась до 12,5 раза. Напомним, что самым высоким данный показатель был в 1998 г., когда домохозяйства верхнего расходного квинтиля тратили на непродовольственные товары в 19,5 раз больше, чем беднейшие 20% домохозяйств.

Примечательно, что в 2013 г., как и годом ранее, домохозяйства верхнего квинтиля тратили на непродовольственные товары больше, чем домохозяйства второго квинтиля в 7,2 раза; чем домохозяйства третьего квинтиля — почти в 5 раз и чем домохозяйства четвертого, т. е. ближайшего квинтиля — более чем в 3 раза. Интересно также, что если в 2012 г. траты на непродовольственные товары росли тем быстрее, чем были выше потребительские возможности российских домохозяйств, то в 2013 г. ситуация изменилась на противоположную. Так, в 2013 г. по сравнению с 2012 г. расходы на непродовольственные товары домохозяйств самого нижнего квинтиля выросли на 6,7% (годом ранее — на 10,5%), домохозяйств второго квинтиля — на 3,8% (годом ранее — на 11,1%), домохозяйств третьего квинтиля — на 3,6% (годом ранее — на 13%), домохозяйств четвертого квинтиля — на 0,1% (годом ранее — на 16,8%) и домохозяйств самого верхнего квинтиля — на 0,8% (годом ранее — на 23,9%).

В ходе исследования было выявлено значительное сокращение за последний год различий между богатыми и бедными домохозяйствами в величине расходов на электробытовые товары и другие дорогостоящие предметы длитель-

ного пользования или товары культурно-бытового назначения. Так, если в 2012 г. разница в этих расходах между домохозяйствами, принадлежащими к крайним квинтилям, достигала 99 раз, то в 2013 г. она уменьшилась до 74 раз. Это было немного меньше, чем 80 раз в 2011 г. и намного меньше, чем 139 раз в 2006 г. Если в 2012 г. домохозяйства верхнего квинтиля расходовали на дорогостоящие товары культурно-бытового назначения примерно в 9 раз больше, чем домохозяйства предыдущего четвертого квинтиля, то в 2013 г. данный показатель сократился до 7,3 раза. Траты на эти товары составляли самую затратную статью семейного бюджета только у самых богатых домохозяйств, тогда как уже у домохозяйств соседнего четвертого квинтиля они были сопоставимы с расходами на оплату жилья и коммунальных услуг, а также в 1,8 раза меньше, чем расходы на услуги и отдых и в 2,4 раза меньше, чем расходы на оплату обучения, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам. Еще менее весомой данная статья расходов была у домохозяйств второго и третьего квинтилей, а у домохозяйств первого квинтиля она относилась к наименее затратным статьям семейного бюджета. В частности, в 2013 г. домохозяйства беднейшего квинтиля тратили на электробытовую технику и другие товары длительного пользования в 1,5 раза меньше, чем на мелкие непродовольственные товары повседневного спроса (мыло, шампунь, игрушки, газеты и т. п.); в 1,6 раза меньше, чем на топливо; в 3,2 раза меньше, чем на одежду и обувь; в 5,1 раза меньше, чем на услуги и отдых, а также в 6,7 раза меньше, чем на оплату жилья и коммунальных услуг.

Разница в расходах домохозяйств, принадлежащих к полярным квинтилям, на обучение, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам за последний год практически не изменилась. В 2013 г., как и в 2012 г., она составляла около 42 раз, что было, однако, намного больше, чем в начале и середине 2000-х гг., когда данная разница не превышала 20–25 раз. В 2013 г. расходы на оплату обучения, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам занимали первое место в структуре ежемесячных расходов домохозяйств четвертого квинтиля, но лишь второе место в бюджете домохозяйств самого верхнего и третьего квинтилей. В то же время у домохозяйств самого нижнего квинтиля эти траты составляли одну из наименее затратных статей бюджета.

К числу наиболее затратных бюджетных статей у домохозяйств всех квинтилей относятся расходы на оплату жилья и коммунальных услуг. В 2013 г. домохозяйства верхнего квинтиля тратили на эти цели почти в 2,2 раза меньше, чем домохозяйства нижнего квинтиля, что было немного меньше, чем 2,4 раза в 2012 г. Но наиболее пристального внимания заслуживает тот факт, что у домохозяйств двух нижних квинтилей расходы на оплату жилья и коммунальных услуг составляют самую затратную статью бюджета. Так, в 2013 г. домохозяйства первого квинтиля тратили на эти цели в 1,3 раза больше, чем на оплату услуг и отдыха; в 2,1 раза больше, чем на покупку одежды и обуви; в 4,1 раза больше, чем на оплату обучения, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам. В то же время у домохозяйств третьего и четвертого квинтилей расходы на оплату жилья и коммунальных услуг заняли только третье место в структуре ежемесячных расходов, уступив по своей величине расходам на оплату обучения, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам, а также расходам на услуги и отдых. Что касается домохозяйств самого верхнего квинтиля, то они тратили на оплату жилья и коммунальных услуг в 5 раз

меньше, чем на покупку электроники и других предметов длительного пользования; в 4,6 раза меньше, чем на оплату обучения, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам; в 4,3 раза меньше, чем на оплату услуг и отдыха, а также немного меньше, чем на сбережения. Рост данных расходов в 2013 г. в большей степени сказался на бюджетах бедных домохозяйств. Так, если у домохозяйств нижнего и второго квинтилей они выросли за последний год более чем на 9%, у домохозяйств среднего квинтиля — на 5,7%, то у домохозяйств четвертого квинтиля только на 2,8%. И в то же время у домохозяйств верхнего квинтиля эти расходы практически не изменились.

Еще одной затратной статьей бюджета у домохозяйств всех квинтилей были расходы на оплату разного рода услуг и проведение отдыха. Если в 2012 г. домохозяйства верхнего квинтиля тратили на эти цели почти в 13 раз больше, чем домохозяйства первого квинтиля, то в 2013 г. данный показатель снизился до 12,4 раза. Это было несколько больше, чем 11,5 раза в 2011 г., но гораздо меньше, чем 18 раз в 2000 г. и 2009 г. Разница в величине расходов на услуги и отдых между верхним и четвертым квинтилями в 2013 г. составила 3,4 раза. Колоссальной оставалась разница в объемах сбережений домохозяйств, принадлежащих к полярным квинтилям. С 2006 по 2010 г. она сократилась с 60 до 23 раз, но в 2011 г. вновь выросла до 67 раз. Вместе с тем в 2012 г. было зафиксировано новое снижение до 39 раз, а затем в 2013 г. увеличение до 60 раз. Такие огромные колебания можно отнести большей частью на счет нестабильной экономической ситуации, оказывающей существенное влияние на потребительское поведение и формирование финансовых стратегий российских домохозяйств.

Важной статьей бюджета домохозяйств с разным достатком на протяжении всех лет мониторинга являются расходы на одежду и обувь. В 2013 г. самые обеспеченные домохозяйства тратили на эти цели примерно в 4,3 раза больше, чем домохозяйства самого нижнего квинтиля, что лишь немного меньше, чем 4,5 раза, зафиксированные в 2012 г. При этом разница в данных расходах между домохозяйствами соседних верхнего и четвертого квинтилей, как и год назад, составляла около 1,5 раза. В 2013 г. у домохозяйств самого нижнего квинтиля расходы на одежду и обувь занимали довольно высокое третье место в бюджете, уступая только в 2,1 раза расходам на оплату жилья и коммунальных услуг и в 1,6 раза расходам на оплату услуг и отдыха. Что касается домохозяйств верхнего квинтиля, то они тратили на покупку одежды и обуви в 5,4 раза меньше, чем на электронику и другие дорогостоящие предметы длительного пользования; в 4,9 раза меньше, чем на оплату обучения, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам; в 4,6 раза меньше, чем на услуги и отдых, а также немного меньше, чем на сбережения и на оплату жилья и коммунальных услуг. Разница в расходах на разного рода непродовольственные товары повседневного спроса (мыло, шампуни, игрушки, газеты, журналы и т. п.) между домохозяйствами, принадлежащими к крайним квинтилям, сократилась с 3 раз в 2012 г. до 2,7 раза в 2013 г. Причем снижение расходов на эти непродовольственные товары было отмечено во всех квинтильных группах.

Значительной оставалась в 2013 г. разница между домохозяйствами полярных квинтилей в тратах на горючее и топливо. Но если в 2012 г. она составляла около 6 раз, то в 2013 г. сократилась до 5,6 раза. Это было лишь немного меньше,

чем в 2010–2011 гг., и заметно меньше, чем в 2008 г., когда данная разница достигала 10 раз. Обращает на себя внимание сокращение различий между домохозяйствами полярных квинтилей в расходах на табачную продукцию с 2,5 раза в 2008 г. до 1,8 раза в 2012–2013 гг. При этом представляет интерес тот факт, что в 2013 г. домохозяйства самого бедного квинтиля, как и годом ранее, тратили на табачные изделия больше, чем на предметы длительного пользования и сбережения, и лишь немного меньше, чем на мелкие и сравнительно дешевые товары повседневного спроса. Отмеченный выше рост расходов на табачную продукцию затронул домохозяйства всех расходных квинтилей. Что касается расходов на акции, облигации и т. п., то они были характерны только для 20% наиболее богатых домохозяйств.

Таким образом, в 2013 г. россияне не стали тратить сколько-нибудь заметно больше, чем в предыдущем году. При этом было выявлено замедление потребительского спроса, которое в равной мере затронуло как расходы на продукты питания, так и расходы на непродовольственные товары. Негативные новости об экономических проблемах создавали в обществе ожидание кризиса. Россияне чувствовали неуверенность в завтрашнем дне, что непосредственно отразилось на их тратах. Многие стали экономить на повседневных расходах. Имела значение и возросшая финансовая грамотность граждан. В условиях экономической нестабильности многие стали сокращать расходы и старались не набирать кредиты. Но в то же время немало было и сторонников увеличения текущего потребления, которые полагали, что лучше потратить все сейчас, пока есть возможность. К важным тенденциям следует отнести некоторое уменьшение дифференциации домохозяйств по расходам. В то время, когда расходы более обеспеченных домохозяйств росли медленнее, чем расходы бедных домохозяйств, расходы самых богатых домохозяйств демонстрировали отрицательную динамику.

Динамика владения предметами длительного пользования

В ходе исследования было выявлено очередное повышение уровня обеспеченности российских домохозяйств предметами длительного пользования, о чем свидетельствуют данные, представленные в [таблице 8](#). В 2013 г., несмотря на существенное замедление темпов роста расходов населения, как и годом ранее, по большинству анализируемых товарных групп наблюдалась положительная динамика.

Так, доля домохозяйств, являющихся владельцами хотя бы одного легкового и/или грузового автомобиля, увеличилась с 41,6% в 2012 г. до 42,5% в 2013 г., т. е. на 0,9 процентного пункта. После этого увеличения удельный вес домохозяйств-автовладельцев достиг максимального значения за все время наблюдений. Это повышение продолжило долгосрочную тенденцию, которая прерывалась только в 2011 г., когда доля домохозяйств, владеющих автомобилями, уменьшилась на 0,6 процентного пункта (с 39,7% в 2010 г. до 39,1% в 2011 г.). Чаще всего заявляют о владении автомобилем люди молодого и среднего возраста с высоким материальным достатком.

Таблица 8

Владение различными предметами длительного пользования на момент проведения опроса,
1992–2013 г., %

Предметы длительного пользования	1992	1996	1998	2000	2002	2004	2008	2010	2011	2012	2013
Черно-белый телевизор	53,7	43,4	34,5	29,8	21,5	13,4	-	-	-	-	-
Цветной телевизор	54,6	67,6	73,5	75,9	82,9	87,8	96,4	97,0	97,1	97,6	97,6
Видеомагнитофон	3,1	24,7	32,2	33,4	38,8	42,6	35,2	31,3	27,2	23,8	21,7
Компьютер	-	-	4,0	4,1	8,2	16,1	38,2	51,0	56,3	61,0	64,8
Легковой или грузовой автомобиль	16,5	22,5	24,8	26,3	28,6	27,8	34,5	39,7	39,1	41,6	42,5
Холодильник	93,0	92,8	92,4	93,3	94,4	94,6	-	-	-	-	-
Холодильник «NO FROST»	-	-	-	-	-	-	35,0	45,2	47,8	51,1	56,1
Стиральная машина	76,6	78,4	78,5	79,1	78,9	80,4	-	-	-	-	-
Автоматическая стиральная машина	-	-	-	-	-	-	53,0	63,2	68,1	72,7	76,7
Дача*	17,8	30,8	30,9	30,4	28,8	27,1	24,4	21,4	24,1	24,1	23,4

*Дача означает садовый домик или дом в деревне, владение дачей учитывается только для городских домохозяйств.

Темпы роста автомобильного парка домохозяйств, зафиксированные в 2013 г., можно охарактеризовать как очень и очень умеренные. Они были почти втрое ниже, чем в предыдущем году, когда удельный вес домохозяйств, являющихся владельцами автомобилей (легковых и/или грузовых), вырос на 2,5 процентного пункта. Еще более высокие темпы роста наблюдались в 2010 г., когда за год удельный вес домохозяйств, имеющих в собственности какой-либо автомобиль, увеличился на 3,3 процентного пункта (с 36,4% в 2009 г. до 39,7% в 2010 г.). В целом с 2000 по 2013 г. удельный вес домохозяйств, имеющих собственный автомобиль, вырос более чем в 1,6 раза, а по сравнению с 1992 г. — почти в 2,6 раза. Часть из них имели в собственности по два и более двух автотранспортных средств.

В отношении предпочтений россиян при выборе автомобиля существенных различий между отечественной и иностранной продукцией не наблюдается. Но при этом стремление иметь автомобиль иностранной модели усиливается нарастающими темпами. Если в 2013 г. по сравнению с 2012 г. доля российских домохозяйств, имеющих в собственности только отечественный легковой автомобиль, сократилась с 20 до 19,3%, т. е. на 0,7 процентного пункта, то удельный вес домохозяйств, располагающих только автомобилем иностранной модели, увеличился с 19,4 до 21,1%, т. е. на 1,7 процентного пункта. Кроме того, как и годом ранее, немногим более 2% домохозяйств имели в собственности как отечественный легковой автомобиль, так и легковой автомобиль иностранной модели. Что касается домохозяйств, владеющих грузовым автомобилем, то их доля за последний год не изменилась и составила 2,4%.

В 2013 г. замедлились темпы обновления автомобильного парка российских семей, что было отчасти связано с сокращением продаж новых легковых автомобилей в России на 5,5% по сравнению с 2012 г. Как следует из данных, приведен-

ных на рис. 13, доля отечественных легковых автомобилей, достигших 5-летнего возраста, сократилась за год с 41,8 до 39,4%, тогда как удельный вес автомобилей, возраст которых превышает 10-летний рубеж, увеличился с 33,2 до 34,8%. Особенно значительным было увеличение удельного веса легковых автомобилей, находящихся в эксплуатации более 20 лет (с 8,2% в 2012 г. до 11,6% в 2013 г., т. е. на 3,4 процентного пункта).

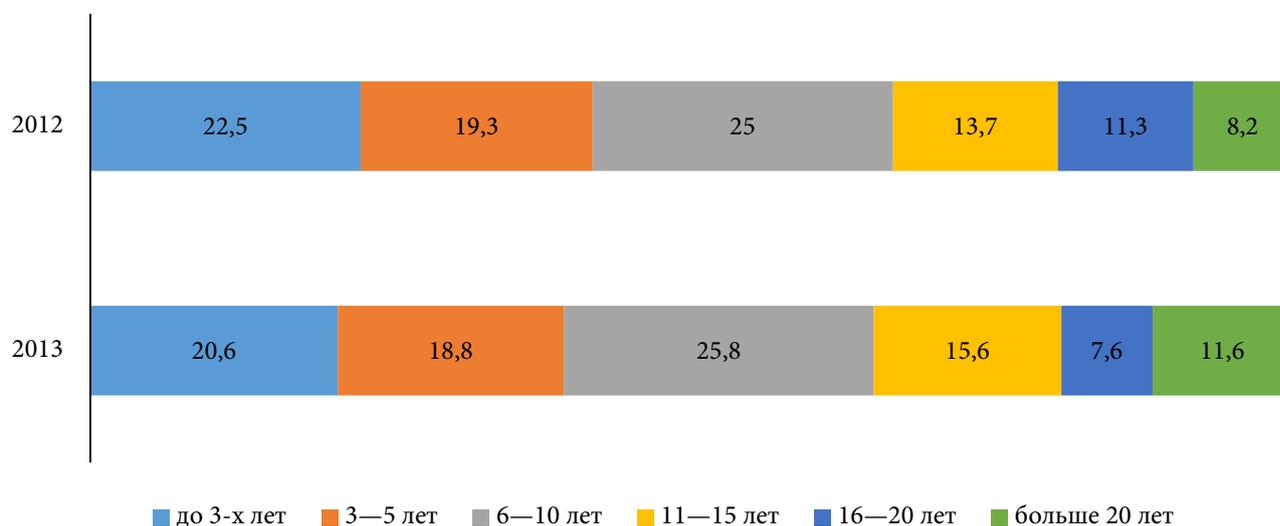

Рис. 13. Возраст отечественных легковых автомобилей, 2012–2013 гг., %

Постарение затронуло также парк автомобилей иностранных моделей, который по понятным причинам намного новее парка отечественных легковых автомобилей. Как следует из рис. 14, доля легковых автомобилей иностранных моделей, достигших 3-летнего возраста, сократилась за год на 3,1 процентного пункта – с 38,8 до 35,7%, а доля автомобилей, находящихся в эксплуатации от 3-х до 5-ти лет, уменьшилась на 1 процентный пункт – с 31,5 до 30,5%. При этом наиболее существенно вырос удельный вес автомобилей иностранных моделей, возраст которых составляет от 6-ти до 10-ти лет (с 16,6% в 2012 г. до 20,8% в 2013 г., т. е. на 4,2 процентного пункта).

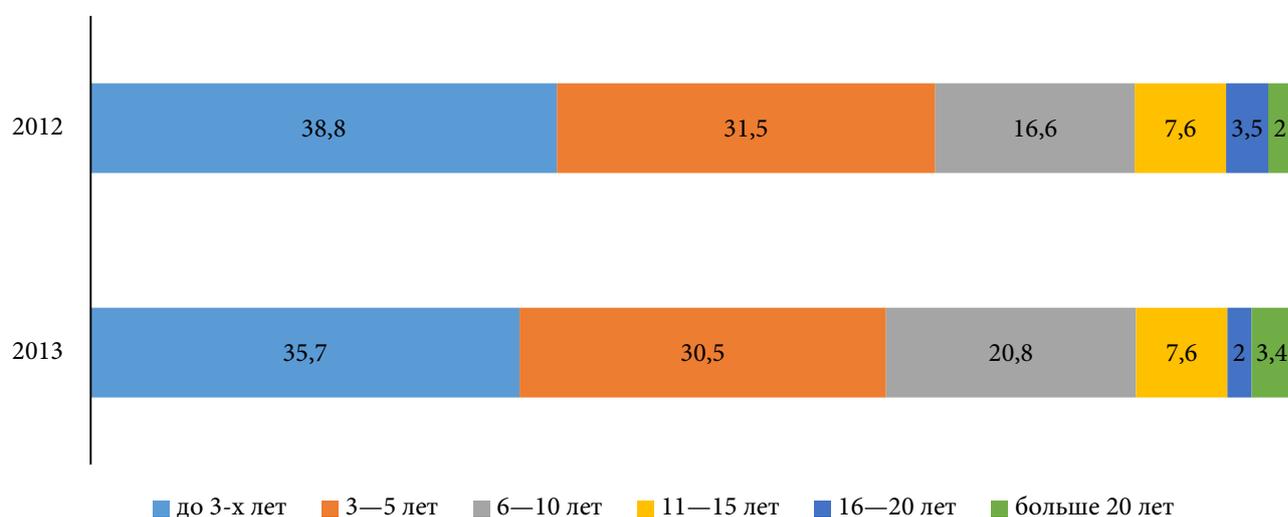

Рис. 14. Возраст легковых автомобилей иностранной модели, 2012–2013 гг., %

При рассмотрении вышеизложенных данных следует учитывать, что приобретение нового легкового автомобиля не всегда означает, что этот автомобиль новый. Значительная часть семей в принципе не в силах позволить себе купить новый автомобиль (как и многие другие предметы длительного пользования) за собственные средства. Они вынуждены либо довольствоваться ранее приобретенными подержанными автомобилями и тем автотранспортом, который достался им в наследство от старших поколений, либо влезают в долги для покупки нового автомобиля, который зачастую не в силах даже элементарно обслуживать. Т. е. очень многие семьи вынуждены эксплуатировать бывшие в употреблении автомобили, находящиеся в неудовлетворительном или откровенно аварийном состоянии. Речь идет, в том числе, о той части российских граждан, которые уже вырвались из сложившейся сегодня парадигмы выживания, но никак не видят для себя, своих детей и других близких родственников будущего в рамках существующего экономического порядка. Они уже могут позволить себе не задумываться часто о физиологическом выживании и им по силам приобретение одежды и целого ряда товаров длительного пользования. Однако дорогостоящие товары (прежде всего недвижимое имущество и, в меньшей степени, автомобили) по-прежнему остаются для них мало доступной роскошью, на которую им не хватает средств, имеющихся в их распоряжении. Такие дорогие товары они способны приобретать либо в кредит, либо за счет неучтенных доходов от предпринимательской деятельности и различных «серых» схем: коррупционных прибылей, зарплат в конвертах и т. д. Этими причинами во многом объясняется то, что лидирующие позиции по уровню обеспеченности населения автомобилями принадлежат Приморью и Камчатке, где примерно у половины жителей есть легковой автотранспорт. Высокий уровень автомобилизации здесь поддерживается за счет ввоза большого количества подержанных иномарок, преимущественно японского производства.

Стабильной на протяжении последних лет является доля домохозяйств, имеющих в собственности такие малые средства передвижения, как мотоциклы, мотороллеры, скутеры, мопеды, квадроциклы, моторные лодки и т. д. В 2013 г. она составила 3,1%, что лишь на символические 0,1 процентного пункта больше, чем в 2012 г. Возраст около 55% мотоциклов, мотороллеров, скутеров, моторных лодок, находящихся в собственности россиян, не превышает пяти лет. 16% этих разнообразных транспортных средств находятся в эксплуатации от 6 до 15 лет. Довольно значительной, достигающей 29%, является также доля таких средств передвижения, возраст которых превышает 15-летнюю границу. Характерно, что высокая практическая потребность в мотоциклах в сельской местности дополняется возросшей потребностью в них как в средстве удовлетворения любительских интересов горожан. Можно предположить, что наблюдаемый сегодня рост популярности мотоцикла и скутера как удобного, маневренного, скоростного и престижного средства передвижения получит в скором времени подтверждение в более заметном росте количества владельцев этого транспортного средства.

Зафиксировано также довольно существенное увеличение удельного веса домашних хозяйств, владеющих взрослыми велосипедами — с 21% в 2012 г. до 21,8% в 2013 г., т. е. на 0,8 процентного пункта. Это увеличение можно объяснить возросшей популярностью у горожан велосипеда как средства передвижения, альтернативного автомобилю. Устав от бесцельного времяпровождения в дорожных

пробках, многие автомобилисты, прежде всего молодого возраста, пересаживаются на более маневренные и полезные для здоровья средства передвижения, к которым относится велосипед. Помимо этого имеет значение также все более широкое распространение моды на это двухколесное транспортное средство, которая приходит в Россию из европейских стран. Сегодня велосипеды медленно, но верно становятся важной частью городского транспорта, привлекая даже тех, кто вчера предпочитал перемещаться только на автомобиле. Большинство велосипедов находятся во владении домохозяйств не более 5-ти лет: 24,7% — до 3-х лет и 34,1% — от 3-х до 5-ти лет. Пользование этим, набирающим популярность, транспортным средством носит избирательный характер и в немалой степени зависит от возрастно-полового состава семей. Чаще всего им пользуются молодые люди, представляющие полные семьи.

Удельный вес домохозяйств, владеющих городскими дачами, т. е. садовыми домиками или домиками в деревне, сократился с 24,1% в 2012 г. до 23,4% в 2013 г., т. е. на 0,7 процентного пункта. При этом следует иметь в виду, что до 2011 г. доля таких домохозяйств длительное время сокращалась, но в 2011–2012 гг. неожиданно увеличилась до 24,1%. Возраст значительной части городских дач, достигающей 21,3%, превышает 30 лет. При этом 17,4% имеют возраст до 5 лет включительно; 23,6% — от 6 до 15 лет; 29% — от 16 до 25 лет и 8,7% — от 26 до 30 лет.

Весьма значительным оказался также рост уровня владения российских домохозяйств современными предметами культурного и бытового назначения, которые относятся к категории основных или к предметам так называемого стандартного потребительского набора. При этом все более широкое использование разнообразной бытовой техники становится существенной стороной современного быта не только городской, но и сельской семьи. Поскольку черно-белые телевизоры, холодильники и стиральные машины старых моделей практически полностью вытеснены цветными телевизорами, современными холодильниками и автоматическими стиральными машинами нового поколения, данные об обеспеченности домохозяйств бытовой техникой устаревших моделей после 2004 г. не собираются.

Дальнейший анализ показал, что уровень владения домашних хозяйств цветными телевизорами, после достижения в 2012 г. максимального значения равного 97,6%, в 2013 г. не изменился. При этом был выявлен дальнейший и чрезвычайно стремительный рост удельного веса домохозяйств, располагающих плоскими телевизорами нового поколения (плазменными или жидкокристаллическими). Если в 2011 г. такие телевизоры имели около трети домохозяйств, то в 2012 г. — уже около 43%, а в 2013 г. — почти 53%. Примечательно, что 52% телевизоров нового поколения находились в пользовании менее 3-х лет, а 37,4% — от 3-х до 5-ти лет. Доля домашних хозяйств, имеющих во владении цветные телевизоры старого поколения (с электронно-лучевой трубкой), сократилась с 77% в 2012 г. до 71% в 2013 г. Чуть ли не три четверти этих телевизоров находились в пользовании 10 и более лет.

Уровень обеспеченности российских домохозяйств такими предметами стандартного потребительского набора семьи, как холодильники «No Frost», увеличился с 51,1% в 2012 г. до 56,1% в 2013 г., т. е. на 5 процентных пунктов. Такие темпы роста оказались намного выше, чем 3,3 процентного пункта, зафиксированные в 2012 г., и 2,6 процентного пункта, установленные в 2011 г. В целом за 2006–2013 гг. удельный вес домохозяйств, владеющих современными холодильниками «No Frost», вырос

почти в 2,6 раза (с 21,6 до 56,1%). Свыше половины холодильников «No Frost» находились в пользовании домохозяйств не более 5-ти лет: 22,6% — до 3-х лет и 30,7% — от 3-х до 5-ти лет. И еще 33,5% имели возраст от 6-ти до 10-ти лет. В то же время доля домохозяйств, располагающих морозильными камерами, увеличилась за последний год только на 0,7 процентного пункта — с 11,3% в 2012 г. до 12% в 2013 г. Характерно, что 24,6% морозильных камер, имеющих в распоряжении домохозяйств, составляли образцы наиболее современной бытовой техники, возраст которой не превышал 3-х лет. Кроме того, 29% морозильных камер имели возраст от 3-х до 5-ти лет; 21,5% — от 6-ти до 10 лет и 24,9% — более 10 лет.

Удельный вес домохозяйств, владеющих автоматическими стиральными машинами нового поколения, увеличился с 72,7% в 2012 г. до 76,7% в 2013 г., т. е. на 4 процентных пункта. Примерно такие же темпы роста удельного веса владельцев автоматических стиральных машин были отмечены в предыдущие годы: с 58,6% в 2009 г. до 63,2% в 2010 г., т. е. на 4,6 процентного пункта, а затем до 68,1% в 2011 г., т. е. на 4,9 процентного пункта, и до 72,7% в 2012 г., т. е. на 4,6 процентного пункта. В целом с 2008 по 2012 г. удельный вес домохозяйств, имеющих в пользовании современные автоматические стиральные машины, вырос с 53 до 76,7%, т. е. почти на четверть, а именно на 23,7 процентного пункта. По своему возрасту они распределились в 2013 г. следующим образом: до 3-х лет — 20,8%; 3–5 лет — 33,9%; 6–10 лет — 36,3% и более 10 лет — 9%. Удельный вес домохозяйств, пользующихся посудомоечными машинами, вырос за последний год на 0,4 процентного пункта — с 2,8% в 2012 г. до 3,2% в 2013 г. Абсолютное большинство из них составляют довольно обеспеченные городские семьи.

В ходе замены устаревшей бытовой и культурно-бытовой техники современными моделями наблюдается постоянное сокращение количества домохозяйств, владеющих видеомагнитофонами и видеоплеерами, отживающими свой короткий век. За последний год их доля сократилась на 2,1 процентного пункта — с 23,8% в 2012 г. до 21,7% в 2013 г. Заметим, что в 2012 г. по сравнению с 2011 г. доля домохозяйств, имеющих во владении видеомагнитофон или видеоплеер, уменьшилась на 3,4 процентного пункта (с 27,2 до 23,8%). Заметно сократилась также доля домохозяйств, располагающих более современными DVD-проигрывателями и/или DVD плеерами: с 47,4 % в 2012 г. до 42,8% в 2013 г., т. е. на 4,6 процентного пункта. Что касается возраста этих технических средств, то 13,2% из них находились в пользовании до 3-х лет; 39,6% — от 3-х до 5-ти лет, а остальные — 6 лет и более.

Обращает на себя внимание также постоянный и существенный рост удельного веса домохозяйств, пользующихся микроволновыми печами. Если в 2012 г. по сравнению с 2011 г. доля таких домохозяйств, увеличилась с 59,6% до 63%, т. е. на 3,4 процентного пункта, то в 2013 г. она выросла до 66,1%, т. е. на 3,1 процентного пункта. В целом за 2006–2013 гг. удельный вес таких домохозяйств увеличился с 28,8 до 66,1%, т. е. в 2,3 раза. Доля домашних хозяйств, имеющих в пользовании цифровые фотоаппараты, после значительного роста в 2012 г. по сравнению с 2011 г. на 3,1 процентного пункт (с 37 до 40,1%), в 2013 г. практически не изменилась. Владельцами цифровых видеокамер на протяжении нескольких последних лет являются около 8% российских домохозяйств. Можно также отметить, что удельный вес домохозяйств, проживающих в квартирах, оборудованных кондиционерами воздуха, увеличился с 8% в 2012 г. до 9% в 2013 г.; спутниковыми

антеннами – соответственно с 17 до 19%, кабельным телевидением – соответственно с 31,7 до 35%, т. е. на 3,3 процентного пункта. Кроме того, в 2013 г. примерно каждое десятое домохозяйство располагало MP3-плеером (10,2%) и еще каждое десятое – GPS-навигатором (9,6%).

Особый интерес представляют данные мониторинга, раскрывающие уровень компьютеризации домохозяйств и степень освоения россиянами современных компьютерных технологий. Как показал анализ, если в 1998–2000 гг. имели во владении персональные компьютеры около 4% домохозяйств, то в 2013 г. их доля выросла до 64,8%, в том числе только за последний год на 3,8 процентного пункта. Повышение уровня обеспеченности домохозяйств компьютерами обусловлено повышением роли компьютерной техники в повседневной жизни. Владение компьютерной грамотностью, новыми электронными технологиями представляет ощутимый резерв информированности, самоорганизации людей разных поколений.

Вместе с тем нельзя не заметить, что темпы компьютеризации российских домохозяйств постоянно снижаются. Стоит напомнить, что, несмотря на резкое обострение экономической ситуации вследствие финансово-экономического кризиса в 2009 г., ежегодные темпы прироста домохозяйств-владельцев компьютеров были самыми высокими за все время наблюдений (7,3 процентного пункта). Но в дальнейшем они стали снижаться и составили в 2010 г. около 5,5 процентного пункта, в 2011 г. – 5,3 процентного пункта, в 2012 г. – только 4,7 процентного пункта, а в 2013 г., как уже отмечалось, – только 3,8 процентного пункта. С 2012 по 2013 г. доля домашних хозяйств, владеющих компьютерами, увеличилась с 61 до 64,8%. Таким образом, снижение темпов компьютеризации российских домохозяйств приобрело четко выраженный характер, обусловленный достигнутым высоким уровнем их обеспеченности компьютерной техникой, сокращающим резервы для дальнейшего роста. Очевидно, что чем больше домохозяйств имеют компьютеры, тем меньше остается тех, кто может пополнить состав владельцев компьютерной техники.

Представляет интерес тот факт, что в последний год темпы роста удельного веса домохозяйств, владеющих переносными компьютерами (ноутбук, лэптоп), резко увеличились, тогда как темпы роста владельцев громоздкими стационарными компьютерами существенно замедлились. Так, в 2013 г. по сравнению с 2012 г. доля домохозяйств, располагающих компактными переносными компьютерами, выросла с 24,4 до 39,6%, т. е. в 1,6 раза, в то время как доля домохозяйств, имеющих стационарные компьютеры, увеличилась с 44,1 до 44,9%, т. е. всего лишь на 0,8 процентного пункта.

Как следует из рис. 15, снижение темпов обновления стационарных компьютеров имело следствием существенное увеличение возраста компьютерного парка российских домохозяйств. В частности, в 2013 г. по сравнению с 2012 г. доля домохозяйств, имеющих в пользовании новые стационарные компьютеры, возраст которых не превышает 3-х лет, сократилась с 21,9 до 18,1%, а удельный вес домохозяйств, имеющих стационарные компьютеры, возраст которых составляет от 3-х до 5-ти лет, снизился с 41,2 до 38,6%. В то же время доля домохозяйств, пользующихся более старыми стационарными компьютерами (более 6 лет), вырос с 36,9 до 43,3%, т. е. на 6,4 процентного пункта. При этом с 9,9 до 13,4%, т. е.

на 3,5 процентного пункта увеличилась доля домашних хозяйств, располагающих практически полностью физически и морально устаревшими компьютерами, возраст которых составляет более 9 лет.

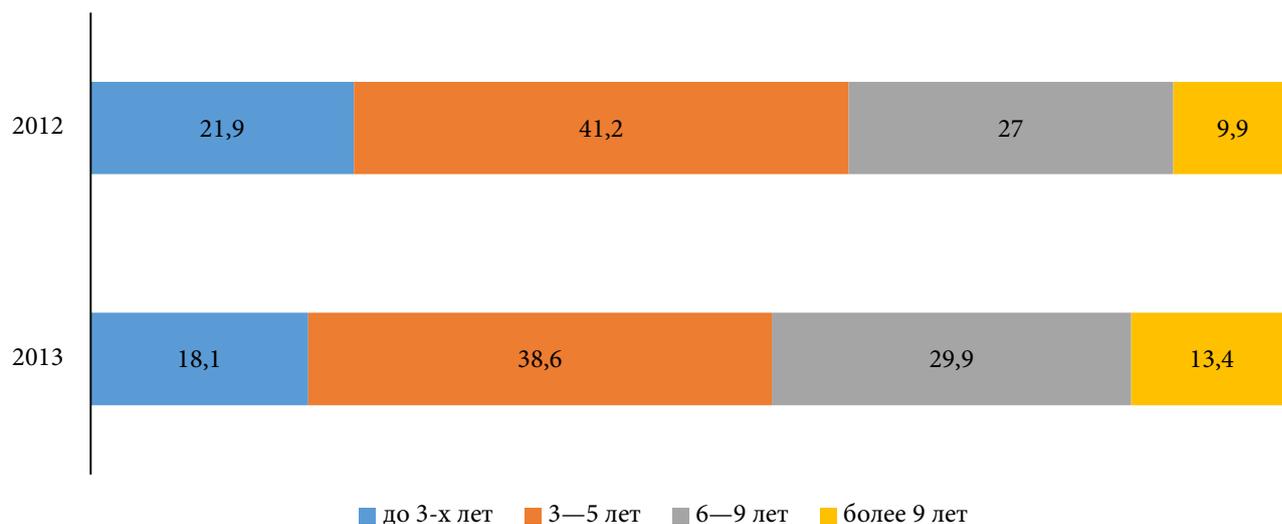

Рис. 15. Возраст стационарных компьютеров, 2012–2013 гг., %

Постарение затронуло также более востребованные в последние годы переносные компьютеры. Из данных, приведенных на рис. 16, следует, что с 2012 по 2013 г. доля домохозяйств, имеющих в пользовании новые переносные компьютеры, возраст которых не превышает 3-х лет, сократилась с 64,9 до 54%, т. е. на 10,9 процентного пункта, тогда как удельный вес домохозяйств, располагающих более старыми переносными компьютерами, увеличился соответственно с 35,1 до 46%.

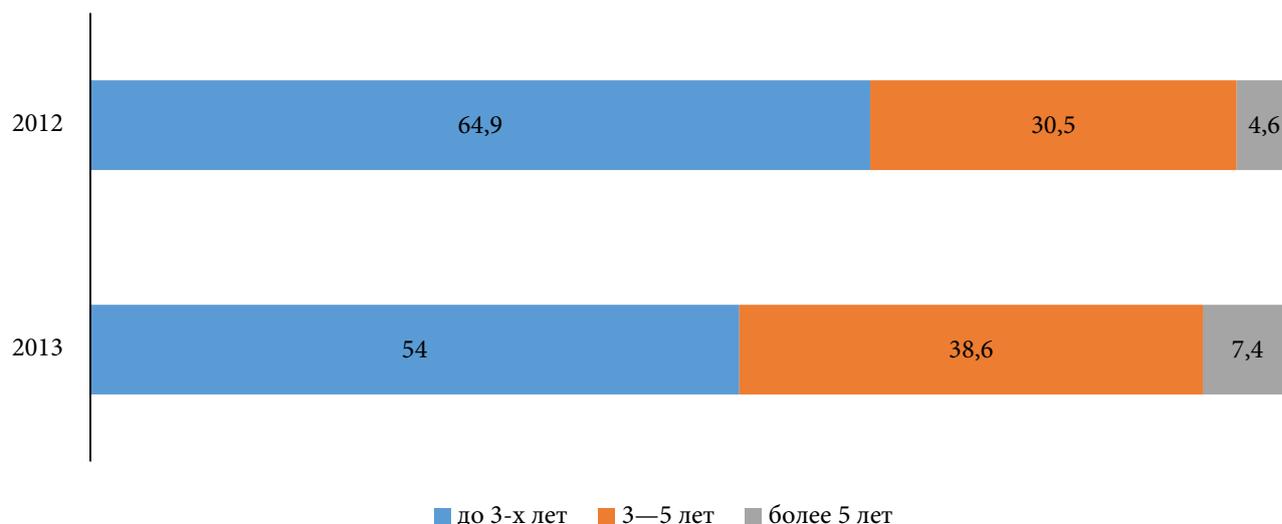

Рис. 16. Возраст переносных компьютеров, 2012–2013 гг., %

Результатом компьютеризации семей является значительное увеличение числа граждан, не только владеющих, но и регулярно пользующихся компьютерной техникой. Если в 2000 г. о пользовании компьютером в течение 12 месяцев, предшествующих опросу, в любых целях, включая печатание текстов, компьютерные

игры, просмотр фильмов и т. п., сообщали около трети взрослых респондентов, то в 2013 г. уже 64,8%. Из-за стремительно расширившегося компьютерно-обеспеченного пространства количество домохозяйств — пользователей компьютерами в последнее время растет, что вполне понятно, все менее быстрыми темпами. Значительная часть домохозяйств, не обеспеченных компьютерами, состоит из лиц пожилого возраста, которые не склонны к освоению новых информационных технологий. Если в 2012 г. по сравнению с 2011 г. доля домохозяйств, обладающих компьютерами, увеличилась на 7 процентных пунктов (с 53 до 60%), то в 2013 г. по сравнению 2012 г. — только на 1,6 процентного пункта (с 60 до 61,6%). Очевидно, что по мере вступления в пенсионный возраст людей, которые уже освоили компьютерные технологии, количество компьютеризированных домохозяйств рано или поздно достигнет непреодолимого максимума.

В последнее время граждане стали чаще пользоваться персональными компьютерами дома, но реже по месту своей трудовой деятельности, учебы и в некоторых других местах. Так, с 2011 по 2013 г. среди граждан, пользовавшихся компьютерами, доля лиц, обращавшихся к ним дома, увеличилась с 90 до 94,8%. В то же время удельный вес пользователей, обращавшихся к компьютерам по месту работы и учебы, сократился на 0,5 процентного пункта (с 49 до 48,5%), а в других местах — на 4 процентных пункта (с 21 до 17%). С 65,8% в 2012 г. до 64,8% в 2013 г. сократилась доля лиц, которые пользовались персональным компьютером для работы и учебы.

Наряду с ростом количества граждан, пользующихся компьютерами, увеличилось число лиц, обращающихся к услугам Интернета. В 2013 г. среди взрослых россиян доля граждан, которые пользовались Интернетом в течение последних 12 месяцев, составила 58,8%. Среди взрослых респондентов, пользовавшихся компьютером в течение последних 12 месяцев, доля лиц, обращавшихся к услугам Интернета, за 2003–2012 гг. выросла с 12 до 93,1%, т. е. в 7,8 раза, и в 2013 г. не менялась.

Из всех респондентов, которым приходилось в течение последних 12 месяцев пользоваться Интернетом, удельный вес граждан, обращавшихся к услугам этой глобальной сети у себя дома, в 2013 г. по сравнению с 2010 г. увеличился на 9,2 процентного пункта (с 86,3 до 95,5%), в том числе за последний год — на 2,1 процентного пункта. В то же время удельный вес лиц, которые пользовались услугами Интернета по месту работы и учебы, увеличился с 2010 по 2011 г. с 43,5 до 44,5%, но в 2012 г. уменьшился до 41% и затем в 2013 г. — до 39,3%. За 2011–2013 гг. последовательно сократилась также доля лиц, которые пользовались Интернетом в Интернет-кафе — на 1,2 процентного пункта (с 5,2 до 4%), в том числе за последний год на 0,2 процентного пункта. В то же время удельный вес лиц, пользующихся Интернетом в других местах, лишь немного увеличился — с 19,9% в 2010 г. до 20,5% в 2011 г., но в 2012 г. вновь уменьшился до 19,1% и затем в 2013 г. до 15,5%. В целом за последние два года снижение составило 5 процентных пунктов.

Среди респондентов анализируемой группы с 2010 по 2012 г. доля лиц, которые пользовались для входа в Интернет переносными компьютерами — ноутбуками, лэптопами, увеличилась на 13,5 процентного пункта — с 35,9 до 49,4% и далее в 2013 г. еще на 0,9 процентного пункта — до 50,3%. Таким образом, за 2010–2011 гг. удельный вес таких пользователей вырос на 14,4 процентного пункта.

Не менее значительным оказался рост количество граждан, пользующихся для выхода в сеть Интернет карманными компьютерами (планшетами): с 2,3% в 2010 г. до 6% в 2012 г. и далее до 12,9% в 2013 г., т. е. в целом в 5,6 раза. Особого внимания заслуживает и тот примечательный факт, что удельный вес лиц, использующих для выхода в Интернет мобильный телефон или смартфон, с 2010 г. по 2011 г. увеличился только с 2,3 до 2,9%, но в 2012 г. совершил резкий скачок до 33% и в 2013 г. составил 33,6%.

Данные RLMS-HSE, характеризующие основные цели пользования россиянами глобальной сетью Интернет (за 2010–2013 гг.), отражены на рис. 17. Как следует из данных, представленных на этом рисунке, в 2010–2013 гг. по большинству анализируемых позиций наблюдались небольшие ежегодные процентные колебания.

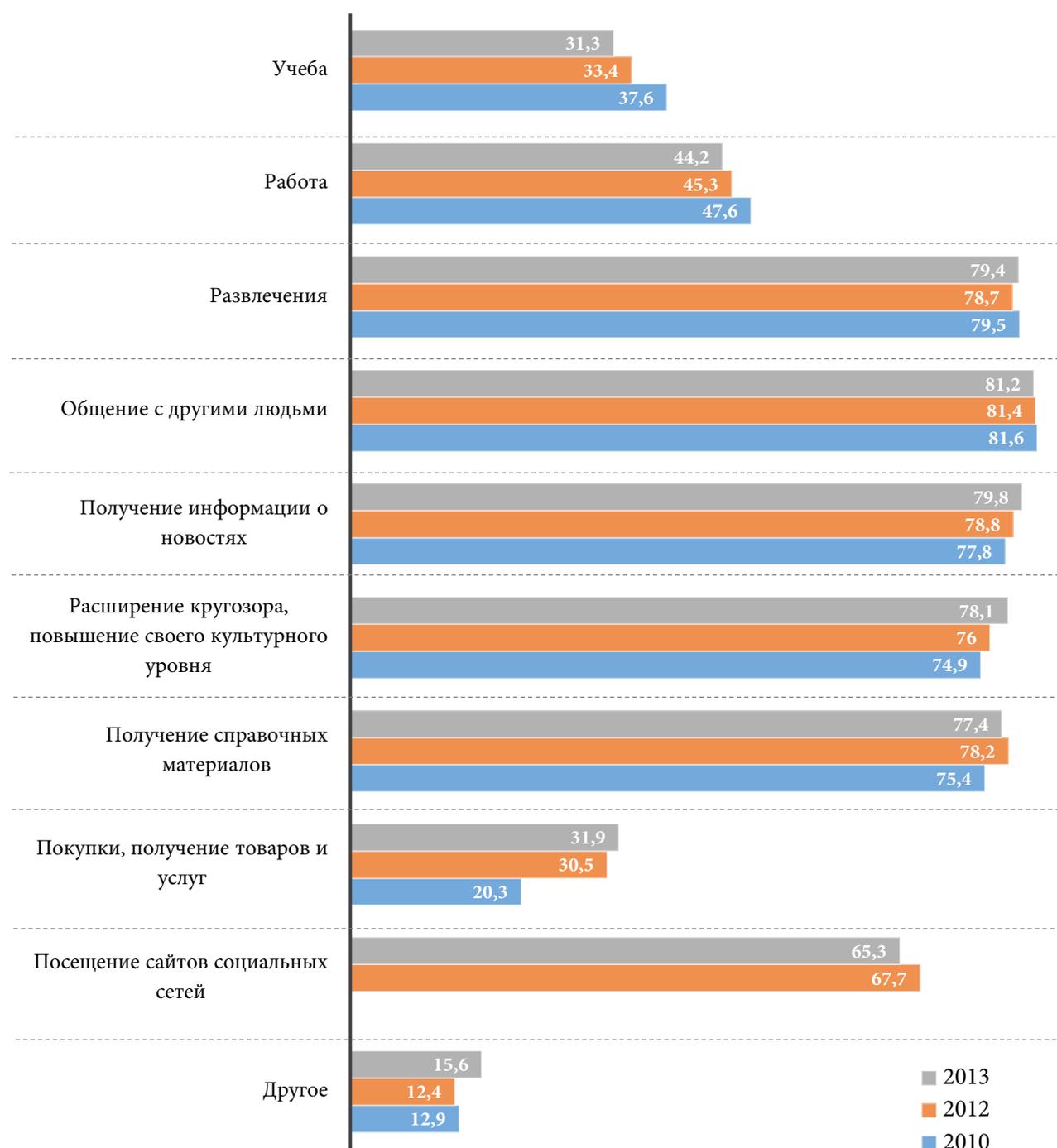

Рис. 17. Цели пользования Интернетом, 2010–2012 гг., в % к количеству пользователей

К наиболее распространенным целям пользования глобальной сетью Интернет, как и прежде, относятся общение с друзьями, знакомыми и другими людьми (81,2%); получение оперативной информации о новостях, последних событиях в стране и в мире (79,8%); игры и развлечения, включая скачивание музыки, фильмов и т. п. (79,4%); оперативное получение необходимых справочных, информационно-справочных и аналитических материалов (77,4%); обновление знаний, развитие общей эрудиции, расширение кругозора, повышение своего культурного уровня (78,1%). Степень распространенности этих целей исключительно высока и подвержена лишь незначительным ежегодным колебаниям. Весомой является также доля россиян взрослого возраста, обращающихся к Интернету с целью посещения сайтов социальных сетей. В 2013 г. их доля составила 65,3%. Из числа этих людей указали, что посещают такие социальные сети, как Одноклассники, – 77,8%; ВКонтакте – 66,2%; Фейсбук – 12,7%; Живой Журнал – 2,1%; Твиттер – 5,6%.

Среди важных тенденций, характеризующих изменение степени значимости целей пользования Интернетом, стоит обратить внимание, прежде всего, на последовательное снижение удельного веса лиц, обращающихся к этой глобальной компьютерной сети для учебы (с 37,6% в 2010 г. до 31,3% в 2013 г., т. е. на 6,3 процентного пункта) и для работы (с 47,6% в 2010 г. до 44,2% в 2013 г., т. е. на 3,4 процентного пункта), а также на последовательное и довольно существенное увеличение удельного веса граждан, которые обращаются к Интернету для покупок различных потребительских товаров и получения услуг (с 20,3% в 2010 г. до 31,9% в 2013 г., т. е. на 11,6 процентного пункта). Последние данные отражают тенденцию роста российского рынка интернет-торговли. Как показывает опыт, у интернет-магазинов есть все шансы не только сохранить, но и значительно улучшить свое положение на разных сегментах за счет оперативного решения задач доставки товаров, постоянного расширения ассортимента и маркетинга, учитывающего российскую специфику.

Очевидно, что чем больше человек зарабатывает, тем больше у него возможностей приобретать дорогостоящие товары, не относящиеся к предметам первой необходимости. Значительный рост доходов населения России, наблюдавшийся после 2000 г., при сложившейся ценовой ситуации обусловил повышение покупательной способности граждан на многие предметы длительного пользования последнего поколения. За последние годы в квартирах и домах российских семей появилось немало предметов длительного пользования, которые выступают признаком достатка. Но при этом нужно отдавать себе отчет в том, что в силу колоссальной пропасти по доходам наблюдаются огромные различия в уровне и качестве обеспеченности семей современными предметами длительного пользования.

Рассматривая представленные данные, важно иметь в виду, что обеспеченность семей предметами бытового и культурного назначения, комфорта и уюта связана не только с определенным доходом, но и с наличием удовлетворительных жилищных условий. Качество жилья непосредственно влияет на стратегию их потребительского поведения. В этой связи стоит обратить внимание на огромные различия в благоустроенности жилья городских и сельских домохозяйств (см. таблицу 9). Достаточно указать, что только 22,6% сельских домохозяйств обеспечены центральным отоплением; 23,6% – горячим водоснабжением; 26,1% – централизованной канализацией; 34,6% – телефоном; 55% – магистральным газом; 66,9% – центральным водоснабжением.

Таблица 9

Благоустроенность жилья, 2013 г., %

Коммунальные услуги	Домохозяйства в целом	В том числе			
		Областной центр	Другой город	Поселок городского типа	Село
Центральное отопление от ТЭЦ, котельной	71,7	95,2	81,7	56,7	22,6
Центральное водоснабжение	88,5	97,7	93,3	87,7	66,9
Горячее водоснабжение	65,7	85,0	75,9	52,0	23,6
Магистральный газ	67,3	69,1	72,6	79,1	55,0
Напольная электроплита	22,8	28,6	24,4	13,0	13,0
Централизованная канализация	73,4	94,6	84,9	59,3	26,1
Телефон	54,1	68,4	53,0	36,5	34,6

Уровень обеспеченности домашних хозяйств дорогостоящей техникой бытового и культурного назначения тем выше, чем выше статус населенного пункта, в котором проживает семья, и, следовательно, чем он крупнее. Наибольшая насыщенность отмечается в региональных центрах, а наименьшая — в сельской местности. По всем показателям обеспеченности предметами длительного пользования лидирующие позиции занимают законодатели, крупные чиновники и управляющие, за которыми следуют специалисты высокой и средней квалификации. Уровень обеспеченности данными предметами семей служащих конторских и по обслуживанию клиентов в целом сопоставим с уровнем обеспеченности квалифицированных промышленных рабочих. Можно лишь отметить, что служащие чаще становятся владельцами компьютеров, цифровых фотоаппаратов, легковых автомобилей иностранных моделей, тогда как промышленные рабочие чаще приобретают отечественные автомобили. Наименее обеспеченными являются квалифицированные работники сельского хозяйства и неквалифицированные рабочие.

Не одинакова степень обеспеченности предметами длительного пользования семей различных типов. Наиболее высокий уровень обеспеченности наблюдается в полных семьях с несовершеннолетними детьми и в расширенных семьях с детьми, наименьший — у молодых семей и семей пенсионеров. Кроме того, особенности потребительского поведения в отношении предметов длительного пользования определяются уровнем образования и некоторыми другими социально-демографическими факторами, а также уровнем развитости культурно-бытовой сферы.

Различия между семьями, в которых проживают молодые люди, и другими семьями по анализируемому критерию существуют, но они не настолько велики, как можно было ожидать. В частности, домохозяйства с молодежью гораздо лучше обеспечены такими предметами домашнего обихода «white goods», как холодильники «No Frost», автоматические стиральные машины и микроволновые печи. Эти и целый ряд других предметов бытового назначения превратились сегодня в органическую составную часть современного жилья, которое характеризуется повышением функционального и эстетического уровня предметно-вещной среды. Реже приобретают подобные предметы неполные молодые семьи, особенно про-

живающие отдельно от своих родителей. Лишь немногие домохозяйства имеют в своем распоряжении посудомоечные машины, что обычно объясняется причинами, не связанными с их финансовыми возможностями.

Таким образом, несмотря на обострение многих социально-экономических проблем и усложнение потребительских настроений, в 2013 г. было выявлено очередное повышение уровня обеспеченности российских домохозяйств предметами длительного пользования, в том числе легковыми автомобилями, холодильниками, стиральными машинами, компьютерами и другими дорогостоящими предметами культурного и бытового назначения. Однако темпы обновления многих видов технических средств бытового назначения, включая автомобильный парк населения, замедлились, что явилось причиной их постарения. На фоне существенного замедления темпов повышения уровня обеспеченности семей стационарными компьютерами наблюдался резкий рост темпов повышения уровня их обеспеченности переносными компьютерами. Различия в условиях жизни и уровне доходов городских и сельских жителей определяют различную степень обеспеченности компьютерами и Интернетом. Усилились тенденции, свидетельствующие о сокращении количества граждан, пользующихся услугами Интернета для выполнения работы и учебы, и увеличении количества тех, кто пользуется глобальной информационной сетью для приобретения потребительских товаров и услуг. Наиболее весомыми целями пользования Интернетом остаются общение с другими людьми, получение необходимой новостной информации и справочных материалов, расширение кругозора и развлечения.

Безработица, участие в рабочей силе и перемена места работы

В 2013 г. была продолжена тенденция, демонстрирующая сокращение уровня безработицы в стране, которое набрало высокие темпы в последний период. Об этом позволяют судить данные RLMS-HSE о безработице среди экономически активного населения, включающие сведения о работе без выплаты заработной платы и продолжительности безработицы, которые содержатся в [таблице 10](#). В таблицу включены как данные по общей безработице (по определению BLS/ILO), так и отдельно сведения по скрытой безработице.

Несмотря на то, что проблемы трудоустройства и сохранения рабочего места оставались одними из наиболее беспокойных для значительной части населения, реальные показатели безработицы демонстрировали менее трагическую картину. У подавляющего большинства граждан было меньше объективных оснований, чем в прошлом году, тревожиться по данным поводам. В этом убеждает, прежде всего, тот факт, что в 2013 г. по сравнению с 2012 г. уровень безработицы в стране (по определению BLS/ILO) снизился на 1,1 процентного пункта – с 5,1 до 4%. В целом с 2009 по 2013 г. безработица уменьшилась на 2,2 процентного пункта. В результате этого снижения безработица сократилась до абсолютного минимума – на 1 процентный пункт ниже предыдущего наименьшего значения, зафиксированного в 2008 г. Что касается поправки на скрытую безработицу, то она в последние годы была несущественной и не оказывала влияния на общий показатель.

Таблица 10

**Уровень безработицы среди экономически активного населения:
мужчины 18–60 лет; женщины 18–55 лет; 1992–2013 гг., %**

Категории	1992	1996	1998	2000	2002	2004	2008	2010	2011	2012	2013
Уровень безработицы (по определению BLS/ILO)	5,6	8,8	10,8	8,4	6,9	6,9	5,0	6,1	5,5	5,1	4,0
Уровень безработицы (включая скрытую безработицу)*	-	8,8	11,2	8,5	7,0	6,9	5,1	6,1	5,6	5,1	4,0
Уровень скрытой безработицы	-	0,0	0,5	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,0	0,0
Доля работников, заявивших о невыплате им заработной платы в течение последних 30 дней	5,8	21,4	17,1	10,8	8,8	5,1	3,5	3,4	2,9	2,9	2,5
Длительность периода безработицы (исключая скрытую безработицу)											
- менее 1 месяца	-	7,7	5,4	9,0	6,8	11,4	13,4	9,6	10,9	12,6	7,8
- 1–3 месяца	-	13,0	20,6	15,8	20,9	20,1	20,5	19,7	24,8	22,3	25,4
- более 3 месяцев	-	79,4	74,0	75,3	72,3	68,5	66,2	70,7	64,3	65,1	66,8
Участие в рабочей силе	86,7	84,5	82,6	82,4	82,4	82,2	82,2	83,2	82,3	83,0	82,5
Доля работников, заявивших о смене места работы	-	-	9,9	11,2	13,1	12,9	11,3	11,8	11,4	12,1	11,4
Доля работников, заявивших о смене профессии	-	-	7,5	8,1	9,3	7,9	8,3	7,3	7,7	7,8	7,8

* «Скрытая безработица» определяется как нахождение в вынужденном неоплачиваемом отпуске без альтернативного заработка.

Согласно данным Росстата, общая безработица в России, рассчитанная по методике Международной организации труда (не имели работы или доходного занятия, искали работу и были готовы приступить к ней в обследуемую неделю), в 2013 г. составила 5,5% экономически активного населения, что примерно столько же, сколько было в 2012 г. В 2013 г. численность экономически активного населения в возрасте 15–72 лет (занятые и безработные) составляла в среднем за месяц 75,5 млн человек, среди которых безработными были 4 млн 137 тыс. человек, что на 0,2% больше по отношению к соответствующему периоду 2012 г. (4 млн 131 тыс.). По данным статистического ведомства, численность безработных, зарегистрированных в службах занятости населения, в 2013 г. составляла в среднем за месяц 1 млн человек, или 1,3%.

Среди важных тенденций стоит обратить внимание на то, что с 2000 по 2013 г. численность экономически активного населения постепенно выросла с 72,7 до 75,5 млн человек. За этот же период численность занятых экономической деятельностью увеличилась с 65,1 до 71,4 млн человек. Довольно значительным

оказался также рост уровня занятости населения (отношение численности занятого населения к общей численности населения обследуемого возраста), который составил с 58,5% в 2000 г. до 64,8% в 2013 г.

В 2013 г. наиболее высокий уровень безработицы традиционно фиксировался в Северо-Кавказском федеральном округе (13 против 13,1% в 2012 г.). Лидирующие позиции по данному показателю занимали Республика Ингушетия (соответственно 43,7 против 47,3%), Чеченская Республика (26,9 против 29,8%), Республика Дагестан (11,6 против 11,7%) и Кабардино-Балкарская Республика (10,5 против 8,9%). И в то же время в Ставропольском крае уровень безработицы составлял около 5,6% (против 5,4% в 2012 г.), Карачаево-Черкесской Республике – 8,9% (против 9,8%), Республике Северная Осетия – Алания – 8,1% (против 7,9%). Сравнительно высокий уровень безработицы сохранился также в Сибирском федеральном округе (7,2 против 7,1% в 2012 г.). Наиболее сложная ситуация с занятостью наблюдалась в таких регионах федерального округа, как Республика Тыва (соответственно 19,3 против 18,4%), Республика Алтай (11,5 против 11,6%) и Забайкальский край (10,5 против 10,6%). На другом полюсе находились Республика Хакасия (6 против 7,9%), Красноярский край (5,5 против 5,7%), Новосибирская область (5,9 против 5,6%) и Кемеровская область (6 против 7,1%). Следующие позиции по уровню безработицы занимали Южный и Дальневосточный федеральные округа, где доля безработных среди экономически активного населения составляла 6,5% (против 6,4% в 2012 г.). Самым высоким данный показатель был в Республике Калмыкия (13,1 против 12,5% соответственно), Еврейской автономной области (8,5 против 8,3%) и Республике Адыгея (8,1 против 7,9%), а самым низким – в Магаданской области (2,9 против 3,4%) и Чукотском автономном округе (3,3 против 4,3%). В Уральском федеральном округе уровень безработицы достиг 5,7% (против 6% в 2012 г.). Наиболее высоким он был в Курганской области (7,5 против 8,8%), тогда как наименьшим – в Ямало-Ненецком автономном округе (3,2 против 3,4%). Более благополучная ситуация сложилась в Приволжском и Северо-Западном федеральных округах, где уровень безработицы составил соответственно 4,9 и 4,3% (против 5,3 и 4% в 2012 г.). По отдельным регионам этих федеральных округов доля безработных варьировала в широких пределах – от 1,5 до 8,2%. Хотя при этом надо заметить, что в целом ряде регионов Северо-Западного федерального округа отмечались довольно высокие показатели безработицы: Мурманская область – 7,2% (против 7,7%); Республика Карелия – 7% (против 8,2%); Республика Коми – 7,1% (против 6,4%), Ненецкий автономный округ – 7,1% (против 6,9%). Эти и другие высокие показатели компенсировались крайне низким уровнем безработицы в Санкт-Петербурге, где доля безработных не превысила 1,5% (против 1,1% в 2012 г.). И наконец, наиболее благополучная картина наблюдалась в Центральном федеральном округе (3,3 против 3,1% в 2012 г.). При этом безработица в Москве составила 1,7% (против 0,8% в 2012 г.). Сравнительно низкие показатели отмечены также в Московской области (2,8 против 2,9%), Липецкой области (3,7 против 3,6%) и Владимирской области (3,8 против 4,4%).

В таблице 10 приведены данные RLMS-HSE о длительности периода безработицы (исключая скрытую безработицу), которые показывают, что в последние годы структура безработицы менялась очень мало. В 2013 г., как и прежде, самой распространенной была длительная безработица (продолжительностью более 3-х месяцев): 66,8 против 65,1% в 2012 г. и против 64,3% в 2011 г. Среднесрочная безработица (от 1-го до 3-х месяцев) в 2013 г. составила 25,4 против 22,3% в 2012 г., а краткосрочная

(менее 1-го месяца) – 7,8 против 12,6% в 2012 г. В целом длительная безработица, выступающая одной из главных причин бедности и нищеты, почти в 2 раза превосходила вместе взятые среднесрочную и краткосрочную безработицу, но была все же меньше, чем в 1990-х и в начале 2000-х гг., когда она доходила до 75–80%.

Данные мониторинга, приведенные на рис. 18, демонстрируют динамику уровня безработицы отдельно для мужчин и для женщин за 1992–2013 гг. Данные показывают, что различия в уровне безработицы между мужчинами и женщинами проявляются только при сопоставлении данных об официальной безработице, тогда как сведения по скрытой безработице настолько малы, что выявить какие-либо существенные различия не представляется возможным.

Как следует из рис. 18, в 2013 г. по сравнению с 2012 г. уровень безработицы среди мужчин снизился на 1,2 процентного пункта (с 5 до 3,8%), тогда как среди женщин – на 1 процентный пункт (с 5,2 до 4,2%). После этих изменений безработица среди мужчин оказалась на 0,4 процентного пункта ниже, чем среди женщин, в то время как в 2012 г. эта разница составляла 0,2 процентного пункта. В целом после всплеска безработицы в 2009 г., обусловленного началом финансово-экономического кризиса, уровень мужской безработицы сократился с 7 до 3,8%, т. е. на 3,2 процентного пункта, тогда как женской – с 5,4 до 4,2%, т. е. на 1,2 процентного пункта. В результате этого снижения уровни мужской и женской безработицы достигли минимальных значений за все время наблюдений в рамках мониторинга.

Рис. 18. Уровень безработицы среди мужчин и женщин, 1992–2013 гг., %

К числу позитивных тенденций следует отнести дальнейшее сокращение доли работников, заявляющих о невыплате им заработной платы в течение последних 30 дней. Как следует из данных, представленных в таблице 10, с 1996 по 2013 г. удельный вес таких работников практически монотонно (за исключением небольшого всплеска в 2009 г. и приостановки в 2012 г.) сократился с 21,4 до 2,5%, т. е. более чем в 8,5 раза. Что касается самых последних изменений, то в 2013 г. по сравнению с 2012 г. удельный вес работников, которым не выплачивалась заработная плата, уменьшился на 0,4 процентного пункта (с 2,9 до 2,5%).

Представляют интерес также сведения мониторинга, демонстрирующие некоторые важные тенденции, характерные для сферы профессиональной мобильности. Данные, представленные в [таблице 10](#) (две нижние строки), показывают, что если в 2012 г. по сравнению с 2011 г. доля работников, заявивших о смене места работы, увеличилась с 11,4% до 12,1%, то в 2013 она вновь сократилась до 11,4%. Эти разнонаправленные всплески как нельзя лучше характеризуют общую картину ежегодных волнообразных колебаний анализируемого показателя. В 2000–2013 гг. доля работников, заявлявших о смене работы в течение года, менялась в пределах от 11,2 до 13,1%. Аналогичным образом менялась и доля работников, заявлявших о смене профессии. В 2000–2013 гг. она колебалась в узком коридоре значений от 7,3 до 9,3%. Если обратиться к самым последним изменениям, то можно увидеть, что в 2012 г. по сравнению с 2011 г. доля таких работников увеличилась с 7,3 до 7,8%, т. е. на 0,5 процентного пункта, но в 2013 г. не изменилась.

Анализ данных RLMS-HSE ([см. таблицу 10](#)), характеризующих изменения уровня участия в рабочей силе (отношение численности рабочей силы к общей численности взрослого населения, выраженное в процентах), демонстрирует небольшое снижение данного показателя – с 83% в 2012 г. до 82,5% в 2013 г. Эти изменения не выходили за узкий коридор ежегодных колебаний, наблюдающихся с начала 2000-х гг. (от 82,4% в 2000 г. до 83,2% в 2010 г.), что может свидетельствовать об определенной стабилизации ситуации на российском рынке труда.

Данные мониторинга, представленные на [рис. 19](#), показывают, что выявленное снижение уровня участия в рабочей силе коснулось практически в равной мере как мужчин, так и женщин. Так, в 2013 г. по сравнению с 2012 г. показатель участия мужчин в рабочей силе уменьшился на 0,4 процентного пункта (с 85,6 до 85,2%), тогда как аналогичный показатель участия женщин сократился на 0,6 процентного пункта (с 80 до 79,4%). Примечательно, что полученные в 2013 г. значения уровня участия мужчин и женщин в рабочей силе, несмотря на определенные ежегодные колебания, лишь немного отличались от тех, что были зафиксированы в 2000 г. (мужчины – 85,9%; женщины – 78,7%), но оставались ниже выявленных в очень далеком 1992 г. (мужчины – 89,6%; женщины – 83,5%).

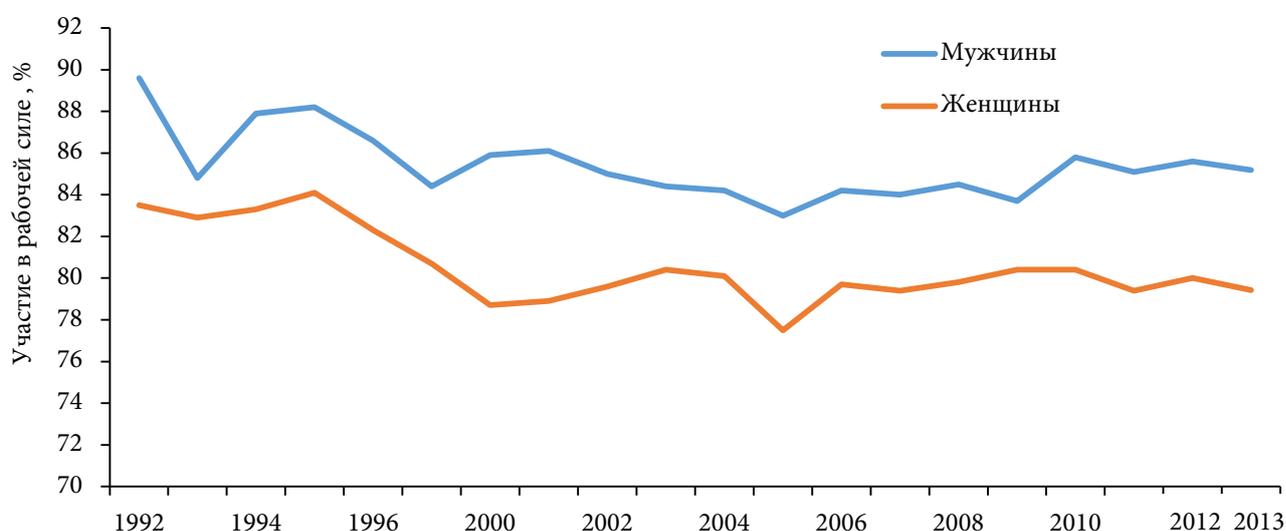

Рис. 19. Участие в рабочей силе населения работоспособного возраста (имеющих работу или ищущих ее), 1992–2013 гг., %

На следующем рисунке приведены данные о занятости мужчин и женщин, получающих пенсию, подавляющее большинство которых составляют люди пожилого возраста. Как следует из представленных данных (см. рис. 20), в 2013 г. изменения уровня занятости мужчин и женщин, относящихся к лицам, получающим пенсию, характеризовались не одинаковыми тенденциями. В то время, когда доля занятых среди мужчин-пенсионеров за последний год сократилась на 0,9 процентного пункта (с 22 до 21,1%), доля занятых среди женщин-пенсионеров увеличилась на 0,6 процентного пункта (с 23,3 до 23,6%).

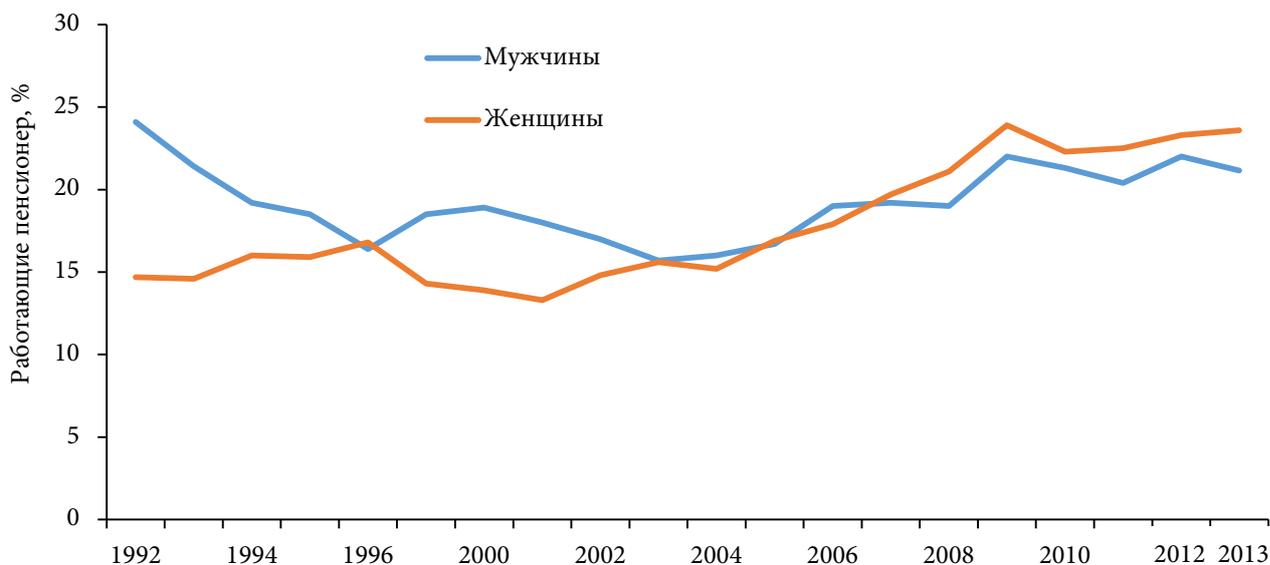

Рис. 20. Работающие пенсионеры, 1992–2013 гг., %

Обращает на себя внимание и то, что женщины-пенсионеры в последнее время постоянно проявляли более высокую заинтересованность в трудоустройстве. За 2000–2013 гг. доля занятых среди них выросла почти в 1,7 раза (с 13,9 до 23,6%). За этот же период удельный вес занятых среди мужчин-пенсионеров увеличился только на 2,2 процентного пункта — с 13,9 до 21,1%. Но в целом увеличение численности работающих пенсионеров оказывает позитивное влияние на развитие экономики, позволяя сгладить негативные демографические тенденции, связанные с сокращением численности населения трудоспособного возраста.

Таким образом, одной из важных тенденций, характеризующих современный российский рынок труда и отражающих общее состояние экономики страны, является значительное сокращение уровня безработицы. Несмотря на замедление экономики, уровень безработицы достиг в 2013 г. минимального значения за все время наблюдений. Это сокращение было практически в равной мере характерно как для мужчин, так и для женщин и не давало объективных поводов для пессимизма. Преобладающей в последние годы являлась длительная безработица, продолжительностью более 3-х месяцев, которая является одной из главных причин распространения бедности. Имела место продолжающаяся после затухания острой фазы финансово-экономического кризиса стабилизация уровня занятости среди пенсионеров. Более высокую заинтересованность в сохранении работы и продолжении трудовой деятельности среди них в последние несколько лет проявляли женщины.

Уровень бедности

Результаты RLMS-HSE, полученные в 2013 г., подтвердили наблюдаемое в последние годы снижение остроты проблемы бедности для российских семей¹. Как следует из [таблицы 11](#), в 2013 г. было зафиксировано одно из самых низких значений уровня бедности, лишь на 0,1 процентного пункта превышающее абсолютный минимум, установленный в 2011 г. В 2013 г. по сравнению с 2012 г. доля обследованных домохозяйств с доходом ниже прожиточного минимума сократилась на 0,2 процентного пункта – с 2,8 до 2,6%. В целом уровень бедности, наблюдаемый в 2011–2013 гг., был втрое ниже, чем в первой половине 2000-х гг. и почти в 15 раз ниже, чем во второй половине 1990-х гг., когда он достигал максимального значения.

Согласно данным Росстата, доля населения, которое находилось за чертой бедности, после сокращения в 2012 г. по сравнению с 2011 г. с 12,7 до 10,7%, т. е. на 2 процентных пункта, в 2013 г. изменилась не существенно, составив около 11%. Эти изменения полностью вписывались в долгосрочный тренд, демонстрирующий снижение удельного веса населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, которое прослеживается с начала 2000-х гг., когда данный показатель достигал 29%. При этом численность населения, находящегося за официальной чертой бедности, за последний год увеличилась на 0,3 млн человек – с 15,4 млн до 15,7 млн человек.

Важно заметить, что в соответствии с законодательством величина прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам в России определяется на основании потребительской корзины и данных Росстата об уровне потребительских цен на продукты питания, непродовольственные товары и услуги. С 2013 г. изменен порядок расчета величины прожиточного минимума на основании Федерального закона от 3 декабря 2012 г. № 233-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О прожиточном минимуме в Российской Федерации». Потребительскую корзину максимально приблизили к общепринятым нормам правильного и здорового питания. В ней стало больше мяса, рыбы, молока, а также овощей и фруктов. При этом количество хлеба, картофеля и жиров сократилось. Новая методика расчета величины прожиточного минимума предполагает, что минимальный набор продуктов питания теперь измеряется в натуральных показателях². При этом стоимость непродовольственных товаров, которые входят в потребительскую корзину, определяется как половина от стоимости продуктов питания. Еще четверть от общей стоимости корзины приходится на потребляемые услуги.

¹ При определении уровня бедности использовались пороги бедности (прожиточные минимумы), подсчитанные с учетом следующих факторов: экономия на продуктовых расходах в большой семье; различия в ценах по областям Российской Федерации; особенности фактического потребления населения, проживающего в различных регионах страны.

² Об утверждении Правил исчисления величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам в целом по РФ: Постановление Правительства РФ от 29 января 2013 г. № 56. URL: <http://www.rg.ru/2013/02/06/minimum-dok.html> (дата обращения: 05.12.2014).

Таблица 11

**Уровень бедности по домохозяйствам и возрастным группам
(с использованием региональных прожиточных минимумов), 1992–2013 гг., %**

	1992	1996	1998	2004	2008	2010	2011	2012	2013
Уровень бедности среди домохозяйств									
Процент домохозяйств с доходом меньше 50% прожиточного минимума	3,0	18,5	15,9	3,2	1,6	2,0	1,4	1,4	1,1
Процент домохозяйств с доходом 50-<100% прожиточного минимума	8,1	16,1	22,2	6,3	1,9	1,7	1,1	1,3	1,5
Процент домохозяйств с доходом ниже прожиточного минимума	11,1	34,6	38,1	9,5	3,5	3,7	2,5	2,8	2,6
Дети в возрасте 0–6 лет									
Процент всех детей в возрасте 0–6 лет, живущих в семьях с доходом меньше 50% прожиточного минимума	4,4	20,8	25,4	5,7	3,1	3,1	1,4	0,9	0,8
Процент всех детей в возрасте 0–6 лет, живущих в семьях с доходом 50-<100% прожиточного минимума	11,4	21,1	30,8	11,5	3,1	3,5	1,6	2,7	2,7
Процент всех детей в возрасте 0–6 лет, живущих в семьях с доходом меньше прожиточного минимума	15,8	41,9	56,2	17,2	6,3	6,6	3,0	3,6	3,5
Пенсионеры									
Процент всех пенсионеров, живущих в семьях с доходом меньше 50% прожиточного минимума	1,2	18,4	9,3	0,8	0,6	0,6	0,5	0,5	0,4
Процент всех пенсионеров, живущих в семьях с доходом 50-<100% прожиточного минимума	5,4	11,4	16,1	2,7	0,9	0,5	0,3	0,4	0,6
Процент всех пенсионеров, живущих в семьях с доходом меньше прожиточного минимума	6,6	29,8	25,4	3,5	1,5	1,1	0,8	0,9	1,0

В 2013 г. по сравнению с 2012 г. величина официально установленного прожиточного минимума (в среднем на душу населения) увеличилась с 6510 до 7306 руб., т. е. на 796 руб. или на 12,2%. При этом прожиточный минимум для трудоспособного населения вырос с 7049 до 7871 руб., для пенсионеров – с 5123 до 5998 руб., для детей – с 6259 до 7022 руб. Соотношение среднедушевых денежных доходов населения с величиной прожиточного минимума, которое ранее только увеличивалось, в 2013 г. по сравнению с 2012 г. снизилось с 356,7 до 351%.

Но даже после этого увеличения уровень бедности «по доходу», т. е. уровень, определяемый на основании официально установленного прожиточного минимума в данном регионе, оставался, как показало исследование Института социологии РАН (март–апрель 2013 г.), почти вдвое ниже уровня бедности «по лишениям»¹.

¹ Бедность и бедные в современной России / Под ред. М. К. Горшкова и Н. Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2014. С. 281.

В число бедных «по лишениям» попадают не только те, у кого среднедушевой доход ниже прожиточного минимума в данном регионе, но и те, кто испытывает многомерную депривацию (острую нужду в удовлетворении таких базовых потребностей, как питание, жилищные условия, приобретение одежды и обуви, своевременное получение качественной медицинской помощи).

Дальнейший анализ данных RLMS-HSE показал, что в 2013 г. по сравнению с 2012 г. уровень крайней бедности, определяемый как доля домохозяйств с доходом меньше 50% от черты бедности, снизился до исторического минимума, равного 1,1%, что было на 0,3 процентного пункта меньше, чем в 2012 г. В то же время доля обследованных домохозяйств с доходом выше 50-процентной границы, но ниже установленного прожиточного минимума, увеличилась за последний год на 0,2 процентного пункта. Общее увеличение доли таких домохозяйств за 2011–2013 гг. составило 0,4 процентного пункта (с 1,1 до 1,4%). Важно отметить, что до 2011 г. доля указанных домохозяйств только снижалась. С 1998 г., когда было зафиксировано максимальное значение, по 2010 г. она сократилась более чем в 13 раз (с 22,2 до 1,7%).

Примечательно, что общий уровень бедности среди детей дошкольного возраста за последний год практически не изменился. Так, в 2013 г. по сравнению с 2012 г. удельный вес дошкольников (до 6 лет включительно), живущих в бедных семьях, сократился на едва различимые 0,1 процентного пункта (с 3,6 до 3,5%). При этом доля малолетних детей, живущих в условиях крайней бедности, практически не изменилась и составила 0,8% (2012 г. — 0,9%). Неизменной осталась и доля детей дошкольного возраста, проживающих в семьях с доходом выше 50-процентной границы, но ниже установленного прожиточного минимума (2012–2013 гг. — 2,7%).

Практически неизменной в 2013 г. осталась также доля пенсионеров, живущих в бедных семьях: 1% против 0,9% в 2012 г. Что касается пенсионеров, проживающих в условиях крайней бедности, т. е. с доходом меньше половины прожиточного минимума, то их доля в 2013 г. составила 0,4%, что на 0,1 процентного пункта меньше, чем в 2011–2012 гг. Удельный вес пенсионеров, проживающих в семьях с доходом выше 50-процентной границы, но ниже установленного прожиточного минимума, за последний год увеличился на 0,2% (с 0,4% в 2012 г. до 0,6% в 2013 г.).

Общие сведения, характеризующие региональные различия в уровне бедности российских домохозяйств, представлены в [таблице 12](#). Используемые региональные уровни бедности учитывают разницу в стоимости товаров и моделях потребления по регионам Российской Федерации. Однако, анализируя их, следует учитывать, что результаты обследований RLMS-HSE не предназначены для определения региональных экономических показателей. Поэтому все сведения в указанных таблицах следует рассматривать только как иллюстративный материал.

Из данных [таблицы 12](#), видно, что самый высокий уровень бедности отмечался в Сибири и на Дальнем Востоке, что явилось следствием увеличения удельного веса бедных домохозяйств в данных регионах с 3,1 в 2011 г. до 3,9% в 2012 г. и далее до 4,5% в 2013 г. В этих регионах был выявлен также один из самых высоких уровней крайней бедности (1,4%) и самый высокий процент домохозяйств с доходом выше 50-процентной границы, но ниже установленного прожиточного минимума (3,1%). Подобный рост был выявлен также в Центральном Черноземном, Волго-Вятском районах и в Поволжье, где уровень бедности вырос с 1,4% в 2011 г. до 1,7% в 2012 г. и далее до 2% в 2013 г. И в то же время в наиболее проблемном регионе — на

Северном Кавказе доля обследованных домохозяйств с доходом ниже прожиточного минимума сократилась с 4,3% в 2011 г. до 3,1% в 2012 г. и далее до 2,5% в 2013 г. Суммарное снижение за два года составило 1,8 процентного пункта. В Северном и Северо-Западном регионах уровень бедности обследованных домохозяйств за последний год снизился на 0,7 процентного пункта – с 3,4% в 2011 г. до 2,7% в 2012 г., но в 2013 г. вновь увеличился до 3,1%. Противоположная картина наблюдалась на Урале, где уровень бедности сначала увеличился на 1,3 процентного пункта – с 2% в 2011 г. до 3,3% в 2012 г., но в 2013 г. снизился до 1,9%, т. е. на 1,4 процентного пункта. Нечто подобное отмечалось в мегаполисах – в Москве и Санкт-Петербурге, где доля обследованных домохозяйств с доходом ниже прожиточного минимума увеличилась с 2,5% в 2011 г. до 3,2% в 2012 г., но в 2013 г. вновь снизилась до 1,9%.

Таблица 12

Региональные уровни бедности по домохозяйствам и возрастным группам в 2013 г.
(с использованием региональных прожиточных минимумов), %*

	Регион					
	Москва, Санкт-Петербург	Север и Северо-Запад	Центральный Черноземный р-н, Волго-Вятский р-н и Поволжье	Северный Кавказ	Урал	Сибирь и Дальний Восток
Уровень бедности среди домохозяйств						
Процент домохозяйств с доходом меньше 50% прожиточного минимума	1,2	1,4	1,1	1,1	0,5	1,4
Процент домохозяйств с доходом 50-<100% прожиточного минимума	0,7	1,7	0,9	1,3	1,5	3,1
Процент домохозяйств с доходом ниже прожиточного минимума	1,9	3,1	2,0	2,5	1,9	4,5
Дети в возрасте 0–6 лет						
Процент всех детей в возрасте 0–6 лет, живущих в семьях с доходом меньше 50% прожиточного минимума	0,9	0,0	0,5	1,0	1,1	1,2
Процент всех детей в возрасте 0–6 лет, живущих в семьях с доходом 50-<100% прожиточного минимума	0,0	0,0	1,0	3,0	3,9	6,4
Процент всех детей в возрасте 0–6 лет, живущих в семьях с доходом меньше прожиточного минимума	0,9	0,0	1,5	4,0	5,0	7,7
Пенсионеры						
Процент всех пенсионеров, живущих в семьях с доходом меньше 50% прожиточного минимума	0,4	0,5	0,5	0,5	0,0	0,7
Процент всех пенсионеров, живущих в семьях с доходом 50-<100% прожиточного минимума	0,8	0,7	0,3	0,4	0,2	1,4
Процент всех пенсионеров, живущих в семьях с доходом меньше прожиточного минимума	1,3	1,2	0,8	0,9	0,2	2,1

*Возможна неточность. В момент проведения опроса RLMS-HSE в данном регионе эта группа в выборке составила менее 50 человек.

Наиболее высокий процент детей дошкольного возраста, проживающих в семьях с доходом меньше прожиточного минимума, в 2013 г. был выявлен в Сибири и на Дальнем Востоке (7,7 против 6,6% в 2012 г.). На Урале данный показатель вырос с 3,6 в 2011 г. до 4,1% в 2012 г. и затем до 5% в 2013 г. И в то же время в Северокавказском регионе процент детей, проживающих в семьях с доходом ниже прожиточного минимума, снизился с 3% в 2011 г. до 1% в 2012 г., но в 2013 г. увеличился до 4%. В остальных регионах уровень бедности малолетних детей в 2013 г. не превышал 1,5%. Что касается дошкольников, проживающих в семьях с доходом меньше 50% прожиточного минимума, т. е. в условиях крайней бедности, то их доля варьировала по регионам от самого минимального значения на Севере и Северо-Западе до 1,2% в Сибири и на Дальнем Востоке. Наиболее высокие доли дошкольников, проживающих в семьях с доходом выше 50-процентной границы, но ниже установленного прожиточного минимума, выявлены в 2013 г. в удаленных регионах (Сибирь и Дальний Восток – 6,4%; Урал – 3,9%; Северный Кавказ – 3%). Уровень бедности пенсионеров во всех регионах в 2013 г. был довольно низким (от 0,2% на Урале до 2,1% в Сибири и на Дальнем Востоке).

Таким образом, в 2013 г. по сравнению с 2012 г. уровень бедности российских домохозяйств, определяемый как процент домохозяйств с доходом ниже прожиточного минимума, изменился несущественно, лишь немного превысив абсолютный минимум, зафиксированный в 2011 г. Но, если отталкиваться от результатов исследования, выполненного Институтом социологии РАН, которое посвящено изучению проблем бедности в России, то оказывается, что этот уровень бедности существенно ниже того, который основывается на представлениях граждан. Исследования показывают, что установленная официально в России «черта бедности» (прожиточный минимум) ниже массовых представлений о ней в 1,3 раза¹. И этот разрыв существенно отличается по регионам и типам поселений, отражая разницу стоимости жизни в них.

Некоторые другие социально-экономические аспекты

Невыплаты заработной платы

Мониторинг выявил дальнейшее сокращение удельного веса работников, не получающих полностью заработную плату. Из рис. 21 следует, что в 2013 г. по сравнению с 2012 г. доля таких работников уменьшилась на 0,2 процентного пункта – с 3,1 до 2,9%, т. е. до минимального значения за все время наблюдений. С 2009 г., когда было выявлено некоторое обострение данной проблемы, вызванное экономическим кризисом, по 2013 г. доля работников, не получающих полностью заработную плату, сократилась на 3,6 процентного пункта или в 2,2 раза – с 6,5 до 2,9%.

На фоне сокращения удельного веса работников, не получающих полностью заработную плату, наблюдалось увеличение сроков задолженности по зарплате (см. таблицу 13). Об этом свидетельствует, с одной стороны, увеличение за 2011–2013 гг. удельного веса лиц, которым заработная плата задерживалась

¹ Бедность и бедные в современной России. С. 280.

на срок 2–3 месяца (на 4,8 процентного пункта – с 8 до 12,8%) и более 3-х месяцев (на 8,4 процентного пункта – с 7,6 до 16%), с другой стороны, сокращение доли работников, которым зарплата задерживалась на срок 1 месяц и менее (на 12,9 процентного пункта – с 67,4 до 54,5%). При этом доля лиц, которым зарплата не выплачивалась основным работодателем в течение 1–2 месяцев, варьировала в 2011–2013 гг. в границах от 16,8 до 19,8%.

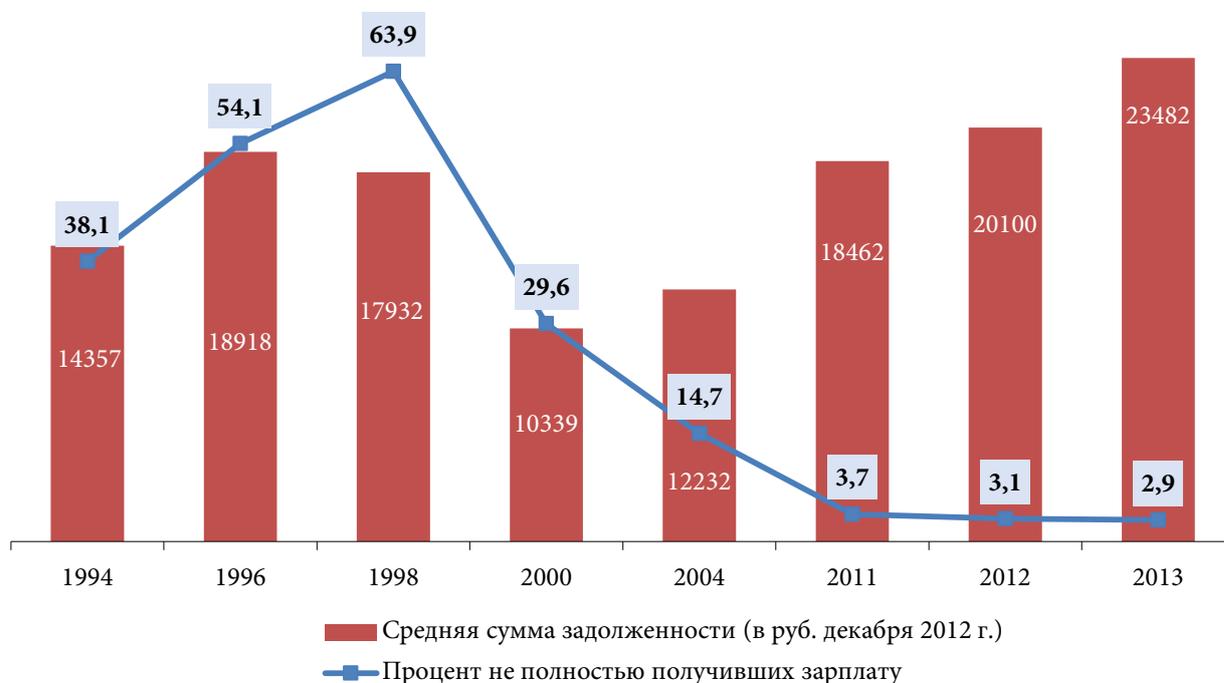

Рис. 21. Невыплаты заработной платы основным работодателем трудоспособному населению, 1994–2013 гг.

Вместе с тем важно подчеркнуть, что, несмотря на выявленные изменения, в 2013 г. краткосрочные невыплаты на срок 1 месяц и менее в 1,9 раза превосходили суммарные длительные задержки заработной платы от 2-х до 3-х месяцев и более 3-х месяцев (54,5 против 28,8%). Характерно, что в 2011 г. эта разница достигала более 4,3 раза (67,4 против 15,6%).

Увеличение сроков задолженности сопровождалось ростом средней суммы задолженности по заработной плате. В 2013 г. по сравнению с 2012 г. она выросла относительно всех работников с 21 407 до 23 482 руб. (в руб. декабря 2013 г.), т. е. на 9,7%. Это лишь немного больше, чем было зафиксировано в 2012 г., когда средняя сумма задолженности по заработной плате на основном месте работы увеличилась на 8,9% (с 19 662 до 21 407 руб.). Представляет интерес и тот важный факт, что в период с 2009 по 2011 г., несмотря на сложные условия, обусловленные тяжелыми последствиями экономического кризиса, средняя сумма задолженности по зарплате сократилась почти на треть.

Как и во все предыдущие годы, в 2013 г. мужчинам заработная плата задерживалась чаще и на бóльшие суммы, чем женщинам. Но при этом если среди работающих мужчин доля лиц, не полностью получивших заработную плату, за последний год увеличилась на 0,2 процентного пункта (с 3,4% в 2012 г. до 3,6% в 2013 г.), то среди женщин доля таких работниц сократилась на 0,6 процентного пункта (соответственно с 2,7 до 2,1%). В то же время за 2012–2013 гг. средняя сумма задолженности по заработной плате увеличилась у мужчин с 23 596 до 26 057 руб.,

т. е. на 10,4%, что существенно больше 2,6% роста, выявленных в предыдущем году. Что касается женщин, то у них средняя сумма задолженности по зарплате увеличилась за последний год только на 0,6% (с 18 387 до 18 495 руб.), хотя годом ранее было зафиксировано 25,7% роста. В 2013 г. средняя сумма задолженности по зарплате была у мужчин больше, чем у женщин в 1,4 раза (2012 г. – в 1,3 раза).

Таблица 13

Невыплаты зарплаты основным работодателем трудоспособному населению за 1994–2013 гг.*

	Процент не полностью получивших зарплату	Распределение работников по сроку задолженности, %				Средняя сумма задолженности (если имеется), (в руб. декабря 2013 г.)
		1 месяц и менее	1–2 месяца	2–3 месяца	Больше 3-х месяцев	
1994						
Мужчины	40,3	35,6	29,6	16,9	18,0	19 867
Женщины	35,8	41,6	25,4	14,9	18,1	10 247
Всего работников	38,1	38,3	27,7	16,0	18,0	15 290
1998						
Мужчины	65,1	19,4	19,3	18,7	42,6	25 598
Женщины	62,8	21,2	21,0	17,0	40,7	13 169
Всего работников	63,9	20,3	20,2	17,8	41,7	19 098
2000						
Мужчины	33,1	38,0	18,9	10,8	32,4	13 327
Женщины	25,9	46,3	21,8	9,1	22,8	7935
Всего работников	29,6	41,5	20,1	10,1	28,3	11 011
2004						
Мужчины	16,8	42,1	26,9	12,9	18,1	15 295
Женщины	12,6	54,0	22,7	13,2	10,1	10 149
Всего работников	14,7	47,2	25,1	13,0	14,7	13 027
2011						
Мужчины	4,3	64,3	18,7	10,3	6,7	23 025
Женщины	3,1	72,0	14,4	4,5	9,1	14 626
Всего работников	3,7	67,4	17,0	8,0	7,6	19 662
2012						
Мужчины	3,4	59,0	23,6	6,7	10,8	23 596
Женщины	2,7	61,4	14,6	8,0	16,0	18 387
Всего работников	3,1	60,0	19,8	7,2	13,0	21 407
2013						
Мужчины	3,6	56,3	18,4	10,8	14,5	26 057
Женщины	2,1	50,8	13,5	16,7	19,0	18 495
Всего работников	2,9	54,5	16,8	12,8	16,0	23 482

*Мужчины в возрасте 18–60 лет, женщины в возрасте 18–55 лет.

По данным Росстата, просроченная задолженность по заработной плате работников в России с 2012 по 2013 г. (на конец года) увеличилась с 1560 млн руб. до 1949 млн руб., т. е. на 24,9%. Характерно, что до этого увеличения длительное время наблюдалось только снижение данной задолженности, которое составило с 4674 млн руб. в 2008 г. до 1560 млн руб. в 2012 г., т. е. почти в 3 раза. Из тех, кому в конце 2013 г. не платили зарплату, 35% работали на обрабатывающих производствах, 13% – в сельском хозяйстве, 19% – в строительстве, 13% – в транспортной отрасли. Страдали не только работники коммерческих предприятий, но и бюджетники: 26% долгов было в сфере образования, 22% – в здравоохранении. Среди федеральных округов лидирующие позиции по данному показателю занимали Сибирский федеральный округ – 23%; Центральный федеральный округ – 20,5%; Приволжский федеральный округ – 19%; Северо-Западный федеральный округ – 17,5% всех долгов.

Источники трудового дохода и гендерные различия

Данные о распределении мужчин и женщин трудоспособного возраста, имеющих трудовой доход, с разбивкой по источникам дохода (процент сообщивших о получении того или иного вида дохода), которые дают определенное представление о некоторых проблемах гендерного характера, относящихся к теме исследования, приведены в [таблице 14](#).

По доле получающих тот или иной вид дохода от трудовой деятельности и по величине среднего размера получаемого дохода от трудовой деятельности мужчины постоянно превосходят женщин. В частности, в 2013 г. преобладание мужчин по доле получающих доход от трудовой деятельности составляло 7,8 процентного пункта (78,7 против 70,9%). Примерно такой же эта разница, составляющая 7,5 процентного пункта (78,1 против 70,6%), была и в 2012 г. В 2013 г. по сравнению с 2012 г. доля мужчин трудоспособного возраста, получающих доход от трудовой деятельности, выросла на 0,6 процентного пункта (с 78,1 до 78,7%), тогда как аналогичная доля женщин – на 0,3 процентного пункта (с 70,6 до 70,9%). Указанное повышение продолжило длительную тенденцию роста получающих доход от трудовой деятельности как у мужчин, так и у женщин, которая с небольшими отклонениями наблюдается с 1998 г. В целом за 1998–2013 гг. доля лиц с доходом от трудовой деятельности выросла у мужчин на 20,4 процентного пункта (с 58,3 до 78,7%); у женщин – на 15,5 процентного пункта (с 55,4 до 70,9%).

В 2013 г. сохранилось значительное преобладание мужчин над женщинами по доле лиц трудоспособного возраста, получающих доход от работы на частных предприятиях и предприятиях смешанной формы собственности, т. е. по доле занятых на предприятиях и в организациях, обеспечивающих своим работникам наиболее высокий доход (9,7 против 9,4 процентного пункта в 2012 г.). При этом удельный вес указанных работников среди мужчин трудоспособного возраста, после сокращения с 41,6% в 2011 г. до 40,1% в 2012 г., в 2013 г. увеличился до 40,2%. В то же время за 2011–2013 гг. среди женщин аналогичного возраста доля получающих доход от работы на частных предприятиях и предприятиях смешанной формы собственности последовательно сократилась с 31,2 до 30,5%. Не менее постоянным является преобладание мужчин над женщинами по доле лиц трудоспособного возраста, получающих доход от работы в неформальном секторе. В 2013 г. по сравнению с 2012 г.

соответствующая доля работников среди мужчин сократилась с 8,7 до 8,6% (после увеличения в 2012 г. по сравнению с 2011 г. на 1,1 процентного пункта), тогда как среди женщин – с 5,2 до 4,6% (годом ранее изменений не было выявлено).

Таблица 14

Источники доходов от трудовой деятельности трудоспособного населения, 1992–2013 гг., в руб. декабря 2013 г. и %*

Категория дохода	1992	1998	2004	2008	2011	2012	2013
Мужчины							
Доход от работы на государственных предприятиях	64,2	31,6	30,9	31,2	30,1	32,3	32,3
Средний размер получаемого дохода**	12 334	7352	13 120	21 172	20 992	22 625	22 796
Доход от работы на частных или на предприятиях смешанной формы собственности	15,7	20,9	32,9	38,4	41,6	40,1	40,2
Средний размер получаемого дохода**	11 589	9156	17 777	24 990	24 319	26 384	25 683
Доход от работы в неформальном секторе	2,4	10,0	12,4	9,0	7,6	8,7	8,6
Средний размер получаемого дохода**	18 263	4130	9395	2209	12 046	12 929	14 082
Доход от трудовой деятельности	80,3	58,3	72,7	75,9	76,9	78,1	78,7
Средний размер получаемого дохода**	12 668	7965	15 209	23 057	22 583	24 341	24 016
Женщины							
Доход от работы на государственных предприятиях	60,0	34,4	37,6	37,3	36,5	37,2	38,1
Средний размер получаемого дохода**	8302	4765	8048	13 379	14 060	14 960	16 337
Доход от работы на частных или на предприятиях смешанной формы собственности	9,7	17,5	26,0	30,2	31,2	30,7	30,5
Средний размер получаемого дохода**	8223	6832	11 804	18 634	18 116	19 156	19 920
Доход от работы в неформальном секторе	1,8	5,9	6,6	5,5	5,2	5,2	4,6
Средний размер получаемого дохода**	11 011	2258	5951	11 218	8118	8931	9070
Доход от трудовой деятельности	70,0	55,4	67,7	70,3	70,2	70,6	70,9
Средний размер получаемого дохода**	8560	5365	9571	15 966	15 959	16 876	17 911

*Мужчины в возрасте 18–60 лет, женщины в возрасте 18–55 лет.

**Средний размер получаемого дохода рассчитывается по доходу тех, кто имел доход (в руб. декабря 2013 г.)

Уступая мужчинам первенство в сфере занятости на частных предприятиях и предприятиях смешанной формы собственности, женщины с большим постоянством чаще занимают хуже оплачиваемые рабочие места в государственном секторе. Если в 2012 г. доля женщин, получающих доход от работы на государственных предприятиях, превышала аналогичную долю мужчин на 4,9 процентного пункта (37,2 против 32,3%), то в 2013 г. – на 5,8 процентного пункта (38,1 против 32,3%).

Анализ также показал, что в 2013 г. средний размер дохода от трудовой деятельности, получаемого женщинами, составлял 74,6% от среднего дохода мужчин. И это было больше, чем 69,3–70,6% в 2010–2012 гг. В предкризисные годы соот-

ношение доходов от трудовой деятельности мужчин и женщин составляло около 65–67%, т. е. отставание женщин от мужчин по величине среднего дохода было еще больше. В 2013 г., как, впрочем, и в предыдущие годы, наименее существенной была разница между заработками мужчин и женщин в частном секторе. Так, средний доход от работы на частных предприятиях и предприятиях смешанной формы собственности у женщин составлял 77,6% от аналогичного дохода мужчин, тогда как в 2012 г. данный показатель был существенно ниже – соответственно 72,6%. В государственном секторе это соотношение в 2013 г. составляло 71,7% (2012 г. – 66,1%), тогда как в неформальном секторе – только 64,4% (2012 г. – 69,1%).

По данным Росстата, в 2013 г. средняя начисленная заработная плата женщин составляла приблизительно три четверти, а именно 74,2%, от средней начисленной зарплаты мужчин. Наименьшей эта разница была в образовании, где зарплата женщин составляла 99% от заработков мужчин, а также в строительстве – 84,5% и в сельском хозяйстве – 83,5%. В то же время на транспорте и в связи женщины получали только 75,2% от зарплаты мужчин, в обрабатывающем производстве – 74,5%, а в добывающих отраслях – всего лишь 56,6%.

Пенсии и невыплаты пенсий

В 2013 г. было отмечено внезапное и существенное торможение роста пенсий, которое затронуло в равной мере как получающих пенсии мужчин, так и женщин. О характере новых и более поздних тенденций дают представление данные RLMS-HSE по среднему размеру пенсий и по масштабу невыплат пенсий мужчинам и женщинам, начиная с декабря 1993 г., которые представлены на рис. 22. Они, в частности, показывают, что если с 2012 по 2011 г. средний размер пенсии для мужчин увеличился на 3,3%, а для женщин на 2,6%, то в 2013 г. по сравнению с 2012 г. средний размер пенсии для мужчин увеличился всего лишь на 0,1%, а для женщин сохранился на прежнем уровне. Это наиболее значительное торможение роста пенсий после 2006 г., когда было выявлено их снижение. В 2006 г. по сравнению с 2005 г. средний размер пенсии для мужчин сократился на 3,3%; для женщин – на 8%.

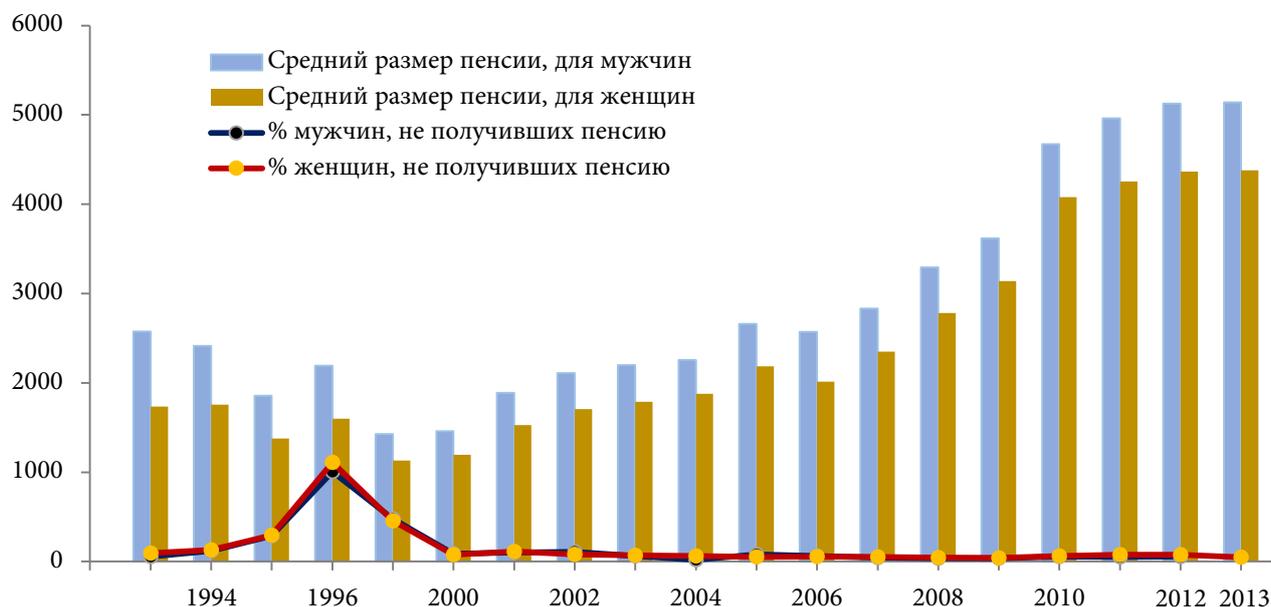

Рис. 22. Процент пожилых людей, не получивших пенсию за последний месяц, и средний размер ежемесячной пенсии для получающих пенсию, 1993–2013 гг., в руб. декабря 2013 г.

Кроме того, в 2013 г. была выявлена определенная стабилизация показателя, характеризующего отставание среднего размера пенсий для женщин от среднего размера пенсий для мужчин. Так, если в 2011 г. средний размер пенсии для женщин составлял 85,7% от среднего размера пенсии для мужчин, то в 2012 г. данный показатель уменьшился до 85,1%, т. е. на 0,6 процентного пункта, и в 2013 г. сохранился на том же уровне. Если обратиться к данным за последние несколько лет, то можно увидеть, что значения анализируемого показателя, полученные в 2012–2013 гг., были выше, чем в 2006–2008 гг., но меньше, чем в 2009–2010 гг. В частности, если в 2006 г. средний размер пенсии для женщин составлял 78,2% от среднего размера пенсии для мужчин, то в 2007 г. данный показатель увеличился до 82,9%; в 2008 г. — до 84,4%; в 2009 г. — до 86,7%, а в 2010 г. — до 87,3%.

Тенденция торможения роста, получившая распространение в 2013 г., затронула также такие показатели, как отношение среднего размера пенсий к среднему размеру доходов, получаемых мужчинами и женщинами. Напомним, что если с 2007 по 2010 г. отношение среднего размера пенсии к среднему размеру дохода лиц трудоспособного возраста выросло у мужчин с 34,8 до 55,1%, т. е. на 20,3 процентного пункта, тогда как у женщин — с 37,4 до 67,1%, т. е. на 29,7 процентного пункта. Вместе с тем в 2011 и в 2012 г. была отмечена противоположная динамика: отношение среднего размера пенсии к среднему размеру дохода лиц трудоспособного возраста за два года сократилось у мужчин до 51,4%; а у женщин — до 63,1%. И, наконец, в 2013 г. по сравнению с 2012 г. были выявлены разнонаправленные изменения анализируемого показателя: в отношении мужчин зафиксировано увеличение до 52,1%, т. е. на 0,7 процентного пункта; в отношении женщин — дальнейшее сокращение до 59,5%, т. е. на 3,6 процентного пункта.

Проблема задержек выплат пенсий была исключительно актуальна только в 1996–1998 гг., когда не получили пенсии за месяц, предшествующий опросу RLMS-HSE, от 15% до трети и более российских пенсионеров. Но начиная с 2000 г. такой проблемы практически не существует. Очень редкие случаи задержек пенсионных выплат не являются массовыми и объясняются причинами случайного характера. В частности, в 2013 г. о несвоевременной выплате пенсий заявляли всего лишь 1,3% пенсионеров-мужчин и 1,5% пенсионеров-женщин (2012 г. — соответственно 1,9 и 2,5%).

Задолженность по квартплате и оплате коммунальных услуг

В [таблице 15](#) приведены данные о распределении обследованных домохозяйств, имеющих задолженность по квартплате и/или коммунальным услугам, за 1995–2013 гг. Данные демонстрируют существенный рост платы за жилье и коммунальные услуги в постсоветской России, в том числе в 2000-х гг., который, однако, в последние годы существенно снизился. Так, средняя сумма месячной платы за жилье и коммунальные услуги в 2006 г. выросла на 16%, в 2007 г. — на 7,3%, в 2008 г. — на 12,7%, в 2009 г. — на 7,5%, а в 2010 г. — на 24,7%. Вместе с тем в 2011 г. было выявлено, хотя и минимальное, но все же сокращение средней суммы месячной платы за жилье и коммунальные услуги на 1,4%, а в 2012 г. ее небольшое увеличение на 1,9% и затем в 2013 г. более солидное повышение на

3,8%. Это увеличение, обусловленное повышением тарифов ЖКХ, которые растут быстрее, чем инфляция, во многом является причиной роста задолженности домохозяйств по квартплате и/или оплате коммунальных услуг. Другая причина заключается в том, что в условиях социально-экономической нестабильности и при низких заработках немалая часть должников, число которых, однако, постоянно сокращается, предпочитают оплачивать эти услуги в последнюю очередь или не оплачивать вообще.

Таблица 15

Распределение домохозяйств, имеющих задолженность по квартплате и/или оплате коммунальных услуг, 1995–2013 гг., в руб. декабря 2013 г. и %

Категория домохозяйства	Все домохозяйства	В том числе			
		Домохозяйства во главе с мужчиной работоспособного возраста	Домохозяйства во главе с женщиной работоспособного возраста	Домохозяйства во главе с мужчиной пенсионного возраста	Домохозяйства во главе с женщиной пенсионного возраста
1995					
Процент домохозяйств-должников	22,0	25,2	30,6	7,6	13,4
Сумма задолженности (если есть)	1906	2060	1994	920	713
Средняя сумма месячной платы за жилье и коммунальные услуги	1030	1208	1020	674	620
1998					
Процент домохозяйств-должников	37,5	43,1	43,4	19,6	24,9
Сумма задолженности (если есть)	3722	4272	3566	1591	1033
Средняя сумма месячной платы за жилье и коммунальные услуги	1054	1321	1030	635	554
2004					
Процент домохозяйств-должников	16,3	19,3	23,8	3,7	7,2
Сумма задолженности (если есть)	8221	9034	8089	1360	2519
Средняя сумма месячной платы за жилье и коммунальные услуги	2089	2524	2094	1399	1142

Продолжение таблицы 15

Категория домохозяйства	Все домохозяйства	В том числе			
		Домохозяйства во главе с мужчиной работоспособного возраста	Домохозяйства во главе с женщиной работоспособного возраста	Домохозяйства во главе с мужчиной пенсионного возраста	Домохозяйства во главе с женщиной пенсионного возраста
2012					
Процент домохозяйств-должников	7,9	10,0	10,9	2,7	2,6
Сумма задолженности (если есть)	13 437	14 748	12 375	3818	8919
Средняя сумма месячной платы за жилье и коммунальные услуги	3483	3927	3818	2773	2519
2013					
Процент домохозяйств-должников	6,5	8,5	8,7	1,9	1,7
Сумма задолженности (если есть)	13 872	13 838	14 655	6329	16 247
Средняя сумма месячной платы за жилье и коммунальные услуги	3617	4103	3886	2880	2592

Наиболее высокие расходы на оплату жилья и коммунальных услуг обычно несут домохозяйства во главе с мужчинами трудоспособного возраста. С 2012 по 2013 г. средняя сумма этих расходов выросла на 4,5%. За этот же короткий период средняя сумма месячной платы за жилье и коммунальные услуги обследованных домохозяйств во главе с женщинами трудоспособного возраста увеличилась почти на 1,8%; домохозяйств, возглавляемых мужчинами пенсионного возраста, — на 3,9%; домохозяйств, во главе которых находятся женщины-пенсионеры, — на 2,9%. После указанных изменений расходы на жилье и коммунальные услуги, которые несут домохозяйства во главе с мужчинами работоспособного возраста, стали превышать расходы домохозяйств, возглавляемых женщинами работоспособного возраста, на 5,6%. В отношении обследованных домохозяйств, возглавляемых мужчинами пенсионного возраста, это превышение стало составлять 42,5% или 1,4 раза, а в отношении домохозяйств во главе с женщинами пенсионного возраста — 58,3% или 1,6 раза.

К важным тенденциям, получившим продолжение в 2013 г., следует отнести дальнейшее снижение доли обследованных домохозяйств, имеющих задолженность по квартплате и/или оплате коммунальных услуг. Если в 2011 г. по сравнению с 2012 г. удельный вес домохозяйств-должников уменьшился с 8,1 до 7,9%, то в 2013 г. — до 6,5%. Общее снижение за два года составило 1,6 процентного пункта. Последовательное и достаточно интенсивное развитие указанной

тенденции позволяет сделать вывод о том, что проблема наличия домохозяйств-должников теряет свою прежнюю остроту. Что касается суммы задолженности по квартплате и/или оплате коммунальных услуг, то она за последний год увеличилась на 3,2%, продолжив рост, выявленный в предыдущем году, который составлял около 4%.

В 2013 г., как и в предыдущие годы, домохозяйства во главе с мужчинами или женщинами трудоспособного возраста являлись должниками по квартплате и/или оплате коммунальных услуг гораздо чаще, чем домохозяйства, во главе которых находились мужчины или женщины пенсионного возраста. При этом сокращение удельного веса должников затронуло обследованные домохозяйства всех типов. В 2013 по сравнению с 2012 г. доля должников среди обследованных домохозяйств во главе с мужчиной трудоспособного возраста сократилась на 1,5 процентного пункта (с 10 до 8,5%); среди домохозяйств во главе с женщиной трудоспособного возраста – на 2,2 процентного пункта (с 10,9 до 8,7%), тогда как среди домохозяйств, возглавляемых мужчинами-пенсионерами, – на 0,8 процентного пункта (с 2,7 до 1,9%), а среди домохозяйств во главе женщинами-пенсионерами – на 0,9 процентного пункта (с 2,6 до 1,7%).

Суммы задолженности по оплате жилья и коммунальных услуг обследованных домохозяйств во главе с мужчинами и женщинами работоспособного возраста за 2012–2013 гг. изменились умеренно. Так, за последний год у домохозяйств-должников, которые возглавляют мужчины трудоспособного возраста, она уменьшилась на 6,2%, тогда как у домохозяйств во главе с женщинами трудоспособного возраста выросла на 18,4%. В то же время у домохозяйств, возглавляемых мужчинами пенсионного возраста, сумма задолженности по квартплате и оплате коммунальных услуг стремительно выросла в 1,7 раза, а у домохозяйств во главе с женщинами-пенсионерами она не менее интенсивно увеличилась в 1,8 раза. Этот рост вывел домохозяйства, возглавляемые женщинами пенсионного возраста, на лидирующие позиции по показателю суммы задолженности по оплате жилья и коммунальных услуг.

Удовлетворенность жизнью, ощущение счастья и оценка жизненных перспектив

Нестабильность в экономике, замедление темпов роста зарплат, туманные перспективы деятельности предприятий и организаций – все это способствовало формированию у россиян настороженного отношения к оценке собственного настоящего и будущего. В 2013 г. пессимистические настроения охватили не только значительную часть работников, но и многих предпринимателей. При этом ухудшение социальных настроений, рост негативных ожиданий провоцировались не недостатком информации о социально-экономической ситуации в стране, как это обычно бывает, а ее избытком. 2013 г. отличался большим количеством неоптимистичных прогнозов, регулярно звучащих из уст руководителей финансово-экономических структур и других органов государственной власти, экспертов и специалистов.

Но, как это ни парадоксально, в ситуации возросшей тревожности, вызванной экономической неопределенностью, неясностью собственного настоящего и будущего, некоторые результаты мониторинга демонстрировали довольно высокие показатели социального самочувствия населения, достигая рекордно высокого уровня. В частности, последний опрос взрослого населения, проведенный в конце 2013 г., зафиксировал повышенный процент тех, кто удовлетворен своей жизнью и готов назвать себя счастливым человеком.

Данные, приведенные в таблице 16, показывают, что в 2013 г. доля респондентов, в большей или меньшей степени удовлетворенных своей жизнью в целом, достигла 53,%, что на 0,4 процентного пункта больше предыдущего максимального значения, зафиксированного в 2012 г. В то же время доля тех респондентов, которые были в той или иной степени недовольны своей жизнью, за этот же период сократилась до своего нового исторического минимума – с 24,7 до 23,8%, т. е. на 0,9 процентного пункта. Превышение удельного веса граждан, полностью или скорее удовлетворенных своей жизнью, над долей тех, кто не доволен условиями жизни, своим существованием, достигло более чем 2,2 раза (против 1,7 раза в 2011 г. и 2,1 раза в 2012 г.). При этом доля респондентов, которые полностью удовлетворены своей нынешней жизнью, продолжила неуклонный рост и достигла 10%, тогда как удельный вес граждан, пребывающих в крайне удрученном, подавленном, угнетенном состоянии, сократилась до 6,4%. Заслуживает особого внимания и тот примечательный факт, что доля респондентов, занимающих промежуточную позицию («и да, и нет»), в последние годы колебалась в коридоре близких значений. Если в 2011 г. по сравнению с 2010 г. она сократилась на 1,3 процентного пункта (с 22,9 до 21,6%), то за 2012–2013 гг. вновь выросла до 22,4%, т. е. на 0,8 процентного пункта.

Таблица 16

Удовлетворенность своей жизнью в целом, 1994–2013 гг., %

Оценка	1994	1996	1998	2000	2002	2004	2006	2008	2010	2012	2013
Полностью удовлетворены	3,6	2,6	2,2	3,8	6,9	5,2	6,5	6,3	8,9	9,1	10,0
Скорее удовлетворены	10,8	9,3	9,7	13,8	26,7	30,3	29,6	35,9	37,5	43,5	43,0
И да, и нет	20,5	19,9	18,0	22,1	23,9	24,1	23,5	22,1	22,9	22,1	22,4
Не очень удовлетворены	40,2	36,6	33,4	36,6	30,6	28,8	27,7	24,5	21,7	18,6	17,4
Совсем не удовлетворены	23,6	30,6	35,9	22,7	11,5	11,1	12,2	10,5	8,2	6,1	6,4
Затруднились ответить	1,3	1,0	0,8	1,0	0,4	0,5	0,5	0,7	0,8	0,6	0,8

Таким образом, с 2000 по 2013 г., пройдя несколько этапов (восстановительного роста, глубокого финансово-экономического кризиса, выхода из кризиса и постепенной стабилизации социально-экономической ситуации) доля россиян, удовлетворенных своей жизнью в целом, выросла более чем в 3 раза – с 17,6 до 53%. В то же время удельный вес граждан, испытывающих противоположные настроения, сократился приблизительно в 2,5 раза – с 59,3 до 23,8%. Причем наиболее высокие темпы роста оптимистических настроений были отмечены в самые последние годы. Повышение уровня удовлетворенности своей жизнью в целом, наблюдавшееся в течение 2000–2013 гг., затронуло большинство групп и слоев населения, но в разной

степени. В качестве весомых факторов роста настроений социального оптимизма выступили повышение темпов экономического роста, выявление возросших возможностей социальной политики государства, отражающихся на условиях жизни людей и воспринимаемых ими непосредственно, через личный жизненный опыт, ощущение улучшения материального положения своей семьи.

Как показал анализ, в последние годы россияне стали не только лучше оценивать обстоятельства своей жизни в целом, но и лучше понимать друг друга. Рост уровня межличностного доверия в российском обществе хорошо иллюстрируют данные RLMS-HSE, представленные на рис. 23. В их основе лежат ответы респондентов на вопрос: «Считаете ли вы, что большинству людей можно доверять?». Ответы на подобные вопросы демонстрируют уровень доверия по отношению к посторонним людям вообще, т. е. к незнакомым людям, которые не являются родственниками, друзьями, близкими знакомыми, сослуживцами, коллегами и т. п.

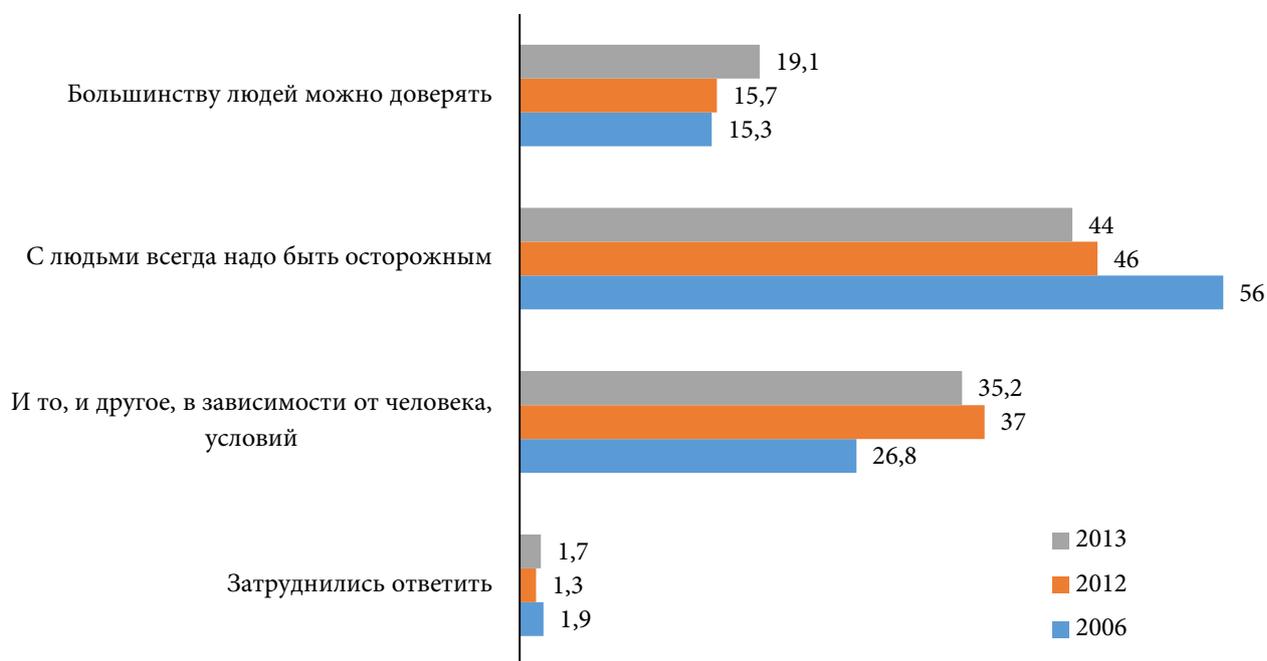

Рис. 23. Динамика уровня доверия к другим людям, 2006–2013 гг., %

Сопоставление данных мониторинга за 2006–2013 гг. выявило уменьшение доли респондентов, полагающих, что в отношениях с другими людьми всегда надо быть осторожными, внимательными, на 12 процентных пунктов – с 56 до 44%, и увеличение удельного веса граждан, считающих, что большинству людей можно доверять, на 3,8 процентного пункта – с 15,3 до 19,1%. Значительным явилось также увеличение доли респондентов, которые считают, что доверять или не доверять другим людям следует в зависимости от оценки их индивидуальных качеств и других важных обстоятельств – с 26,8% в 2006 г. до 35–37% в 2012–2013 гг. Это увеличение является одним из проявлений усиления рационального начала во взаимоотношениях между согражданами, которое предполагает трезвый расчет, определенную ясность, обоснованность, продуманность поведения с опорой на накопленный опыт. Чаще всего такого мнения придерживаются наиболее образованные респонденты в возрасте от 20 до 50 лет, проживающие в городах, прежде всего в крупных региональных центрах. Рационалистический подход очень

широко распространен в среде бизнесменов и предпринимателей. Среди них доля лиц, воздерживающихся от однозначных, скоропалительных оценок, за анализируемый период увеличилась с одной трети до половины. Вместе с тем неудача в организации своего предприятия, собственного дела заметно повышает недоверие к окружающим.

О позитивных изменениях в уровне межличностного доверия позволяет судить также увеличение удельного веса респондентов полностью или скорее доверяющих своим коллегам, сослуживцам, товарищам по работе, а также руководителям предприятий и организаций, на которых они работают. Но наиболее высоким уровнем доверия отличаются родственно-дружеские связи, играющие особую роль в жизни людей. В этом убеждено абсолютное большинство россиян. Однако, в целом, уровень межличностного доверия при положительной динамике остается все же невысоким, что является одним из серьезных факторов, обуславливающих сохранение нестабильности, настороженности в обществе.

Оценивая достигнутый уровень благополучия с учетом конкретных жизненных обстоятельств, то, как складывается жизнь в целом, насколько она удачна или неудачна, в какой мере она состоялась, 45,8% опрошенных россиян в 2013 г. отнесли себя к очень счастливым и довольно счастливым людям, что на 1,3 процентного пункта больше, чем в 2012 г. (см. рис. 24). Кроме того, на 0,5 процентного пункта (с 36,1% в 2012 г. до 36,6% в 2013 г.) увеличилась доля опрошенных, полагающих, что они скорее счастливы, чем не счастливы. Одновременно доля респондентов, которые считают себя не очень счастливыми и совсем несчастными, снизилась на 1,8 процентного пункта – с 16,2% в 2012 г. до 14,4% в 2013 г.

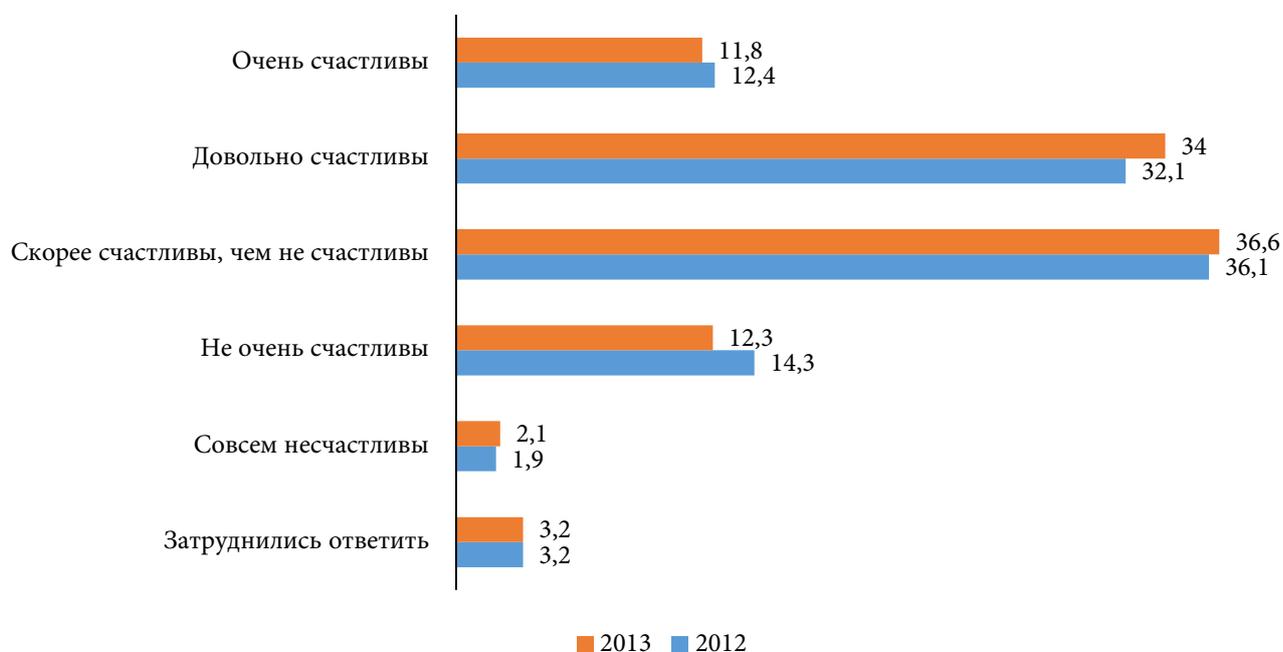

Рис. 24. Ощущение счастья, 2012–2013 гг., %

Ощущение счастья как состояние наивысшей внутренней удовлетворенности условиями своего существования не исключает даже у самых счастливых людей временного недовольства отдельными сторонами жизни, в том числе отношениями в семье, в коллективе, теми или иными аспектами или сторонами трудовой

деятельности, состоянием здоровья и др. Не случайно, из числа респондентов, считающих себя счастливыми, т. е. очень счастливыми и довольно счастливыми, почти четверть не смогли с уверенностью указать, что удовлетворены своей жизнью в целом. Примерно такой же оказалась доля респондентов, которые не во всем довольны своей нынешней работой, но относят себя к счастливым людям. При этом около 30% «счастливых» в той или иной степени не удовлетворены условиями труда на производстве, свыше 45% – возможностями для профессионального роста, до 55% – оплатой своего труда.

Независимо от места проживания мужчинам свойственно лучше, чем женщинам, оценивать то, как складывается их жизнь. Если среди мужчин доля счастливых, т. е. очень счастливых и довольно счастливых, в 2013 г. составила 48,7%, то среди женщин – только 43,7% (не счастливы, т. е. не очень счастливы и совсем не счастливы – соответственно 11,4 и 16,5%). Ощущение счастья, выступающее как наиболее общая оценка человеком собственного жизненного пути, обобщенное чувство успешной или неуспешной жизни свойственно и горожанам, и сельчанам, при некотором преобладании доли «счастливых» среди горожан. Так, если среди жителей региональных центров, т. е. республиканских, краевых и областных центров доля лиц, считающих себя счастливыми, составила 46,3% (не счастливы – 14,6%), среди жителей других городов – 48,1% (не счастливы – 14,1%), среди жителей поселков городского типа – 36,6% (не счастливы – 12,6%), то среди сельчан – 44,9% (не счастливы – 14,9%).

Счастливые намного чаще встречаются среди молодых людей, особенно среди учащихся старших классов общеобразовательных учреждений и профтехучилищ (счастливы – 66,2; не счастливы – 4,9%), студентов вузов и техникумов (соответственно 65,5 и 4,3%), предпринимателей (соответственно 59,2 и 4,1%), тогда как намного реже среди пенсионеров (соответственно 35,2 и 21,8%), безработных (30,8 и 23,9%), а также инвалидов и лиц, которые не работают по состоянию здоровья (соответственно 22,4 и 41,8%). Заметим также, что среди работающих на предприятиях и в организациях немного больше счастливых (соответственно 49,4 и 10,7%), чем среди тех, кто работает вне предприятий и организаций (соответственно 43 и 12,9%).

Характерно, что неработающие пенсионеры ощущают себя менее счастливыми (соответственно 32,5 и 23,9%), чем те, кто продолжают трудовую деятельность (соответственно 44,4 и 14%). Экономическое положение пожилых людей, которые прекращают трудовую деятельность и лишены посторонней помощи, всецело определяется социальной политикой государства. В процессе адаптации к новой жизни они вынуждены менять свой круг общения и свои потребительские предпочтения и ориентации. В условиях ограниченных финансовых ресурсов эти люди прибегают к рационализации потребления и экономии, которые представляют собой один из вариантов малопродуктивной пассивной адаптации. Крайне беспокоящими для неработающих пенсионеров являются такие проблемы, как социальная невостребованность, сокращение социальных контактов и одиночество.

Значительно детерминирует социальное самочувствие человека, социальное восприятие окружающей действительности, в том числе оценку собственной жизненной ситуации, жизненного пути, материальный достаток и оценка материального положения своей семьи. Как показывает анализ данных RLMS-HSE, счастливые люди, в полной мере испытывающие удовлетворенность своей жиз-

нию, успешнее справляются с жизненными трудностями и существенно меньше обеспокоены проблемами материального характера, чем несчастные. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что среди респондентов, считающих себя очень счастливыми, доля лиц, крайне встревоженных трудностями поддержания достигнутого, в том числе даже не очень высокого уровня жизни, почти в два раза меньше, чем среди ощущающих себя совсем несчастными (29% против 60,8%). Еще более существенным является в данном случае разрыв в долях лиц, в большей или меньшей степени удовлетворенных своим материальным положением (соответственно 40,3% против 8%). Соответственно счастливые люди намного реже, чем несчастные, встречаются среди наиболее обездоленных, бедных и малообеспеченных граждан. В ходе исследования выявлено также, что при последовательном переходе от низшей к высшей ступени материального благосостояния (субъективные оценки) наблюдается стремительное возрастание удельного веса лиц, считающих себя очень счастливыми и довольно счастливыми, и падение доли тех, кто относит себя к не очень счастливым и совсем несчастным.

В условиях экономической неопределенности и спада производства, сопровождающихся быстрым торможением роста доходов, в настроениях россиян усилились пессимистические нотки. Но, как следует из рис. 25¹, содержащего данные об изменении уровня удовлетворенности россиян своим материальным положением за 2000–2013 гг., изменения, формирующие негативный тренд, по сравнению с предыдущим годом были все же не особенно существенными.

Если в 2012 г. доля респондентов, которых в той или иной степени устраивает их материальное положение, хотя и оставалась относительно небольшой, но выросла в сравнении с 2011 г. на 2 процентных пункта (с 24,7 до 26,7%), то в 2013 г. она уменьшилась на 1,7 процентного пункта — до 25%. В то же время доля лиц, не удовлетворенных материальной стороной своей жизни, после сокращения с 56,9% в 2011 г. до 54,1% в 2012 г., т. е. на 2,8 процентного пункта, в 2013 г. увеличилась до 55,8%, т. е. на 1,7 процентного пункта. Отмеченный спад уровня удовлетворенности респондентов своим материальным положением примечателен, прежде всего, тем, что он является, по сути, первым заметным изменением подобного рода, начиная с 2000 г. До этого наблюдался только рост позитивных оценок.

Наряду со снижением уровня удовлетворенности респондентов своим материальным положением было отмечено ухудшение оценок изменения материального положения семей. Данные, приведенные на рис. 26², показывают, что в 2013 г. по сравнению с 2012 г. удельный вес граждан, указывающих на улучшение материального положения своих семей в течение последнего года, сократился на 1,4 процентного пункта (с 26,3 до 24,9%), тогда как доля тех, кто не заметил каких-либо перемен, увеличилась на символические 0,5 процентного пункта (с 58,2 до 58,7%), а доля заметивших ухудшение материальных условий жизни своих семей выросла на 0,9 процентного пункта (с 15,5 до 16,4%). Годом ранее наблюдалась противоположная динамика. Так, в 2012 г. по сравнению с 2011 г. доля лиц, заме-

¹ Вопрос «Скажите, пожалуйста, насколько вы удовлетворены своим материальным положением в настоящее время?» задавался с 2000 г.

² Вопрос «Скажите, пожалуйста, как изменилось материальное положение вашей семьи за последние 12 месяцев?» задавался с 2001 г.

чающих позитивные перемены в материальном положении своих семей, выросла на 2,1 процентного пункта (с 24,2 до 26,3%), в то время как удельный вес тех, кто не заметил каких-либо перемен, сократился на 0,3 процентного пункта (с 59,1 до 58,2%), а доля заметивших ухудшение материальных условий жизни своей семьи снизилась на 1,2 процентного пункта (с 16,7 до 15,5%).

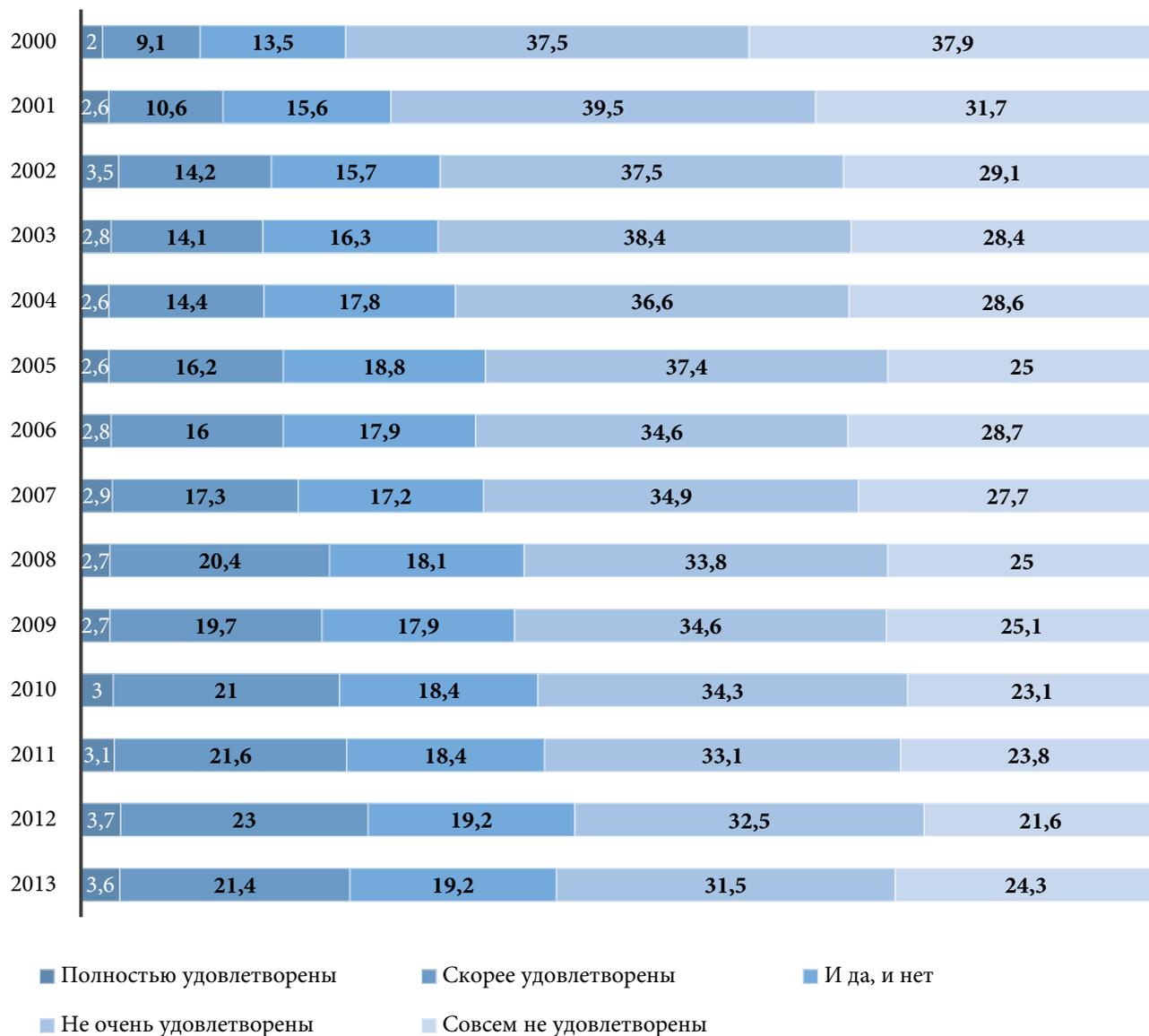

Рис. 25. Удовлетворенность своим материальным положением, 2000–2013 гг., %

Изменение оценок возможностей семей по приобретению дорогостоящих предметов длительного пользования и услуг за последний год выглядит противоречиво. С одной стороны, очень четко прослеживается улучшение оценок, характеризующих возможности семей по оплате менее весомых, но относящихся к разряду первостепенных статей расходов на дополнительные занятия (музыкальная школа, спортивная секция и т. д.) или обучение детей в вузе, другом учебном заведении. С другой стороны, не менее хорошо заметно ухудшение оценок, характеризующих возможности семей по оплате более солидных, но не относящихся к срочным и обязательным статей расходов на отдых за границей, а также на такие крупные покупки, как легковой автомобиль, коттедж, дача, комната, отдельная квартира, дом и т. п.

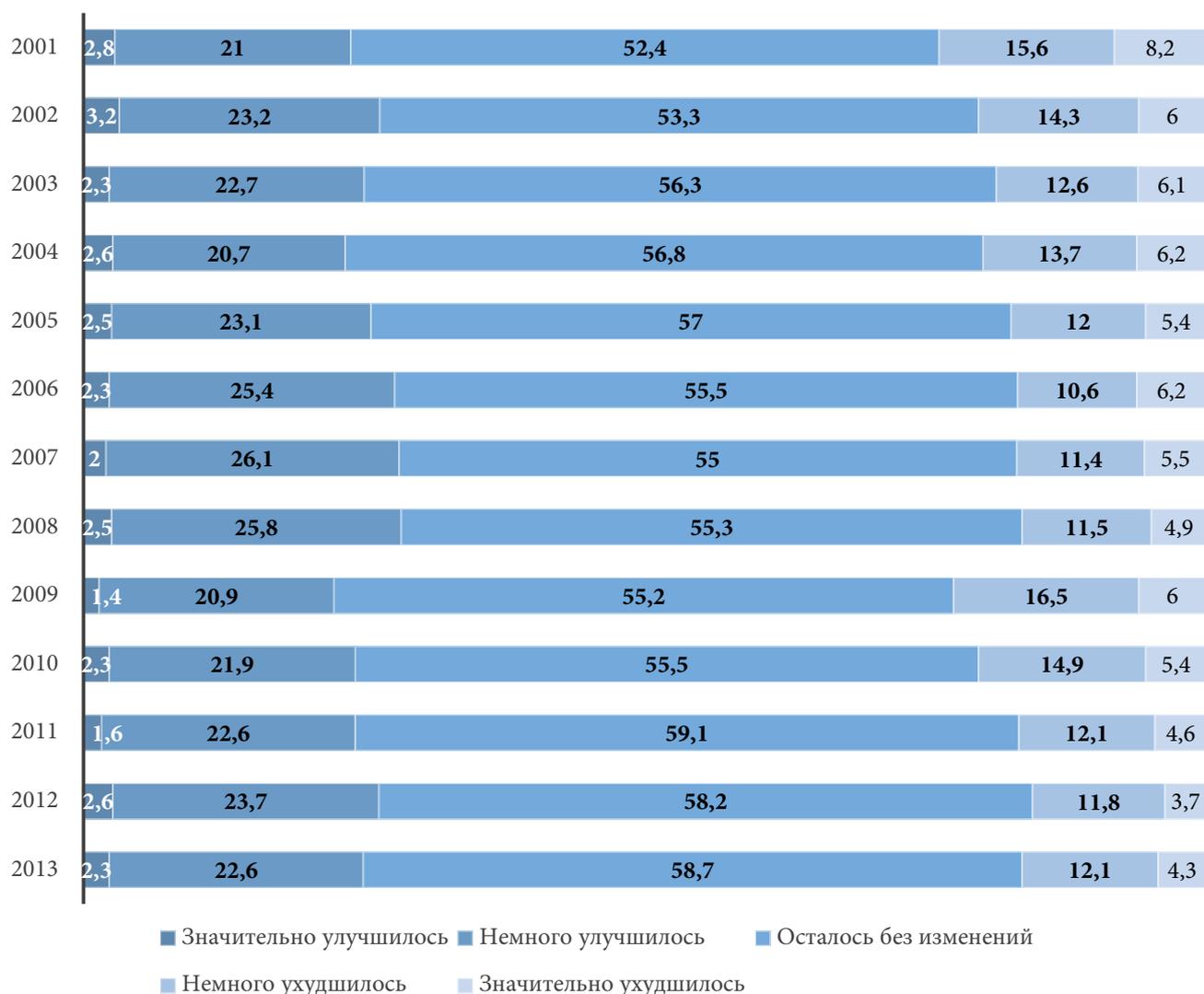

Рис. 26. Оценка изменения материального положения своей семьи за последние 12 месяцев, 2001–2013 гг., %

Из рис. 27 хорошо видно, что с 2012 по 2013 г. доля представляющих свои домохозяйства респондентов, которые способны оплачивать дополнительные занятия детей в музыкальных школах, спортивных секциях, изостудиях, кружках и т. п. (из тех, к кому это относится), увеличилась на 2,7 процентного пункта – с 61,1 до 63,8%. Но если сравнивать с 2005 г., то данный рост достигает 12,7 процентного пункта. За последний год на 1,2 процентного пункта увеличилась также доля респондентов, которые способны оплачивать учебу своих детей в вузе или другом учебном заведении. Однако и после этого увеличения удельный вес респондентов, располагающих такими возможностями, оставался ниже максимального значения, составляющего около 40%, которое было зафиксировано в 2010 г.

После увеличения с 15,2% в 2005 г. до 18,3% в 2012 г., т. е. на 3,1 процентного пункта, уменьшалась до 17% в 2013 г. доля респондентов, которые способны откладывать деньги на крупные покупки, такие как легковой автомобиль, дача, мебель и другие дорогостоящие предметы культурного и бытового назначения. Аналогично менялся удельный вес респондентов, которые указывают, что могут провести всей семьей отпуск за границей. Их доля сначала последовательно увеличилась почти в три раза – с 5,8% в 2005 г. до 16,5% в 2012 г., но в 2013 г. сократилась на 1,7 процентного пункта – до 14,8%. И наконец, удельный вес респондентов, способных

улучшить жилищные условия своих семей, т. е. купить квартиру, комнату, дом (часть дома), коттедж и т. п., после небольших колебаний в 2005–2012 гг., уменьшился за последний год на 1,6 процентного пункта – с 8,4 в 2012 г. до 6,8% в 2013 г.

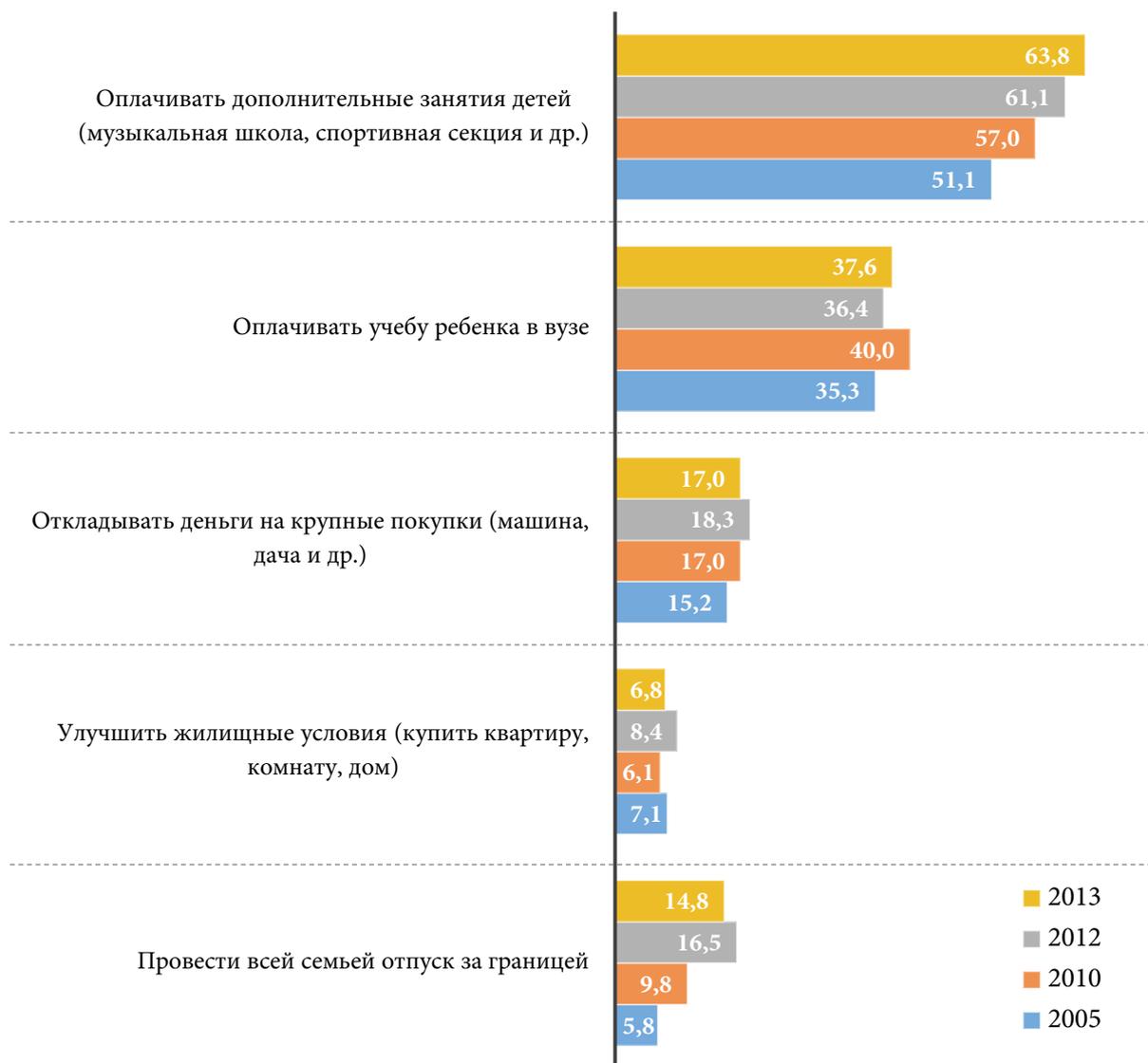

Рис. 27. Оценка возможности приобретения дорогостоящих предметов и услуг, 2005–2013 гг., %

Горожане намного лучше сельчан оценивают возможности приобретения дорогостоящих товаров и услуг. В частности, в городах значительно больше семей, которые способны, по их собственным оценкам, оплачивать дополнительные занятия детей на курсах, в творческих кружках и спортивных секциях, их обучение в вузах, колледжах, откладывать деньги на такие крупные покупки, как легковой автомобиль, дача или земельный участок. В городе намного чаще, чем на селе, встречаются семьи, которые могут при желании провести совместно отпуск за границей. И в то же время горожане испытывают такие же трудности, как и сельчане, при решении жилищной проблемы. Лучше других оценивают свои покупательские возможности проживающие в городах законодатели, крупные чиновники, управляющие. За ними с большим отрывом следуют профессионалы с высшим и средним специальным образованием, а на третьем месте располагаются квалифицированные рабочие промышленности.

Самоопределение респондентов в социальном пространстве в рамках мониторинга осуществляется в трех основных измерениях – по шкалам богатства, власти и уважения, которые включали 9 ступеней (от низшей до высшей). Ответы на идентификационные вопросы служат основанием для определения субъективных статусов, точнее, статусных характеристик, которые фиксируют положение людей на социальной лестнице и отражают переплетающиеся, но в то же время относительно автономные системы неравенства: собственности, власти и уважения.

Основанный на самооценках анализ распределения респондентов по уровням и ступеням шкалы материального благосостояния («бедные» – «богатые») свидетельствует об определенной стабилизации материального положения различных групп населения. В этом убеждают незначительные изменения анализируемых статусных позиций, характерные для последних лет, в том числе несущественное увеличение удельного веса респондентов, относящих себя к бедным и малообеспеченным слоям, и сокращение доли тех, кто, по собственному же мнению, занимает средние позиции (см. таблицу 17)¹.

Таблица 17

Распределение респондентов по уровням и ступеням шкалы материального благосостояния: текущие самооценки, 1994–2013 гг., %

Год	Нижний уровень			Средний уровень			Верхний уровень		
	Низшая ступень	2-я ступень	3-я ступень	4-я ступень	5-я ступень	6-я ступень	7-я ступень	8-я ступень	Высшая ступень
1994	12,6	15,4	24,1	22,5	19,4	4,1	1,5	0,3	0,1
1995	14,2	16,6	22,7	20,9	19,3	4,6	1,4	0,3	0,1
1996	14,3	16,1	22,4	20,4	20,4	4,4	1,6	0,3	0,1
1998	16,8	19,0	23,7	19,2	16,7	2,8	1,2	0,4	0,2
2000	10,4	14,4	22,6	20,3	22,9	6,5	2,3	0,4	0,2
2001	6,9	11,3	23,1	25,0	23,8	6,5	2,4	0,5	0,3
2002	6,3	12,4	24,0	25,0	23,1	6,2	2,5	0,4	0,1
2003	6,7	13,0	23,5	25,5	21,9	6,0	2,5	0,5	0,5
2004	5,2	11,9	22,3	24,0	24,6	7,0	3,6	1,2	0,2
2005	4,6	12,6	22,6	24,6	23,5	7,2	3,7	1,0	0,2
2006	5,8	11,4	23,2	25,2	23,8	7,0	2,9	0,4	0,3
2007	5,0	12,5	22,4	24,3	23,8	8,2	3,0	0,7	0,1
2008	3,8	10,6	22,1	25,1	25,0	8,5	3,7	0,6	0,6
2009	3,6	10,9	23,6	25,8	24,0	8,1	3,3	0,5	0,2
2010	3,1	10,4	22,0	27,6	24,2	8,4	3,5	0,7	0,1
2011	4,1	11,1	21,9	24,5	23,7	9,7	4,2	0,7	0,1
2012	3,6	10,1	22,0	23,4	25,5	9,9	4,3	1,0	0,2
2013	4,6	10,5	21,4	22,8	24,5	10,7	4,5	0,7	0,3

¹ В таблице представлены ответы респондентов на вопрос: «Представьте себе, пожалуйста, лестницу из 9 ступеней, где на нижней, первой ступени стоят нищие, а на высшей, девятой – богатые. На какой из девяти ступеней находитесь сегодня вы лично?». В ходе анализа полученных данных респонденты были распределены не только по ступеням, но и по трем иерархическим уровням материального благосостояния.

Так, удельный вес респондентов, располагающихся, по самооценкам, на ступенях нижнего уровня шкалы материального благосостояния, после сокращения с 37,1% в 2011 г. до 35,7% в 2012 г., т. е. на 1,4 процентного пункта, в 2013 г. увеличился до 36,5%, т. е. на 0,8 процентного пункта. В то же время удельный вес респондентов, занимающих ступени среднего уровня, после увеличения с 57,9 в 2011 г. до 58,8% в 2012 г., в 2013 г. сократился до 58%, т. е. на 0,8 процентного пункта. О стабилизации анализируемых показателей свидетельствует также неизменность в последние два года доли респондентов, располагающихся на ступенях верхнего уровня шкалы материального благосостояния, которая в 2012–2013 гг. составляла 5,5%. Это значение на 0,5 процентного пункта превышало значение, зафиксированное в 2011 г., и на 1,2% превосходило значение, выявленное в 2010 г.

Сравнительные данные о распределении респондентов по шкалам материального благосостояния («бедные» – «богатые»), власти («совсем бесправные» – «те, у кого большая власть») и уважения («совсем не уважают» – «очень уважают»), полученные в 2013 г., отражены на рис. 28. Анализ этих данных при сопоставлении с данными предшествующих опросов мониторинга позволяет говорить о некотором снижении указанных самооценок. Из данных также следует, что в 2013 г., как и прежде, респонденты несколько чаще относили себя к людям, обладающим минимальной или незначительной властью, чем к бедным и малообеспеченным категориям населения. При этом доля респондентов, занимающих ступени нижнего уровня на шкале власти, с 2012 по 2013 г. увеличилась на 2 процентных пункта – с 41,3 до 43,3%. Но, несмотря на это увеличение, она оставалась меньше значений, зафиксированных в 2010 и 2011 г. – соответственно 44,5 и 48%.

Можно также отметить, что в среднем сегменте «обеспеченные» преобладали над «властными», тогда как в верхнем сегменте «властные» – над обеспеченными. При этом с 2012 по 2013 г. удельный вес лиц, занимающих ступени среднего уровня на шкале власти, сократился на 1,7 процентного пункта – с 52 до 50,3%, в то время как доля респондентов, располагающихся на ступнях верхнего уровня, уменьшилась на 0,3 процентного пункта – с 6,7 до 6,4%.

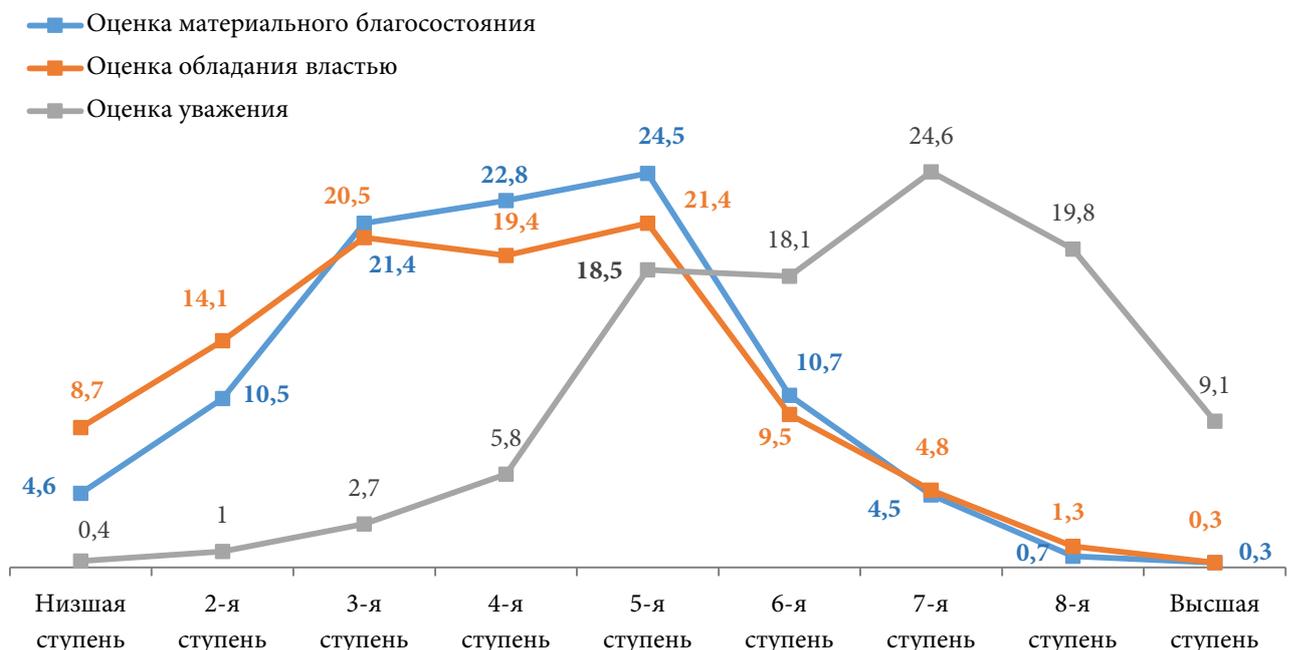

Рис. 28. Распределение респондентов по ступеням шкал материального благосостояния, власти и уважения, 2013 г., %

На фоне отмеченных выше колебаний более четко прослеживается рост самооценок уважения. Так, если в 2010 г. ощущали, что не пользуются уважением у окружающих людей, 5,2% респондентов; в 2011 г. — 5,3%; то в 2012 г. — только 4,4%, а в 2013 г. — всего лишь 4,1%. В то же время доля респондентов, занимающих ступени среднего уровня на шкале уважения, в 2010 г. составляла 46,9%; в 2011 г. — 47,3%; в 2012 г. — 44,8%, а в 2013 г. — только 42,4%. Это снижение сопровождалось увеличением удельного веса респондентов, занимающих на шкале уважения ступени верхнего уровня, с 47,9% в 2010 г. и 47,4% в 2011 г. до 50,8% в 2012 г. и 53,5% в 2013 г.

На следующем рисунке (см. рис. 29) представлены данные мониторинга за 2011 г. и 2013 г. о распределении респондентов по ступеням шкалы профессионального мастерства («начинающие, ученики» — «профессионалы высокого класса»). Анализ данных, приведенных на рисунке, убеждает в том, что значительное большинство респондентов (к кому это имеет отношение) высоко оценивают уровень своей профессиональной квалификации. И при этом наблюдается некоторый рост самооценок уровня профессионального мастерства трудоспособного населения. В частности, с 2011 по 2013 г. доля респондентов, располагающихся на ступенях верхнего уровня шкалы профессионального мастерства, увеличилась на 2 процентных пункта — с 49,3 до 51,3%, в том числе за последний год — на 0,8 процентного пункта. В то же время удельный вес респондентов, занимающих ступени среднего уровня шкалы, сократился с 36,5% в 2011–2012 гг. до 34,4% в 2013 г. И, наконец, практически не изменилась доля лиц, считающих уровень своего профессионального мастерства низким или очень низким, т. е. занимающих три нижние ступени на шкале (2011 г. — 14,2%; 2013 г. — 14,3%).

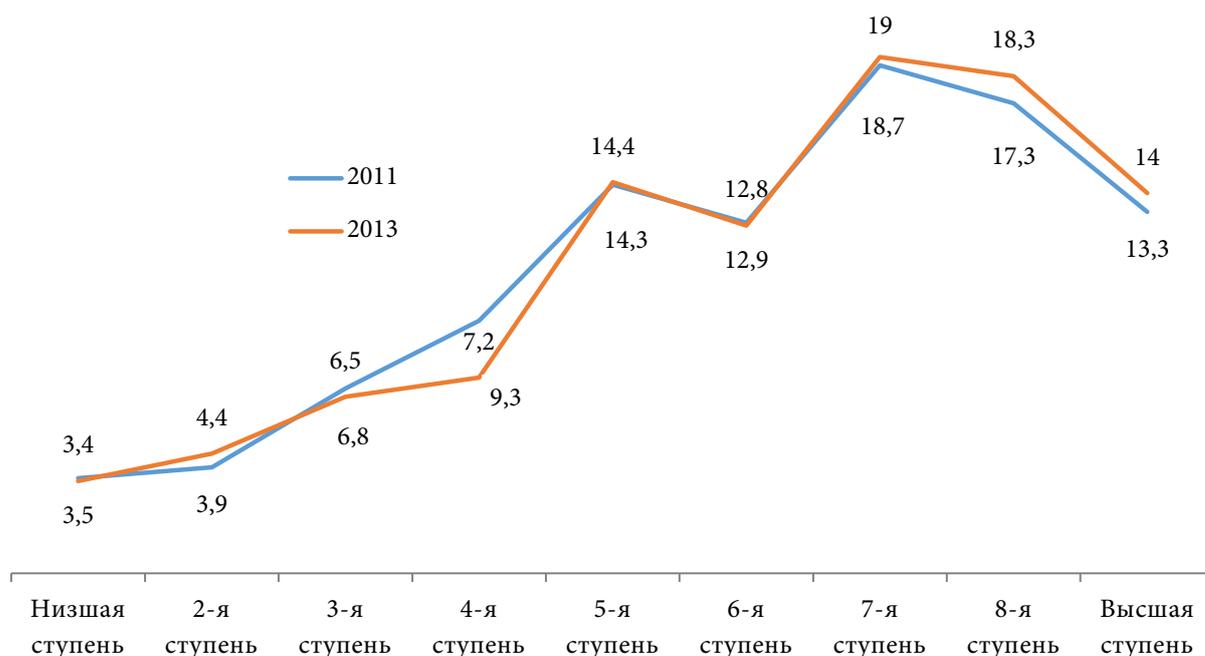

Рис. 29. Распределение респондентов по ступеням шкалы профессионального мастерства: текущие самооценки (к кому это относится), 2011–2013 гг., %

В условиях экономической неопределенности социальные ожидания россиян были во многом пессимистическими и по сравнению с предыдущим годом изменилось в худшую сторону. Увеличилось количество людей, считающих, что следующий год станет для них годом сложных экономических проблем и преодоления трудностей. Многим россиянам будущее представлялось довольно туманным или мрачным. Этот пессимизм, хотя и был гораздо ниже, чем после дефолта 1998 г. и начала мирового финансово-экономического кризиса 2008 г., но формировался на довольно высоком уровне. В определенной мере широкая распространенность подобных настроений объяснялась значительным разрывом в доходах бедных и богатых, региональной дифференциацией, а также увеличением социальных требований населения.

В целом количество россиян, которые не надеются на улучшение своей жизни, за последний год увеличилось. Об этом свидетельствуют ответы респондентов на вопрос «Как вы думаете, через 12 месяцев вы и ваша семья будете жить лучше или хуже, чем сегодня?». Анализ ответов респондентов на данный вопрос показал, что с 2012 по 2013 г. доля лиц, которые надеются на лучшее, сократилась на 3,5 процентного пункта – с 29,7 до 26,2% (см. таблицу 18). Этот рост произошел главным образом за счет респондентов, которые или видят будущее в негативных тонах, или пребывают в растерянности, не зная, как может измениться их жизнь. Так, за 2012–2013 гг. доля респондентов, негативно оценивающих личные и семейные жизненные перспективы, увеличилась на 0,6 процентного пункта – с 9,2 до 9,8%, а доля не определившихся, т. е. тех, кто затруднился ответить на поставленный вопрос, выросла на 3,4 процентного пункта – с 16,9 до 20,3%. Аналогичный рост количества людей, пребывающих в неведении относительно своего будущего, наблюдался в кризисном 2008 г., когда доля затруднившихся ответить увеличилась до 21,9%. Что касается тех людей, которые полагают, что в их жизни ничего не изменится, то их доля за 2012–2013 гг. изменилась мало, обозначив небольшое снижение на 0,5 процентного пункта.

Таблица 18

Оценка личных и семейных жизненных перспектив, 1994–2013 гг., %

Оценка	1994	1996	1998	2000	2002	2004	2006	2008	2010	2012	2013
Будут жить намного лучше	2,4	1,7	1,5	3,0	3,8	3,6	3,1	3,0	4,0	4,1	3,2
Будут жить немного лучше	14,4	12,3	9,1	15,7	21,6	20,4	22,1	20,5	24,6	25,6	23,0
Ничего не изменится	34,7	37,0	28,3	44,1	46,8	46,0	47,1	41,3	45,3	44,2	43,7
Будут жить немного хуже	20,0	16,7	17,7	11,1	8,3	9,7	5,8	8,9	6,9	7,0	6,8
Будут жить намного хуже	20,8	18,8	25,7	7,7	3,4	4,0	2,5	4,4	2,5	2,2	3,0
Затруднились ответить	7,7	13,5	17,7	18,4	16,1	16,3	19,4	21,9	16,7	16,9	20,3

Как и прежде, мужчины были более оптимистичны в своих оценках, чем женщины. При этом нарастание пессимизма было хорошо заметно в обеих когортах. Так, доля лиц, рассчитывающих на улучшение личного и семейного будущего,

сократилась за последний год среди мужчин с 30,7 до 28%, а среди женщин – с 26,6 до 24,9%. И в то же время существенно увеличилось число лиц, затрудняющихся оценить свои жизненные перспективы: среди мужчин – с 16,8 до 21,1%; среди женщин – с 16,7 до 20,4%. В 2013 г., как и годом ранее, лучше других категорий респондентов оценивали личные и семейные жизненные перспективы жители республиканских, краевых и областных центров, тогда как хуже других – жители других городов и сельчане. Что касается наиболее интересных тенденций, то внимание привлекает, прежде всего, сокращение среди жителей региональных центров доли респондентов, надеющихся на лучшее (с 30,5 до 27,4%), и увеличение доли тех, кто не знает, как оценить жизненные перспективы (с 15,7 до 18,6%). Хорошо заметно уменьшение среди жителей других городов удельного веса респондентов, полагающих, что в их жизни ничего не изменится (с 48,1 до 43,5%), и увеличение затруднившихся ответить (с 16,7 до 21,5%). Среди сельчан выявлено сокращение доли лиц, надеющихся на лучшее (с 28,6 до 26%), и увеличение доли тех, кто не знает, как оценить жизненные перспективы (с 18 до 21,5%).

Анализ данных по образовательному срезу показал, что лучше других оценивают свои жизненные перспективы респонденты с высшим образованием, но нарастание пессимизма затронуло все образовательные кластеры. Например, в 2013 г. по сравнению с 2012 г. доля граждан, ожидающих позитивные изменения в своей жизни и в жизни своей семьи, сократилась среди респондентов с общим средним образованием с 30,5 до 27,4%; среди лиц со средним специальным образованием – с 25,7 до 23,8%; среди респондентов с высшим образованием – с 31,8 до 29,9%.

Как и в предыдущие годы, гораздо позитивнее оценивали личные и семейные жизненные перспективы респонденты, которые в большей мере удовлетворены своей жизнью, уровнем материального благосостояния своей семьи. Очень четко прослеживалось нарастание жизненного оптимизма по мере снижения возраста респондентов. В 2013 г. лучше других оценивали личные и семейные жизненные перспективы респонденты, относящиеся к категориям работников с более высоким профессиональным статусом – законодатели, крупные чиновники, руководители высшего звена (будут жить лучше – 35,8%; будут жить хуже – 5,3%); специалисты высшего уровня квалификации (соответственно 31,1 и 8,8%). В то же время больше всего неопределившихся было среди неквалифицированных рабочих (22,6%) и офисных работников, специалистов по обслуживанию клиентов (24,3%), остро ощущающих неустойчивость своего положения в кризисных условиях. Примечательно также, что позитивные ожидания в большей мере характерны работникам, занятым на предприятиях и в организациях, чем тем, кто работает вне предприятий и организаций. Но количество оптимистов среди тех и других за последний год уменьшилось (соответственно с 31,8 до 28,5% и с 37,3 до 34,3%). И одновременно увеличилось число пессимистов (с 8,4 до 8,8% и с 5,8 до 6,6%) и неопределившихся (с 17,9 до 21% и с 14,8 до 22%).

Наиболее высоким уровнем оптимизма отличаются оценки жизненных перспектив, принадлежащие предпринимателям, учащимся общеобразовательных учреждений и профтехучилищ, студентам вузов. Но по сравнению с 2012 г. и у них позитива стало заметно меньше. Так, предприниматели в оценках личных и семейных жизненных перспектив чаще проявляют тревожность или очень уме-

ренный оптимизм. В последние годы у них, как и у многих других людей, в массовом масштабе отсутствуют ожидания катастрофического ухудшения жизни, но и уверенности в том, что ситуация будет улучшаться или оставаться стабильной тоже нет. Жизненные планы оказываются хотя и осторожными, но вполне прагматичными. С 2012 по 2013 г. среди предпринимателей удельный вес лиц, надеющихся на лучшее, уменьшился с 51,8 до 39,3%, т. е. на 12,5 процентного пункта. Но в то же время увеличились доли тех, кто рассчитывает на худшее (с 4,9 до 7,7%, т. е. на 2,8 процентного пункта) и затрудняется оценить жизненные перспективы (с 13,5 до 19,9%, т. е. на 6,4 процентного пункта). Подобным изменениям были подвержены также оценки учащихся старших классов общеобразовательных учреждений и профтехучилищ, студентов вузов.

К группам, настроенным оценивать ближайшие жизненные перспективы с наибольшей долей пессимизма, относятся пенсионеры. В 2013 г. только 13,2% пенсионеров (2012 г. — 14,2%) выражали надежду на улучшение жизни в следующем году, тогда как 13,6% рассчитывали на худшее (2012 г. — 14,5%), 54,8% полагали, что в их жизни ничего не изменится (2012 г. — 56,4%), а 18,4% не знали, как реагировать на поставленный вопрос (2012 г. — 14,9%). При этом наиболее пессимистично высказывались о своих ближайших перспективах неработающие пенсионеры. Достаточно указать, что в 2013 г. среди них доля лиц, надеющихся на улучшение жизни в следующем году, составила всего лишь 10,8% (2012 г. — 12,2%).

На фоне отмеченных тенденций совершенно несущественными выглядят изменения уровня обеспокоенности респондентов невозможностью обеспечить себя самым необходимым в течение ближайших 12 месяцев (см. таблицу 19). Так, с 2012 по 2013 г. доля респондентов, обеспокоенных данной проблемой, уменьшилась всего лишь на 0,1 процентного пункта (с 64,8 до 64,7%), тогда как удельный вес тех, кто выражал противоположные настроения, увеличился на 1,2 процентного пункта (с 23,1 до 21,9%). В целом с 2000 по 2013 г. удельный вес респондентов, в большей или меньшей степени обеспокоенных невозможностью обеспечения себя самым необходимым, уменьшился с 72,4 до 64,7%, т. е. на 7,7 процентного пункта, в то время как доля тех, кого эта проблема не тревожит, увеличилась с 16,9 до 21,9%, т. е. на 5 процентных пунктов.

Таблица 19

**Обеспокоенность невозможностью обеспечить себя самым необходимым
в ближайшие 12 месяцев, 1994–2013 гг., %**

Оценка	1994	1996	1998	2000	2002	2004	2006	2008	2010	2012	2013
Очень беспокоит	53,6	57,1	64,0	49,6	41,6	40,1	39,2	37,3	32,4	30,4	31,5
Немного беспокоит	22,1	22,3	20,2	22,8	31,0	31,0	31,3	31,5	32,4	34,4	33,2
И да, и нет	7,8	8,5	6,3	10,7	9,1	11,1	11,8	11,0	11,8	12,1	13,4
Не очень беспокоит	11,2	8,2	6,6	11,4	12,6	12,1	12,3	14,4	16,1	15,5	14,7
Совсем не беспокоит	5,3	3,9	2,9	5,5	5,7	5,7	5,4	5,8	7,3	7,6	7,2

В таблице 20 представлены данные, характеризующие уровень удовлетворенности граждан условиями жизни в месте своего проживания в зависимости от типа населенного пункта. Эти данные показывают, что более всего россиян

устраивает организация торговли (от 75,9% среди сельчан до 91,3% среди жителей средних и малых городов), которая воспринимается как одно из основных достижений рыночной экономики. Довольно высоко оценивают россияне работу городского и поселкового транспорта. Качество транспортных услуг удовлетворяет от 56% сельчан до 84,5% жителей средних и малых городов. При этом более требовательные жители региональных центров реже выражают удовлетворенность организацией торговли и работой транспорта (соответственно 82,9 и 69%), чем жители других городов. Организация дошкольного и школьного образования больше устраивает сельчан (соответственно 64 и 65,1%), жителей поселков городского типа (67,9 и 70,4%) и небольших городов (61,7 и 65,5%), чем жителей республиканских, краевых и областных центров. В то же время жители региональных центров чаще выражают удовлетворенность условиями для проведения досуга и культурного отдыха (65,5%). И, наконец, к сферам жизнеобеспечения, вызывающим наибольшее беспокойство у людей, относятся медицинское обслуживание и чистота окружающей среды.

Таблица 20

Удовлетворенность условиями жизни в месте проживания, 2013 г., %

Оценка	Региональный центр		Другой город		Поселок городского типа		Село	
	Устраивает	Не устраивает	Устраивает	Не устраивает	Устраивает	Не устраивает	Устраивает	Не устраивает
Работа транспорта	69,0	26,6	84,5	11,7	69,5	25,3	56,0	39,9
Организация торговли	82,9	14,6	91,3	6,7	89,2	85,0	75,9	22,3
Дошкольное образование	47,9	19,7	61,7	13,2	67,9	11,1	64,0	19,6
Школьное образование	49,0	23,1	65,5	13,4	70,4	13,6	65,1	20,9
Медицинское обслуживание	43,6	52,6	51,8	45,1	60,1	37,8	52,3	44,9
Условия для досуга и отдыха	65,5	21,3	53,4	35,3	52,2	42,3	42,9	49,0
Чистота окружающей среды	27,1	70,3	38,0	58,8	50,2	48,1	52,3	43,9

Таким образом, в 2013 г. на настроения россиян заметное влияние оказывали отсутствие четких перспектив развития, подкрепленных негативным информационным фоном, явное замедление в промышленности, разговоры об угрозе дальнейшего экономического спада, массовое закрытие индивидуальных предприятий, рост коммунальных тарифов, подорожание продуктов питания и отсутствие роста зарплат во многих секторах экономики. Изменение социального самочувствия характеризовалось противоречивыми тенденциями. С одной стороны, наблюдалось улучшение показателей, характеризующих уровень удовлетворенности граждан своей жизнью в целом, ощущение счастья и межличностное доверие. С другой стороны, снизился уровень удовлетворенности россиян своим материальным положением и ухудшились оценки личных и семейных жизненных перспектив. Сохраняя определенные надежды на лучшее в следующем году, все больше россиян с тревогой оценивали перспективы своей жизни и готовились к худшему в ожидании очередных кризисных потрясений.

Проблемы адаптации в сфере занятости и труда

К новым тенденциям, выявленным в 2013 г., которые заслуживают особого внимания, можно отнести некоторое повышение озабоченности широких слоев населения проблемами занятости. Но в целом настроения экономически активного населения выглядели довольно противоречиво. Многие не видели больших рисков или возросшей опасности потери работы, но в то же время были убеждены, что в случае утраты своего нынешнего рабочего места найти новую равноценную работу им будет крайне сложно. Немаловажное значение для формирования подобных позиций работников имели свежие воспоминания о кризисных 2008–2010 гг., когда многие работодатели вынуждены были прибегать к массовым увольнениям. Одной из причин сохраняющейся тревожности относительно проблемы трудоустройства на работу с достойной заработной платой в случае потери нынешнего рабочего места явилось знакомство с неудачным опытом решения проблемы занятости своими родственниками и друзьями, потерявшими работу в период предыдущего экономического кризиса. Прежде всего это относится к высококвалифицированным специалистам, попавшим под сокращение, у которых заработная плата была выше, чем у подавляющего большинства других работников. Некоторое значение для распространения настроений тревожности у занятого населения имело также муссирование разного рода предложений и слухов по упрощению процедуры увольнения работников и пересмотра условий трудовых договоров, увеличению продолжительности рабочей недели и т. д.

Анализ данных RLMS-HSE показал, что в 2013 г. проблема безработицы беспокоила значительное число россиян, а для части граждан тревожность по этому поводу даже повысилась. Об этом позволяют судить, в частности, ответы респондентов на вопрос «Насколько вас беспокоит то, что вы можете потерять работу?». Как следует из рис. 30, в 2013 г. по сравнению 2012 г. доля респондентов, в большей или меньшей степени обеспокоенных возможностью потери работы, увеличилась с 55,8 до 56,5%, т. е. на 0,7 процентного пункта, тогда как доля лиц, сохраняющих оптимистические настроения, уменьшилась с 32,1 до 30,1%, т. е. на 2 процентных пункта. После этого снижения число оптимистов стало даже меньше, чем в кризисном 2008 г., когда их доля составляла 31,3%. Кроме того, в 2013 г. на 1,3 процентного пункта (с 12,1% в 2012 г. до 13,4% в 2013 г.) увеличилась доля респондентов, занимающих неясную, половинчатую позицию (ответили «и да, и нет»). В целом уровень тревожности перед угрозой потери работы был ниже только в 1990-х гг., а сопоставимым с нынешним в начале 2000-х гг. Так, в 2000 г. доля респондентов, в большей или меньшей степени обеспокоенных возможностью потери работы, составляла 57,6%, в то время как доля тех, кто не тревожился по этому поводу — около 32%.

Наряду с повышением обеспокоенности угрозой потери работы было выявлено снижение уверенности занятых в том, что они смогут успешно решить проблему трудоустройства в случае потери нынешней работы, о чем свидетельствуют ответы респондентов на следующий вопрос: «Представьте себе не очень приятную картину: предприятие, где вы работаете, по каким-то причинам завтра закрывается, и все работники будут уволены. Насколько вы уверены в том, что сможете найти работу не хуже той, на которой работаете сейчас?».

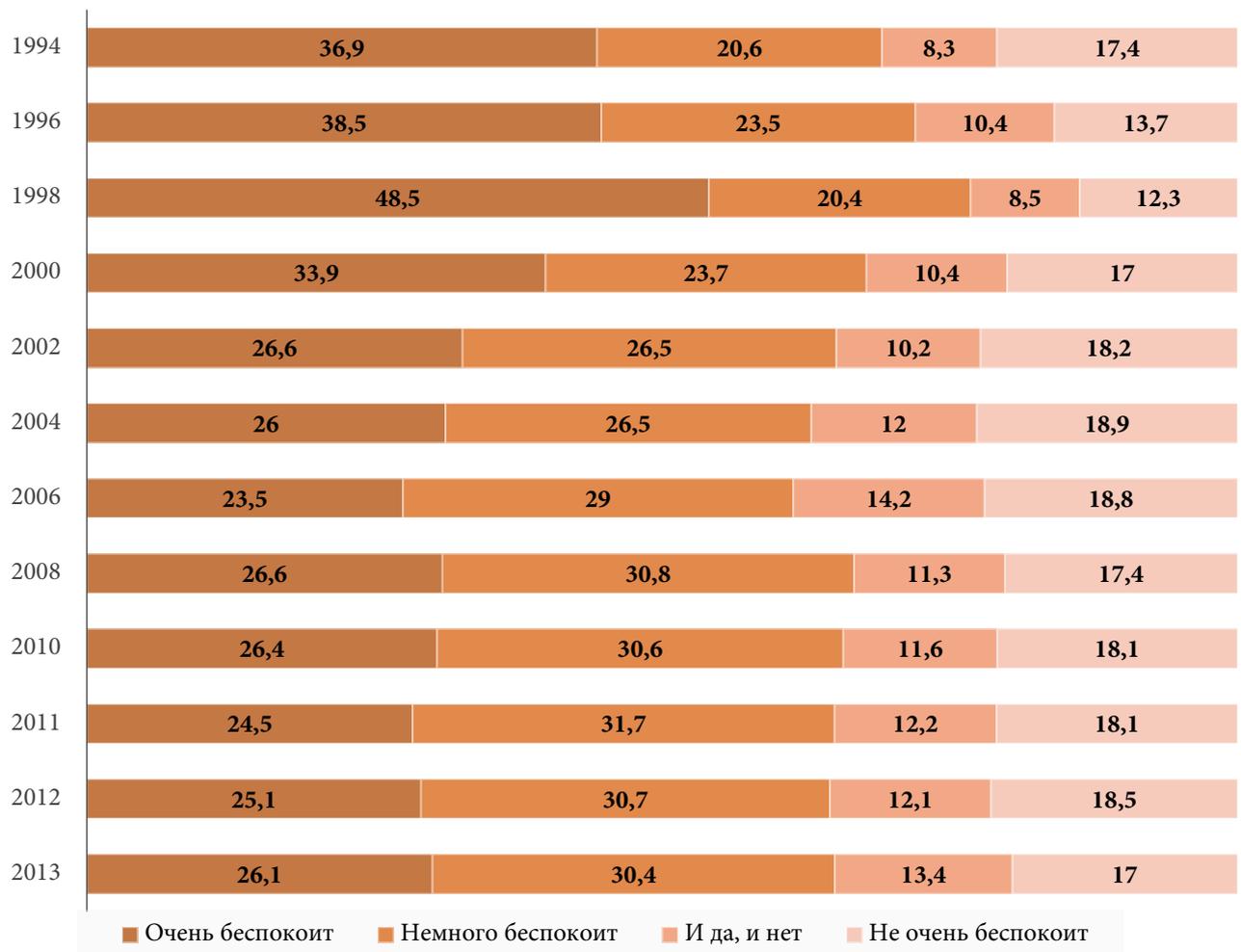

Рис. 30. Обеспокоенность угрозой потери работы, 1994–2013 гг., %

Из данных, приведенных на рис. 31, видно, что в 2013 г. по сравнению с 2012 г. доля респондентов, в большей или меньшей степени уверенных в своей способности успешно решить проблему повторного трудоустройства, уменьшилась на 1,4 процентного пункта – с 45,4 до 44%. В то же время удельный вес лиц, не уверенных в своих силах, увеличился на 1,1 процентного пункта – с 37,3 до 38,4%. Но эти изменения все же не смогли существенно изменить общую картину, характеризующую возможности повторного трудоустройства опрошенных работников. В 2013 г. уровень уверенности респондентов в возможности трудоустройства в случае потери работы оставался выше, чем во все предыдущие годы, за исключением 2012 г.

Данные мониторинга об основных причинах увольнений работников в 2011–2013 гг., которые были получены в процессе анализа ответов респондентов на два взаимосвязанных вопроса: «В каком году и в каком месяце вы ушли с вашей последней работы, перестали работать?» и «По какой основной причине вы перестали работать на вашей последней работе?», представлены на рис. 32.

Согласно данным мониторинга, как и прежде, наиболее весомой причиной прекращения работы остается неудовлетворенность размером заработной платы. В 2013 г. по этой причине уволились 15,2% респондентов из числа прекративших работу. Среди респондентов, занимающих невысокие статусные позиции, с низким уровнем образования работники, которые увольняются по этой причине, встречались чаще, чем среди лиц с высшим образованием. На втором месте по степени распространенности расположилась такая причина, как ухуд-

шение состояния здоровья (12,3%). Лишь немного реже работники прекращали трудиться, поскольку вышли на пенсию (11%), пошли учиться (9%) или по причине сокращения должности, рабочего места или закрытия предприятия (9,2%). Характерно, что высокообразованные работники реже попадали под сокращение или оставались без работы в связи с закрытием или перепрофилированием предприятия.

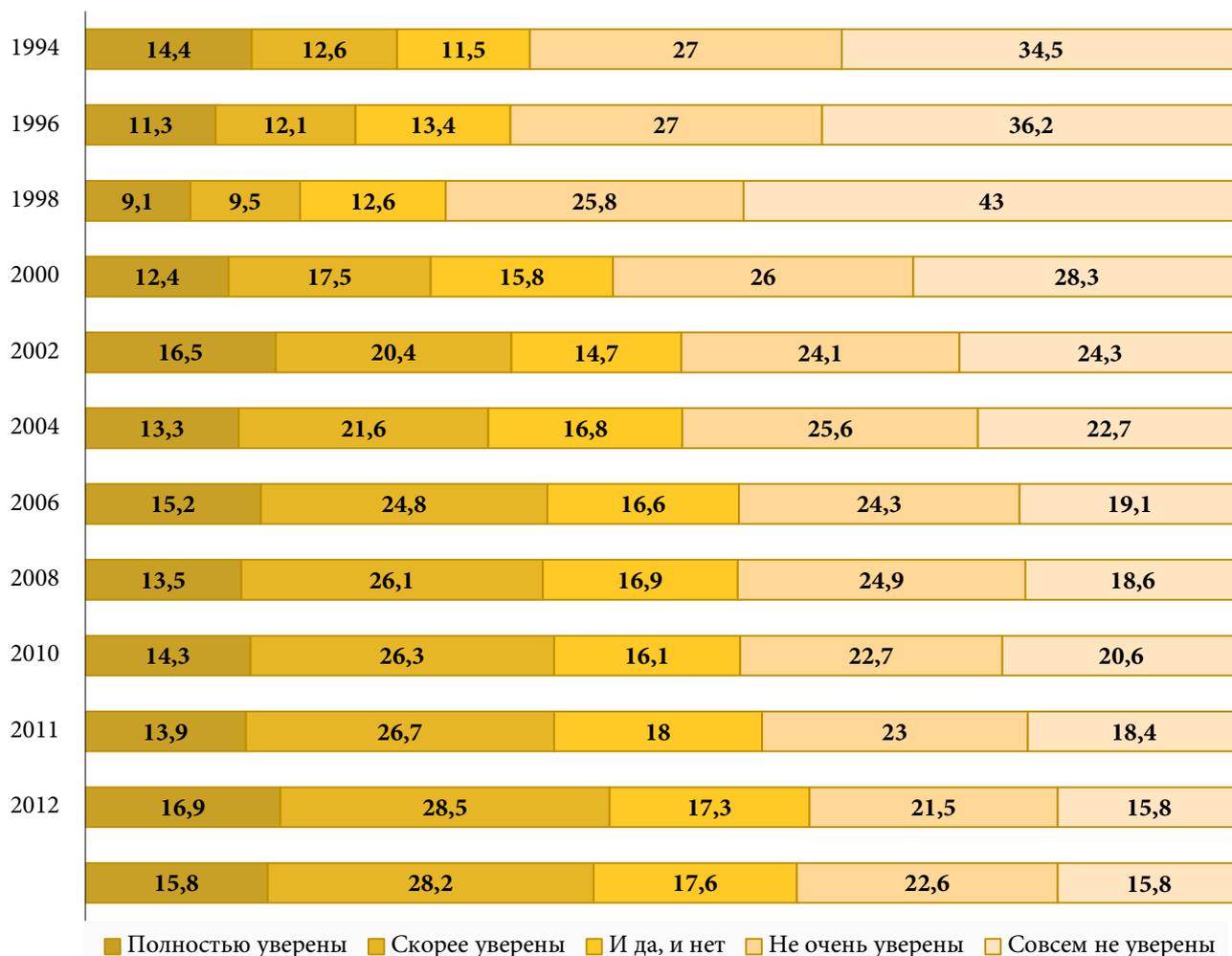

Рис. 31. Степень уверенности в возможности трудоустройства в случае потери работы, 1994–2013 гг., %

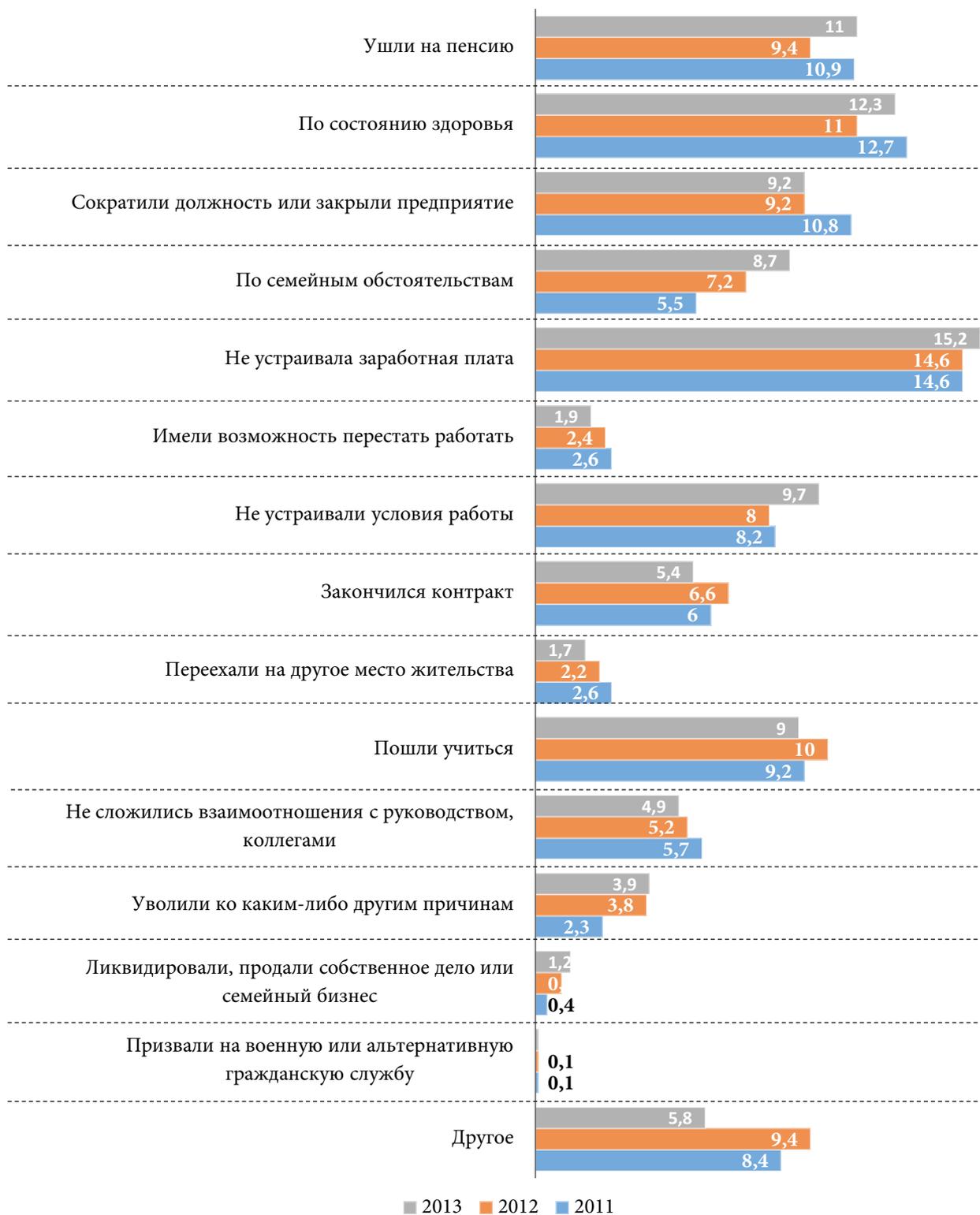

Рис. 32. Причины прекращения работы, 2011–2013 гг., %

Среди значимых тенденций обращает на себя внимание, прежде всего, значительный рост удельного веса работников, прекративших работу по семейным обстоятельствам — таким как рождение ребенка, вступление в брак, уход за членами семьи, ведение домашнего хозяйства и т. д. (с 5,5% в 2011 г. до 8,7% в 2013 г.), поскольку их не устраивали условия работы (с 8,2 в 2011 г. и 8% в 2012 г. до 9,7% в 2013 г.) или потому что они ликвидировали свое предприятие, продали собственное дело или семейный бизнес (с 0,4% в 2011 г. до 1,2% в 2013 г.). Но в то же время работники стали реже увольняться, если у них не сложились взаимоотношения с руководством предприятия, с коллегами, сослуживцами (с 5,7% в 2011 г. до 4,9% в 2013 г.). Эта причина наиболее характерна для молодых специалистов, особенно обладающих начальным профессиональным и незаконченным высшим образованием. При уменьшении значимости данной причины среди респондентов широкого образовательного диапазона, некоторое повышение ее весомости выявлено только в группе лиц с высшим образованием. Отмечено также снижение весомости таких менее распространенных причин прекращения работы, как окончание контракта (с 6,6% в 2012 г. до 5,4% в 2013 г.), появление возможности перестать работать (с 2,6% в 2011 г. до 1,9% в 2013 г.) или необходимость смены места жительства (с 2,6% в 2011 г. до 1,7% в 2013 г.).

Иными, не упоминавшимися выше, причинами прекращения работы по желанию работника являются различные обстоятельства, в том числе неудовлетворенность возможностями профессионального роста и повышения квалификации, полноценного применения знаний и способностей, отсутствие условий для инновационной деятельности, потеря интереса к работе, физическая и психологическая усталость, стремление к переменам, встречные предложения с более высокой зарплатой, привлекательным пакетом социальных гарантий и льгот или новыми интересными проектами и др. Специалистов, особенно обладающих высоким уровнем образования и профессиональной квалификации, не устраивает, когда владельцы или руководители предприятий, выстраивая свои управленческие стратегии, исходят из представления о работнике только лишь как об одном из многих производственных факторов. Среди не упоминавшихся причин увольнений по инициативе администрации предприятия или организации лидируют нарушения трудовой дисциплины, игнорирование внутренних правил предприятия или компании, нецелевое использование рабочего времени и высокий уровень конфликтности работника.

Большим своеобразием отличается система мотивов прекращения трудовой деятельности пенсионерами. На первом месте среди них находится желание просто удалиться на покой и поменять образ жизни, не торопясь, основательно, без излишней суеты заняться своими делами и проблемами своих близких. Такое желание характерно для 60% респондентов анализируемой группы. Для каждого пятого причиной отказа от активной трудовой деятельности становится ухудшение здоровья. Эта причина в наибольшей степени характерна для одиноких пожилых людей, которые стараются работать до тех пор, пока позволяет здоровье. Одиноким пенсионерам, составляющим особую группу риска, все проблемы, связанные с жизнеобеспечением, приходится решать самостоятельно. Именно поэтому среди них отмечается самый высокий процент лиц старше 75 лет, которым очень трудно работать. В первую тройку причин прекращения работы входит также закрытие предприятия или сокращение рабочего места (около 10%). Гораздо менее распро-

страненными оказываются такие причины, как семейные обстоятельства (около 5%), низкая заработная плата (около 1%) и возможность не работать (около 3%). Причем, женщины-пенсионеры намного чаще, чем мужчины-пенсионеры перестают трудиться из-за того, что попадают под сокращение, по причине семейных сложностей и потому что у них появляется возможность не работать, довольствуясь пенсией или получая материальную поддержку от детей, других близких.

В 2013 г. было выявлено очередное снижение удельного веса лиц трудоспособного возраста, выражающих желание найти новую или другую работу: с 19,4% в 2011 г. до 18,9% в 2012 г. и далее до 17,2% в 2013 г. По сравнению с 2009 г., когда о желании найти иную работу заявляли 22,8% респондентов, это сокращение составило 5,6 процентного пункта. В 2013 г. выявлено уменьшение доли респондентов, которые обращались в целях поиска работы куда-либо в течение 30 дней, предшествующих опросу. В 2013 г. эта доля составила 27,4% от числа желающих найти (новую, другую) работу, тогда как в 2012 г. — 33,7%; в 2011 г. — 34,2%; в 2010 г. — 34,7%; в 2009 г. — 34,1%. Наибольшую активность и настойчивость в поиске работы демонстрировали выпускники вузов и специалисты с высшим образованием молодого и среднего возраста.

За время радикальных преобразований произошли существенные перемены в структуре способов поиска работы и поступления на работу, отражающие главные тенденции изменения социально-экономической ситуации, сдвиги в массовом сознании, рост уровня образования населения. Рынок труда кардинально изменил экономическую и социальную приоритетность секторов и отраслей экономики, предприятий и организаций, профессий и специальностей. Быстро распространяются различные формы нестандартной занятости — рабочие места с непостоянной, временной, неполной занятостью, сверхзанятостью, самозанятостью и др. Стремительно растет рынок фриланс-услуг, вовлекающий все новых участников как со стороны исполнителей, предлагающих свои услуги, так и со стороны потребителей услуг. В соответствии с новыми профессиональными ориентациями, образовательными траекториями россиян и тенденциями развития информационной среды поменялись и модели трудоустройства.

О том, какие способы поиска работы являются сегодня наиболее популярными, дают представление данные мониторинга, представленные в [таблице 21](#). Из них, в частности, следует, что сегодня ведущее место среди способов поиска работы принадлежит обращению за помощью к друзьям, товарищам и знакомым. Наиболее распространенным данный способ оставался на протяжении всех лет нашего мониторинга, но со второй половины 1990-х гг. его значимость существенно повысилась. Сбор информации через друзей и знакомых является ведущим инструментом поиска на рынке труда в большинстве стран мира. Однако в России его доминирование на протяжении многих лет проявляется особенно наглядно. В 2013 г. этим способом поиска работы воспользовались 78,9% респондентов, озадаченных решением проблемы трудоустройства, что на 2,4 процентного пункта меньше, чем в 2012 г. Следующие позиции в постоянно меняющейся структуре способов поиска работы с большим отставанием занимают помощь родственников (51,2% против 46,1% в 2012 г.) и обращения непосредственно на предприятия, в организации (50,2% против 45,7% в 2012 г.).

В последние годы работники с начальным и основным общим образованием стали чаще пытаться решить проблему поиска подходящей работы с помощью друзей и знакомых, тогда как обладатели профессионального образования, от на-

чального до высшего, пользовались этим способом реже. Что касается обращений к родственникам, то к их помощи стали чаще прибегать лица как с самым низким, так и с самым высоким уровнем образования. Еще одной особенностью поиска работы респондентами с высшим образованием является значительное снижение популярности непосредственного общения с потенциальными работодателями на предприятиях до уровня распространенности его среди лиц с начальным и средним профессиональным образованием. Но чаще других пользуются этим способом лица с начальным и основным общим образованием.

Таблица 21

Распространенность способов поиска работы, 1994–2013 гг., %¹

Обращались в поисках работы	1994	1996	1998	2000	2002	2004	2006	2008	2010	2012	2013
В государственные службы занятости	38,2	45,2	35,1	26,0	30,5	31,0	24,4	20,4	27,7	19,7	24,5
В негосударственные службы занятости	13,1	12,0	15,6	15,9	16,7	13,1	13,4	10,1	9,2	9,8	12,4
К друзьям, знакомым	60,5	66,3	75,6	76,5	78,8	76,0	82,9	78,2	81,9	81,3	78,9
К родственникам	29,5	41,5	40,6	42,7	37,3	36,5	42,1	39,4	50,0	46,1	51,2
Непосредственно на предприятия	45,0	47,3	47,8	52,0	48,9	48,3	50,5	47,7	47,2	45,7	50,2
К рекламным объявлениям	29,6	34,8	41,5	41,0	44,2	40,9	51,8	44,2	40,1	33,8	45,2
К рекламным объявлениям в Интернете	-	-	-	-	-	-	13,1	19,6	32,9	44,8	51,8

По сравнению с рассмотренными выше немного реже желающие найти работу прибегали к такому способу поиска, как традиционные рекламные объявления, которые размещаются в средствах массовой информации (печать, телевидение, радио). Доля таких респондентов за последний год выросла с 33,8% в 2012 г. до 45,2% в 2013 г. Примерно такой же была популярность этого способа в 2002–2008 гг. Еще одним способом поиска работы, сопоставимым по своей значимости с перечисленными выше, является обращение к рекламным объявлениям в Интернете. Но в отличие от других способов, популярность которых в последнее время подвержена ежегодным колебаниям, интерес к рекламным объявлениям в Интернете постоянно растет очень быстрыми темпами. С 2006 по 2013 г. доля лиц, воспользовавшихся данным способом поиска работы, выросла с 13,1 до 51,8%, т. е. почти в 4 раза, в том числе только за последний год на 7 процентных пунктов.

Заслуживает отдельного внимания также хорошо заметное повышение значимости наименее распространенных в последние годы способов поиска работы – обращений в государственные и негосударственные службы занятости. Этот рост примечателен тем, что до 2013 г. наблюдалось снижение этих показателей. Так, доля респондентов, обращавшихся с целью поиска работы в государственные службы занятости, среди желающих трудоустроиться уменьшилась с 27,7% в 2010 г. до 19,7% в 2012 г. Однако в 2013 г.

¹ Доля обращающихся к способам поиска работы оценивается в этой таблице относительно всех лиц, обращающихся куда-нибудь или к кому-нибудь в поисках работы в течение последних 30 дней.

она увеличилась на 4,8 процентного пункта — до 24,5%. В то же время удельный вес респондентов, обращавшихся к услугам негосударственных служб занятости, сократился, сопровождаясь небольшими колебаниями, с 16,7% в 2002 г. до 9,8% в 2012 г., т. е. на 6,9 процентного пункта. В 2013 г. доля таких респондентов среди желающих решить проблему занятости увеличилась на 2,6 процентного пункта — до 12,4%.

До недавнего времени обращения за содействием в трудоустройстве к государственным службам занятости, в том числе в региональные и местные службы, их филиалы, бюро, центры и т. д., были особенно популярны у безработных с высоким уровнем образования. Но в последние годы доверие к ним у наиболее образованной части граждан, активно ищущих работу, как, впрочем, и у наименее образованной, резко снизилось. В результате этих изменений популярность услуг государственных служб занятости в когортах безработных с разным уровнем профессионального образования выровнялась, но остается все еще выше, чем у лиц с начальным, основным общим и средним общим образованием. Во многом схожая картина, отражающая основные тенденции изменения предпочтений безработных, наблюдается и в отношении обращения их к услугам негосударственных служб занятости.

На следующем рисунке представлены данные RLMS-HSE, характеризующие ответы респондентов на вопрос «Как вы нашли эту вашу основную работу?» (см. рис. 33). В отличие от предыдущей таблицы, иллюстрирующей особенности использования разнообразных способов поиска работы, этот рисунок позволяет понять, какие из рассмотренных и некоторых других способов оказались удачными и в действительности принесли успех.

Анализ данных, представленных на рис. 33, показал, что наиболее эффективным способом трудоустройства остается обращение к друзьям, товарищам и знакомым. И значимость его меняется незначительно. В 2013 г. по сравнению с 2012 г. доля лиц, указавших, что они воспользовались помощью друзей и знакомых для того, что найти свою нынешнюю основную работу, снизилась всего лишь на 0,2 процентного пункта — с 41,2 до 41%. Вторым по степени эффективности является такой способ трудоустройства, как обращения кандидатов непосредственно в отдел кадров предприятия, организации. Если среди работников, опрошенных в 2006 г., таким путем нашли свою основную работу 21,5% занятых, то среди опрошенных в 2013 г. — 21,3%.

Следующие позиции в анализируемой структуре занимают трудоустройство через родственников и по приглашению руководства или сотрудников предприятия, организации. При этом доля респондентов, которым помогли найти работу родственники, в течение 2006–2013 гг. колебалась в границах узкого коридора — от 11,5 до 12,4%, т. е. на максимальное отклонение не превышало 0,9 процентного пункта. Вместе с тем удельный вес респондентов, поступивших на работу по приглашению представителей предприятия или организации, монотонно снижался. С 2006 по 2013 г. это уменьшение составило 1,4 процентного пункта (с 10,5 до 9,1%). Но еще более значительным было сокращение доли работников, заявляющих о поступлении на работу по распределению. С 2006 по 2013 г. удельный вес таких респондентов последовательно уменьшился с 5,8 до 2,8%, т. е. на 3 процентных пункта или более чем в 2 раза. За последний год это снижение составило 0,5 процентного пункта. В то же время удельный вес лиц, которые не устраивались на работу, а сами создали свое предприятие или открыли какое-то собственное дело, увеличился на 0,8 процентного пункта — с 3,1% в 2006 г. до 3,9% в 2013 г.

Рис. 33. Способы трудоустройства, 2006–2013 гг., %

Крайне низкой остается эффективность работы государственных и негосударственных служб занятости, испытывающих огромный дефицит доверия со стороны населения. Достаточно указать, что в 2006–2013 гг. доля респондентов, указавших, что они нашли работу с помощью государственных служб занятости, колебалась в пределах от 1,1 до 1,6%, тогда как через негосударственную службу занятости трудоустроивались от 0,1 до 0,3% респондентов.

Практически не изменилась эффективность способов трудоустройства, в основе которых лежит использование рекламных и иных объявлений. Так, в 2013 г., как и годом ранее, указали, что устроились на свою нынешнюю основную работу, получив необходимую информацию из рекламных объявлений (увидели рекламное объявление в Интернете или не в Интернете), около 6% респондентов. Кроме того, в 2013 г. около 1,5% (1,7% – в 2012 г.) респондентов, занимающихся поиском работы, смогли решить проблему трудоустройства, поместив рекламное объявление в средствах массовой информации (подали рекламное объявление через Интернет или не через Интернет).

Эффективность трудоустройства с помощью Интернета в последние годы очень быстро меняется в лучшую сторону. В 2013 г., как и в 2012 г., доля занятых, которые указали, что смогли ранее найти работу и трудоустроиться, увидев или разместив рекламное объявление в Интернете, составила всего лишь 3,8% (данные включены в показатели «увидели рекламное объявление» и «подали рекламное объявление»). Но если ориентироваться только на тех респондентов, которые трудоустроились непосредственно в 2013 г. (см. рис. 34), то удельный вес лиц, которым помог в этом Интернет, составил 9,2% (2,1% – разместили рекламное объявление в Интернете и 7,1% – увидели рекламное объявление в Интернете). Но, справедливости ради, надо отметить, что в 2012 г. доля таких респондентов была больше 9,9% (2,6% – разместили рекламное объявление в Интернете и 7,3% – увидели рекламное объявление в Интернете).

Рис. 34. Способы трудоустройства респондентов, которые нашли свою основную работу, 2012–2013 гг., %

Особенно активно пользуются Интернетом в целях трудоустройства молодые люди с высшим образованием. Чрезвычайно активны в использовании этой информационной сети фрилансеры и другие лица, более самостоятельные в своей трудовой деятельности и менее зависимые от собственников бизнеса, предлагая свои услуги заинтересованным лицам и организациям. Очевидно, что популярность Интернета как способа трудоустройства будет нарастать и дальше. Обращение к подобным современным методам будет более естественным в будущем для нынешних молодых людей, которые приобретают знания в условиях развития информационного общества, где обладание качественным образованием, умение пользоваться современными информационными технологиями превращается в главный ресурс, обеспечивающий профессиональную карьеру и жизненный успех.

В остальном система распространенных способов трудоустройства, выявленная в 2013 г., мало отличалась от системы, характерной для предыдущих лет. Так, среди респондентов, трудоустроившихся в 2013 г., 44,6% получили свою новую работу через друзей и хороших знакомых; 16,3% — приняв решение самостоятельно посетить отдел кадров предприятия, организации; 8,2% — через своих родственников; 8,8% — по приглашению руководства, администрации или сотрудников предприятия, организации. Создали свое предприятие, открыли собственное дело 2,4% респондентов анализируемой категории, а 0,5% трудоустроились по распределению.

К перемене места работы, освоению новой профессии или специальности респондентов чаще всего подталкивает недовольство своей нынешней работой как несоответствие индивидуального желаемого действительному. Вопросы об удовлетворенности работой в целом и отдельными ее сторонами (условиями труда, оплатой труда и возможностями для своего профессионального роста), характеризующие эмоциональные аспекты отношения к трудовой деятельности, включаются в «Вопросник для взрослых» RLMS-HSE с 2002 г.

В ходе опроса, проведенного в 2013 г., было выявлено очередное повышение уровня общей удовлетворенности работников российских предприятий и организаций своей трудовой деятельностью. Об этом свидетельствуют ответы респондентов на вопрос «Скажите, пожалуйста, насколько вы удовлетворены или не удовлетворены вашей работой в целом?». Как следует из рис. 35, с 2012 по 2013 г. доля респондентов, в большей или меньшей степени удовлетворенных своей работой в целом, увеличилась с 65,7% в 2012 г. до 65,9% в 2013 г., т. е. на 0,2 процентного пункта. В то же время доля тех, кто не доволен своей нынешней работой, сократилась за этот же период с 12,1 до 11%, т. е. на 1,1 процентного пункта (см. рис. 35). Таким образом, число респондентов, которых устраивает своя основная работа, стало превышать число недовольных ею почти в 6 раз. Характерно, что удельный вес работников предприятий и организаций, полностью довольных работой, вырос на едва заметные 0,1 процентного пункта — с 15,9% в 2012 г. до 16% в 2013 г., в то время как доля лиц, полностью не удовлетворенных ею, сократилась на 0,5 процентного пункта — соответственно с 2,8 до 2,3%.

В ходе указанных изменений в 2013 г. было достигнуто новое максимальное значение общей удовлетворенности трудом за весь период, в течение которого фиксировались анализируемые показатели. В целом с 2003 г., когда общий уровень удовлетворенности работников своим трудом был минимальным, по 2013 г. доля лиц, в большей или меньшей мере довольных своей трудовой деятельностью, выросла на

22,6 процентного пункта или более чем в 1,5 раза (с 43,3 до 65,9%). В то же время доля тех респондентов, которые в той или иной степени недовольны своей нынешней работой, сократилась на 24,7 процентного пункта или более чем в 3 раза (с 35,7 до 11%).

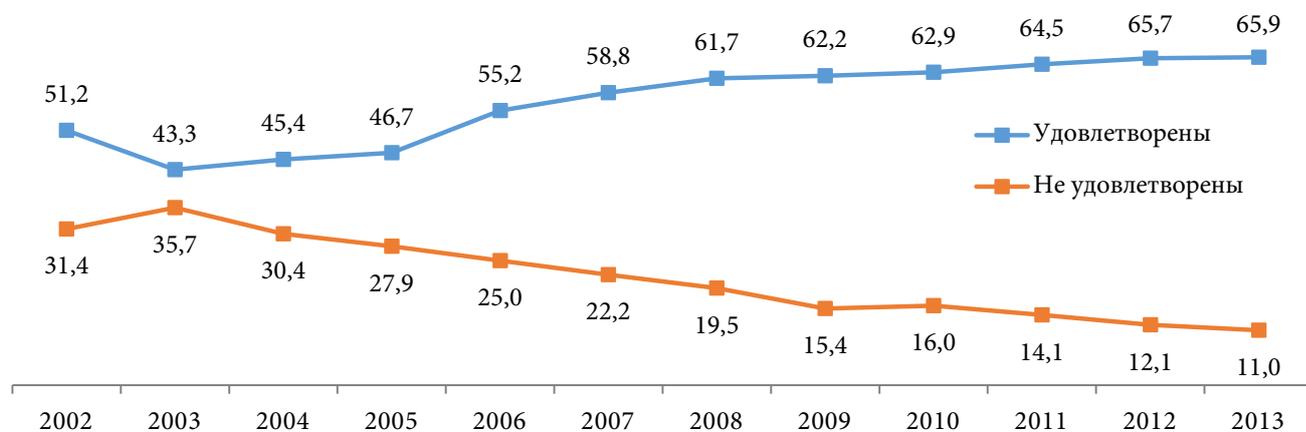

Рис. 35. Удовлетворенность работой в целом, 2002–2013 гг., %

Удовлетворенность трудом содержательно представляет собой оценку качества трудовой жизни по критериям удовлетворения значимых и актуальных потребностей работника, а структурно — это совокупность взаимосвязанных частных удовлетворенностей, результирующей которых является общая удовлетворенность. Данные об уровне частных удовлетворенностей, представленные на рис. 36–38, свидетельствуют о повышении уровня удовлетворенности работников предприятий и организаций только отдельными сторонами своей трудовой деятельности.

В частности, данные мониторинга, приведенные на рис. 36, показывают, что с 2012 по 2013 г. удельный вес респондентов, в той или иной степени удовлетворенных условиями своего труда, увеличился на 0,4 процентного пункта (с 63,1 до 63,5%), тогда как удельный вес опрошенных работников, недовольных этими условиями, сократился на 1,3 процентного пункта (с 15 до 13,7%). При этом удельный вес занятых, которые были полностью удовлетворены условиями труда на своем рабочем месте, увеличился до 15,4%, в то время как доля полностью недовольных данной стороной труда уменьшилась до 3,1%. В результате выявленных изменений удовлетворенность работников российских предприятий и организаций условиями трудовой деятельности достигла максимального значения за все время систематических наблюдений. Число работников, довольных данной стороной труда, стало превышать число недовольных более чем в 4,6 раза. Но несмотря на отмеченные сдвиги, значительная часть занятых не замечала улучшения условий своего труда.

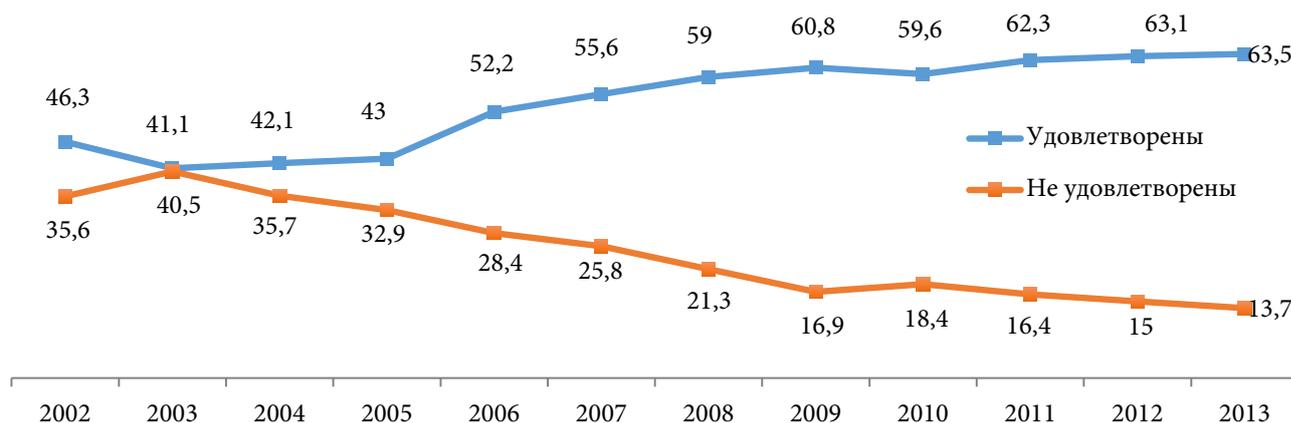

Рис. 36. Удовлетворенность условиями труда, 2002–2013 гг., %

В отличие от возросшей удовлетворенности условиями труда, работники предприятий и организация стали больше тревожиться уровнем оплаты своего труда, что имело под собой веские объективные основания. Одним из негативных последствий снижения темпов экономического роста для рынка труда стало более умеренное повышение заработных плат, которое в свою очередь сказалось на динамике доходов домохозяйств. При этом следует учитывать, что даже когда происходит рост заработных плат, составляющих львиную долю доходов домохозяйств, граждане его зачастую не замечают, т. к. он практически полностью перекрывается всплесками и скачками цен на те товары и услуги, от которых люди при всем своем желании не могут отказаться.

Из рис. 37 видно, что в 2013 г. по сравнению с 2012 г. удельный вес лиц, в той или иной степени удовлетворенных своими заработками, уменьшился на 0,3 процентного пункта (с 37,2 до 36,9%). И это было лишь второе подобное снижение после 2003 г. Первое пришлось на кризисный 2008 г., когда заработки значительной части работников или сократились, или приостановили свой рост. Одновременно на 0,6 процентного пункта увеличилась доля респондентов, которые были в большей или меньшей степени недовольны размером оплаты своего труда (с 39,7 до 40,3%). Примечательно также, что за указанный, сравнительно короткий, период удельный вес работников, которые полностью удовлетворены заработками на основном рабочем месте, увеличился с 8,7 до 9,2%, в то время как доля лиц, демонстрирующих крайнюю степень недовольства этой стороной труда, повысилась с 13,2 до 13,6%.

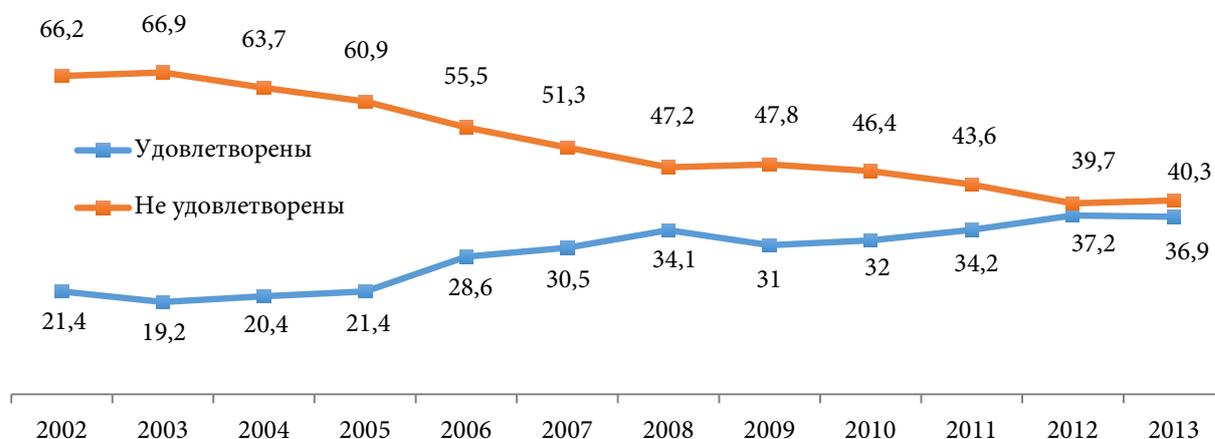

Рис. 37. Удовлетворенность оплатой труда, 2002–2013 гг., %

После отмеченных изменений разрыв между долей респондентов, которых удовлетворяет зарплата, и долей респондентов, которых не устраивает размер оплаты труда, вырос с 2,5 процентного пункта в 2012 г. до 3,4 процентного пункта в 2013 г. Однако даже после этих изменений указанный разрыв оставался меньше, чем в любом году предшествующего периода.

Что касается довольно низкого уровня удовлетворенности оплатой труда, то это объясняется повышенным вниманием работников к этой стороне своей трудовой деятельности. Сегодня большинство людей труда в первую очередь интересуют не условия труда или социальные льготы, а обеспечение соответствия между их трудовой отдачей и уровнем заработной платы. Реализация этого желания является основой стимулирования трудовой активности трудоспособного населения.

Но действительность оказывается далека от желаемого. И это обусловлено целым рядом обстоятельств, в том числе не только несправедливостью в оплате труда, но и значительными изъятиями в организации производства, в практике распределения высокооплачиваемых и других работ и т. д. Условия, при которых величина оплаты труда мало сопряжена с трудовой отдачей и, следовательно, не позволяет работникам и членам их семей удовлетворять элементарные потребности, неизбежно порождают ворох иных проблем, негативно сказываются на социальном самочувствии работников и членов их семей.

Наиболее устойчивым в 2012–2013 гг. оказался уровень удовлетворенности работников предприятий и организаций возможностями своего профессионального роста. В этом убеждают данные RLMS-HSE, приведенные на рис. 38. Из рисунка, в частности, следует, что в то время, когда доля респондентов, которые удовлетворены данной стороной труда, за последний год сократилась на 0,6 процентного пункта (с 45,9 до 45,3%), доля тех, кто не доволен ею, уменьшилась на 0,9 процентного пункта (с 27,6 до 26,7%). Разница между данными показателями в 2012 г. и 2013 г. была примерно одинаковой (соответственно 18,3 и 18,6 процентного пункта). Можно также отметить, что в 2013 г. приблизительно каждый десятый опрошенный работник был полностью доволен возможностями для своего профессионального роста и лишь немного меньше респондентов выражали крайнюю степень неудовлетворенности отсутствием таких возможностей на предприятии или в организации (соответственно 10,3 и 9%).

Рис. 38. Удовлетворенность возможностями профессионального роста, 2002–2013 гг., %

Анализ по социально-демографическому срезу показал, что мужчины чаще женщин удовлетворены оплатой труда, тогда как среди женщин больше тех, кого устраивают условия труда и работа в целом. Специалисты высокого и среднего уровня квалификации чаще удовлетворены своей работой в целом и отдельными ее сторонами, чем работники, занимающиеся неквалифицированным трудом. Замечено также, что наиболее высоким уровнем удовлетворенности работой в целом и отдельными ее сторонами отличаются работники, занятые на государственных предприятиях, тогда как меньше всего довольных среди занятых на предприятиях, владельцами или совладельцами которых являются российские частные лица, коллективы предприятия или российские частные фирмы. Кроме того, занятые на предприятиях и в организациях чаще удовлетворены своей работой, чем занятые вне организаций и предприятий.

Общее представление об особенностях обращения россиян к различным формам личного или семейного рыночного приспособления, которые основаны на собственном производстве и использовании личных материальных ресурсов, дают сведения RLMS-HSE, приведенные в [таблице 22](#).

Таблица 22

Некоторые формы рыночного поведения, 2000–2013 гг., %

Формы рыночного поведения	2000	2002	2004	2006	2008	2010	2011	2012	2013
Работали на дополнительной работе	8,6	10,1	10,0	9,3	6,3	6,4	6,2	6,3	8,5
Выращивали что-то на своем участке на продажу или на обмен	8,6	7,1	6,8	6,2	4,4	4,1	3,9	3,6	4,0
Разводили скот, птицу, рыбу на продажу	7,8	6,1	6,6	5,8	5,2	4,5	4,3	4,0	3,9
Оказывали услуги за плату	4,1	5,8	4,4	5,0	4,7	5,2	5,0	5,4	4,0
Охотились или собирали грибы, ягоды, травы и т. п. на продажу	-	-	-	-	-	-	-	-	2,0
Продавали с рук продукты или товары, которые сами не производили	2,0	1,8	1,5	1,3	-	-	-	-	-
Ездили за продуктами и товарами, которые потом продавали	1,5	1,5	1,8	1,3	-	-	-	-	-
Продавали продукцию собственного домашнего изготовления	2,0	1,4	1,3	1,3	-	-	-	-	-
Помещали в банк деньги, давали деньги в займы под проценты	1,2	0,9	1,0	1,4	1,2	1,6	1,6	1,5	3,1
Сдавали внаем квартиру, комнату, гараж, автомобиль	0,6	1,4	1,0	0,8	0,6	0,7	0,8	0,8	1,0

Среди данных, приведенных в таблице, привлекает внимание, прежде всего, значительный рост удельного веса респондентов, работающих на дополнительной работе: с 6,3% в 2012 г. до 8,5% в 2013 г., т. е. на 2,2 процентного пункта или в 1,3 раза. Нечто подобное наблюдалось только в самом начале первого десятилетия нового века, когда доля вторично занятых за два года увеличилась на 1,5 процентного пункта – с 8,6% в 2000 г. до 10,1% в 2002 г. Но в следующие годы число занятых на дополнительной работе, как правило, снижалось. Особого внимания заслуживает также удвоение числа респондентов, которые помещали деньги в банки и/или давали деньги в займы другим людям под проценты: с 1,5% в 2012 г. до 3,1% в 2013 г. Ничего подобного ранее не наблюдалось. Все изменения сводились к небольшим ежегодным колебаниям, не имеющим сколько-нибудь существенного значения.

Примерно одинаковыми оказались доли респондентов, которые выращивали что-то на своих участках на продажу или на обмен; разводили скот, птицу, рыбу, другую живность на продажу, а также оказывали другим людям услуги за плату (подвозили кого-то на своем легковом или грузовом автомобиле, ремонтировали бытовую технику, автомобили, нанимались делать ремонт в квартире, занимались репетиторством, ухаживали за больными или оставались сидеть с ребенком за плату и т. д.). Но если доля лиц, которые выращивали что-то на своих участках на продажу или на обмен, впервые после длительного и значительного сокращения

(с 8,6% в 2000 г. до 3,6% в 2012 г., т. е. на 5 процентных пунктов или почти в 2,5 раза) увеличилась до 4% в 2013 г., то удельный вес тех, кто разводили скот, птицу, рыбу, другую живность на продажу и оказывали услуги за плату, уменьшился (соответственно с 4 до 3,9%, т. е. на 0,1 процентного пункта и с 5,4 до 4%, т. е. на 1,4 процентного пункта).

Как и во все предыдущие годы, совершенно незначительной оказалась доля респондентов, которые указали, что сдавали внаем свою квартиру, комнату, дачу, коттедж, гараж, автомобиль и другое собственное имущество (около 1% в 2013 г. против 0,8% в 2012 г.). И, наконец, около 2% респондентов упомянули, что в течение 2013 г. занимались охотой, рыбалкой или собирали грибы, ягоды, травы и т. п. на продажу.

* * *

Проведенный анализ позволил сделать следующие выводы относительно социально-экономического положения и поведения домохозяйств в 1992–2013 гг.:

Социально-экономическая ситуация, сложившаяся в России в 2013 г., в решающей степени определялась осложнением проблем посткризисного развития, существенным торможением экономического роста, который оказался ниже среднемирового. Помимо внутренних трудностей на социально-экономическое положение в стране оказывали влияние сложности развития мировой экономики и геополитический конфликт на Украине. Текущая ситуация в экономике во многом была неопределенной, характеризовалась развитием противоречивых тенденций и вызывала немалое беспокойство. Под влиянием динамично развивающихся и непредсказуемых перемен произошли существенные изменения в оценках перспектив социально-экономического развития. К проблемам, наиболее беспокоящим население, относились постоянный рост цен, низкие заработки и пенсии, глубокое социальное неравенство, стоимость медицинских и образовательных услуг, коррупция и проблемы жилищно-коммунального хозяйства. В конце года многие граждане находились в ожидании очередного обострения экономического кризиса и высокого уровня инфляции, которая хотя и немного снизилась, но оставалась достаточно ощутимой.

В 2013 г. на фоне непростой экономической ситуации, характеризующейся снижением темпов роста основных экономических показателей, наблюдалось крайне медленное повышение реальных доходов домохозяйств, составившее 0,6%, которое пришло на смену более существенному росту в 7,3% в прошлом году. Доминирующее положение в структуре доходов домохозяйств занимали доходы от заработной платы и государственных трансфертных платежей. Доход от работы на государственных предприятиях за последний год вырос на 6,5%, в то время как доход от работы на частных предприятиях — только на 1,1%, а доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности — на 3,9%. Доход домохозяйств от государственных трансфертных платежей составил всего лишь 1,5%, что намного меньше, чем 14,9% роста в 2012 г. Более значительным оказался рост совокупного дохода (денежного и натурального) от домашнего производства и неформального сектора, который за последний год увеличился на 15,8%, а за ближайшие два года — на 32,7%.

Изменение процентного соотношения различных источников дохода домохозяйств характеризовалось минимальными сдвигами. При этом на долю доходов от заработной платы и государственных трансфертов приходилось соответственно 47,8 и 38,6% совокупного дохода домохозяйств. Удельный вес дохода домохозяйств от работы на предприятиях государственного сектора увеличился на 0,8 процентного пункта и составил 24,1%, тогда как доли дохода домохозяйств от работы на частных предприятиях и на предприятиях смешанной формы собственности практически не изменились, составив соответственно 21,4 и 2,3%. Удельный вес домохозяйств с каким-либо доходом от заработной платы увеличился только на 0,8 процентного пункта и составил 66,7%. 42,2% домохозяйств получали доход от работы в государственном секторе и 35,2% – от работы на предприятиях частного сектора. Доля домохозяйств, получающих доход в виде трансфертных платежей, после небольшого сокращения составила 72%.

Сдвиги в распределении доходов, выявленные в 2013 г., способствовали ослаблению социального неравенства, которое является одной из наиболее острых проблем постсоветского общества. В то время когда доходы домохозяйств самого богатого квинтиля сократились на 5%, доходы домохозяйств, принадлежащих к первым четырем квинтилям, увеличились на 3,4–5,1%. Основу дифференциации доходов домохозяйств, как и прежде, составляли различия в заработной плате. Четко прослеживалась тенденция, демонстрирующая повышение вклада заработной платы в обеспечение роста более высоких доходов. Как и в предыдущие годы, денежный и натуральный доходы от домашнего производства и неформального сектора были наиболее значимы для формирования бюджетов самых бедных домохозяйств. Сохранились существенные территориальные различия в доходах и отраслевые различия в заработках на однотипных рабочих местах.

Ежемесячные расходы домохозяйств демонстрировали такой же вялый рост, как и доходы. Если в 2012 г. они выросли на 14,4%, то в 2013 г. – только на 1,2%. При этом расходы домохозяйств на продукты питания увеличились за год только на 0,6%, а расходы на непродовольственные товары – на 1,4%, что было намного меньше, чем годом ранее (соответственно 3,2 и 19,5%). В 2013 г. было выявлено очередное сокращение доли ежемесячных расходов домохозяйств на продукты питания – с 40,2% в 2012 г. до 39,7% и соответствующее увеличение доли расходов на непродовольственные товары – с 59,8 до 60,3%. По сравнению с 2012 г. доля расходов на оплату жилья и коммунальных услуг, занимая в структуре ежемесячных расходов домохозяйств одно из ведущих мест, увеличилась с 12,6 до 13,1%. Сократилась дифференциация домохозяйств по расходам: в то время как расходы более обеспеченных домохозяйств росли медленнее, чем расходы бедных домохозяйств, расходы самых богатых домохозяйств демонстрировали отрицательную динамику. Разница между расходами домохозяйств наиболее обеспеченного квинтиля и расходами домохозяйств наименее обеспеченного квинтиля после увеличения с 6,5 раза в 2011 г. до 7,9 раза в 2012 г., в 2013 г. сократилась до 7,5 раза.

Трудности социально-экономического развития не оказали решающего влияния на тенденцию ежегодного повышения уровня обеспеченности россиян предметами длительного пользования. Несмотря на то, что доходы населения увеличивались крайне низкими темпами, а жилищные условия смогли улучшить ограниченное число семей, вырос автопарк населения, повысилась обе-

спеченность семей предметами культурно-бытового назначения, относящихся к категории основных. По сравнению с 2012 г. уровень обеспеченности домохозяйств личным автотранспортом увеличился с 41,6 до 42,5%; холодильниками «NO FROST» – с 51,1 до 56,1%; автоматическими стиральными машинами – с 72,7 до 76,7%; цветными телевизорами нового поколения (плазменными или жидкокристаллическими) – с 43 до 53%. Вместе с тем темпы обновления многих видов технических средств бытового назначения, включая автомобильный парк населения, замедлились, что явилось причиной их постарения.

За последний год значительно увеличилась доля домохозяйств, владеющих компьютерами – с 61% в 2012 г. до 64,8% в 2013 г. При этом на фоне существенно замедления темпов повышения уровня обеспеченности семей стационарными компьютерами (соответственно с 44,1 до 44,9%) наблюдался резкий рост темпов повышения уровня их обеспеченности переносными компьютерами (с 24,4 до 39,6%). До 58,8% вырос удельный вес взрослых россиян, которые в течение последних 12 месяцев пользовались Интернетом. Наиболее весомыми целями пользования Интернетом остаются общение с другими людьми, получение необходимой новостной информации и справочных материалов, расширение кругозора и развлечения. Пользователи стали еще реже обращаться к сети с целями учебы и выполнения работы, но чаще для покупки и получения товаров и услуг. Различия в условиях жизни и уровне доходов городских и сельских жителей определяют различную степень обеспеченности компьютерами и Интернетом.

Несмотря на повышение уровня обеспокоенности населения угрозой безработицы, реальная картина давала меньше оснований для пессимизма. В 2013 г. по сравнению с 2012 г. уровень безработицы в стране снизился с 5,1 до 4%, продолжив ранее начатую тенденцию. В результате этого сокращения безработица опустилась ниже прежнего абсолютного минимума, зафиксированного в 2008 г. Уровень безработицы среди мужчин снизился с 5 до 3,8%; среди женщин – с 5,2 до 4,2%. Структура безработицы за прошедший год изменилась очень мало. В 2013 г. самой распространенной была длительная безработица (продолжительностью более 3-х месяцев): 66,8% против 65,1% в 2012 г. Выявлено небольшое сокращение уровня участия в рабочей силе, которое коснулось в равной мере мужчин и женщин. Изменения уровня занятости мужчин и женщин из числа пенсионеров характеризовались не одинаковыми тенденциями. В то время, когда доля занятых среди мужчин-пенсионеров за последний год сократилась с 22 до 21,1%, доля занятых среди женщин-пенсионеров увеличилась с 23,3 до 23,6%.

В 2013 г. было зафиксировано одно из самых низких значений уровня бедности, определяемого как процент домохозяйств с доходом ниже официального прожиточного минимума (2,6% против 2,8% в 2012 г.). Уровень бедности среди детей дошкольного возраста и пенсионеров за последний год практически не изменился и составил соответственно около 3,5 и 1%. Подавляющее большинство бедных и малообеспеченных семей испытывают огромные жизненные трудности и, что особенно опасно, лишены полноценного питания. В ситуации уменьшения доходов или прекращения их роста многие бедные прибегают к стратегии выживания и сокращают потребление. Но некоторые из них не могут сделать и этого, в силу отсутствия резервов экономии для поддержания текущего потребления.

Мониторинг выявил очередное сокращение доли работников, не получающих полностью заработную плату: с 3,1% в предыдущем году до 2,9% в 2013 г., т. е. до минимального значения за все время наблюдений. Вместе с тем сроки задолженности и средняя сумма задолженности по заработной плате на основном месте работы вновь увеличились. Если в 2012 г. средняя сумма задолженности по заработной плате выросла на 8,9%, то в 2013 г. — на 9,7%. Как и во все предыдущие годы, мужчинам заработная плата задерживалась чаще и на бóльшие суммы, чем женщинам.

Как и ранее, мужчины превосходили женщин по доле получающих тот или иной вид дохода от трудовой деятельности и по величине среднего размера дохода от трудовой деятельности. При этом доля мужчин трудоспособного возраста, получающих доход от трудовой деятельности, выросла с 78,1% в 2012 г. до 78,7% в 2013 г., тогда как аналогичная доля женщин — с 70,6 до 70,9%. Практически не изменились масштабы преобладания мужчин над женщинами по доле лиц трудоспособного возраста, получающих доход от работы на частных предприятиях и предприятиях смешанной формы собственности (40,2% против 30,5%). В то же время женщины превосходили мужчин по доле получающих доход от работы на государственных предприятиях (38,1% против 32,3%), а мужчины превосходили женщин — по доле получающих доход от работы в неформальном секторе (8,6% против 4,6%). В 2013 г. средний размер дохода от трудовой деятельности, получаемого женщинами, составлял 74,6% от среднего дохода мужчин, что было больше, чем в 2012 г. (69,3%). Внезапное и существенное торможение роста пенсий затронуло в равной мере как получающих пенсии мужчин, так и женщин.

Интенсивный рост платы за жилье и коммунальные услуги, наблюдаемый на протяжении длительного периода, в последние годы приостановился. В 2013 г. средняя сумма месячной платы за жилье и коммунальные услуги увеличилась на 3,8%, что было, однако, вдвое больше, чем в 2012 г. (1,9%). Выявлено также дальнейшее снижение удельного веса домохозяйств, имеющих задолженность по квартплате и/или коммунальным услугам — с 7,9% в 2012 г. до 6,5% в 2013 г. Сумма задолженности по квартплате и/или коммунальным услугам за этот же период увеличилась на 3,2%, продолжив рост, выявленный в предыдущем году, который составлял около 4%.

Трудности социально-экономического развития обусловили сохранение у одной части и нарастание у другой части россиян чувства беспокойства, ощущения тревоги, неуверенности в завтрашнем дне. Острота восприятия экономических и социальных проблем была значительно дифференцирована в разных слоях общества. Но, в целом, динамика социального самочувствия отличалась противоречивыми тенденциями. На фоне улучшения показателей, отражающих уровень удовлетворенности граждан своей жизнью в целом, характеризующих ощущение счастья и межличностное доверие, наблюдалось снижение степени удовлетворенности россиян своим материальным положением, ухудшение оценок личных и семейных жизненных перспектив. С 2012 по 2013 г. доля лиц, удовлетворенных своей жизнью в целом, выросла с 52,6 до 53%, достигнув исторического максимума, тогда как доля недовольных жизнью сократилась с 24,7 до 23,8%. И в то же время удельный вес лиц, которые полагают, что в следующем году будут жить лучше, уменьшился соответственно с 29,7 до 26,2%, тогда как доля тех, кто рассчитывает

на худшее, увеличилась с 9,2 до 9,8%. Одной из причин роста обеспокоенности населения перспективами жизни было сохранение в стране значительного числа людей с нестабильными и недостаточными доходами.

Одной из новых тенденций стало повышение озабоченности широких слоев населения проблемами занятости. В 2013 г. по сравнению 2012 г. доля респондентов, в большей или меньшей степени обеспокоенных возможностью потери работы, увеличилась с 55,8 до 56,5%, тогда как доля лиц, сохраняющих оптимистические настроения, уменьшилась с 32,1 до 30,1%. Одновременно было выявлено снижение уверенности занятых в том, что они смогут успешно решить проблему трудоустройства в случае потери нынешней работы. Многие не видели больших рисков или возросшей опасности потери работы, но в то же время были убеждены, что в случае утраты своего нынешнего рабочего места найти новую равноценную работу им будет крайне сложно.

В условиях нарастания напряженности на рынке труда и повышения озабоченности россиян проблемами занятости было выявлено новое снижение доли лиц трудоспособного возраста, выражающих желание найти новую работу – с 18,9% в 2012 г. до 17,2% в 2013 г. Наиболее весомой причиной увольнения с последнего места работы была неудовлетворенность размером заработной платы, а самым распространенным и эффективным способом поиска нового рабочего места оставался поиск с помощью друзей и знакомых. Следующие позиции, с большим отставанием, занимали обращение кандидата непосредственно в отдел кадров предприятия, помощь родственников и приглашение руководства или сотрудников предприятия. Крайне низкой оставалась эффективность работы государственных и негосударственных служб занятости, испытывающих огромный дефицит доверия со стороны населения. К наиболее важным и хорошо заметным тенденциям следует отнести стремительный рост популярности и эффективности трудоустройства с помощью Интернета.

Воронин Г. Л.

ВТОРИЧНАЯ ЗАНЯТОСТЬ

Целью анализа вторичной занятости россиян является установление объективных социально-демографических факторов, подталкивающих человека к поиску дополнительного заработка, и перспектив развития (или свертывания) этого социально-экономического феномена в современной России. В данной статье под вторичной занятостью понимается любая дополнительная оплачиваемая работа при наличии обязательной основной работы. Мы не рассматриваем вторичную занятость бизнес- и политической элиты, поскольку она обладает значительной спецификой и выходит за границы рассматриваемой темы.

Проблема вторичной занятости достаточно широко обсуждается в современной российской социологии. За последнее время были опубликованы работы Е. В. Гиленко, Э. В. Клопова, И. П. Поповой, С. Ю. Рощина, Т. О. Разумовой, А. Л. Темницкого, Г. П. Бессокирной и других¹.

Согласно точке зрения классической политэкономии, вторичная занятость предполагает уменьшение свободного времени, которое человек может использовать «...для образования, для интеллектуального развития, для выполнения социальных функций, для товарищеского общения, для свободной игры физических и интеллектуальных сил...»². Однако с переходом от классического капитализма к постиндустриальному обществу потребления картина меняется.

По данным RLMS-HSE в период с 1994 по 2013 г. вторичная занятость³ была характерна для 3,7–5,2% работающего населения России. В 2013 г. около 4,0% (или от 2 до 4 млн человек) работающих россиян имели дополнительную оплачиваемую работу. Важно отметить, что данные RLMS-HSE совпадают с данными Росстата (см. рис. 1). Росстат при проведении выборочного исследования

¹ Гиленко Е. В. Вторичная занятость: специфика теоретического моделирования // Вестник СПбГУ. Сер. 5. 2007. Вып. 3. С. 26–35; Клопов Э. В. Вторичная занятость как форма социально-трудовой мобильности // Социологические исследования. 1997. № 4. С. 29–45; Попова И. П. «Вытесняющая» вторичная занятость (специалисты депрессивных предприятий) // Социологические исследования. 2002. № 10. С. 57–66; Рошин С. Ю., Разумова Т. О. Вторичная занятость в России. Моделирование предложения труда. Научный доклад № 02/07–2002 год. М.: EERC, 2002. URL: http://www.hse.ru/data/447/349/1234/WP_02-07r.pdf (дата обращения: 04.07.2014); Темницкий А. Л., Бессокирная Г. П. Вторичная занятость и ее социальные последствия // Социологические исследования. 1999. № 5. С. 34–39.

² Маркс К. Капитал: Критика политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: В 23 т. Т. 1. С. 274.

³ Вопрос был сформулирован следующим образом: «Скажите, пожалуйста, у Вас есть еще какая-нибудь работа?».

использует термин дополнительная занятость, под которой понимается наличие у респондента второй и других работ, наряду с основной занятостью. По данным Росстата численность граждан, имеющих дополнительную занятость, в декабре 2013 г. составила 1578,2 тыс. человек¹.

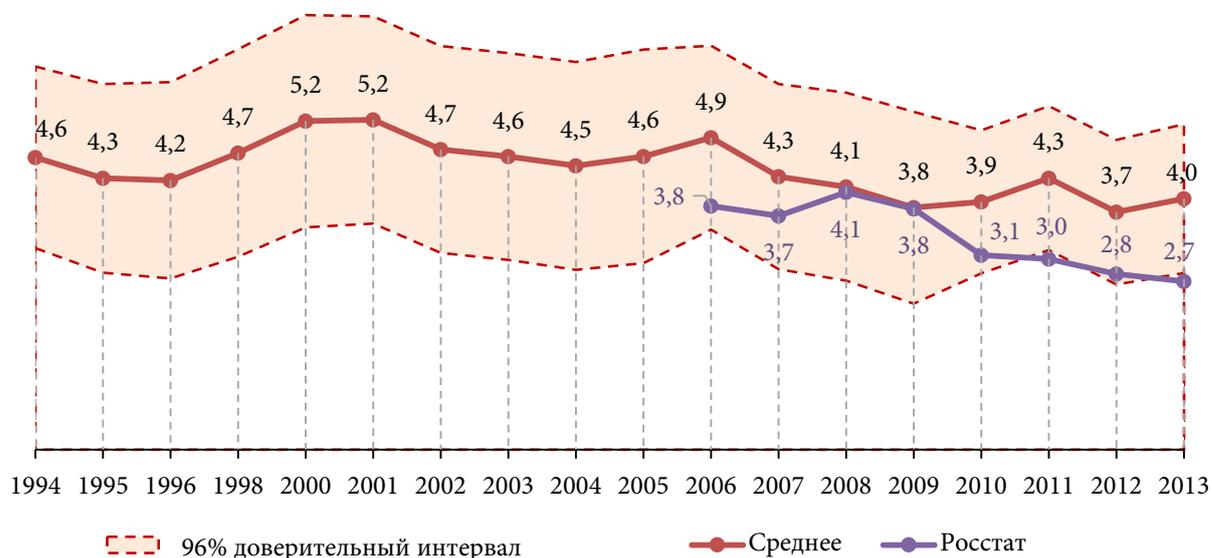

Рис. 1. Доля работающего населения России, включенного во вторичную занятость, 1994–2013 гг., %

Прежде всего, рассмотрим характерные черты группы россиян, имеющих помимо основной дополнительную оплачиваемую работу. Средний возраст работников этой группы в 1994 г. составил 37,3 года. За период наблюдения вплоть до 2013 г. произошло постепенное увеличение среднего возраста, и в 2013 г. показатель достиг 42,5 года. Таким образом, целевая группа за 19 лет с момента проведения первого исследования, с одной стороны, постарела на 5,1 года, с другой – в нее вошли люди старшего возраста. Сравнение лиц, занятых на двух и более работах, с другими работниками показывает, что средний возраст первых стал превышать средний возраст вторых. В 2013 г. средний возраст лиц, вовлеченных в сферу вторичной занятости, составил 42,5 года, тогда как в группе лиц, занятых только по основному месту работы, он составил 41,1 года. В 1994 г. ситуация была прямо противоположной (37,3 и 38,9 лет соответственно). Тенденция превышения среднего возраста лиц с дополнительной занятостью над средним возрастом лиц, имеющих только основную работу, фиксируется на протяжении последних десяти лет исследования, начиная с 2003 г.

Анализ возрастных характеристик группы лиц, занятых на двух и более работах, показывает, что наиболее активно включены в дополнительную занятость лица в возрасте от 27 до 55 лет, а в возрасте 43–49 года в сферу вторичной занятости вовлечены шесть человек из ста (см. рис. 2). Флуктуация показателей в обследуемой группе связана с небольшим наполнением этих групп в годовом интервале.

¹ Обследование населения по проблемам занятости – 2012 год/Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_30/Main.htm (дата обращения: 01.11.2014).

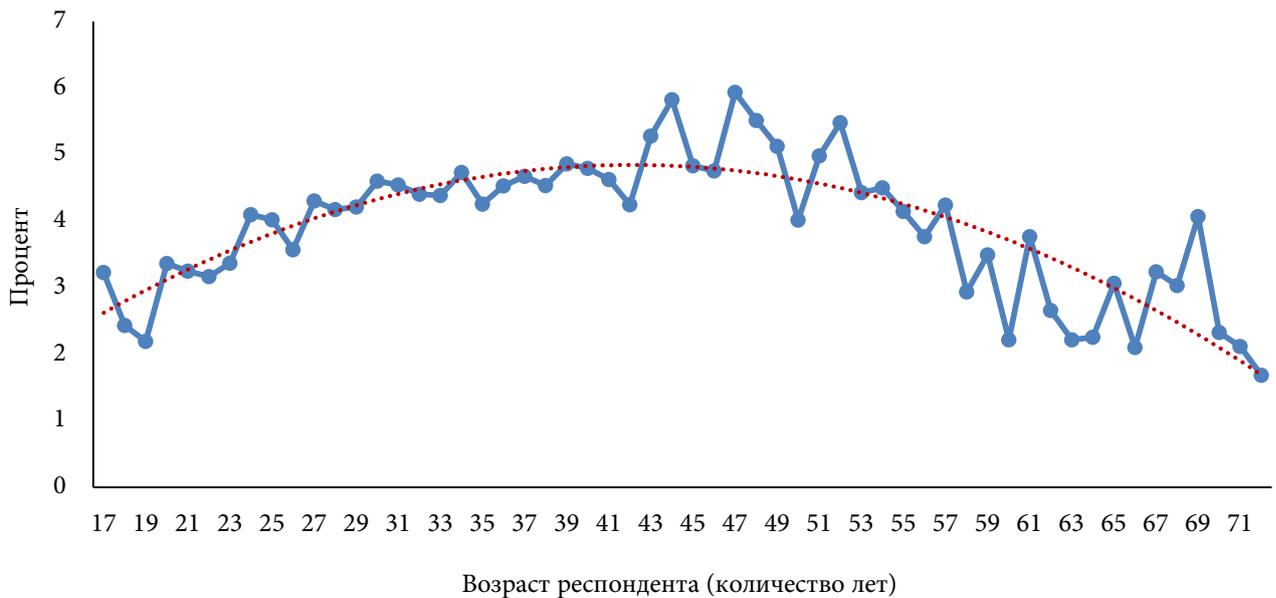

Рис. 2. Доля лиц, включенных во вторичную занятость в возрастных группах, 1994–2013 гг., %

Примечательным является факт возрастания доли женщин среди лиц, занятых более чем на одной работе, причем, если в случае вторичной занятости женщин в период с 1998 по 2013 г. наблюдался возрастающий тренд, то в случае мужчин, работающих более чем на одной работе, напротив, наблюдался снижающийся тренд. Если в 1998 г. доля женщин, занятых более чем на одной работе, превышала долю мужчин только на 4 процентных пункта, то к 2013 г. этот показатель возрос до 31 процентного пункта (см. рис. 3). По данным RLMS-HSE средний возраст женщин, имеющих дополнительную занятость, в рассматриваемый период превышал средний возраст мужчин на 3–5 лет. В группе лиц, занятых только на одной работе, различие в возрасте мужчин и женщин было значительно меньше и составляло 0,4–0,8 лет.

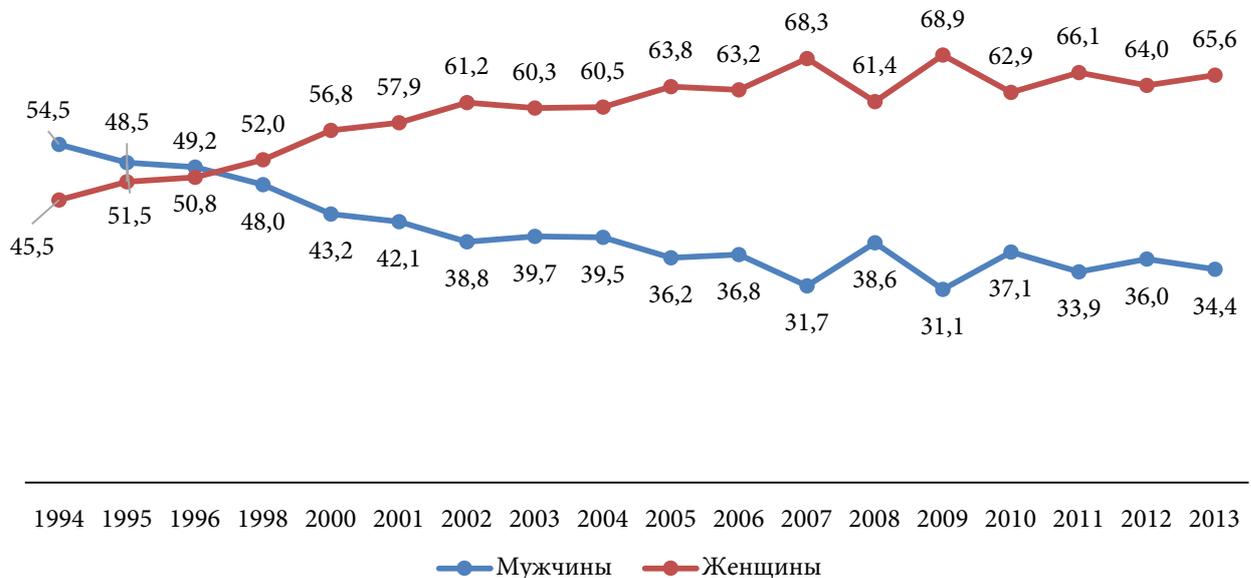

Рис. 3. Динамика изменения уровня включенности во вторичную занятость мужчин и женщин, 1994–2013 гг., %

Необходимо отметить, что данные RLMS-HSE расходятся с данными Росстата по уровню включенности в процесс вторичной занятости мужчин и женщин. По данным Росстата в 2013 г. доля мужчин, занятых на двух и более работах, составляла 52,4%, доля женщин – 47,6%. Вероятно, расхождение в полученных результатах обусловлено расхождением в формулировке задаваемого вопроса: Росстат выявлял вторичную занятость «в обследуемую неделю или в течение месяца, предшествующего обследуемой неделе», тогда как в ходе опроса RLMS-HSE респондентов спрашивали о ситуации «здесь и сейчас», то есть о наличии второй и последующих работ на момент проведения опроса.

К числу наиболее значимых социальных характеристик группы лиц с дополнительной занятостью является наличие более высокого уровня образования по сравнению с лицами, имеющими только основную работу. На протяжении всех лет исследования зафиксировано значительное превышение в группе вторично занятых доли лиц с высшим образованием (см. рис. 4).

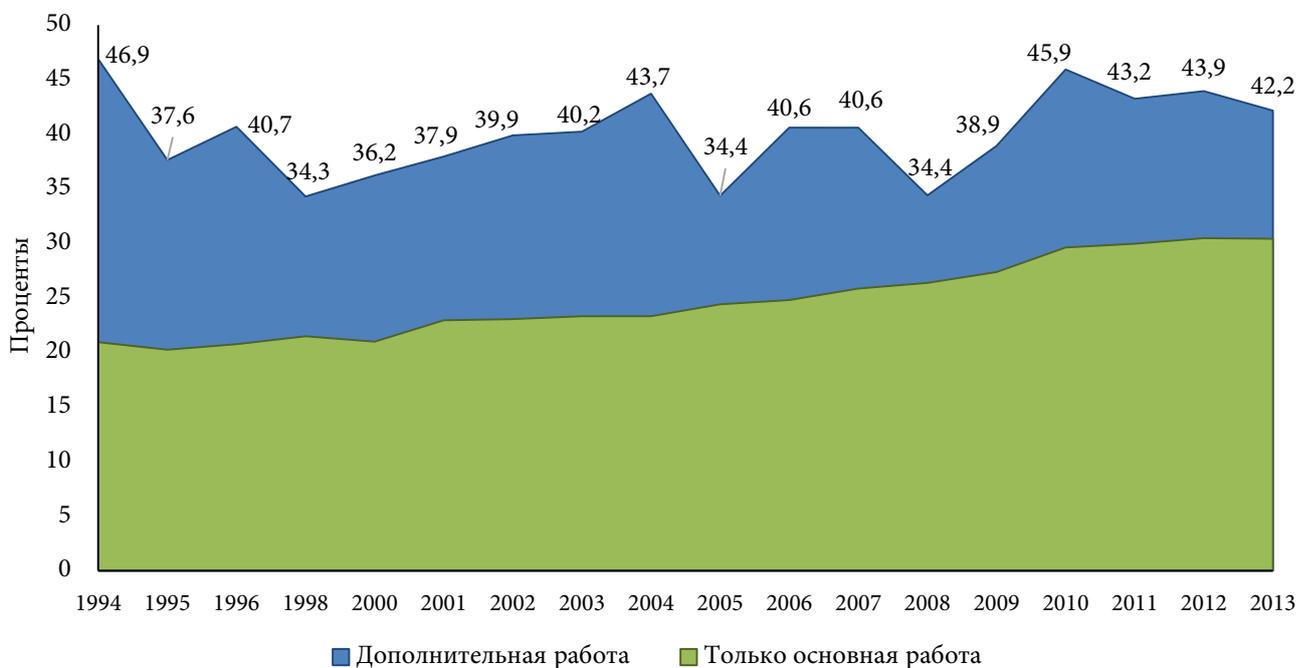

Рис. 4. Динамика изменения доли лиц с высшим образованием в группах имеющих вторичную занятость и занятых только на основной работе, 1994–2013 гг., %

В обследуемый период доля лиц с высшим образованием среди россиян, занятых на двух и более работах, в 1,3–2,2 раза превысила долю лиц с высшим образованием среди тех, кто занят только на основной работе. Высшее образование в группе вторично занятых работников в среднем по всем годам исследования получили 40,7% респондентов (против 25,7% в группе лиц, занятых только на основной работе), среднее специальное – 25,9% (против 27,4%), среднее – 27,8% (против 35,9%) и неоконченное среднее – 5,6% (против 11,1%).

Количество лет, потраченных на образование (включая все виды образования, в том числе и школу) в группе лиц, имеющих дополнительную занятость, в 1994 г. составляло в среднем 13,5 лет, против 12,2 лет в группе занятых только на основной работе. В 2013 г. эти показатели составляли 14,5 и 13,3 лет, соответственно. Таким образом, существует статистически значимая разность в количестве

лет, потраченных на образования в анализируемых группах в 1994–2013 гг., находящаяся в интервалах от 1,1 до 1,3 года (95% доверительный интервал разности средних, $p < 0,001$).

Анализ показал, что вторичная занятость в большей мере характерна для городских жителей, чем для жителей села (84% лиц, заявивших о наличии вторичной занятости, проживали в городах, по выборке 72%; 16% – в селе и в поселке городского типа, по выборке 28%). В равной мере вторичная занятость в большей мере присуща жителям мегаполисов, чем резидентам средних и мелких городов (60% против 24%).

Продолжительность рабочего дня на основной работе в группе лиц, имеющих вторичную занятость, в анализируемый период в среднем составляла 9,0 часов. В группе лиц, занятых на одной работе, продолжительность рабочего дня в среднем составляла 9,5 часов, в период с 2001 по 2013 г. этот показатель находился в пределах от 9,3 до 9,6 часа. На второй работе продолжительность рабочего дня в среднем составляла 5,5 часа. В период с 2001 по 2013 г. этот показатель находился в пределах от 4,3 до 5,7 часа (см. таблицу 1).

Таблица 1

Средняя продолжительность рабочего дня, 2001–2013 гг., %

Год поведения исследования	Занятые только на основной работе	Имеющие вторичную занятость	
	Продолжительность рабочего дня	Продолжительность рабочего дня на основной работе	Продолжительность рабочего дня на второй работе
2001	9,3	9,1	5,6
2002	9,4	8,1	5,7
2003	9,4	9,1	5,5
2004	9,5	9,5	4,9
2005	9,4	8,6	5,8
2006	9,5	8,7	5,3
2007	9,6	9,0	4,3
2008	9,5	9,2	4,7
2009	9,4	9,3	5,5
2010	9,4	8,7	5,4
2011	9,4	9,3	5,4
2012	9,5	9,2	5,2
2013	9,5	9,5	5,5

Продолжительность рабочей недели у лиц, имеющих основную и вторичную занятость, в период с 2001 по 2013 г. находилась в интервале 51,8–53,5 часов. Для лиц, занятых только на основной работе, продолжительность рабочей недели находилась в интервале 43,9–44,1 часов (см. рис. 5). Таким образом, статистически значимая разность этих показателей составляла 8,5–9,5 часов в неделю. То есть фактически речь идет еще об одном дополнительном рабочем дне.

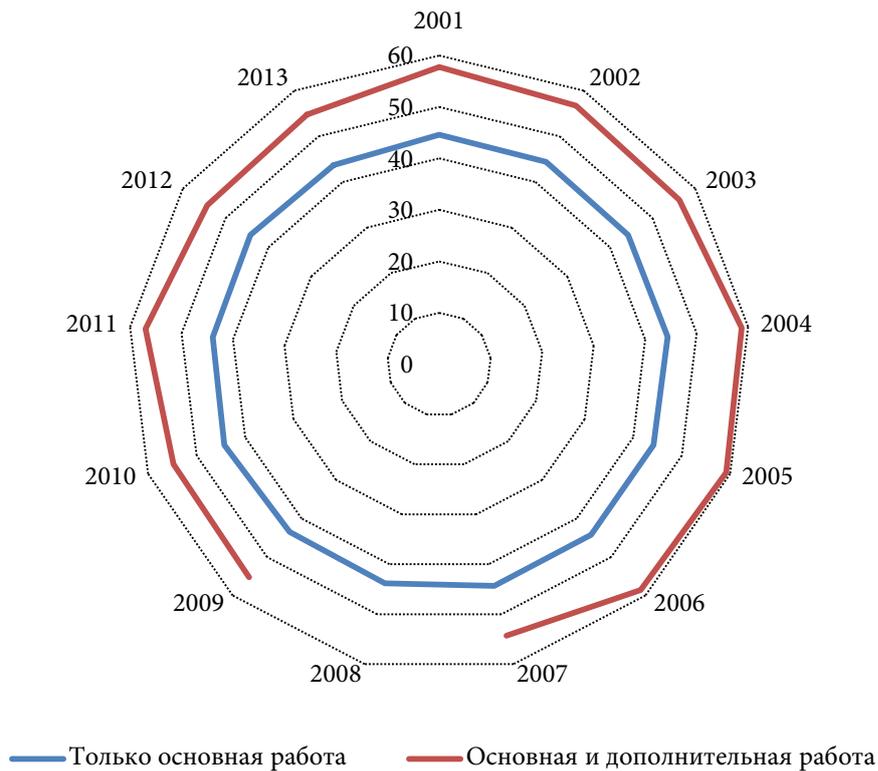

Рис. 5. Продолжительность рабочей недели, 2001–2013 гг., в часах

Существуют статистически значимые различия в продолжительности занятости на второй работе в течение одного рабочего дня лиц с высшим образованием и лиц, не имеющих высшего образования. В среднем в 2013 г. лица с высшим образованием проводили на второй и последующих работах на 1,1–1,9 часа меньше, чем лица, не имеющие высшего образования, то есть 4,7 часа против 6,0 часов соответственно (см. рис. 6).

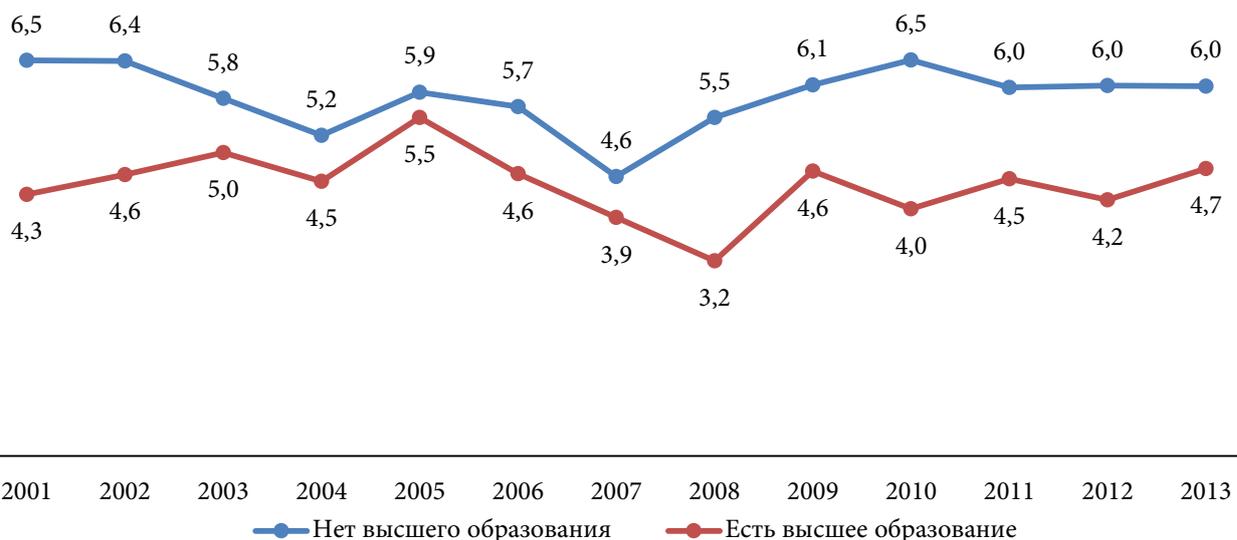

Рис. 6. Продолжительности рабочего дня на второй работе в зависимости от уровня образования, 2001–2013 гг., в часах

В 2001–2013 гг. продолжительность рабочего дня у мужчин, имеющих вторичную занятость, на второй и других дополнительных работах составляла в среднем 6,8 часа, у женщин — 4,5 часа. В 2013 г. этот показатель был равен 6,4 и 4,5 часа соответственно. Учитывая параметры образования и пола, установлено, что самое про-

должительное время в течение одного рабочего дня на второй работе затрачивалось мужчинами, не имеющими высшего образования, – 7,4 часа в среднем за анализируемый период; за ними следовали мужчины с высшим образованием – 5,5 часа; женщины без высшего образования уделяли вторичной занятости 5,3 часа; наименьшее количество времени вторичной занятости в течение одного рабочего дня затрачивали женщины с высшим образованием, 3,8 часа (в среднем в период с 2001 по 2013 г.).

Наибольшая продолжительность рабочего дня и рабочей недели на второй работе зафиксирована у жителей села, и с учетом 95% доверительного интервала этот показатель составляет от 5,5 до 6,7 часа и от 22,2 до 26,2 часа соответственно. Наименьшая продолжительность занятости на второй работе характерна для жителей городов (см. таблицу 2).

Таблица 2

Продолжительность рабочего дня и рабочей недели на второй и последующих работах в зависимости от типа населенного пункта, 2001–2013 гг., в часах

Тип населенного пункта	Продолжительность рабочего дня на второй работе			Продолжительность рабочей недели на второй работе		
	Среднее	N	Ст. ошиб. среднего	Среднее	N	Ст. ошиб. среднего
Областной центр	5,1	1367	0,133	18,7	1367	0,443
Город	4,9	527	0,188	19,4	527	0,681
ПГТ	6,2	83	0,532	20,3	83	1,606
Село	6,1	291	0,317	24,2	291	1,028
Всего	5,2	2268	0,102	19,7	2268	0,344

Рис. 7. Динамика изменения уровня общего индивидуального дохода в зависимости от наличия второй и последующих работ, 1994–2013 гг., в рублях 2013 г.

Важным основанием для сравнения экономического положения двух групп населения, имеющих и не имеющих дополнительную занятость, является уровень общего индивидуального дохода. Как видно из рис. 7, уровень индивидуального дохода лиц, имеющих дополнительную занятость, на протяжении всех лет исследования с 1994 по 2013 г. превышал уровень дохода лиц, не имеющих вторую работу. Однако следует обратить внимание, что если в 1994 г. это превышение составляло около 70 процентных пунктов, то в 2012 г. этот показатель снизился до 46, а в 2013 г. до 32 процентных пунктов, то есть с 1994 по 2013 г. этот показатель имел устойчивую тенденцию к снижению.

В денежном выражении превышение доходов лиц, имеющих вторую и последующие работы, по отношению к лицам, занятым только на одной работе, составляло в 1994 г. 6396 руб. в месяц (в ценах 2013 г.). В 2013 г. респонденты, вовлеченные во вторичную занятость, зарабатывали на 7478 руб. в месяц больше, чем респонденты, трудоустроенные только у одного работодателя, с учетом 95-процентного доверительного интервала разности средних, в генеральной совокупности этот показатель находился в интервале между 4481 руб. и 10 475 руб. в месяц (см. рис. 7). При этом темпы роста общего индивидуального дохода лиц, не имеющих вторую занятость, за период с 1994 по 2013 г. составили 5,7 процентного пункта, в то время как темпы роста общего индивидуального дохода лиц, занятых более чем на одной работе, были несколько ниже и достигали 4,1 процентного пункта за рассматриваемый период.

В случае лиц, занятых более чем на одной работе, в период с 1994 по 2013 г. произошел рост уровня заработной платы как на основной, так и на других работах (см. рис. 8). Если в 1994 г. доход на основном месте работы в среднем составлял 8592 руб. в месяц, то в 2013 г. этот показатель увеличился в 2,2 раза и составил 19 219 руб. в месяц. При этом в 1994 г. в среднем за вторую работу респонденты получали 7299 руб. в месяц, а в 2013 г. эта сумма достигала 9073 руб. в месяц, то есть рост составил 1,2 раза. Темпы роста этих показателей демонстрируют, что за анализируемый период доходы от основной занятости росли более быстрыми темпами (4,8 процентного пункта в год), чем доходы от второй работы (1,3 процентного пункта в год). Пересчет этих показателей к периоду 2000–2013 гг. показал, что темпы роста доходов от основной работы в указанный период в среднем составили 8,9% в год, темпы роста доходов от второй работы – 5,7% в год. В целом можно констатировать, что за прошедший период произошло снижение уровня экономической отдачи от второй работы.

Сравнение уровня общего индивидуального дохода лиц, имеющих и не имеющих вторую работу в зависимости от наличия или отсутствия высшего образования, показывает, что наибольшие доходы в указанный период получали лица с высшим образованием, имеющие вторую работу, – 37 691 руб. в месяц в 2013 г., а наименьшие у лиц, не имеющих высшего образования и занятых только на основной работе, – 20 252 руб. в месяц в 2013 г. (см. таблицу 3). Различия в доходах в зависимости от наличия второй и последующих работ в группе лиц с высшим образованием в период с 1994 по 2013 г. составило в среднем 7–8 тыс. руб. в месяц (в руб. 2013 г.). Для лиц, не имеющих высшего образования, тот же показатель в среднем в рассматриваемый период достигал около 5 тыс. руб. в месяц (в руб. 2013 г.).

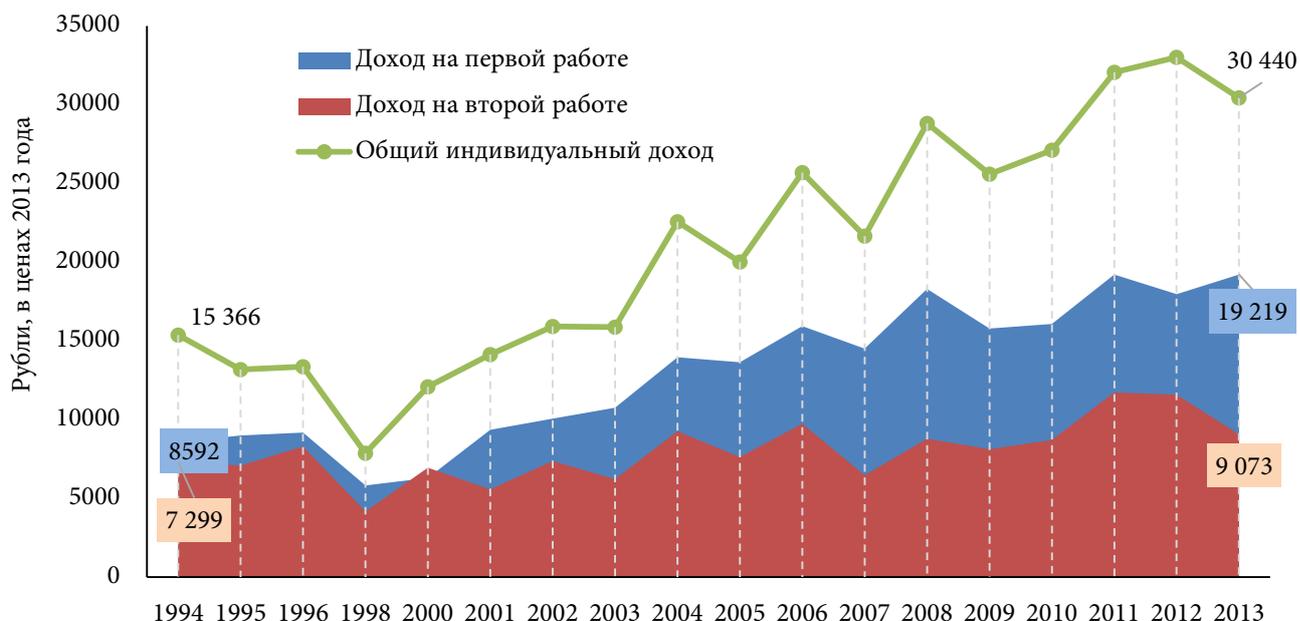

Рис. 8. Динамика изменения уровня индивидуального дохода лиц, занятых более чем на одной работе, 1994–2013 гг., в руб. 2013 г.

Таблица 3

Динамика изменения уровня индивидуального дохода респондентов в зависимости от уровня образования и наличия второй работы, 1994–2013 гг., в руб. 2013 г.

Год	Нет высшего образования		Есть высшее образование	
	Нет второй работы	Есть вторая работа	Нет второй работы	Есть вторая работа
1994	7954	12 405	12 995	19 083
1995	6920	11 396	10 260	16 176
1996	7053	13 138	11 544	13 736
1998	4207	6226	7271	10 898
2000	6462	12 329	9503	11 628
2001	8256	13 609	12 673	15 031
2002	9147	12 300	14 578	21 593
2003	10 153	13 922	15 357	18 992
2004	10 837	20 898	16 475	24 692
2005	12 053	17 026	17 349	25 611
2006	13 589	21 050	20 947	32 344
2007	15 055	18 339	22 057	26 654
2008	17 464	23 034	25 603	40 783
2009	17 119	18 546	24 338	36 501
2010	17 037	20 066	25 094	35 357
2011	18 146	23 685	25 479	43 791
2012	20 063	27 541	28 706	40 650
2013	20 252	24 967	29 235	37 691
Средние темпы роста уровня индивидуального дохода, %	5,7	4,2	4,9	4,1

Следует отметить, что темпы роста уровня индивидуального дохода в период с 1994 по 2013 г. в анализируемых группах были не равны. Наибольшими темпами росли индивидуальные доходы лиц, не имеющих высшего образования и занятых только на основной работе (на 5,7%), затем следовала группа лиц с высшим образованием, занятых только на основной работе (4,9%). Наименьший рост индивидуального дохода зафиксирован в группе лиц с высшим образованием, имеющих вторую работу (4,1%).

В 1994–2013 гг. около 5% российских семей имели в своем составе лиц, занятых более чем на одной работе. Максимальный показатель в 5,5% семей зафиксирован в 2006 г., минимальный в 2013 г. – 3,8% семей. В семьях, где есть лица, вовлеченные во вторичную занятость, в рассматриваемый период проживало в среднем около 5,5–6,0% населения. Средняя численность этих семей составляла 3,2 человека, против 2,7 в семьях, где отсутствуют лица, имеющие вторую работу. Около 57% семей из числа имеющих в своем составе лиц, занятых на основной и дополнительной работе, имеют детей до 18 лет, против 39% семей, где вторичная занятость не зафиксирована (см. таблицу 4).

Таблица 4

Динамика уровня среднедушевого дохода и среднего количество членов семей в зависимости от наличия в семье лиц имеющих вторую работу, 1994–2013 гг., в руб. 2013 г.

Год проведения исследования	Нет членов семьи, имеющих вторую работу		Есть члены семьи, имеющие вторую работу	
	Среднедушевой доход	Количество членов семьи	Среднедушевой доход	Количество членов семьи
1994	5909	2,9	7363	3,5
1995	5417	2,9	7991	3,4
1996	5227	2,8	8466	3,4
1998	4921	2,8	5639	3,3
2000	5012	2,7	7274	3,4
2001	5807	2,7	9416	3,2
2002	6578	2,7	9118	3,1
2003	7376	2,7	10 931	3,2
2004	7326	2,7	12 945	3,2
2005	8337	2,7	12 728	3,2
2006	9230	2,7	18 289	3,3
2007	9895	2,7	14 425	3,2
2008	12 617	2,6	18 105	3,4
2009	11 485	2,6	12 837	3,2
2010	12 456	2,8	14 516	3,4
2011	13 093	2,7	14 996	3,4
2012	13 648	2,7	15 544	3,3
2013	13 812	2,7	17 701	3,5

Анализ среднедушевых доходов семей в группах, вовлеченных и не вовлеченных во вторичную занятость, показывает, что за весь период наблюдения среднедушевые доходы первой группы превышали среднедушевые доходы второй группы. В среднем разница в доходах составляла 36% по всем годам обследования, однако в 2013 г. этот показатель снизился до 25%. В абсолютных показателях среднедушевой доход в первой группе семей в 2013 г. составил 17 701 руб., во второй группе семей – 13 812 руб. (см. таблицу 4). Отметим, что темпы роста среднедушевого дохода в группах были одинаковыми, 4,7% в год.

Основной статьей дохода в семьях, вовлеченных во вторичную занятость, являлась заработная плата, доход от которой колебался от 63 до 77% (см. таблицу 5), и в 2012–2013 гг. составлял в среднем три четверти от уровня всех доходов домохозяйства. В 1994–2013 гг. в таких семьях в 70–75% случаев не было пенсионеров, в 2013 г. этот показатель был равен 72,5% (по выборке в целом – 47,0%).

Таблица 5

**Ежемесячные среднедушевые доходы домохозяйств
в зависимости от вовлеченности во вторичную занятость, %**

Год проведения исследования	Доля дохода от заработной платы		Доля дохода от пенсии		Доля дохода от помощи родственников		Доля дохода от помощи организаций и частных лиц		Доля дохода от продажи личного имущества	
	Не имеют	Имеют	Не имеют	Имеют	Не имеют	Имеют	Не имеют	Имеют	Не имеют	Имеют
1994	46,2	72,5	26,3	8,7	7,6	8,5	0,5	0,4	1,5	1,1
1995	41,1	70,4	22,7	3,7	6,8	6,6	0,7	1,2	16,5	10,3
1996	42,7	71,8	21,8	5,7	8,6	5,1	0,9	0,5	11,5	7,8
1998	29,2	63,8	19,1	6,2	6,0	6,1	0,5	1,0	6,3	8,7
2000	39,7	65,7	25,1	5,2	7,8	9,0	0,6	0,6	10,5	10,5
2001	44,1	67,4	28,0	5,2	7,3	4,9	0,6	0,5	6,1	15,8
2002	44,3	68,5	27,8	7,0	6,9	4,1	0,5	0,4	6,9	10,1
2003	43,6	69,4	26,4	6,8	7,8	3,7	0,5	0,1	9,1	11,3
2004	48,3	68,8	27,2	5,7	7,0	5,7	0,3	10,8	4,8	4,0
2005	47,0	77,1	28,9	7,9	7,2	3,3	0,2	0,4	5,4	3,8
2006	49,0	58,9	27,4	5,4	8,2	2,5	0,5	0,5	5,1	27,9
2007	51,6	63,6	26,4	7,5	6,5	5,5	0,2	0,5	5,1	16,9
2008	45,7	58,1	24,4	7,4	7,4	3,1	0,4	0,3	7,0	26,1
2009	48,2	70,7	30,7	12,0	5,2	5,4	0,3	1,0	6,5	4,9
2010	46,2	71,0	33,5	11,1	4,9	4,5	0,2	0,3	6,2	6,3
2011	45,2	75,9	33,6	9,8	4,9	4,9	0,2	0,0	8,3	3,4
2012	44,0	75,0	35,3	11,0	4,6	4,2	0,2	0,2	8,5	4,4
2013	44,6	75,0	35,6	9,0	5,3	3,7	0,2	0,3	5,8	7,0

В семьях, где нет лиц, занятых на второй работе, доля дохода от заработной платы находилась в интервале от 29% в 1998 г. до 51,6 % в 2007 г. (см. таблицу 5). В последние три года с 2011 по 2013 г. этот показатель стабилизировался на уровне

44–45%. При этом доход от пенсий составлял около 28% бюджета семьи в среднем по всем годам обследования и 35,6% в 2013 г. Доля работающих на одной работе пенсионеров в период с 1994 по 2013 г. достигала 15%. Доля семей, где есть работающие или/и не работающие пенсионеры, наряду с работающими на одной работе лицами, не получающими пенсию, в среднем составляла около 35–36% всех домохозяйств.

Анализ среднедушевых расходов семей, вовлеченных и не вовлеченных во вторичную занятость, показывает, что за весь период наблюдения среднедушевые расходы первой группы превышали среднедушевые расходы второй группы. В среднем разница составила треть среднедушевых расходов по всем годам обследования. Наибольшее значение показателя было зафиксировано в 2006 и 2012 гг., 54 и 51% соответственно. В 2013 г. показатель составил 43%. В абсолютном значении среднедушевой расход семей, где есть лица, занятые на двух и более работах, в 2013 г. равнялся 21 836 руб., в семьях, где таковые отсутствуют, – 15 256 руб. (см. таблицу 6). Отметим, что если темпы роста среднедушевых доходов в тех и других семьях были одинаковыми и составляли 4,7% в год, то темпы роста расходов были незначительны, но все же различались по группам семей и достигали 3,9 и 3,3% соответственно.

Таблица 6

Уровень среднедушевого расхода и среднего количество членов семьи в зависимости от наличия в семье лиц, занятых более чем на одной работе, 1994–2013 гг., в рублях 2013 г.

Год проведения исследования	Нет членов семьи, имеющих вторую работу		Есть члены семьи, имеющие вторую работу	
	Среднедушевой расход	Количество членов семьи	Среднедушевой расход	Количество членов семьи
1994	8723	2,9	11 442	3,5
1995	7723	2,9	9996	3,4
1996	7423	2,8	9925	3,4
1998	6004	2,8	6892	3,3
2000	6420	2,7	9323	3,4
2001	7410	2,7	10 312	3,2
2002	7609	2,7	11 219	3,1
2003	8287	2,7	12 220	3,2
2004	8295	2,7	13 331	3,2
2005	8841	2,7	12 400	3,2
2006	10 494	2,7	16 111	3,3
2007	11 118	2,7	16 614	3,2
2008	12 756	2,6	18 577	3,4
2009	11 864	2,6	15 308	3,2
2010	13 145	2,8	18 423	3,4
2011	13 539	2,7	19 228	3,4
2012	14 592	2,7	22 022	3,3
2013	15 256	2,7	21 836	3,5

Анализ расходов семей по рассматриваемым группам свидетельствует о наличии статистически значимых различий в доле расходов на питание. На протяжении всех лет обследования расходы на питание были выше в абсолютных показателях в семьях, где есть дополнительная занятость, но в долевого отношении на питание больше тратили семьи, где нет лиц, занятых более чем на одной работе (см. таблицу 7). В 2013 г. семьи, вовлеченные во вторичную занятость, тратили на питание одного человека в среднем около 3300 руб. в месяц, тогда как в семьях, где такие лица имеются, в среднем на данную статью расхода уходило 3600 руб. в месяц. Если рассматривать вклад расходов на питание в общие расходы семьи, окажется, что в 2013 г. доля таких расходов в семьях, не вовлеченных во вторичную занятость, составляла 19,4%, а в семьях вовлеченных – 13,1%.

Таблица 7

**Ежемесячные среднедушевые расходы домохозяйств,
вовлеченных и не вовлеченных во вторичную занятость, %**

Год проведения исследования	Доля расходов на питание		Доля расходов на алкоголь и табак		Доля расходов на медицинские услуги		Доля расходов на отдых		Доля расходов на оплату квартиры и коммунальных услуг	
	Не имеют	Имеют	Не имеют	Имеют	Не имеют	Имеют	Не имеют	Имеют	Не имеют	Имеют
1994	45,1	42,3	3,9	4,2	0,9	0,3	7,6	7,4	2,1	2,3
1995	46,5	33,6	3,3	3,4	2,0	2,2	9,9	13,7	3,2	2,8
1996	42,1	24,5	3,7	2,9	2,4	1,8	11,5	20,3	4,1	2,7
1998	39,6	30,2	4,0	3,3	3,3	3,1	10,4	15,1	4,5	3,2
2000	35,6	28,9	2,8	3,9	3,2	2,0	12,8	12,3	4,0	3,3
2001	36,1	25,0	3,0	2,7	4,2	4,2	13,1	17,5	4,9	3,3
2002	33,6	24,0	2,7	4,0	3,9	3,1	13,5	15,5	5,5	4,3
2003	29,6	21,8	2,4	2,4	4,2	3,7	13,1	15,5	5,8	4,9
2004	28,5	17,8	2,5	2,0	3,8	3,0	12,7	15,5	5,8	4,3
2005	29,5	20,9	2,2	2,7	4,1	3,8	12,7	13,5	7,4	6,8
2006	24,3	12,5	2,1	1,4	4,0	1,9	13,7	10,7	7,2	4,8
2007	24,7	14,8	2,0	1,8	4,3	3,5	13,3	14,3	7,7	4,9
2008	22,5	15,8	1,8	1,7	4,4	3,7	13,0	14,8	7,3	6,0
2009	24,1	16,9	1,8	1,6	4,5	3,0	13,2	12,6	8,4	6,6
2010	23,6	15,6	1,9	1,6	4,7	3,1	12,4	15,6	9,0	6,1
2011	22,4	13,2	1,9	1,5	5,0	4,0	13,2	12,6	8,7	5,5
2012	19,6	12,0	1,9	1,5	5,3	3,3	14,3	13,2	7,7	4,8
2013	19,4	13,1	1,9	1,6	5,6	3,3	14,2	15,7	8,1	5,3

Негативной стороной вторичной занятости является более слабое здоровье лиц, занятых более чем на одной работе, по сравнению с людьми, работающими только у одного работодателя. По данным RLMS-HSE 2012 г., среди лиц, вовлеченных во вторичную занятость, около 22% имели хроническое заболевание позвоночника.

ника (среди занятых только на основной работе этот показатель составлял 15%). Примерно каждый пятый из работников, вовлеченных во вторичную занятость, сообщал о проблемах с желудочно-кишечным трактом. Особенно значительные различия в рассматриваемых группах зафиксированы по уровню неврологических заболеваний – 7,7% (против 3,5%) и по уровню хронических заболеваний печени – 11,5% (против 5,3%). Лица, имеющие вторую и последующие работы, в два раза чаще были подвержены аллергическим реакциям – 12,5 (против 6,3%). В 2013 г. у лиц, занятых на одной работе, было зафиксировано в среднем одно хроническое заболевание, в то же время у лиц, занятых на двух и более работах, в среднем хронических заболеваний было выявлено 1,9 (см. таблицу 8).

Статистически значимые различия также были зафиксированы в отношении доли курильщиков в группах лиц, имеющих и не имеющих дополнительную работу. Доля курящих в группе занятых только на основном месте работы в 2013 г. составила 35,9%, тогда как среди лиц с дополнительной занятостью курильщиками оказались 29,5%. При этом группы не различались по уровню потребления алкоголя, около 71% респондентов в каждой из групп заявили, что в течение последних 30 дней употребляли алкогольные напитки.

Таблица 8

Хронические заболевания в зависимости от вовлеченности во вторичную занятость, 2012 г., %

№	Вид хронического заболевания*	Доля лиц, имеющих хронические заболевания	
		Заняты только на основной работе	Заняты на основной и дополнительной работах
1	Есть ли у Вас заболевания позвоночника?	15,0	22,2
2	Есть ли у Вас заболевания желудочно-кишечного тракта?	15,8	21,3
3	Есть ли у Вас заболевания суставов?	12,2	17,1
4	Есть ли у Вас заболевание ЛОР-органов?	8,5	14,2
5	Есть ли у Вас заболевания глаз?	8,3	13,1
6	Есть ли у Вас аллергия?	6,3	12,5
7	Есть ли у Вас заболевания печени?	5,3	11,5
8	Есть ли у Вас варикозное расширение вен?	6,9	11,1
9	Есть ли у Вас неврологические заболевания?	3,5	7,7

*Асимптотическая значимость критерия Хи-квадрат Пирсона менее 0,05.

Для определения особенностей работающих россиян, имеющих вторую занятость, воспользуемся возможностями, предоставляемыми индексом целевой группы TGI¹. В целом, как показано в таблице 9, вторичная занятость более характерна для женщин с высшим образованием, не состоящих в зарегистриро-

¹ Расчет TargetGroupIndex (целевой индекс группы) дает нам возможность сравнить непосредственно несоизмеримые характеристики социально-демографических групп населения. Если индекс для какой-либо группы превышает 100, то эта группа предрасположена к данному типу социального поведения. TargetGroupIndex равен отношению доли лиц с определенными демографическими или социальными характеристиками среди респондентов, имеющих вторую занятость, к доли этих же групп в структуре населения (в выборке). Частное от деления умножается на 100.

ванном браке и проживающих в областном центре. При этом лица, вовлеченные во вторичную занятость, чаще страдают от наличия хронических заболеваний. Однако потери в области здоровья частично компенсируются за счет более высокого индивидуального дохода, уровень которого на одну треть превышает уровень дохода респондентов по выборке в целом. Вторичная занятость в меньшей степени характерна для мужчин, жителей села и поселков городского типа, а также для лиц со средним и неполным средним образованием, состоящих в зарегистрированном браке. Примечательно, что к социальным параметрам, подталкивающим людей к поиску или сохранению второй работы, принадлежат прямо противоположные оценки собственной удовлетворенности трудом в целом, условиями труда и получаемым денежным вознаграждением за труд по основному месту работы.

Таблица 9

Профиль лиц, вовлеченных во вторичную занятость, 2013 г., %

№	Название группы	Представленность показателя в выборке	TGI
1	Семейное положение: вдовец (вдова)	5,2	158
2	Средний показатель хронических заболеваний (кол.)	1,4 раза	151
3	Тип населенного пункта: областной центр	42,9	141
4	Наличие высшего образования: есть	31,3	139
5	Семейное положение: разведены	9,2	138
6	Семейное положение: не зарегистрированы	13,6	135
7	Суммарный доход индивида (руб.)	23 258	133
8	Пол: женский	53,4	124

В целом правомерным является вывод о том, что вторичная занятость в ее современном виде и существующих социально-экономических условиях постепенно теряет свою экономическую привлекательность, что позволяет прогнозировать ее дальнейшее снижение и вероятное исчезновение, то есть снижение уровня участия населения в этом виде трудовой занятости до статистически незначимого.

Краснова Л. С.

СОСТОЯНИЕ ЗДОРОВЬЯ КАК ФАКТОР СПРОСА НА ПЛАТНЫЕ МЕДИЦИНСКИЕ УСЛУГИ

Здоровье является одним из важнейших показателей благосостояния и благополучия населения. В течение последнего десятилетия в Российской Федерации все чаще наблюдаются случаи заболеваний и постановки первых в жизни диагнозов. В 2012 г. общий показатель по болезням составил 1604,2 случая на 1000 человек, тогда как показатель по диагнозам, поставленным впервые в жизни, достиг 793,9 случая на 1000 человек (см. рис. 1).

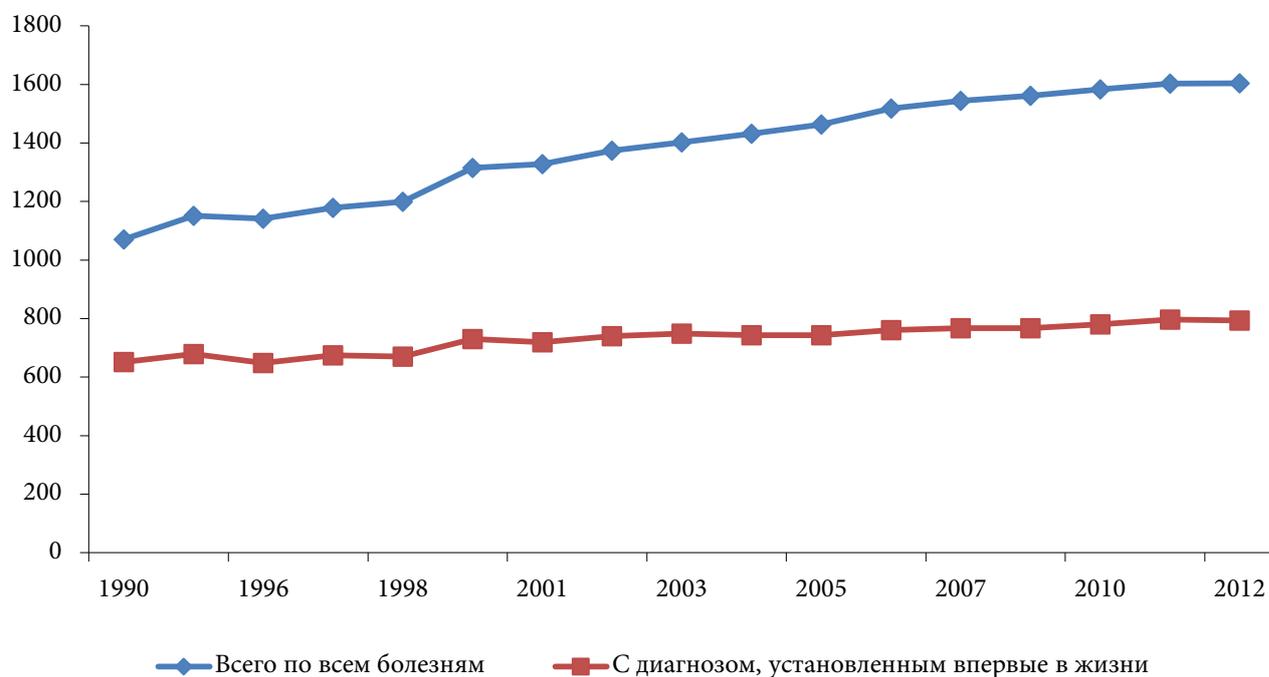

Рис. 1. Заболеваемость населения всеми классами болезней и заболеваемость с диагнозами впервые в жизни (на 1000 человек)

Однако негативная динамика состояния здоровья российского населения сопровождается постепенным снижением уровня смертности, наблюдаемым с 2005 г. (см. рис. 2), что может до некоторой степени характеризовать отношение населения к своему здоровью как равнодушное. Сформировавшийся в 2000-е гг. спрос на

платные медицинские услуги также свидетельствует об изменении установок россиян в области заботы о здоровье, более того — он сигнализирует о неудовлетворенности людей теми услугами, которые предоставляются в рамках обязательного медицинского страхования (ОМС). В этой связи встает вопрос о спросе на медицинские услуги и его взаимоотношении со степенью тяжести выявленных у населения заболеваний.

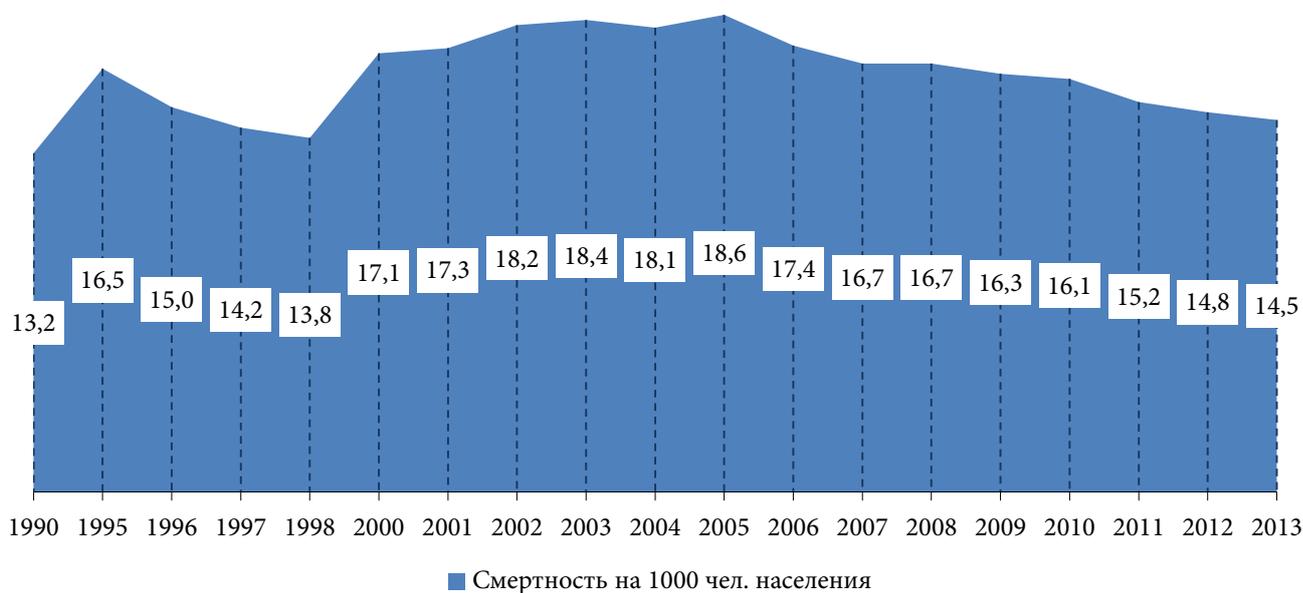

Рис. 2. Смертность населения (на 1000 человек)

Далее мы рассмотрим состояние здоровья как фактор, определяющий отношение населения к пользованию медицинскими услугами по ряду параметров, в частности, по предпочтению платного медицинского обслуживания. Во-первых, мы рассмотрим связи между самооценкой здоровья, взятой как адекватный показатель состояния здоровья, и некоторыми социально-демографическими характеристиками респондентов (гендерная группа, возрастная группа, уровень образования и уровень доходов). Во-вторых, проанализируем зависимость между самооценкой здоровья и частотой посещения врача в течение года, в том числе с целью профилактических осмотров. Наконец, попытаемся выявить взаимосвязь между состоянием здоровья и частотой обращений к медицинской помощи, в том числе платным медицинским услугам, а также стоимостью услуг, предоставляемых вне рамок ОМС. В качестве эмпирической базы использованы данные Российского мониторинга социально-экономического положения и здоровья населения ВШЭ (RLMS-HSE) за 2013 г. по выборке респондентов старше 18 лет.

При проведении обследования RLMS-HSE в качестве показателя состояния здоровья респондентов используется самооценка здоровья. В 2013 г. из 17 111 опрошенных респондентов 16 898 человек дали оценку своего здоровья; распределение полученных результатов представлено на рис. 3. Чуть более половины опрошенных, а именно 51,6%, оценили свое здоровье как среднее, не отнеся его ни к хорошему, ни к плохому. Треть респондентов оценили свое здоровье как хорошее, 11,9% — как плохое, примерно равные доли пришлось на тех, кто посчитал свое здоровье очень плохим и очень хорошим (1,7 и 1,6%, соответственно).

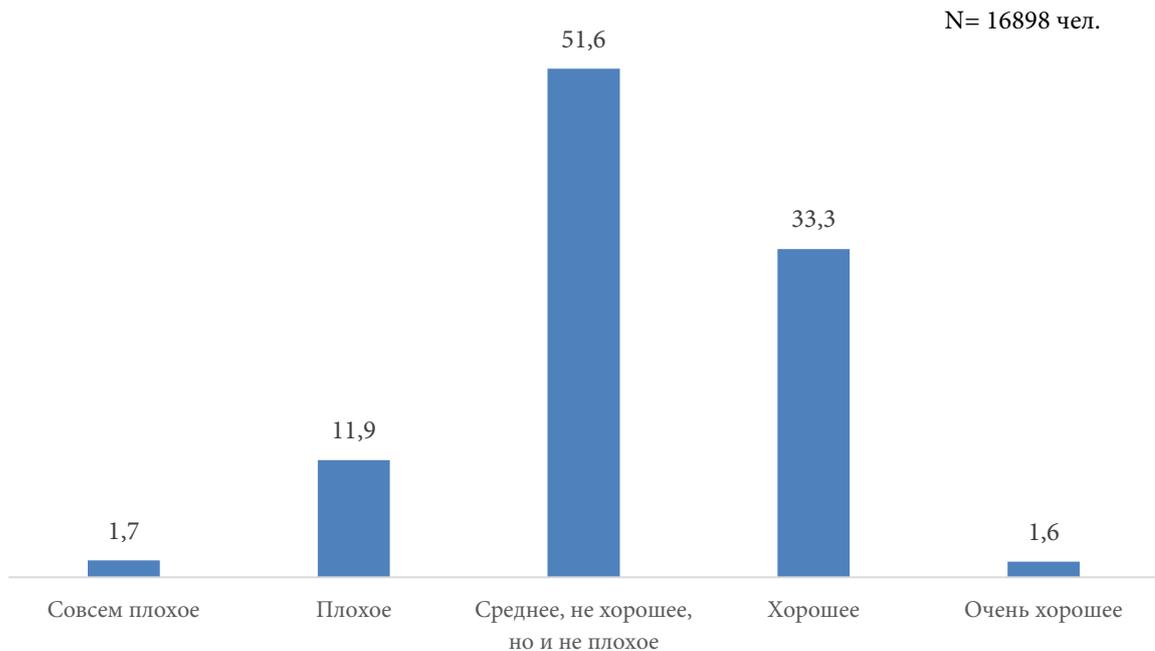

Рис. 3. Самооценка здоровья респондентов, %

Если сравнить субъективную самооценку состояния здоровья с рядом объективных показателей, свидетельствующих о наличии хронических заболеваний, инвалидности или нервных расстройств, становится очевидным, что самооценка улучшается по мере снижения доли респондентов, страдающих от хронических заболеваний, нервных расстройств или депрессий, равно как и респондентов с инвалидностью (см. рис. 4). Однако в последнем случае доля респондентов с инвалидностью несколько увеличивается по мере перехода от группы с хорошим здоровьем к группе с очень хорошим здоровьем — с 0,7 до 1,9% соответственно. В случае хронических заболеваний, нервных расстройств и депрессий подобная тенденция не выявлена. Доля респондентов с хроническими заболеваниями снижается при переходе от группы с хорошим здоровьем к группе с очень хорошим здоровьем с 3 до 2%, доля респондентов с нервными расстройствами и депрессиями — с 5,4 до 4,1%. Наиболее резкое снижение доли респондентов во всех перечисленных случаях наблюдается при переходе от плохой самооценки к средней самооценке здоровья, что особенно заметно на примере людей с инвалидностью. В целом мы можем заключить, что рассматриваемая самооценка соответствует объективным показателям уровня здоровья и может служить в качестве одного из параметров, характеризующих общее состояние здоровья человека.

Рассмотрим, как зависит самооценка здоровья респондентов от социально-демографических показателей. Как отметил М. Гроссман, здоровье, являясь неотъемлемой частью человеческого капитала, изменяется во времени и демонстрирует тенденцию к «изнашиванию» до полного исчезновения, в результате которого наступает смерть¹. То есть, применительно к рассматриваемому показателю самооценки здоровья, в выборке с изменением возрастного параметра ожидается увеличение доли респондентов, оценивающих свое здоровье как плохое и очень плохое, по сравнению с более молодыми когортами. Согласно данным RLMS-HSE 2013 г., респонденты в возрасте от 18 до 35 лет оценивают свое здоровье как плохое в 2% случаев, респонденты в возрасте от 36 до 60 лет — в 8,9% случаев, респонденты

¹ Grossman M. The Human Capital Model // Handbook of Health Economics / Ed. by A. J. Culver, J. P. Newhouse. Vol. 1A. Amsterdam: Elsevier, 2000.

старше 60 лет – в 31,8% случаев (см. рис. 5). Причем в возрастной группе респондентов старше 60 лет наблюдается самый высокий процент людей с очень низкой самооценкой здоровья (5,8%). Ожидается, что самая высокая самооценка здоровья характерна для наиболее молодой группы респондентов, 56,3% лиц в возрасте от 18 до 35 лет оценивают свое здоровье как хорошее (из них 3,6% – как очень хорошее). Для сравнения, респонденты старше 60 лет оценивают свое здоровье как хорошее только в 6,6% случаев, и лишь 0,3% опрошенных лиц старшего возраста входят в группу с самой высокой самооценкой здоровья.

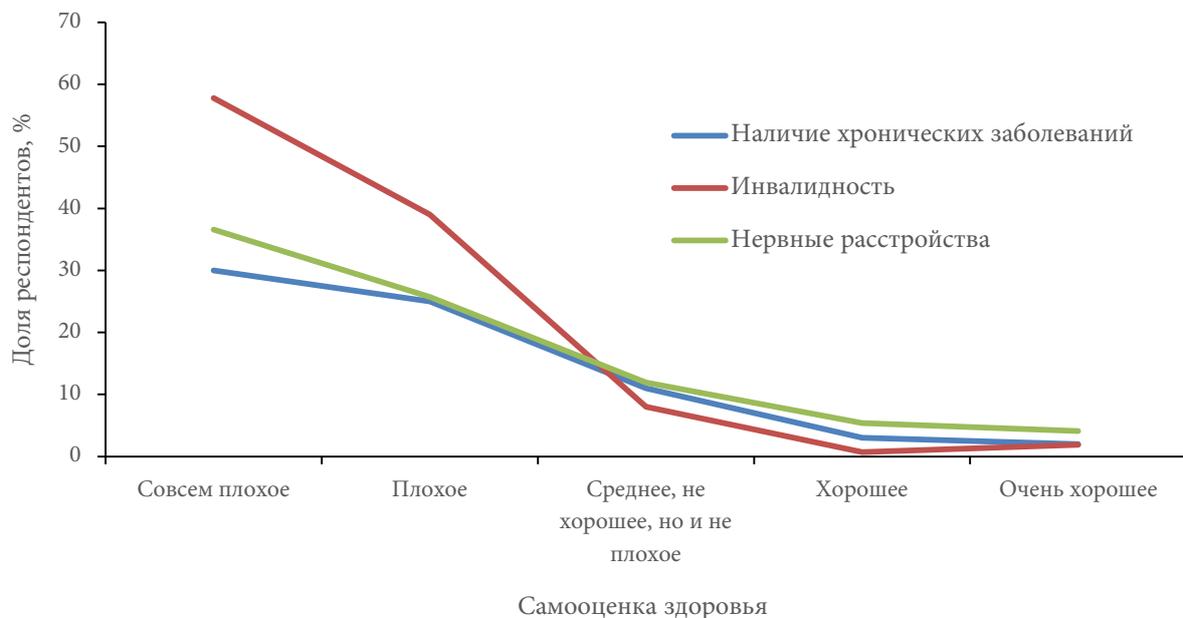

Рис. 4. Хронические заболевания, инвалидность, нервные расстройства и депрессии среди респондентов с разной самооценкой здоровья, %

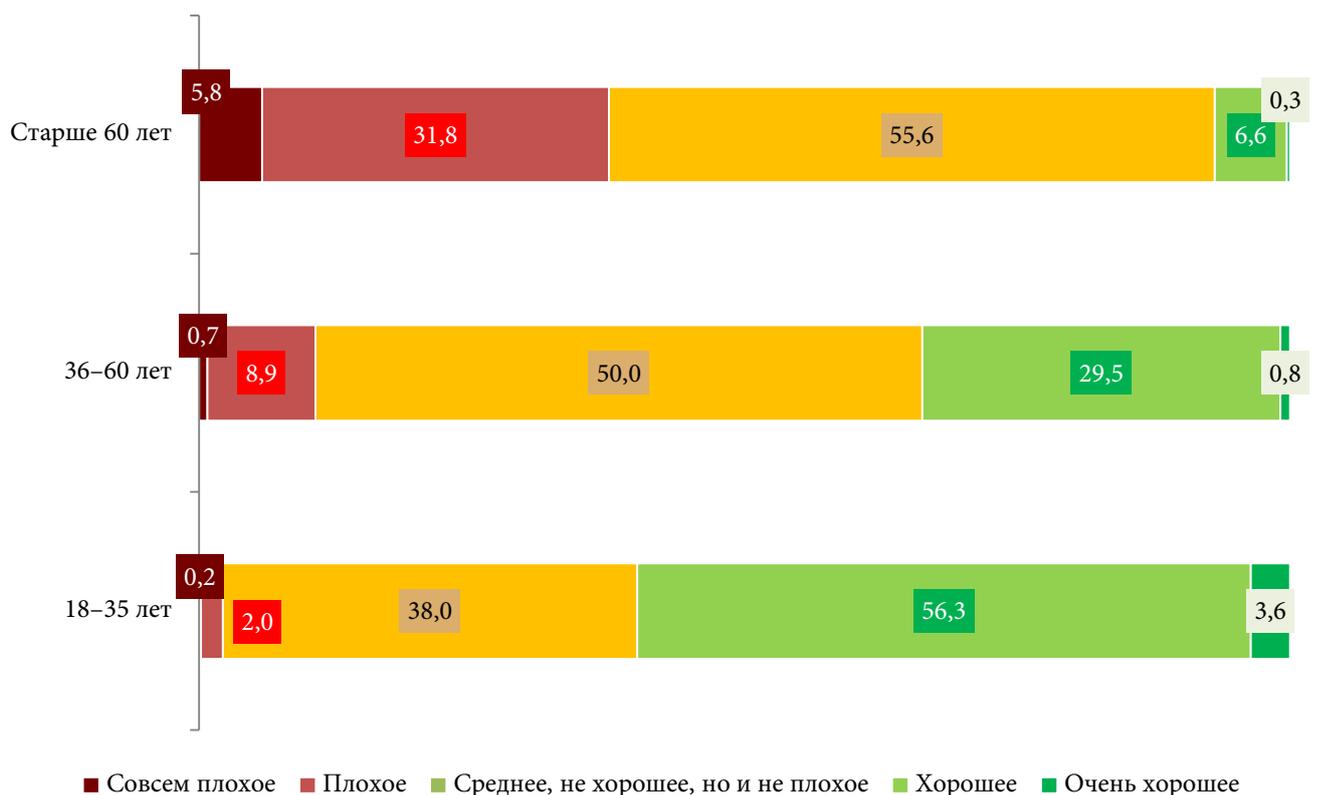

Рис. 5. Самооценка здоровья в зависимости от возраста респондентов, %

Мужчины в целом оценивают свое здоровье выше, чем женщины (см. рис. 6). Доли мужчин, оценивающих свое здоровье как хорошее или очень хорошее, составляют 39,9 и 2,3% соответственно, женщин – 28,5 и 1,1% соответственно. Напротив, женщины чаще говорят о своем здоровье как плохом и очень плохом (14,3 и 2,1% соответственно) по сравнению с мужчинами (8,5 и 1,1% соответственно).

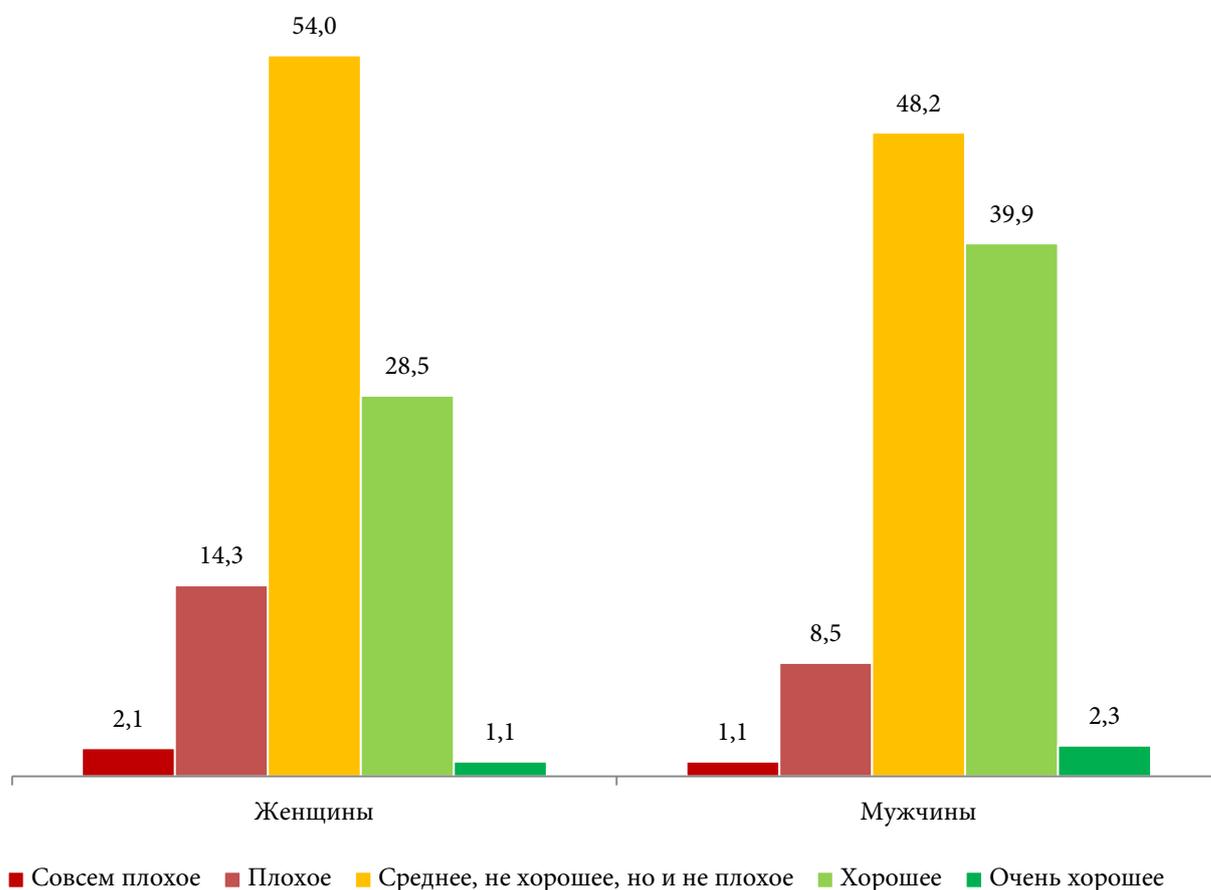

Рис. 6. Самооценка здоровья в зависимости от гендерной группы, %

Уменьшение долей плохого и очень плохого здоровья наблюдается с повышением уровня образования (см. рис. 7). У респондентов с образованием не выше среднего доля плохого и очень плохого здоровья в совокупности составляет 16,4%, у респондентов со средним специальным образованием – 13,6%, у респондентов с высшим образованием – 8,9%. При этом доля респондентов, в целом оценивающих свое здоровье как хорошее или очень хорошее, достигает 34,3% в группе с образованием не выше среднего, 32,4% – в группе со средним специальным образованием, 38,5% – в группе с высшим образованием.

Таким образом, более молодой возраст, мужской пол и наличие высшего образования позволяют респондентам более позитивно оценивать состояние своего здоровья.

Обращаясь к социально-экономическим параметрам, возьмем в качестве показателя уровня доходов квинтильные группы по душевому доходу. Нижний квинтиль включает 20% самых бедных опрошенных респондентов, верхний – 20% самых богатых респондентов. Значительных различий в самооценке в зависимости от уровня душевого дохода не наблюдается (см. рис 8). Следует отметить рост доли тех, кто оценил свое здоровье как среднее с ростом уровня доходов. Также можно говорить о снижении доли

респондентов с хорошей оценкой собственного здоровья до среднего квинтиля и о ее последующем росте и, наоборот, о росте доли респондентов с плохой самооценкой здоровья до среднего квинтиля и о ее последующем снижении к верхнему квинтели.

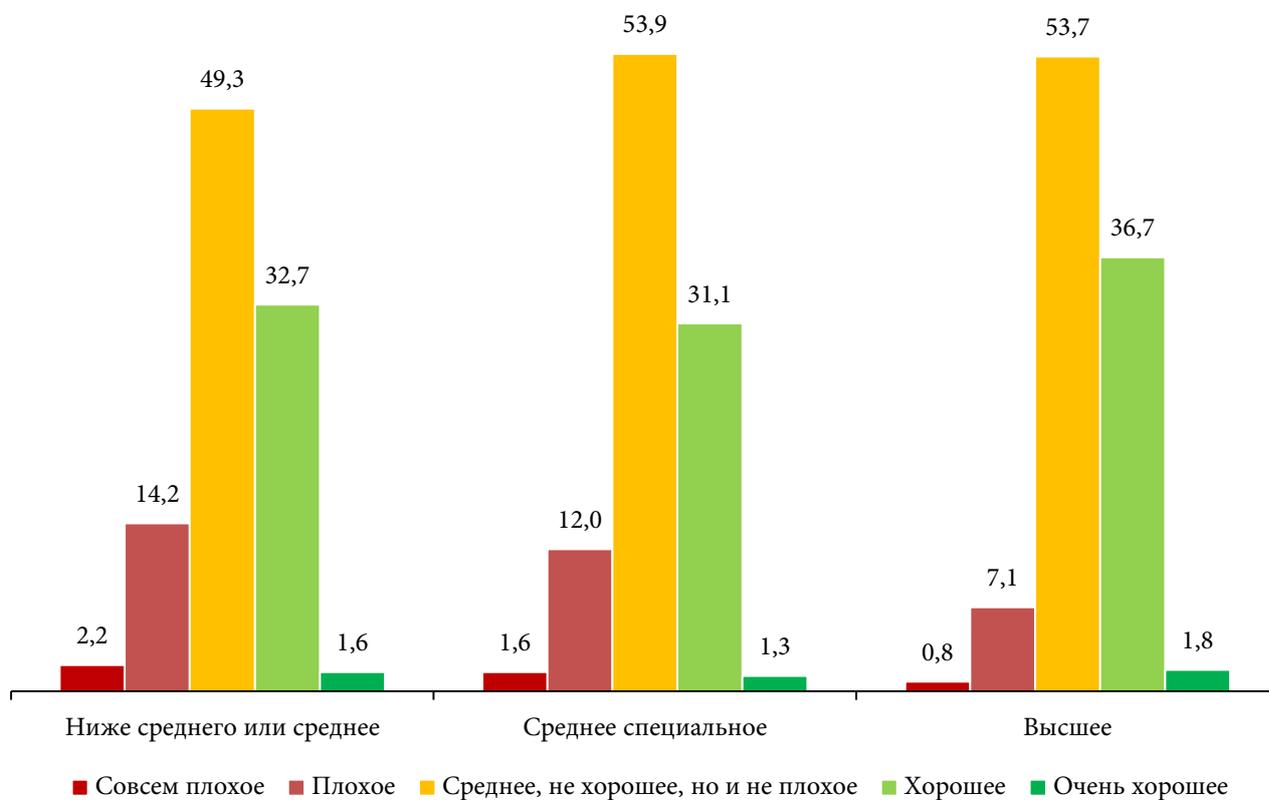

Рис. 7. Самооценка здоровья в зависимости от уровня образования, %

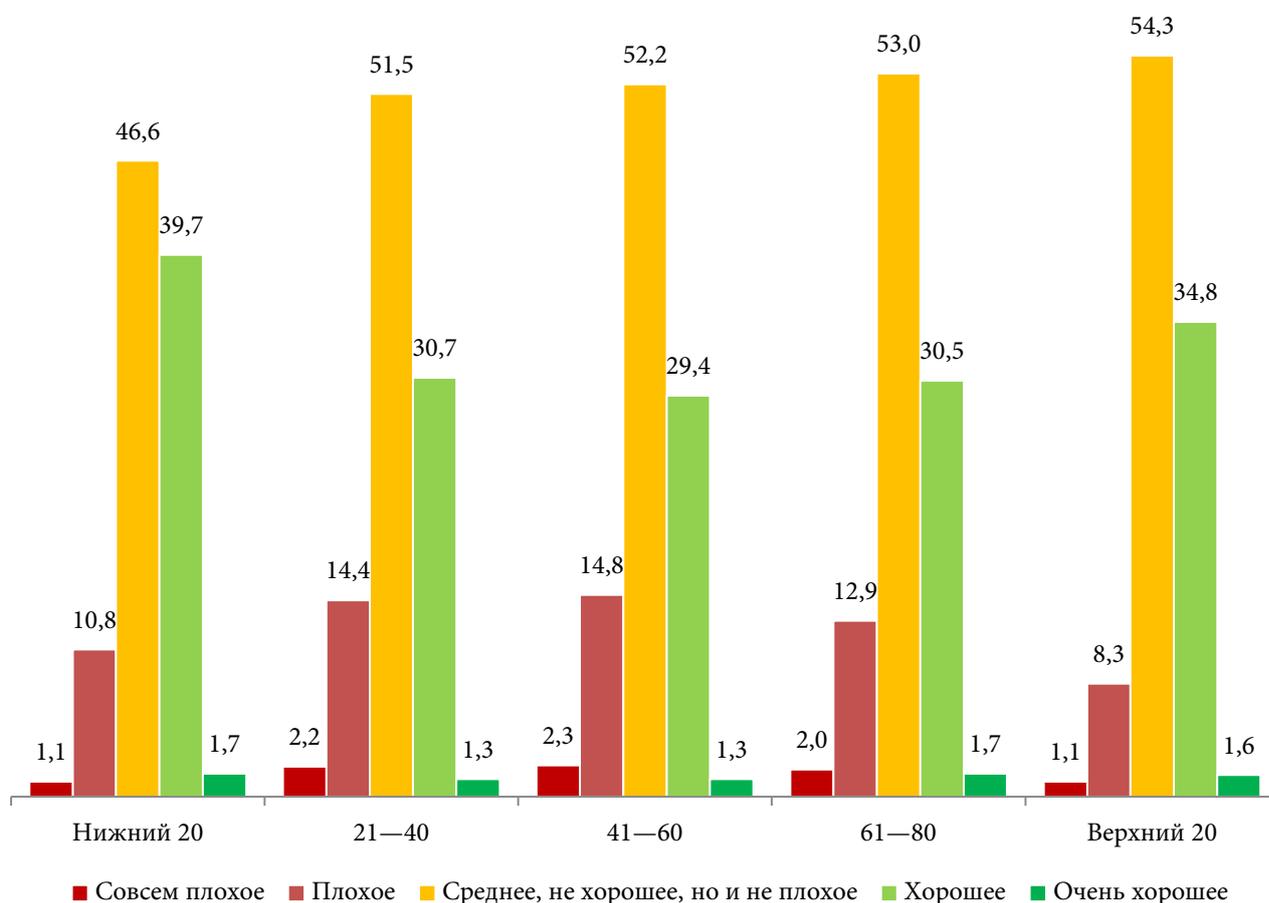

Рис. 8. Самооценка здоровья в зависимости от уровня доходов, %

Далее рассмотрим, как частота посещений врачей зависит от состояния здоровья человека. Как правило, люди, полностью удовлетворенные своим здоровьем, бывают в медицинских учреждениях намного реже тех, кто не считает свое здоровье идеальным. Согласно данным RLMS-HSE (см. рис 9), в 2013 г. наиболее высокий процент лиц, посещавших медицинские учреждения несколько раз в месяц, зафиксирован среди респондентов с очень плохой самооценкой здоровья (21,8%). Данный показатель более чем в два раза превышает долю лиц с плохим здоровьем, посещающих врачей с той же периодичностью (9,7%). По мере дальнейшего улучшения самооценки здоровья рассматриваемый показатель продолжает снижаться и составляет 2,6% для респондентов со средней самооценкой здоровья, 0,9% — для респондентов с хорошей самооценкой здоровья и 0,4% — для респондентов с очень хорошей самооценкой здоровья. Аналогичная тенденция наблюдается при посещении врачей один раз в месяц, однако, в данном случае, доли лиц с очень плохим и просто плохим здоровьем примерно равны и составляют 24,4 и 22,4% соответственно. В остальном тенденция к снижению доли посетителей медицинских учреждений раз в месяц в общих чертах повторяет описанный выше тренд. Лица со средней самооценкой здоровья обращаются за медицинской помощью раз в месяц в 6,9% случаев, лица с хорошей самооценкой здоровья — в 2,7% случаев, лица с очень хорошей самооценкой здоровья — в 1,9% случаев.

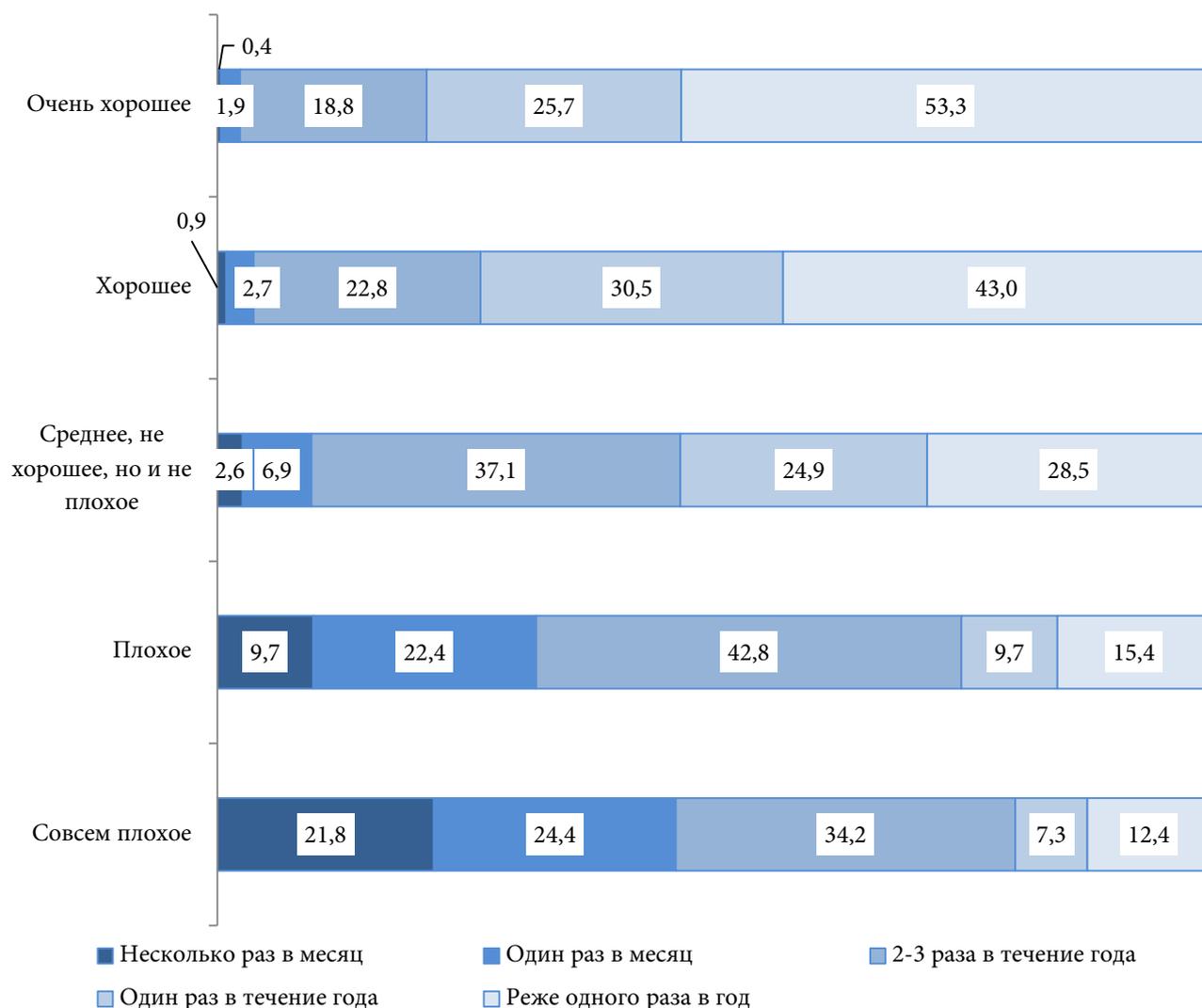

Рис. 9. Ежегодная частота посещения врачей среди людей с различным состоянием здоровья, %

С уменьшением частоты посещения врачей в течение года доли людей с очень плохим и плохим здоровьем снижаются, а процент тех, кто считает свое здоровье очень хорошим и просто хорошим, напротив, увеличивается. Среди респондентов с очень плохим и плохим здоровьем насчитывается 7,3 и 9,7% лиц, посещающих врачей один раз в год, в то же время респонденты с хорошим и очень хорошим здоровьем обращаются в медицинские учреждения раз в год в 30,5% и 25,7% случаев соответственно. Лица, оценивающие свое здоровье как среднее, чаще всего посещают врачей два или три раза в год (37,1% случаев).

Частота посещения врачей напрямую связана с посещением медицинских учреждений с целью профилактического осмотра. Как свидетельствуют данные на рис. 10, чем выше частота посещений врачей в течение года, тем выше доля тех, кто проходил профилактический осмотр в течение последних трех месяцев (среди тех, кто посещает врачей несколько раз в месяц, – 33,7%, среди тех, кто посещает врачей один раз в год, – 9,1%). Более того, среди представителей указанной группы респондентов наблюдается меньше всего людей, имевших проблемы со здоровьем за последние 30 дней. В целом среди тех, кто проходил профилактический осмотр в течение последних трех месяцев, доля имевших проблемы со здоровьем в течение последних 30 дней составила 46,7%, а доля тех, у кого проблем со здоровьем за этот период не было, – 42,3%.

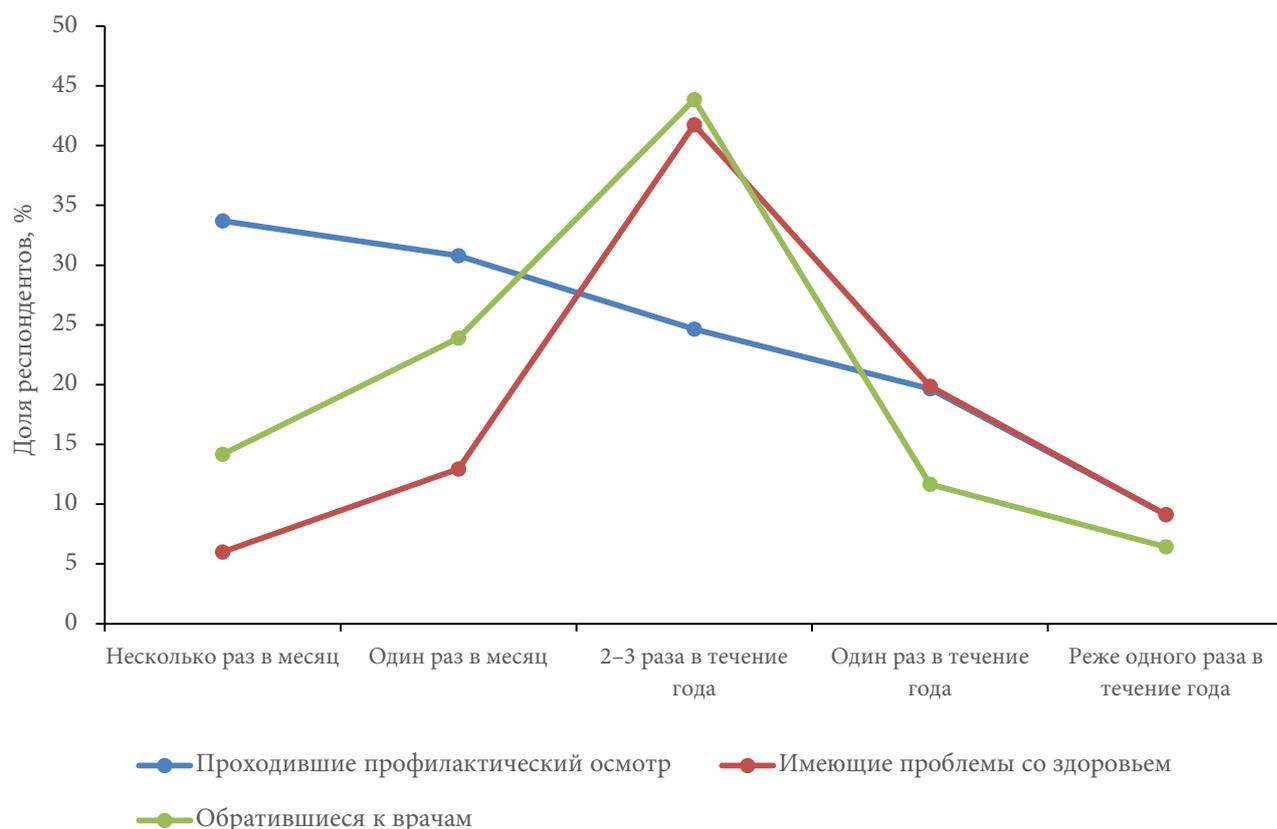

Рис. 10. Доля респондентов, проходивших профилактический осмотр, имевших проблемы со здоровьем или обратившихся к врачам из-за проблем со здоровьем, в зависимости от периодичности посещения врачей, %

Реже всего из-за проблем со здоровьем в медицинские учреждения обращаются лица, посещающие врачей менее одного раза в год, – 6,4% опрошенных. Чуть выше доля обратившихся за медицинской помощью в случае заболевания

среди тех, кто посещает врачей один раз в течение года (11,6%), за ними следуют лиц, обращающиеся к врачам несколько раз в месяц (14,2%) и один раз в месяц (23,9%). Наиболее распространено обращение в медицинские учреждения в случае болезни среди респондентов, посещающих врачей два или три раза в год (40,6%). При этом последняя группа респондентов составляет большинство среди тех, у кого наблюдались проблемы со здоровьем в течение последних 30 дней (41,7%).

Из 17 053 респондентов, ответивших на вопрос о том, были ли у них проблемы со здоровьем за последние тридцать дней, 43,1% опрошенных указали на наличие подобных проблем. Описанные респондентами проблемы со здоровьем были классифицированы в соответствии с международным классификатором заболеваний МКБ-10; результаты классификации представлены в таблице 1. Следует отметить, что в классификацию вошли не все проблемы со здоровьем, перечисленные респондентами, поскольку некоторые из них были описаны слишком размыто и не поддавались однозначной идентификации, некоторые представляли собой скорее симптомы нежели заболевания. Таким образом, из 7350 описанных случаев были классифицированы заболевания 5404 человек.

Таблица 1

Классификация заболеваний, указанных респондентами, 2013 г.

Международный классификатор болезней	Количество	%
Инфекционные и паразитарные заболевания	13	0,2
Онкологические заболевания	25	0,5
Болезни крови	18	0,3
Болезни эндокринной системы расстройства питания и нарушения обмена веществ	98	1,8
Психические расстройства и расстройства поведения	7	0,1
Болезни нервной системы	120	2,2
Болезни глаза	87	1,6
Болезни уха	37	0,7
Болезни сердечно-сосудистой системы	1827	33,8
Болезни органов дыхания	1060	19,6
Болезни органов пищеварения (в т. ч. заболевания зубов)	659	12,2
Болезни кожи	30	0,6
Болезни костно-мышечной системы и соединительной ткани	949	17,6
Болезни мочеполовой системы	140	2,6
Проблемы, связанные с беременностью, родами и послеродовым периодом	8	0,1
Некоторые другие симптомы, признаки и отклонения от нормы	20	0,4
Травмы, отравления и некоторые другие последствия воздействия внешних причин	241	4,5
Внешние причины заболеваемости и смертности	52	1,0
Факторы, влияющие на состояние здоровья населения и обращения в учреждения здравоохранения	13	0,2
Всего	5404	100

Как видно из таблицы 1, наибольшая доля заболеваний относится к классу болезней системы кровообращения, сердца и сосудов (33,8%). Далее по частоте встречаемости следуют болезни органов дыхания (19,6%), болезни костно-мышечной системы и соединительной ткани (17,6%), болезни органов пищеварения, к которым отнесены и заболевания зубов (12,2%).

Соотношение самооценки здоровья респондентов и наличия того или иного типа заболеваний представлено в таблице 2. Согласно данным RLMS-HSE 2013 г., у людей с плохой и очень плохой самооценкой здоровья чаще наблюдаются случаи заболевания сердечно-сосудистой и костно-мышечной систем, со средней самооценкой здоровья – заболевания сердечно-сосудистой и дыхательной систем, с хорошей и очень хорошей самооценкой здоровья – заболевания дыхательной и пищеварительной систем.

Таблица 2

Классификация заболеваний респондентов и самооценки здоровья, 2013 г., %

Международный классификатор болезней	Оценка здоровья				
	Совсем плохое	Плохое	Среднее	Хорошее	Очень хорошее
Инфекционные и паразитарные заболевания	0,0	0,2	0,2	0,5	0,0
Онкологические заболевания	3,2	0,5	0,3	0,3	0,0
Болезни крови	0,0	0,4	0,3	0,5	0,0
Болезни эндокринной системы расстройства питания и нарушения обмена веществ	2,3	3,2	1,5	0,6	0,0
Психические расстройства и расстройства поведения	0,0	0,1	0,1	0,3	0,0
Болезни нервной системы	7,3	3,0	1,5	2,1	3,1
Болезни глаза	2,3	1,6	1,8	0,8	0,0
Болезни уха	0,5	0,4	0,6	1,4	0,0
Болезни сердечно-сосудистой системы	45,0	45,8	32,5	9,3	18,8
Болезни органов дыхания	5,9	9,1	21,0	39,0	37,5
Болезни органов пищеварения (в т. ч. заболевания зубов)	6,4	8,6	12,8	19,3	25,0
Болезни кожи	0,5	0,4	0,7	0,3	0,0
Болезни костно-мышечной системы и соединительной ткани	19,5	20,6	18,0	9,9	12,5
Болезни мочеполовой системы	1,8	2,1	2,8	3,2	0,0
Проблемы, связанные с беременностью, родами и послеродовым периодом	0,0	0,0	0,1	0,9	0,0
Некоторые другие симптомы, признаки и отклонения от нормы	0,0	0,6	0,3	0,3	0,0
Травмы, отравления и некоторые другие последствия воздействия внешних причин	3,2	2,4	4,3	10,3	3,1
Внешние причины заболеваемости и смертности	2,3	0,9	1,0	0,6	0,0
Факторы, влияющие на состояние здоровья населения и обращения в учреждения здравоохранения	0,0	0,1	0,2	0,6	0,0

Заболевания респондентов также были классифицированы по степени серьезности, которая определялась сложностью и длительностью лечения, а также тяжестью причиняемых больному физических страданий. В эту классификацию вошли только те респонденты, заболевания которых поддавались однозначной идентификации, то есть 5401 человек, из них 51,3% имели незначительные заболевания, 38,8% – заболевания средней степени серьезности, 7,6% – серьезные заболевания, 2,3% респондентов страдали очень серьезными заболеваниями (см. рис. 11).

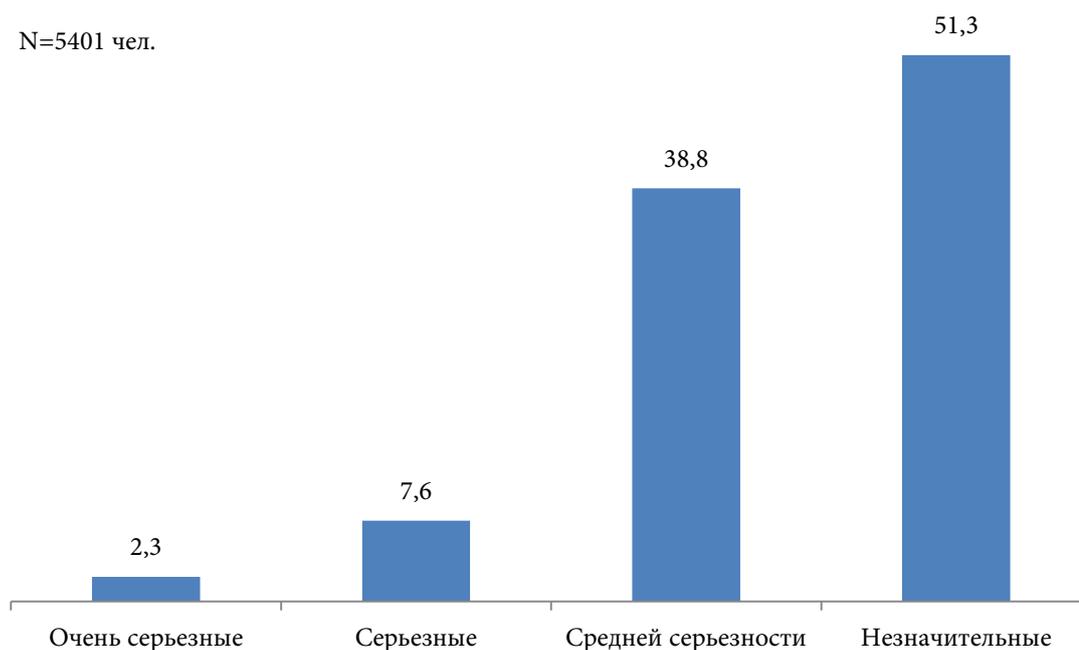

Рис. 11. Заболевания респондентов по степени серьезности, % (N=5401 человек)

Распределение респондентов по степени серьезности заболеваний и уровню самооценки здоровья представлены на рис. 12 (респондентов, определившихся с оценкой своего здоровья, чьи заболевания были классифицированы, в 2013 г. насчитывалось 5316 человек). Доля респондентов, страдающих неизлечимыми и трудноизлечимыми заболеваниями, а также заболеваниями с болезненными симптомами или длительным периодом лечения, снижалась по мере увеличения уровня самооценки здоровья. В общей сложности доля подобных заболеваний уменьшается с 31% у лиц с наиболее низкой самооценкой здоровья до 3,1% у лиц с наиболее высокой самооценкой здоровья, причем в последней группе респондентов серьезных заболеваний не выявлено вовсе. Наиболее высока доля респондентов с незначительными заболеваниями среди лиц, оценивающих свое здоровье как хорошее (81%).

Среди 7223 респондентов, сообщивших о наличии проблем со здоровьем в течение предшествующих опросу тридцати дней, 2519 человек, то есть 34,9%, обращались за помощью в медицинские учреждения. Причем чем хуже была самооценка здоровья, тем чаще респонденты обращались за медицинской помощью (см. рис. 13).

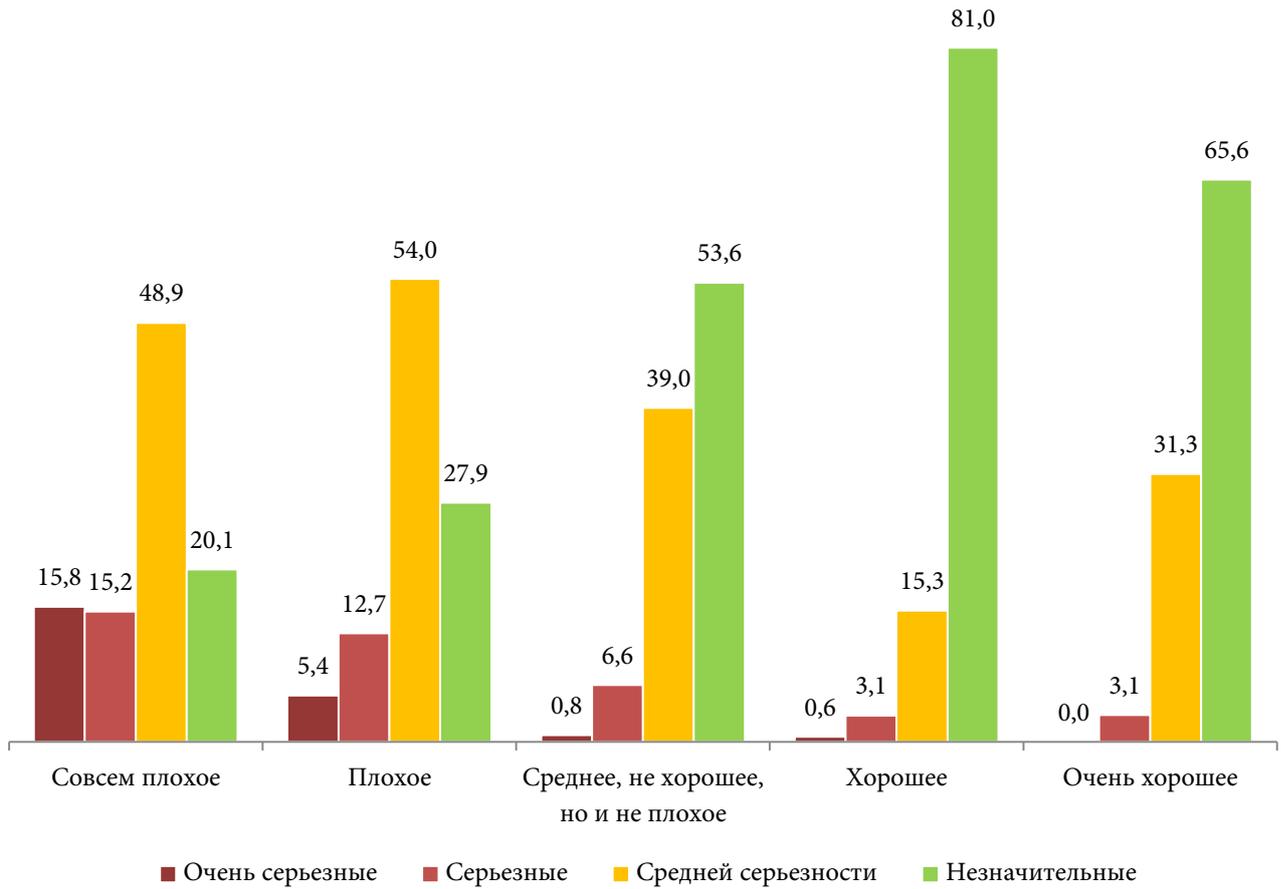

Рис. 12. Серьезность заболеваний респондентов и самооценки здоровья, % (N=5316 человек)

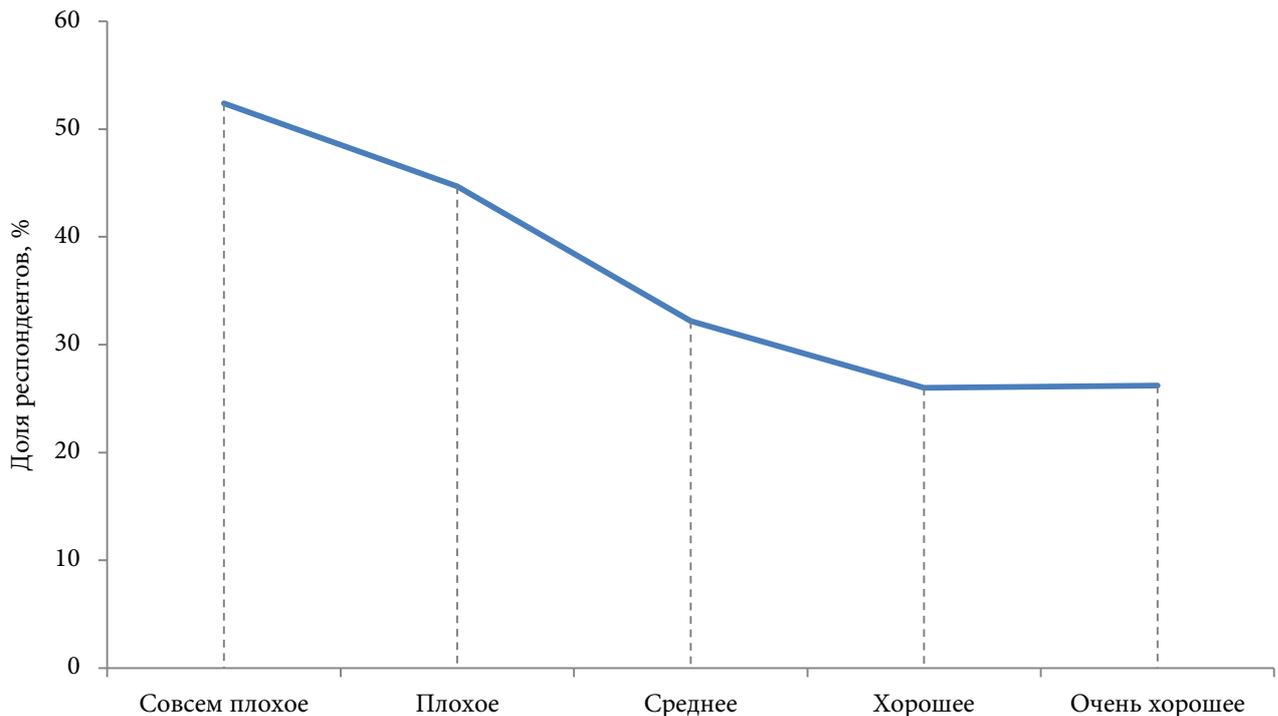

Рис. 13. Доля респондентов, обратившихся за медицинской помощью в случае проблем со здоровьем, в зависимости от самооценки здоровья, % (N=7223 человек)

Среди лиц, определивших состояние своего здоровья как совсем плохое и плохое, в предшествующие опросу 30 дней врачей посетили 52,4 и 44,7% соответственно. Респонденты, оценивающие свое здоровье как хорошее и очень хорошее, обращались к врачам примерно с одинаковой частотой, то есть в 26% случаев.

Изменение доли респондентов, обратившихся за медицинской помощью в течение 30 дней, предшествующих опросу, в зависимости от степени серьезности уже диагностированных заболеваний, представлено на рис. 14. Всего в 2013 г. насчитывалось 1778 респондентов, сообщивших о посещении врачей в указанный период, равно как и о наличии заболеваний, которые поддаются классификации по степени серьезности.

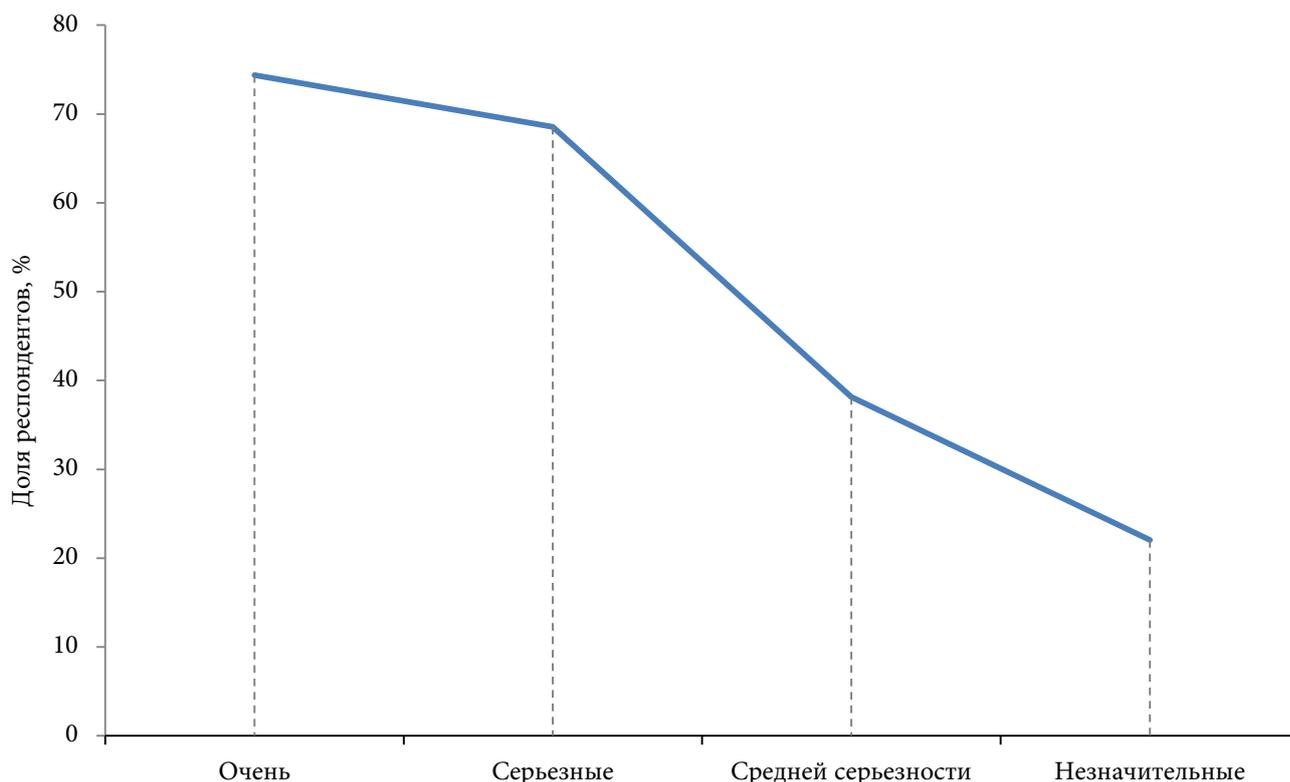

Рис. 14. Доля респондентов, обратившихся за медицинской помощью в случае проблем со здоровьем, в зависимости от степени серьезности заболеваний, % (N=1778 человек)

Как и в случае с самооценкой здоровья, доля респондентов, обратившихся за медицинской помощью, увеличивалась по мере того, как возрастала степень серьезности диагностированных на данный момент заболеваний. Среди респондентов с крайне тяжелыми заболеваниями к врачам обращались 74,4% опрошенных, с довольно серьезными заболеваниями – 68,6%, с заболеваниями средней серьезности – 38,1% и с незначительными заболеваниями – 22,0% опрошенных.

В 2013 г. из 2559 респондентов, сообщивших о наличии проблем со здоровьем и обратившихся за медицинской помощью в течение тридцати дней, предшествующих проведению опроса, 2278 человек указали тип медицинского учреждения, где они получали медицинскую помощь. Как следует из данных, приведенных в таблице 3, большинство опрошенных (83%) в случае проблем со здоровьем обращалось в поликлиники на платной и бесплатной основе. Намного реже респонденты пользовались платными и бесплатными услугами поликлинических и амбулаторных или только амбулаторных отделений больниц (8,4 и 5,4%, соответственно). Единичными являлись случаи обращения к той или иной комбинации услуг частных врачей, поликлиник и амбулаторных отделений больниц.

Таблица 3

Обращения в различные типы медицинских учреждений, 2013 г.

Медицинское учреждение	Количество	%
Поликлиника	1890	83,0
Амбулаторное отделение больницы	123	5,4
Поликлиника и амбулаторное отделение больницы	191	8,4
Поликлиника и частный врач	44	1,9
Частный врач	21	0,9
Поликлиника, амбулаторное отделение больницы и частный врач	9	0,4
Всего	2278	100

Подавляющее большинство респондентов (1996 человек, или 89% рассматриваемой группы) обращалось за амбулаторной нестоматологической помощью только в учреждения, предоставляющие медицинские услуги в рамках ОМС, то есть в городские, районные или ведомственные сельские поликлиники, амбулаторные отделения городских, районных или ведомственных сельских больниц, а также в фельдшерские пункты. Медицинскими услугами на бесплатной и платной основе, а также исключительно платными медицинскими услугами пользовались 6 и 5% респондентов соответственно (в совокупности 245 человек).

На рис. 15 показано, как соотносится получение услуг на бесплатной основе и самооценка здоровья респондентов. Как видно из приведенных на рисунке данных, подавляющее большинство респондентов обращалось за медицинской помощью в рамках системы ОМС, то есть на бесплатной основе. Среди лиц, оценивших свое здоровье как очень плохое, таковых насчитывалось 93,8%, как плохое – 91,8%, как среднее – 87,2%, как хорошее – 87,9%, наконец, как очень хорошее – 71,4%. Сравнивая показатель обращения за медицинской помощью на бесплатной основе в двух последних группах респондентов, следует отметить, что переход от хорошей к очень хорошей самооценке здоровья сопровождается наиболее значительным снижением доли респондентов, пользующихся медицинскими услугами в рамках ОМС.

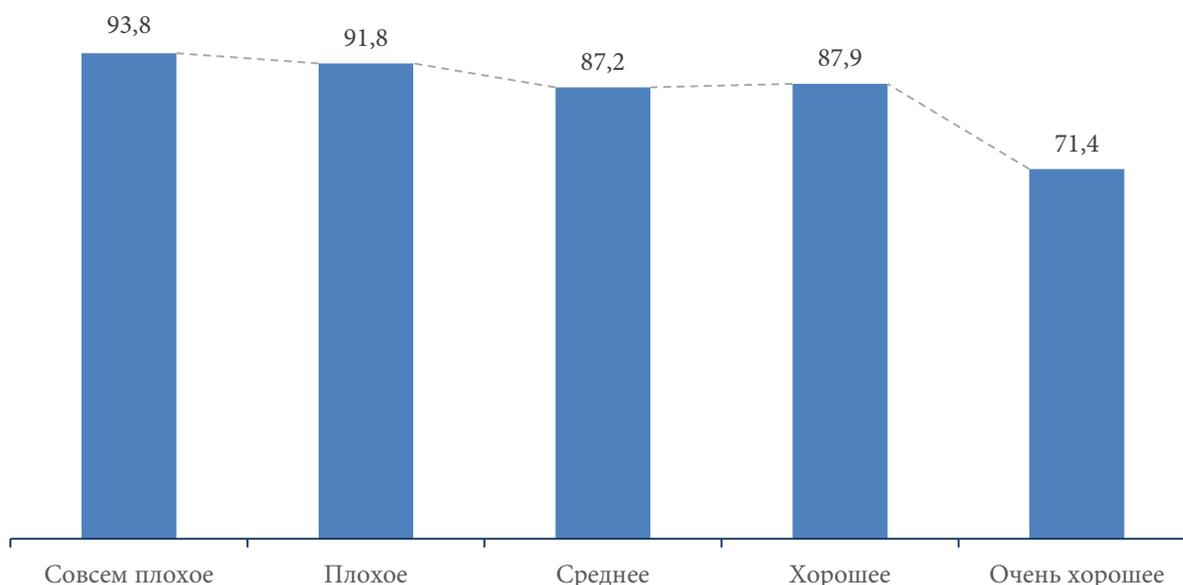

Рис. 15. Обращения за медицинской помощью в рамках ОМС среди респондентов с различной самооценкой здоровья, % (N=1996 человек)

В течение тридцати дней до момента проведения опроса 14,3% респондентов, оценивших свое здоровье как очень хорошее, обращались за медицинской помощью на платной или смешанной, то есть платной и бесплатной основе. И в том, и в другом случае данное значение показателя оказалось максимальным по сравнению с соответствующими показателями других групп, образованных на основании самооценки здоровья (см. рис. 16). При этом если доля респондентов, обращавшихся за медицинской помощью одновременно на платной и бесплатной основе, убывала монотонно при ухудшении самооценки здоровья, то доля пользователей исключительно платных медицинских услуг колебалась. Респонденты, оценивавшие свое здоровье как среднее, обращались к платной медицине в 6,5% случаев, в то время как респонденты с хорошим состоянием здоровья по самооценке в 5,3% случаев. Чаще использовали платные медицинские услуги и лица, оценившие свое здоровье как очень плохое, по сравнению с респондентами с просто плохим состоянием здоровья, 3,8 и 2,5% соответственно.

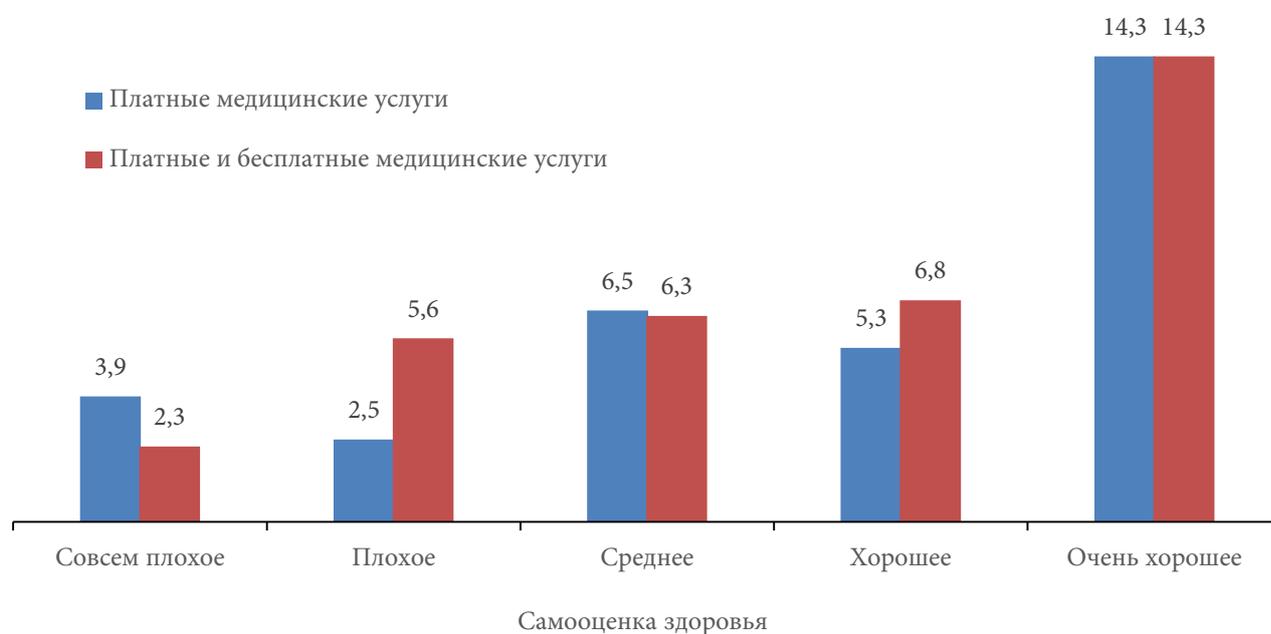

Рис. 16. Обращения за медицинской помощью на платной, а также смешанной (платной и бесплатной) основе среди респондентов с различной самооценкой здоровья, % (N=245 человек)

Далее рассмотрим стоимость платных медицинских услуг, которыми пользовались респонденты в течение тридцати дней до проведения опроса. В данном случае рассматривается только амбулаторная нестоматологическая помощь, предоставленная официально в медицинских учреждениях согласно установленным правилам и прейскуранту. Общее число респондентов, указавших расходы на платную медицинскую помощь и одновременно оценивших собственное здоровье, составило 280 человек. Среди респондентов, оценивших свое здоровье в диапазоне от очень плохого до хорошего, лица, потратившие за последний месяц на медицинские услуги не более 1000 руб., составили от 35,8% в группе плохой самооценкой до 40,1% в группе со средней самооценкой (см. рис. 17). По сравнению с другими группами среди респондентов, оценивающих свое здоровье как очень плохое, велика была доля тех, кто расходовал на медицинское обслуживание от 3000 до 5000 руб. (25%), а также тех, чьи расходы

достигали 5000–10 000 руб. и 10 000–20 000 руб. (по 12,5%). В группах с плохой, средней и хорошей самооценкой около трети респондентов тратили на медицинские услуги от 3000 до 5000 руб. ежемесячно. При этом среди лиц с плохой самооценкой здоровья 16,4% респондентов указали, что их ежемесячный расход достигает 5000–10 000 руб. Однако максимальный размер расходов на медицинское обслуживание (от 20 000 до 40 000 руб.) был зафиксирован в группе с хорошей самооценкой здоровья (3%, что в 1,5 раза выше доли респондентов с тем же уровнем расходов в группе с плохой самооценкой здоровья).

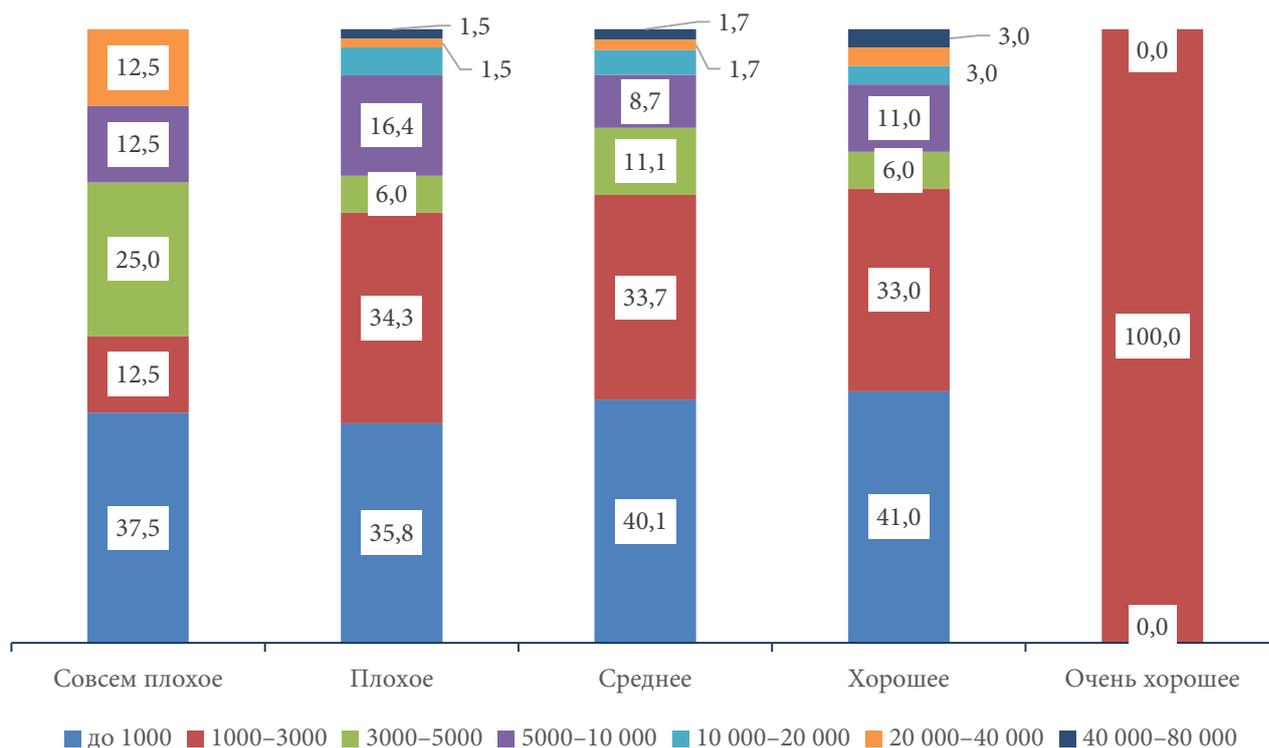

Рис. 17. Стоимость медицинских услуг, указанная респондентами с различной самооценкой здоровья, % (N=280 человек)

Если сравнивать предпочтения, касающиеся получения медицинских услуг на платной или бесплатной основах, по квинтилям душевого дохода, то доля потребителей платных медицинских услуг выше в пределах верхнего квинтиля, а доля респондентов, предпочитающих получать медицинскую помощь на бесплатной основе, растет по мере продвижения к нижним доходным группам (см. таблицу 4).

Таблица 4

Обращения в медицинские учреждения по квинтилям душевого дохода, %, 2013 г.

Медицинские учреждения	Квинтиль душевого дохода				
	Нижний 20	21–40	41–60	61–80	Верхний 20
Только бесплатные	94,1	93,4	92,1	88,2	81,7
Только платные	1,6	1,3	3,3	4,8	11,4
Бесплатные и платные	4,3	5,3	4,7	7,0	6,9

Далее рассмотрим, как менялась средняя сумма единовременных расходов на медицинское обслуживание в зависимости от самооценки здоровья, серьезности заболевания и квинтильной доходной группы. Следует отметить, что ввиду небольшой наполняемости групп в некоторых случаях наблюдаются достаточно высокие ошибки среднего. Например, в группе респондентов с очень плохим здоровьем по самооценке при средней сумме единовременных расходов, равной 5800 руб., стандартная ошибка среднего составляет 3500 руб. В целом, как показано в [таблице 5](#), наибольшие единовременные затраты на приобретение медицинских услуг в 2013 г. характерны для респондентов, оценивающих свое здоровье как очень плохое и хорошее, однако, благодаря малой наполняемости данных групп и в том, и в другом случае стандартная ошибка среднего достаточно высока.

Таблица 5

Средняя сумма единовременных расходов на медицинское обслуживание в зависимости от самооценки здоровья, 2013 г., в тыс. руб.

Самооценка здоровья	Средняя сумма	Количество наблюдений
Очень плохое	5,8	8
Плохое	4,3	67
Среднее	3,8	172
Хорошее	5,0	32
Очень хорошее	1,1	1
Всего		280

Сравнение средней суммы единовременных расходов на покупку медицинских услуг по группам респондентов с заболеваниями той или иной степени тяжести говорит о том, что наименьшие единовременные расходы характерны для лиц с наиболее серьезными заболеваниями (средняя сумма единовременных затрат в данной группе в 2013 г. составила 2400 руб.). Наибольшие единовременные расходы, напротив, наблюдались в группе респондентов с серьезными, но излечимыми заболеваниями (6600 руб.). Дальнейшее снижение степени серьезности заболеваний вело к соответственному снижению показателя средней суммы затрат, так, лица с заболеваниями средней степени тяжести тратили в среднем 3800 руб., лица с незначительными заболеваниями – 3300 руб. (см. [таблицу 6](#)). В целом же независимо от степени тяжести заболевания средняя сумма оплаты составляла 4300 руб. При этом стандартная ошибка среднего достигает своего наибольшего значения в группе респондентов с серьезными заболеваниями (1900 руб.), в остальных группах она примерно одинакова и колеблется в пределах 800–900 руб.

Как показано в [таблице 7](#), средняя сумма оплаты медицинских услуг в пределах нижнего и верхнего квинтилей душевого дохода равны (4000 руб.). Наиболее высокие затраты характерны для четвертой квинтильной группы (5700 руб.), наиболее низкие – для второй квинтильной группы (2500 руб.).

Таблица 6

Средняя сумма единовременных расходов на медицинское обслуживание
в зависимости от серьезности заболевания, 2013 г., в тыс. руб.

Серьезность заболевания	Средняя сумма	Количество наблюдений
Очень серьезные: неизлечимые или крайне трудно излечимые	2,4	8
Серьезные: очень болезненные симптомы или долгий период лечения или сложные методы лечения, есть необходимость хирургического вмешательства	6,6	39
Средней серьезности: симптомы сравнительно щадящие или период лечения сравнительно недолгий, методы лечения сравнительно простые	3,8	75
Незначительные: нет болезненных симптомов или короткий период лечения, возможно лечение в домашних условиях	3,3	41
Всего		163

Таблица 7

Средняя сумма единовременных расходов на медицинское обслуживание
в зависимости от уровня дохода, 2013 г., в тыс. руб.

Квintильная группа по душевому доходу, %	Средняя сумма	Количество наблюдений
Нижний 20	4,0	24
21–40	2,5	36
41–60	3,1	50
61–80	5,7	74
Верхний 20	4,0	90
Всего		274

Подводя итог, следует отметить, что в 2013 г. самооценка здоровья оказывала незначительное влияние на предпочтения россиян относительно получения медицинской помощи на бесплатной основе в рамках системы обязательного медицинского страхования или на платной и смешанной основе в соответствии с правилами и прейскурантами медицинских учреждений. В подавляющем большинстве случаев респонденты предпочитали обращаться за медицинской помощью на основании полисов ОМС независимо от оценки состояния собственного здоровья и наличия заболеваний различной степени тяжести. Среди клиентов медицинских учреждений, предоставляющих платные медицинские услуги, преобладали лица с высокой или очень высокой самооценкой здоровья. При этом сумма ежемесячных расходов на медицинские услуги не превышала 3000 руб. в более чем половине случаев в каждой группе самооценки здоровья. Наиболее тяжелым бременем ежемесячных расходов на медицинское обслуживание в 2013 г. оказалось для лиц, оценивающих свое здоровье как очень плохое (50,0% данной группы расходовали на медицинские услуги от 3000 до 20 000 руб. ежемесячно). Однако в номинальном выражении наибольшие суммы на поддержание собственного здоровья были затрачены респондентами, охарактеризовавшими свое здоровье как хорошее (3,0% представителей данной группы расходовали в месяц от 20 000 до 40 000 руб.).

Лукьянова А. Л.

СМЕНА РАБОТЫ И РОСТ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ

Для многих работников решение о смене места работы является очень важным жизненным выбором, а случае вынужденного увольнения — и жизненным испытанием. Как правило, работу меняют всего несколько раз на протяжении трудовой жизни. С позиций экономической теории последствия трудовой мобильности могут быть очень неоднозначны. С одной стороны, при смене места работы работник теряет некоторую часть своего человеческого капитала — те специфические навыки и знания, которые приносили отдачу только у прежнего работодателя. Эти косвенные затраты нередко бывают сопоставимы или превышают прямые издержки трудовой мобильности. С другой стороны, индивид может перейти на более подходящую для себя работу — более интересную, позволяющую в большей степени реализовать свои способности, более полно использовать имеющиеся знания и навыки, дающую больше возможностей для профессиональной карьеры, то есть такую работу, на которой его производительность будет существенно выше, чем прежде. Подобная проблема выбора, по существу, возникает при появлении всякого нового предложения о работе.

Российский рынок труда характеризуется высоким уровнем мобильности. По интенсивности оборота рабочей силы Россия намного превосходит подавляющее большинство переходных экономик. Показатели найма персонала оставались высокими на протяжении всего переходного периода, в том числе во время трансформационного кризиса 1990-х годов. Начало экономического роста в первой половине 2000-х годов дало новый толчок усилению трудовой мобильности. Средняя продолжительность специфического стажа снизилась к концу 2000-х годов до 6,9 лет¹, что существенно ниже, чем в европейских странах², хотя и выше, чем

¹ Капелюшников Р. И., Лукьянова А. Л. Трансформация человеческого капитала в российском обществе (на базе «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения»). Москва: Фонд «Либеральная миссия», 2010.

² В 2012 г. средняя продолжительность специфического стажа составляла 11,5 лет в Германии, 12,0 лет во Франции, 9,4 лет в Великобритании, 10,5 лет в Чешской Республике, 8,3 в Латвии (OECD Statistics Database: [сайт]. URL: <http://stats.oecd.org/> (дата обращения: 24.04.2015)).

в США¹. Подавляющая часть трудовой мобильности в России является добровольной. Добровольная смена места работы доминировала даже в периоды кризисов и высокой безработицы.

Эмпирические работы по трудовой мобильности приходят к однозначному выводу о том, что добровольная смена места работы дает мощный толчок росту заработков². Сменившие место работы имеют больше шансов получить значительную прибавку к заработной плате в денежном выражении, а также переместиться вверх по зарплатной лестнице относительно других работников. Наоборот, те, кто оставался на своих рабочих местах, теряют в заработках. В отличие от большинства западных стран даже вынужденные увольнения не отражаются на последующих заработках³. Хотя в случае вынужденных увольнений положение работников все же ухудшается — «худеют» их социальные пакеты, и новая работа чаще оказывается неформальной⁴. С. Рошин и А. Слесарева, изучая влияние мобильности на заработки молодых работников, показывают, что в России, как в других странах, интенсивность трудовой мобильности затухает с возрастом (Рошин, Слесарева, 2012). Оценивая отдачу от мобильности с точки зрения повышения заработной платы, авторы уточняют, что положительный эффект достигается только при небольшом количестве перемещений: заработки росли только у тех молодых работников, которые сменили 1–2 места работы в течение четырех лет.

Впрочем, есть основания полагать, что большая часть имеющихся оценок эффекта мобильности, сделанных по российским данным, являются завышенными, по крайней мере, по двум причинам. Почти все предшествующие оценки масштабов мобильности базировались на данных обследований, проводившихся один раз год. Оценки по таким данным могут искажать истинные масштабы мобильности, поскольку они не позволяют в полной мере учесть краткосрочные и сезонные работы.

В этой работе используются данные специального модуля по мобильности, проводившегося в 2008 г. в качестве дополнения к 17-му раунду Российского мониторинга экономики и здоровья населения (РМЭЗ-ВШЭ). Эти данные позволяют восстановить полные трудовые биографии респондентов с января 2003 по сентябрь 2008 г. Эти данные использовались ранее для изучения последствий вынужденных увольнений⁵, но не применялись для изучения трудовой мобильности в более широком контексте. В этой работе мы оцениваем масштабы мобильности в 2003–2008 г. одновременно по данным дополнительного модуля и по данным

¹ По данным бюро цензов США, в 2012–2014 г. медианная продолжительность специфического стажа составила 4,6 года (Employee Tenure in 2014 // Bureau of Labor Statistics. U.S. Department of Labor: News Release. September 18, 2014. URL: <http://www.bls.gov/news.release/pdf/tenure.pdf> (дата обращения: 24.03.2015)).

² Мальцева И. О. Трудовая мобильность и стабильность: насколько высока отдача от специфического человеческого капитала в России? : Препринт WP15/2007/01 / Гос. Ун-т «Высшая школа экономики». М.: ИД ВШЭ, 2007; Лукьянова А. Л. Чьи заработки растут быстрее: мобильность по относительным заработным платам в России (2000–2005 г.). // Экономический журнал ГУ-ВШЭ. 2009. №2. С. 217–242.

³ Lehmann, H., Muravyev, A., Razzolini, T., Zaiceva, A. The Wage and Non-wage Costs of Displacement: Evidence from Russia. Higher School of Economics, Moscow, Working paper WP3/2011/07.

⁴ Lehmann, H., Razzolini, T., Zaiceva A. Job Separations, Job Loss and Informality in the Russian Labor Market. Higher School of Economics, Moscow, Working paper WP3/2012/01.

⁵ Lehmann, H., Muravyev, A., Razzolini, T., Zaiceva, A. Op. cit; Lehmann, H., Razzolini, T., Zaiceva A. Op. cit; OECD Statistics Database: [сайт]. URL: <http://stats.oecd.org/> (дата обращения: 24.04.2015).

регулярных обследований РМЭЗ-ВШЭ, что позволит сравнить результаты и выявить достоинства и недостатки каждого источника данных с точки зрения их использования для оценки масштабов трудовой мобильности.

Работа организована следующим образом. После описания данных специального дополнительного модуля РМЭЗ-ВШЭ 2008 г., посвященного мобильности, следуют разделы, содержащие дескриптивный анализ масштабов мобильности и прироста заработных плат мобильных и немобильных работников. В этих разделах мы сопоставляем оценки, полученные на основе дополнительного модуля и регулярных обследований РМЭЗ-ВШЭ. В завершающей части работы обобщаются основные выводы исследования и намечаются перспективные направления дальнейших исследований.

Описание данных

В настоящем исследовании используются данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (РМЭЗ-ВШЭ). РМЭЗ-ВШЭ – это единственное в России репрезентативное панельное обследование домашних хозяйств, которое проводится начиная с 1992 г. Ежегодно в рамках обследования опрашивается примерно 10–15 тыс. респондентов.

В 2008 г. анкета РМЭЗ-ВШЭ была дополнена специальным модулем, посвященным проблемам трудовой мобильности. В этом модуле задавались вопросы ретроспективного характера о занятости индивидов в предшествующие 5–6 лет, начиная с января 2003 г. Эти данные позволяют реконструировать трудовые биографии индивидов за период с 2003 по 2008 г., что выгодно отличает эти данные от всех других доступных источников. Базовая анкета РМЭЗ-ВШЭ позволяет отслеживать индивидов в течение нескольких лет, но дает только годовые «срезы» данных, своего рода моментальные фотографии на момент опроса. Из ответов на вопросы базовой анкеты можно лишь частично и очень примерно восстановить, что происходило с индивидом между двумя годовыми опросами. Поэтому можно уверенно сказать, что все предшествующие исследования мобильности по данным РМЭЗ-ВШЭ недооценивали истинные масштабы мобильности, поскольку они не позволяют в полной мере учесть краткосрочные (продолжительностью менее 1 года) и сезонные работы. В дополнительном модуле мы имеем последовательную информацию обо всех работах и периодах незанятости респондентов на протяжении почти шести лет, что дает уникальные возможности для изучения трудовой мобильности.

В качестве основного массива данных в работе используются данные дополнительного модуля 2008 г., из которых мы искусственно воссоздали ежемесячную панель продолжительностью с января 2003 по сентябрь 2008 г. Реальные панельные данные использовались для сравнения показателей мобильности и зарплатных последствий мобильности по разным источникам.

В исходных данных дополнительного модуля для каждого респондента фиксировался год и месяц начала и окончания каждой работы и периодов незанятости между работами, если таковые наблюдались в течение рассматриваемого периода. По каждой работе собирались данные о характеристиках рабочего места (долж-

ность, тип найма, тип трудового контракта, льготы), работодателя (юридический статус, размер, форма собственности), членстве в профсоюзе, продолжительности рабочего времени, размерах заработной платы и премий на момент начала работы¹. Для завершившихся работ также имеется информация о характеристиках работы, заработной плате, продолжительности рабочего времени и др. на момент увольнения, причинах увольнения и причинах незанятости в последующий период (если индивид был не занят). Для периодов незанятости информация более скудная — данные позволяют выделить зарегистрированных безработных, сроки получения и размеры пособий по безработице. Дополнительно респондентам задавались вопросы о заработках и продолжительности рабочего времени в марте, июне, сентябре и декабре каждого года, начиная с 2003 г.

Всего в обследовании РМЭЗ-ВШЭ в 2008 г. принимали участие 14 026 человек, включая детей. Из них 7984 человека ответили на вопросы анкеты модуля по мобильности — у этих индивидов была хотя бы одна работа на протяжении периода с января 2003 г. до момента опроса в 2008 г. Респонденты, у которых не было работы в указанный период, на вопросы из дополнительного модуля анкеты не отвечали. Выборка была ограничена теми индивидами, кому уже исполнилось полных 16 лет на начало 2003 г., т. е. индивидами 1986 г. рождения и старше. За счет этого условия объем выборки дополнительного модуля сократился еще на 467 наблюдений.

Данные дополнительного модуля, безусловно, не свободны от недостатков. Во-первых, мы наблюдаем только основную работу респондентов. Дополнительные работы, скорее всего, характеризуются более высоким непостоянством. Однако это ограничение присуще практически всем работам по мобильности. Во-вторых, данные охватывают очень ограниченный временной промежуток — чуть менее 6 лет. Весь этот интервал пришелся на период экономического роста, поэтому полученные результаты можно лишь с известной долей условности экстраполировать на более поздние периоды.

Третье и самое главное ограничение состоит в том, что все данные о прошлых работах фиксировались со слов респондентов. Поэтому, учитывая длительный период ретроспекции, в базе довольно много проблемных наблюдений и лишь для части из них можно найти какое-то удовлетворительное решение. Некоторые периоды в данных не были однозначно идентифицированы как эпизоды работы или незанятости. Мы полностью удалили 80 наблюдений, по которым имелся хотя бы один неопределенный период. Еще 16 наблюдений были удалены, так как для них невозможно было определить точное время начала или окончания хотя бы одного из периодов либо индивиды начали свою трудовую деятельность после сентября 2008 г.² Таким образом, мы имеем полные данные о продолжительности периодов работы и незанятости для 7421 респондентов — это 16 725 эпизодов работы/незанятости. Именно эту выборку мы будем использовать для описания трудовой мобильности. В [таблице 1](#) в представлено описание основных социально-демографических характеристик этой выборки по состоянию на момент опроса в 2008 г.

¹ Для работ, начавшихся до 2003 г., все характеристики фиксировались по данным на январь 2003 г.

² В рамках 17-го раунда РМЭЗ-ВШЭ интервью с респондентами проводились в период с октября 2008 по январь 2009 г. Для того, чтобы период наблюдения был одинаковым для всех индивидов, мы «обрезали» верхнюю границу рассматриваемого периода сентябрем 2008 г.

Таблица 1

Выборка респондентов, РМЭЗ-ВШЭ, 2008 г.

	Данные дополнительного модуля	Данные регулярных обследований – сбалансированная панель	Данные регулярных обследований – кросс-секционные данные
Средний возраст, лет	41,9	44,5	40,6
Мужчин, %	48,5	46,8	49,5
В браке, %	70,7	70,4	71,0
Тип населенного пункта, %			
Областной центр	44,4	36,4	44,5
Город	29,1	31,7	29,9
ПГТ	5,2	6,5	5,2
Село	21,3	25,5	20,4
Образование, %			
0–6 классов	0,4	0,7	0,2
Неполное среднее	11,3	12,6	9,9
Полное среднее	33,1	35,7	33,0
Среднее профессиональное	28,6	27,1	28,5
Высшее	26,7	23,8	28,3
Число наблюдений	7421	3751	6355

Примечание. Исключены индивиды, родившиеся позднее 1986 г. Колонки (2) и (3): в выборку включены только те индивиды, которые имели хотя бы одну работу в период с января 2003 по сентябрь 2008 г. Колонка (4): все индивиды, занятые в 2008 г. Все характеристики – по состоянию на момент опроса в 2008 г.

Для целей данного исследования особенно важно получить максимально достоверные данные о заработках. В дополнительном модуле по каждой работе задавались вопросы о заработной плате и продолжительности рабочего времени на момент начала и окончания. Для тех работ, которые начались до 2003 г., имеются данные о заработках и рабочем времени в январе 2003 г.

О том, как менялись заработки во время работ, можно судить по двум источникам. Прежде всего, это данные из самого дополнительного модуля по мобильности, где респонденты указывали свои заработки и продолжительность рабочего времени в марте, июне, сентябре и декабре каждого года. К сожалению, эти данные весьма приблизительны.

В качестве еще одного источника данных о заработных платах можно использовать данные из регулярного обследования РМЭЗ-ВШЭ. Во всех раундах РМЭЗ-ВШЭ 2003–2008 г. респондентам задавался следующий вопрос: «Скажите, пожалуйста, за последние 12 месяцев какова была Ваша среднемесячная зарплата на этом предприятии после вычета налогов – независимо от того, платят Вам ее вовремя или нет? Если Вы работаете на этом предприятии меньше 12 месяцев, то какова была Ваша среднемесячная зарплата за то время, что Вы работаете?». В анкету каждого раунда был также включен вопрос о средней продолжительности рабочей недели. Мы использовали эти вопросы для того, чтобы построить

альтернативную динамику заработков и рабочего времени за изучаемый период¹. В соответствии с нашими расчетами, за 2003—2007 г. хотя бы один раз участвовали обследовании и сообщили положительные заработки около 80% от общего числа респондентов из дополнительного модуля. Используя ответы респондентов о среднемесячных заработках за прошлый год, мы заполнили данные о месячных заработках за 12 месяцев до момента проведения опроса либо за все месяцы, прошедшие с предшествующего раунда, если интервал между двумя раундами обследования составлял для данного индивида менее 12 месяцев. Для респондентов, которые работали менее 12 месяцев у своего текущего работодателя, месячные заработки вменялись только за месяцы фактической работы у данного работодателя. Выборка, содержащая информацию по заработным платам и рабочему времени, заметно меньше, чем та выборка, которую мы построили для изучения масштабов мобильности.

Масштабы мобильности: дескриптивный анализ

Основное достоинство данных дополнительного модуля состоит в том, что они позволяют оценить реальные масштабы мобильности в 2003—2008 г. Все предшествующие оценки масштабов мобильности базировались на данных регулярных обследований РМЭЗ-ВШЭ, которые проводятся один раз год. Оценки по таким данным, скорее всего, занижают масштабы мобильности, так как упускают значительную часть краткосрочных работ. Анкета дополнительного модуля построена таким образом, чтобы отследить все смены работы и периоды незанятости. Впрочем, в ней также есть ограничения, связанные с забывчивостью индивидов. Не исключено, что при ответах на ретроспективные вопросы указывали не все работы, в частности, забывали упомянуть о работах малой продолжительности и тех работах, на которых они трудились неформально. Поэтому в этом разделе мы сначала сравним показатели мобильности, рассчитанные по данным дополнительного модуля и данным регулярных обследований по обычному опроснику РМЭЗ-ВШЭ.

Альтернативные оценки масштабов мобильности

К сожалению, из данных регулярных обследований можно извлечь лишь небольшое число сопоставимых показателей. Это средняя и медианная продолжительность специфического трудового стажа, доля работников со стажем менее 1 года и доля работников, сменивших работу по сравнению с предшествующим годом. Мы попытаемся выяснить, как вели себя эти показатели в выборках, построенных по разным критериям на базе регулярных обследований РМЭЗ-ВШЭ за 2003—2008 г. Всего было построено 4 выборки:

¹ Пропуски, имевшиеся в этой переменной, заполнялись на основе ответов на вопрос о заработках и продолжительности рабочего времени за последние 30 дней. Однако общее число заполненных таким образом пропусков составило около 10% наблюдений по заработной плате и менее 1% по продолжительности рабочего времени.

1. *Сбалансированная панель.* Это выборка, которая включает в себя индивидов, которые участвовали во всех без исключения раундах регулярного обследования в 2003–2008 г. и удовлетворяют тем же критериям, которые мы наложили на выборку дополнительного модуля. Точнее, в сбалансированную панель были включены индивиды, родившиеся не позднее 1986 г. и имевшие хотя бы одну работу с 2003 по 2008 г. Чтобы определить работал ли индивид на протяжении рассматриваемого периода, мы использовали несколько вопросов. Во-первых, были исключены все респонденты, которые в обследовании 2008 г. утверждали, что никогда не имели работы либо ушли с последней работы до января 2003 г. Во-вторых, были исключены те, кто не имел работы ни в один из раундов и не ответил на вопрос о том, когда они ушли с последнего места работы. В-третьих, были исключены индивиды, которые хотя бы в одном из раундов не смогли ответить на вопрос о том, была ли у них работа на момент опроса. Эти требования оказались очень жесткими – им удовлетворяет не более трети всех участников обследований РМЭЗ-ВШЭ за указанный период. Это связано как с уходом индивидов из обследования, которое очевидно носит неслучайный характер, так и с «ремонт» выборки организаторами обследования. Ремонт выборки выражается во включении в каждое последующее обследование новых респондентов. В результате в сбалансированной панели осталось 3751 человек. По этой панели можно рассчитать максимальное количество показателей, сопоставимых с показателями дополнительного модуля.

2. *Несбалансированная панель.* Это выборка, которая включает в себя всех индивидов, которые одновременно в обследовании по дополнительному модулю и хотя бы в одном из раундов регулярного обследования в 2003–2008 г. Преимущество этой выборки состоит в том, что мы имеем возможность сравнить ретроспективные ответы участников дополнительного модуля с их фактическими «показаниями» за соответствующие годы.

3. *Данные регулярных обследований РМЭЗ-ВШЭ за 2003–2008 г. по индивидам, родившимся не позднее 1986 г. и занятым на момент обследования.* В данном случае мы используем данные РМЭЗ-ВШЭ как обычные кросс-секционные данные, поэтому эти оценки можно считать оценками для соответствующей генеральной совокупности.

4. *Предыдущая выборка, но без ограничений по возрасту.* Эти данные отражают изменение показателей мобильности в целом по РФ.

В [таблице 1](#) приводится сравнение основных социально-демографических характеристик для дополнительного модуля и сбалансированной панели¹. Между двумя выборками почти нет различий по гендерному составу и семейному положению. В то же время выборка из сбалансированной панели явным образом смещена в сторону старших возрастов, сельских жителей и лиц с более низким уровнем образования. Для сравнения мы приводим в [таблице 1](#) характеристики всем занятым индивидам из той же возрастной группы на момент обследования 2008 г. (третья выборка в приведенном выше списке). Видно, что сбалансированная панель сильнее отличается по своим характеристикам от этой выборки, несмотря на то, что

¹ Описательные статистики для несбалансированной панели не приводятся в [таблице 1](#), потому что для 2008 г. они совпадают с результатами для дополнительного модуля.

в сбалансированной панели в 2008 г. были заняты 81% респондентов. Выборка дополнительного модуля по своему составу значительно ближе к выборке занятого населения, несмотря на то, что уровень занятости в ней для 2008 г. составляет 85%.

Одним из базовых показателей, характеризующих трудовую мобильность, является средняя продолжительность специфического трудового стажа (см. таблицу 2). Для данных дополнительного модуля специфический стаж рассчитывался по вопроснику этого модуля от даты начала текущей работы до сентября 2008 г. Для всех остальных колонок мы опирались на вопрос из стандартного опросника о том, с какого года и какого месяца респондент работает у своего текущего работодателя (только для работы, которую индивид называет своей основной работой). Наиболее показательное сравнение колонок (2) и (5), то есть расчетов по данным дополнительного модуля и кросс-секционных оценок за тот же год по занятому населению тех же возрастов. Мы видим, что оценки продолжительности специфического стажа по данным дополнительного модуля являются завышенными, особенно для первых лет рассматриваемого периода, смещение составляет в среднем 0,5 года. К тому же в данных дополнительного модуля четко прослеживается нисходящий тренд, которого нет в кросс-секционных данных. Нисходящий тренд выглядит контринтуитивно на фоне старения выборки, которое в нормальных условиях предполагает – при прочих равных – наличие восходящего тренда. Это может означать, что индивиды склонны забывать о работах малой продолжительности и объединять те периоды, в которые они имели эти работы, с последующими более стабильными работами. Чем дальше отстоят рассматриваемые периоды от момента обследования, тем выше вероятность того, что индивид вспомнит краткосрочные периоды занятости. Но в целом на глубине до 5 лет ретроспективные вопросы из анкеты дополнительного модуля дают достаточно близкие к регулярным обследованиям оценки продолжительности специфического стажа.

Таблица 2

Средняя продолжительность специфического трудового стажа, в годах

Год	Данные дополнительного модуля	Данные регулярных обследований – (сбалансированная панель)	Данные регулярных обследований – выборка дополнительного модуля (несбалансированная панель)	Данные регулярных обследований – кросс-секционные данные	Данные регулярных обследований – кросс-секционные данные (без ограничений по возрасту)
1	2	3	4	5	6
2003	8,1	8,4	8,1	7,2	7,2
2004	8,1	8,6	7,9	7,5	7,4
2005	7,8	8,5	7,8	7,4	7,4
2006	7,7	8,6	7,8	7,3	7,2
2007	7,7	8,6	7,8	7,3	7,0
2008	7,6	8,7	7,9	7,8	7,3

Примечание. Колонки (2)–(5): исключены индивиды, родившиеся позднее 1986 г. Колонки (2)–(4): в выборку включены только те индивиды, которые имели хотя бы одну работу в период с января 2003 по сентябрь 2008 г.; результаты – для всех респондентов по данным на декабрь каждого года (сентябрь – для 2008 г.). Колонки (5)–(6): все занятые на момент обследования, результаты – по данным на момент обследования (для большинства – ноябрь).

Из [таблицы 2](#) также видно, что ограничение выборки по возрасту начинает играть заметную роль, только когда различия между нижней возрастной границей в выборках достигает 5–6 лет (срав. колонки (5) и (6)). В то же время сбалансированная панель, построенная на основе регулярных обследований, сильно искажает оценки специфического стажа. Расхождения составляют 1,1–1,3 года. Это происходит из-за того, что в сбалансированной панели больше индивидов старших возрастов, поскольку для молодых участников выше вероятность выпасть из обследования. Оценки, представленные в колонке (4), также смещены из-за неравномерного истощения выборки, учитывая, что в эту выборку входили только те, кто участвовал в обследовании 2008 г. (по анкете дополнительного модуля) и в обследовании того года, который показан в [таблице](#)¹. Однако близость оценок, полученных таким способом, к оценкам по данным дополнительного модуля (расхождение не превышает 0,2 года) может служить дополнительным свидетельством в пользу достоверности расчетов по данным дополнительного модуля. По-видимому, респонденты более внимательно отвечали на вопросы специализированного опросника и для 2008 г. данные дополнительного модуля являются более достоверными.

По медианной продолжительности специфического стажа отклонения данных дополнительного модуля от соответствующих кросс-секционных оценок заметно меньше (см. [таблицу 3](#)). Они составляют от 0 до 0,7 года. При этом медианная продолжительность специфического стажа демонстрирует тенденцию к росту, что и следовало ожидать от стареющей выборки.

Таблица 3

Медианная продолжительность специфического трудового стажа, в годах

Год	Данные дополнительного модуля	Данные регулярных обследований – (сбалансированная панель)	Данные регулярных обследований – выборка дополнительного модуля (несбалансированная панель)	Данные регулярных обследований – кросс-секционные данные	Данные регулярных обследований – кросс-секционные данные (без ограничений по возрасту)
1	2	3	4	5	6
2003	3,8	4,6	4,3	3,5	3,5
2004	3,8	4,8	4,2	3,8	3,8
2005	3,8	4,7	4,1	3,8	3,7
2006	4,0	4,9	4,3	3,8	3,6
2007	4,5	5,0	4,3	3,8	3,4
2008	4,4	5,3	4,6	4,5	4,0

Примечание. Колонки (2)–(5): исключены индивиды, родившиеся позднее 1986 г. Колонки (2)–(4): в выборку включены только те индивиды, которые имели хотя бы одну работу в период с января 2003 по сентябрь 2008 г.; результаты – для всех респондентов по данным на декабрь каждого года (сентябрь – для 2008 г.). Колонки (5)–(6): все занятые на момент обследования, результаты – по данным на момент обследования (для большинства – ноябрь).

¹ Другие возможные причины расхождений включают использование разных вопросов и календарные эффекты (в регулярных обследованиях интервью с респондентами проводятся с сентября по январь следующего года, для данных дополнительного модуля мы использовали декабрь для 2003–2007 г. и сентябрь – для 2008 г.).

По двум другим показателям расхождения с данными регулярных обследований более значительны, причем данные регулярных обследований указывают на более высокий уровень мобильности. В таблице 4 приведены оценки доли работников со специфическим стажем менее 1 года. Во всех кросс-секционных выборках, за исключением 2008 г., эти оценки выше, чем для дополнительного модуля. Даже в сбалансированной панели для большинства лет доля работников с коротким стажем выше, чем в данных дополнительного модуля. Кроме того, оценки по данным дополнительного модуля более волатильны. Например, невозможно объяснить резкое снижение показателя в 2004 г., скорее всего, это статистический артефакт. Неожиданно выглядит и рост доли работников с коротким специфическим стажем в 2008 г., тогда как в других выборках она демонстрировала снижение, что вполне ожидаемо на фоне начавшегося тогда глобального экономического кризиса. Следует, однако, учитывать, что данные дополнительного модуля были «обрезаны» по состоянию на сентябрь 2008 г., когда негативные последствия кризиса могли еще не проявиться. Оценки из этой таблицы подтверждают, что в данных дополнительного модуля действительно есть проблема с учетом работ малой продолжительности.

Таблица 4

Доля работников со специфическим трудовым стажем менее 1 года, %

Год	Данные дополнительного модуля	Данные регулярных обследований (сбалансированная панель)	Данные регулярных обследований – выборка дополнительного модуля (несбалансированная панель)	Данные регулярных обследований – кросс-секционные данные	Данные регулярных обследований – кросс-секционные данные (без ограничений по возрасту)
1	2	3	4	5	6
2003	21,7	21,1	22,2	26,3	26,4
2004	16,8	20,8	23,2	25,0	25,3
2005	18,8	20,9	22,2	23,7	24,4
2006	18,6	19,2	21,9	24,2	25,4
2007	18,1	19,8	20,6	22,5	24,8
2008	20,1	18,7	19,0	19,4	22,4

Примечание. Колонки (2)–(5): исключены индивиды, родившиеся позднее 1986 г. Колонки (2)–(4): в выборку включены только те индивиды, которые имели хотя бы одну работу в период с января 2003 по сентябрь 2008 г.; результаты – для всех респондентов по данным на декабрь каждого года (сентябрь – для 2008 г.). Колонки (5)–(6): все занятые на момент обследования, результаты – по данным на момент обследования (для большинства – ноябрь).

Данные дополнительного модуля недооценивают и частоту смены работы работающими индивидами (см. таблицу 5). При построении показателя доли сменивших работу по сравнению с предшествующим годом для дополнительного модуля мы использовали данные о специфическом стаже и наличии работы в декабре предшествующего года, для всех остальных выборок прямые ответы респондентов на вопрос о том, сменили ли они работу по сравнению с ноябрем предшествующего года, из обычного опросника РМЭЗ-ВШЭ. Сразу следует отметить, что ответы на вопрос о смене места работы из обычного опросника, скорее всего, дают завышенные оценки – среди респондентов, отвечающих положительно на этот вопрос, есть

и те, кто не имел работы в предшествующем году. Действительно, если мы ограничим выборку теми, кто достоверно работал на дату предшествующего обследования (по данным обследования предшествующего года), то мы получим оценки примерно на 3 процентных пункта ниже исходных. Эти оценки представлены после наклонной черты в колонках (5) и (6). Но даже после этой корректировки оценки мобильности между работами оказываются заметно ниже в данных дополнительного модуля.

Таблица 5

Доля работников, сменивших работу по сравнению с предшествующим годом, %

Год	Данные дополнительного модуля	Данные регулярных обследований (сбалансированная панель)	Данные регулярных обследований – выборка дополнительного модуля (несбалансированная панель)	Данные регулярных обследований – кросс-секционные данные	Данные регулярных обследований – кросс-секционные данные (без ограничений по возрасту)
1	2	3	4	5	6
2003	-	-	13,7	16,3 / -	16,3 / -
2004	10,2	11,4	14,6	16,2 / 13,3	16,2 / 13,3
2005	11,9	12,1	15,0	16,2 / 13,2	16,3 / 13,3
2006	12,3	12,1	15,3	16,9 / 14,3	17,0 / 14,4
2007	11,9	11,9	14,9	16,5 / 14,0	16,7 / 14,5
2008	11,1*	11,8	13,4	13,6 / 12,5	13,9 / 13,0

*За 9 месяцев 2008 г. В колонках (5) и (6) через наклонную черту – значение показателя после проверки условия, что человек имел работу в предшествующем раунде.

Примечание. См. примечание к таблице 2. Учитываются только те, кто сменил работу, т. е. те кто год назад работал, но на другой работе; те, кто не имел работы год назад не учитываются.

Таким образом, из сравнения дополнительного модуля с другими источниками данных можно сделать вывод о том, что ретроспективные вопросы не позволяют восстановить полную картину мобильности. Индивиды склонны забывать те работы, на которых они трудились недолго. Вместе с тем анкета дополнительного модуля дает существенно больше инструментов для изучения мобильности – по ней может быть рассчитано намного больше показателей мобильности, чем по данным регулярных обследований РМЭЗ-ВШЭ (см. следующий раздел). Для регулярных обследований РМЭЗ-ВШЭ расширить круг рассматриваемых показателей можно только если обратиться к сбалансированной панели, которая, как мы видели, тоже систематически занижает оценки мобильности. Поэтому дополнительный модуль может использоваться для изучения мобильности, но при этом нужно отдавать себе отчет, что это нижняя граница показателей мобильности.

Масштабы трудовой мобильности по данным дополнительного модуля

Теперь приступим к более подробному описанию результатов, полученных на основе дополнительного модуля. В таблице 6 представлены основные показатели мобильности, рассчитанные по всей выборке для периода с января 2003 по сентябрь 2008 г.

Таблица 6

Показатели мобильности, январь 2003 г. – сентябрь 2008 г.

Общее число работ за период	1,67
Общее число эпизодов незанятости за период	0,59
Общая продолжительность занятости за период, месяцев	55,6
Общая продолжительность незанятости за период, месяцев	12,2
% времени в состоянии занятости	81,9
% тех, кто не имел эпизодов незанятости	57,2
% работавших на одной работе	59,0
- не имевших периодов незанятости	37,0
- имевших период(ы) незанятости	22,0
% работавших на двух или более работах	
- не имевших периодов незанятости	20,2
- имевших период(ы) незанятости	20,9
% вовлеченных в мобильность по статусу занятости	42,9
Продолжительность специфического трудового стажа на конец обследования (сентябрь 2008 г.), лет	7,6
% работников со специфическим стажем менее 1 года на конец обследования (сентябрь 2008 г.)	20,1
Число наблюдений	7421

Примечание. Данные дополнительного модуля по мобильности. В выборку включены только те индивиды, которые имели хотя бы одну работу в период с января 2003 по сентябрь 2008 г. Индивиды, родившие позднее 1986 г., исключены.

В течение рассматриваемого шестилетнего периода работники имели в среднем 1,7 работы. При этом около 60% участников обследования имели одну работу за весь период наблюдения (см. рис. 1). Заметим, что эта группа достаточно разнородна. В нее попадают и те, кто постоянно работал на одном рабочем месте в течение всего рассматриваемого периода, и те, кто не имел работы в начале периода, но потом нашел ее, и, наоборот, те, кто имел работу в начале периода, но потом оставил ее и не нашел новой, и те, кто успел найти и оставить работу в течение периода наблюдения. Поэтому нельзя назвать всех этих индивидов немобильными несмотря на то, что они имели всего одну работу. У части из них мобильность связана со сменой статуса занятости, то есть с переходом в состояние незанятости и/или выходом из состояния незанятости. Немобильными в строгом смысле слова являются 38% респондентов – именно такова доля тех, кто трудился на одном и том же рабочем месте без перерывов в течение 6 лет. Все остальные индивиды, имевшие одну работу (22% от общего числа участников обследования), были вовлечены в мобильность по статусу занятости.

Около четверти участников обследования имели 2 работы в течение этих шести лет. Больше 2 работ имели всего 15% обследованных индивидов, в том числе 5 и более работ – 2,4%. Примерно две трети (64%) из числа тех, кто менял работу (то есть имел 2 и более работы течение периода), переходили напрямую с одного рабочего места на другое. Для остальных хотя бы одна из смен работы была связана с промежуточным периодом незанятости.

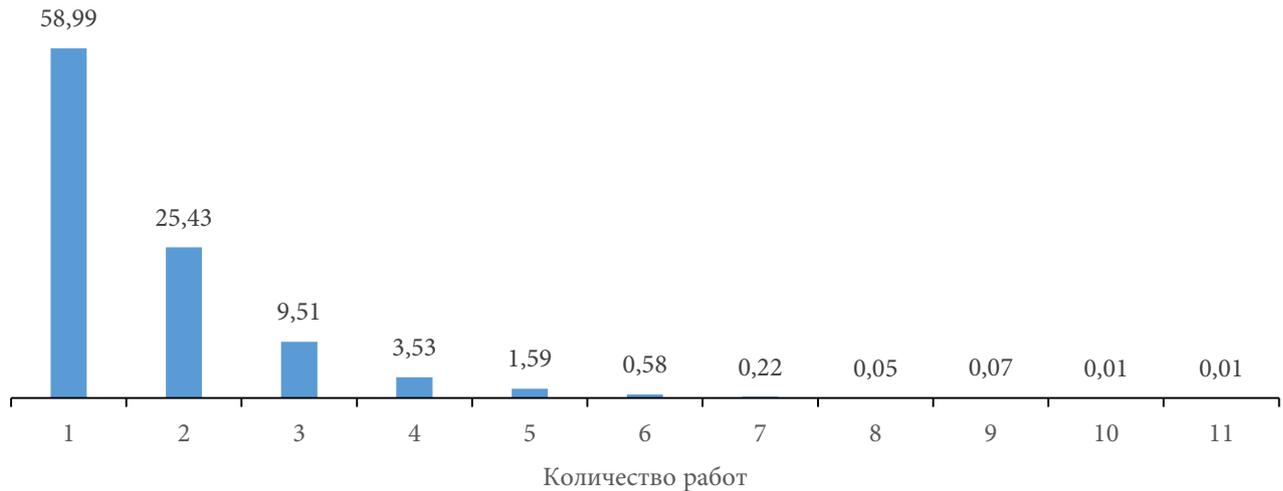

Рис. 1. Распределение по количеству работ в течение периода, %

В целом в мобильность по статусу занятости были вовлечены 43% участников обследования. При этом периоды неактивности были достаточно непродолжительны. Из почти 6 лет периода наблюдения средний работник провел в состоянии незанятости около 1 года, что составляет 18% от общей продолжительности периода наблюдения. Причем сюда включены как периоды незанятости до начала трудовой биографии (для молодых людей), так и периоды незанятости после выхода на пенсию для пожилых людей. Поэтому для подавляющего большинства из тех, кто был в состоянии незанятости, мы видим только один эпизод незанятости (см. рис. 2).

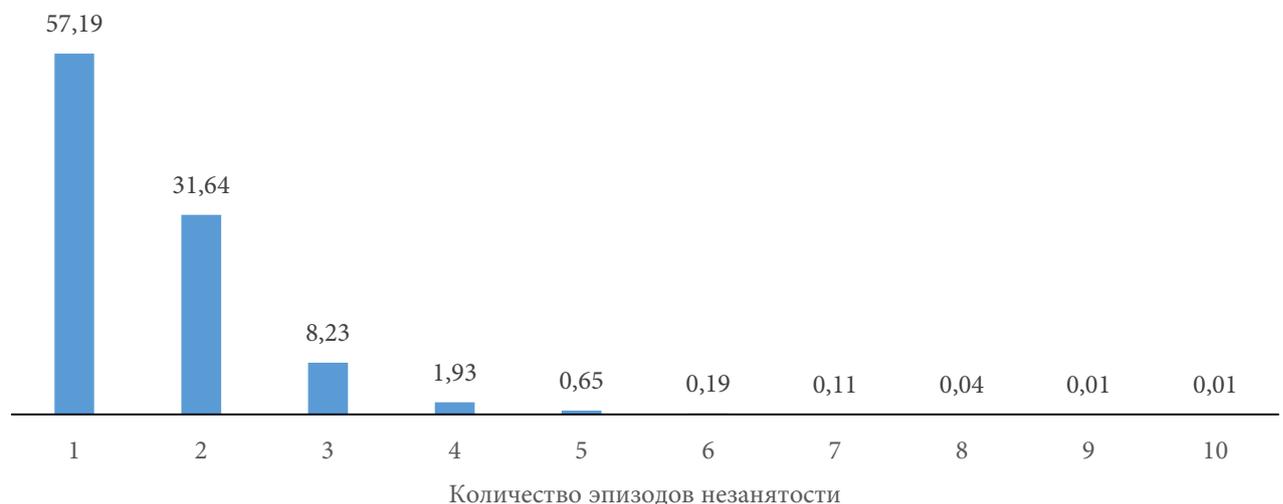

Рис. 2. Распределение по числу эпизодов незанятости в течение периода, %

На рис. 3 показано, насколько неравномерно распределена общая продолжительность занятости. На этом графике на вертикальной оси отложена общая продолжительность занятости в месяцах. Максимально возможная продолжительность занятости составляет 68 месяцев. На горизонтальной оси показана накопленная доля индивидов, имеющих соответствующую продолжительность занятость. Так, 57% респондентов – все не вовлеченные в мобильность по статусу занятости – находились в состоянии занятости на протяжении всего рассматрива-

емого периода. В то же время 16–17% респондентов работали не более половины периода, в том числе 11–12% – не более двух лет, а 6% респондентов – не более одного года.

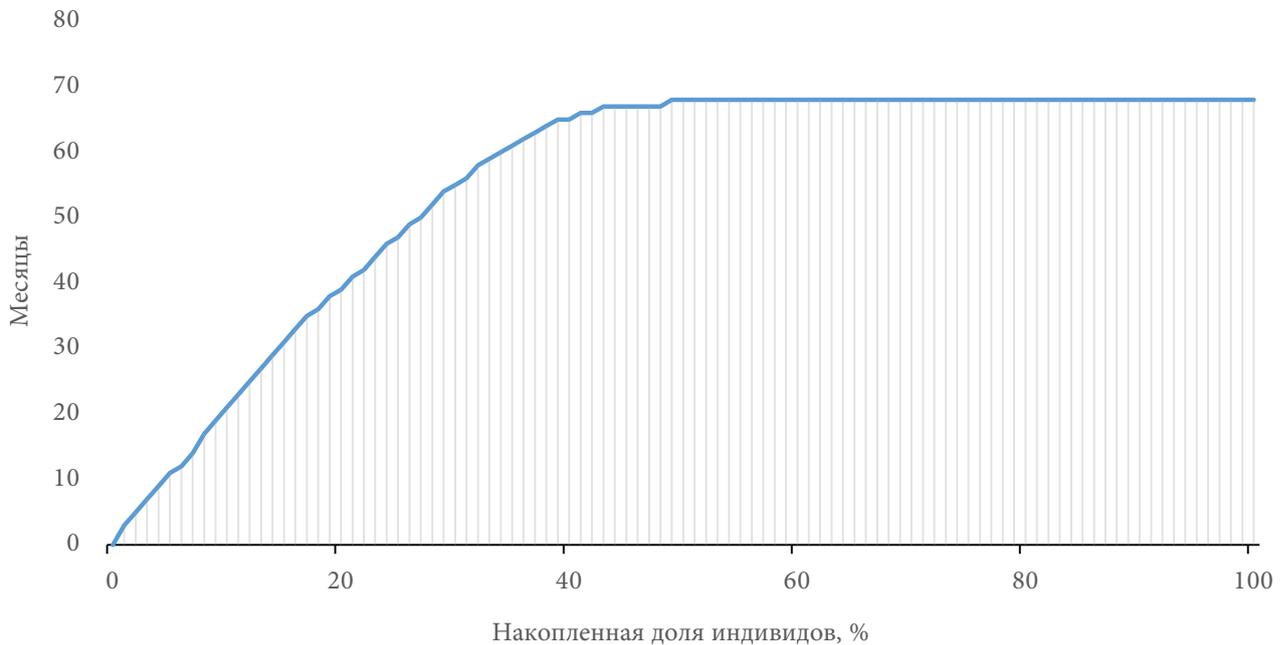

Рис. 3. Общая продолжительность занятости за весь период, в месяцах (максимум = 68 месяцев)

Как происходит смена места работы

Еще один вопрос, на который хотелось бы ответить в рамках дескриптивной части анализа, состоит в том, как происходит смена места работы. По каким причинам люди меняют работу? Какой продолжительности были интервалы незанятости между двумя последовательными работами? Вопрос о том, какую выгоду работники получают от смены работы, будет рассмотрен в следующем разделе.

В анкете дополнительного модуля выделялось 26 причин увольнений. Мы объединили их в 3 группы (в таблице 7 приводятся формулировки причин увольнения в анкете и их принадлежность выделенным группам):

1. Вынужденные увольнения. К этой группе относятся увольнения по инициативе работодателя, в связи с сокращением штатов, банкротством, реорганизацией, закрытием предприятия и т. п.

2. Увольнения по собственному желанию. Это самая широкая группа причин. Сюда входят увольнения, связанные с окончанием срочных трудовых договоров, выходом на пенсию, началом учебы, уходом в армию, различными семейными обстоятельствами, а также с переходом на другую работу.

3. Увольнения по другим причинам.

Таблица 7

Группировка причин увольнения

№ в анкете	Причины увольнения, перечисленные в анкете дополнительного модуля	В работе
1	Заккрытие предприятия, организации	Вынужденные увольнения
2	Переезд предприятия, организации	
3	Реорганизация предприятия, организации	
4	Банкротство предприятия, организации	
5	Приватизация предприятия, организации	
6	Увольнение по инициативе работодателя	
7	Сокращение штатов	
8	Окончание срока контракта, договора	Увольнения по собственному желанию
9	Окончание испытательного срока	
10	Ушел в армию	
11	В связи с ухудшением здоровья	
12	В связи с учебой	
13	В связи с выходом на досрочную пенсию	
14	В связи с выходом на пенсию по возрасту	
15	В связи с замужеством, женитьбой	
16	В связи с выходом в декретный отпуск или отпуск по уходу за ребенком до 3 лет	
17	В связи с необходимостью ухаживать за кем-либо из членов семьи	
18	В связи с переменой места жительства	
19	Хотел(а)/предложили большую зарплату	
20	Хотел(а)/предложили лучшие условия труда	
21	Хотел(а)/предложили более интересную работу	
22	Хотел(а) начать/сменить собственный бизнес	
23	Основная работа стала второй работой	
24	Перестал(а) заниматься фермерством, собств. делом	
25	В связи с тюремным заключением	Другие причины
26	По другим причинам	
	Не указали причин увольнения	

У нас есть информация по 6227 работам, завершившимся в период с января 2003 по сентябрь 2009 г. Из них 16,3% завершились по причине вынужденных увольнений, 61,6% – по собственному желанию. Очевидно, что список причин, предложенный разработчиками анкеты, не является исчерпывающим; в перечне, например, отсутствуют увольнения в связи с аттестацией, несоблюдением Трудового Кодекса, задержками заработной платы, усталостью от работы и потерей интереса, конфликтами с руководством и коллегами, увольнения по соглашению сторон и т. д. Возможно, поэтому для большого числа работ – 22,1% – респонденты не смогли или не захотели назвать причины увольнений. Мы выделили этих респондентов в отдельную группу.

Отметим, что в данных дополнительного модуля доля недобровольных увольнений значительно выше, чем в соответствующей статистике Росстата. По оценкам Росстата, доля уволенных в связи с сокращениями по экономическим причинам составляла в этот период от 4 до 6% от общей численности выбывших¹. Столь большие расхождения могут объясняться несколькими причинами. Во-первых, статистика Росстата базируется на данных крупных и средних предприятий, в то время как выборка РМЭЗ-ВШЭ охватывает работников всех типов предприятий, а также занятых вне предприятий и организаций. Сегмент крупных и средних предприятий представляет собой уже сложившиеся и достаточно устойчивые бизнесы. Напротив, сектор малых предприятий и некорпорированного бизнеса по своей природе менее устойчив. Среда его существования более конкурентная. Он более чувствителен к институциональным изменениям и экономическим шокам. Микро-бизнесы возникают и исчезают, соответственно, создаются и ликвидируются рабочие места. Поэтому в выборке с более широким охватом экономики доля вынужденных увольнений всегда будет выше. Две другие причины тесно связаны с первой. На крупных и средних предприятиях лучше контролируется и более полно соблюдается трудовое законодательство, поэтому издержки увольнения в связи с сокращением кадров очень высоки, что заставляет прибегать к официальным сокращениям только в самых крайних случаях. Кроме того, причина увольнения в анкете дополнительного модуля записывалась со слов респондентов. Респондент мог воспринимать увольнение как вынужденное, даже если в кадровой документации оно проходило увольнением по собственному желанию. Если же работник без формального трудового контракта, то его увольнение по инициативе работодателя вообще не найдет отражения в официальной статистике.

На момент увольнения средняя продолжительность специфического стажа составляла 5,4 года (см. таблицу 8). Это больше среднего специфического стажа для всех занятых, что соответствует имеющимся теориям и оценкам в эмпирической литературе. Это означает, что вероятность увольнения выше у работников с низким уровнем специфического человеческого капитала и/или относительно низким качеством мэтчинга. Впрочем, среднее плохо отражает реальное распределение уволенных по продолжительности работы у данного работодателя. Половина работников на момент увольнения имела специфический стаж не более 2,2 года и 75% не более 5,4 года (что совпадает со средним значением). Большие расхождения между средним и медианой складываются за счет того, что сравнительно небольшая доля уволенных имеет очень большой стаж на момент увольнения. Это могут быть, например, работники, выходящие на пенсию. Но только 10% уволенных имели специфический стаж более 15 лет. В то время как 30% оставили работу, проработав не более года.

Продолжительность специфического стажа на момент увольнения зависит от причин увольнения. Уволившиеся по собственному желанию чаще трудились у своих работодателей до увольнения меньше времени, чем те, кто был сокращен или уволен по инициативе работодателей. У сокращенных работников средняя продолжительность специфического стажа на момент увольнения была 1,7 года больше, чем у уволившихся по собственному желанию (медиана — на 0,7 года). Среди сокращенных работников также существенно выше доля людей с большим специфическим стажем.

¹ См.: Труд и занятость в России: Статистический сборник: [Электронное издание] / Федеральная служба государственной статистики. М., 2005, 2007, 2009. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139916801766 (дата обращения: 24.03.2015).

Означает ли это, что при экономических проблемах и реорганизационных изменениях работодатели, в первую очередь, стараются избавиться от сотрудников старшего возраста? Вовсе нет. Среди тех, чье увольнение было вынужденным, преобладают работники с непродолжительным специфическим стажем (до 5 лет). Работники же с большим специфическим стажем сравнительно редко увольняются по собственному желанию, поэтому *относительные* риски быть уволенными по сокращению для них выше, чем для работников, недолго проработавших на предприятиях.

Таблица 8

Продолжительность специфического стажа на момент увольнения, %

	Среднее	Распределение по продолжительности специфического стажа, в годах					N наблюдений
		p10	p25	Медиана	p75	p90	
Все работники	5,4	0,3	0,8	2,2	5,4	15,1	5903
По причинам увольнения							
Вынужденные увольнения	7,0	0,5	1,1	2,9	8,1	21,9	951
По собственному желанию	5,3	0,4	0,8	2,2	5,3	14,3	3640
Другие причины	4,4	0,3	0,6	1,6	4,2	12,0	1312

Примечание. Данные дополнительного модуля по мобильности.

Далеко не все уволенные индивиды возобновили работу после увольнения в течение периода наблюдения. Большинство из них ушли с рынка труда, в том числе вышли на пенсию, поступили в учебные заведения или ушли в отпуск по уходу за ребенком. Другие могли найти новую работу уже после сентября 2008 г. Особенно это касается тех работ, которые завершились незадолго до конца рассматриваемого периода, и эти работы мы уже не видим в данных. В этом смысле наши данные являются цензурированными, и по ним можно оценить лишь нижнюю границу доли нашедших новую работу.

В рассматриваемой выборке уволенных новую работу впоследствии нашли 2335 человек (37,5% от всех уволенных). Причем причина увольнения, похоже, не оказывала решающего влияния на шансы нового трудоустройства. По всем трем группам причин примерно одинаковый процент уволенных (37–40%) успешно нашли новую работу (см. таблицу 9).

Однако уволенные по собственному желанию, как правило, значительно быстрее находят новую работу и чаще переходят напрямую с одной работы на другую, минуя состояние незанятости. Так, около половины уволенных по собственному желанию и впоследствии нашедших работу начали работать на новой работе сразу после увольнения. Среди уволенных по другим причинам таковых чуть больше трети. Логично предположить, что все или почти все эти люди уже имели предложение о новой работе на момент увольнения. Для уволенных по собственному желанию короче и средний срок поиска работы. В этой группе он составляет 3 месяца, тогда как для вынужденных увольнений доходит до 4,5 месяцев¹.

¹ Средний срок нахождения работы в выборке дополнительного модуля существенно ниже, чем средняя продолжительность поиска работы безработными, данные по которой публикует Росстат (для 2003–2008 г. она составляла 8–9 месяцев). В этом нет противоречий, поскольку в таблице 9 мы учитываем только тех, кто нашел работу; для этой группы продолжительность поиска должна быть ниже, чем для всей совокупности безработных.

Длительное время для поиска работы потребовалось сравнительно небольшому числу респондентов. В статистике безработицы длительно безработными принято считать тех, кто ищет работу более 6 месяцев. Среди тех, кто нашел работу после увольнения, больше полугода потребовалось на поиски лишь 18% респондентов, в том числе 15% респондентов уволенных по собственному желанию и 25% после вынужденных увольнений. Более длительные сроки поиска работы распространены еще меньше – через 12 и более месяцев после увольнения к новой работе приступили 8% уволенных респондентов (из числа нашедших работу). Этот результат можно интерпретировать двояко. С одной стороны, короткие сроки поиска работы для большинства нашедших новую работу свидетельствуют об отсутствии серьезных препятствий к трудовой мобильности и более эффективному распределению трудовых ресурсов на российском рынке труда. Впрочем, стоит напомнить, что рассматриваемый период (2003–2008 г.) был периодом высоких темпов экономического роста. С другой стороны, учитывая высокую долю людей покинувших рынок труда, можно предположить и менее оптимистичную трактовку приведенных оценок длительности поиска работы. Возможно, что в российских условиях безработные, не получая поддержки со стороны служб занятости и других посредников, достаточно быстро разочаровываются в возможности нахождения работы и оставляют поиски либо имеют только случайные заработки, которые не считают работой. Скорее всего, обе трактовки имеют право на существование, поскольку группа безработных может быть очень неоднородна и даже поляризована. «Эффективные безработные» могут быстро находить работу, в то время как «неэффективные безработные» уходят с рынка труда. Не исключено, что для «эффективных безработных» доступны и более эффективные каналы поиска работы – частные рекрутинговые компании, профессиональные сообщества и обширные социальные сети.

Таблица 9

Увольнения и поиск работы, январь 2003 г. – сентябрь 2008 г.

	Доля нашедших новую работу, в % от общего числа уволенных	Доля перешедших напрямую с одной работы на другую, в % от общего числа нашедших новую работу*	Средняя продолжительность промежуточных эпизодов незанятости, мес.	Распределение по продолжительности промежуточных эпизодов незанятости, мес.			
				p25	Медиана	p75	p90
Все работники	37,5	44,7 (16,8)	3,4	0	1	4	10
По причинам увольнения							
Вынужденные увольнения	37,4	35,3 (13,2)	4,5	0	1	6	12
По собственному желанию	36,7	50,8 (18,6)	3,0	0	0	2	9
Другие причины	39,7	35,5 (14,1)	3,7	0	1	5	10
N наблюдений	6772		2335				

Примечание. Данные дополнительного модуля по мобильности.

*В скобках: в процентах от общего числа уволенных. Возраст – по состоянию на начало 2003 г.

Мобильность и заработная плата: дескриптивный анализ

Этот раздел мы также начнем с того, что сравним данные по заработным платам из различных источников. В данном случае мы оставили для сравнения две из рассмотренных выше выборки. Это те индивиды, которые участвовали в обследовании дополнительного модуля и хотя бы раз за 2003–2007 г. участвовали в регулярных обследованиях РМЭЗ-ВШЭ (выборка 2 – «несбалансированная панель» из предыдущего раздела). Вторая выборка составлена из респондентов регулярных обследований РМЭЗ-ВШЭ, родившихся не позднее 1986 г. (выборка 3 из предыдущего раздела).

Таблица 10

Заработные платы и продолжительность рабочего времени по разным выборкам

Год	Средняя ЗП в мес., руб.	Средняя продолжительность рабочей недели, часов	Средняя ЗП в час, руб.	Медианная ЗП в мес., руб.	Медианная продолжительность рабочей недели, часов	Медианная ЗП в час, руб.	Число наблюдений
А. Данные дополнительного модуля							
2003	5975	43	141	4200	40	104	5259
2004	6957	43	164	5000	40	125	5426
2005	8137	43	192	6000	40	146	5609
2006	9500	43	224	7000	40	175	5763
2007	11 224	44	265	9000	40	200	5950
2008	13 098	44	310	10000	40	250	6078
Б. Данные регулярных обследований – выборка дополнительного модуля							
2003	4062	45	95	3000	40	75	2850
2004	5047	45	118	4000	40	90	3114
2005	6374	45	150	5000	40	115	3275
2006	7702	45	181	6000	40	143	4283
2007	9640	46	226	8000	40	176	4715
2008	12 735	45	299	10 000	40	244	5807
В. Данные регулярных обследований – кросс-секционные данные							
2003	4284	46	101	3000	40	75	4998
2004	5291	46	124	4000	40	97	5109
2005	6508	45	152	5000	40	120	4958
2006	7931	46	186	6000	40	146	6059
2007	9801	46	228	8000	40	179	5961
2008	12 739	45	298	10 000	40	244	6014

Примечание. Исключены индивиды, родившиеся позднее 1986 г. Панели (А) и (Б): в выборку включены только те индивиды, которые имели хотя бы одну работу в период с января 2003 по сентябрь 2008 г. Данные за сентябрь соответствующего года. Панель (В): все занятые на момент обследования, результаты – по данным на момент обследования (для большинства – ноябрь). Все заработные платы – в номинальном выражении.

В таблице 10 приведены средние и медианные значения продолжительности рабочего времени, а также месячных и часовых заработков. Все данные о заработных платах приведены в номинальном выражении. По данным дополнительного модуля и несбалансированной панели расчеты велись по состоянию на сентябрь (это дает наиболее достоверные данные для несбалансированной панели с учетом того подхода, который мы использовали для вменения данных). Мы видим, что респонденты гораздо точнее могут вспомнить продолжительность рабочего времени, чем свои заработки несколько лет назад. Это естественно, потому что рабочее время менее волатильно, чем заработки. Медианные значения по продолжительности рабочей недели совпадают во всех выборках, однако в данных дополнительного модуля средняя продолжительность рабочего времени оказывается меньше на 2–3 часа в неделю. Более того, вспоминая прошлое, респонденты склонны думать, что прежде они работали меньше (что не подтверждается кросс-секционными данными). Впрочем, отклонение невелико и находится в пределах 5%.

Менее достоверны те данные, которые респонденты сообщают о своих прошлых заработках. Большинство респондентов склонны завышать свои заработки в прошлые периоды. Для 2007 г. (то есть всего через год после «фактических событий») расхождения между ретроспективными данными и кросс-секционными составляет около 15%. Для пятилетнего периода (2003 г.) оно достигает 40%. Соответственно, темпы роста заработков оказываются существенно ниже в данных дополнительного модуля. Так, по данным дополнительного модуля за 2003–2008 г. средняя заработная плата — как часовая, так и месячная — выросла в 2,2 раза, тогда как по данным регулярных обследований — в 3 раза. Это обстоятельство затрудняет дефлирование данных — обычные индексы потребительских цен не применимы, потому что респонденты уже «субъективно дефлируют» свои доходы. В связи с этим мы будем опираться на номинальные данные.

Изменение заработных плат немобильных работников

В обзоре теорий мобильности было выделено 4 основных источника роста заработной платы в процессе работы на одном и том же рабочем месте. Два из них связаны с теорией человеческого капитала — это прирост заработной платы, который обеспечивается накоплением общего и специфического человеческого капитала. Третий возможный источник роста заработков связан с получением дополнительной информации о качестве мэтчинга. Наконец, изменение заработков может быть связано с экономическими шоками, затрагивающими отдельные фирмы и сегменты рынка.

Далее мы посмотрим, каким образом описывают рост заработков немобильных работников данные дополнительного модуля и регулярных обследований РМЭЗ-ВШЭ. Для этого мы сравним в данных дополнительного модуля сентябрьские заработки тех, кто не менял работы в течение предшествующего года. В данных регулярного обследования мы отобрали индивидов, родившихся ранее 1986 г., участвовавших в двух последовательных раундах обследования и не менявших работы в период между обследованиями. Для проверки последнего условия мы использовали данные о специфическом стаже (не менее 12 месяцев) и ответы на

прямой вопрос анкеты о том, менял ли респондент работу и профессию. Затем мы посмотрим на то, как изменялись заработки мобильных и немобильных работников за более долгосрочный период.

В таблице 11 представлены результаты расчетов годовых изменений в месячных заработках работников при условии сохранения ими рабочих мест в течение всего года. Значения приростов представлены в номинальном выражении и в процентах к заработной плате предшествующего года. Как в данных дополнительного модуля, так в данных регулярных обследований, средние значения подвержены влиянию небольшого числа экстремальных значений, поэтому медианы лучше отражают центральную тенденцию. Дополнительно мы приводим значения 5, 10, 25 и 75-го перцентилей, которые дают представление о том, насколько однородными или неоднородными были изменения заработков у разных работников.

Для всех лет дополнительный модуль дает более умеренные оценки темпов роста заработных плат, чем регулярные обследования. По данным дополнительного модуля медианные заработки немобильных работников ежегодно увеличивались на 11–14%. По данным регулярных обследований прирост медианных заработков составлял 20–25%.

Таблица 11

Годовые изменения номинальных заработных плат немобильных работников

	2004		2005		2006		2007		2008	
	руб.	%								
А. Данные дополнительного модуля										
Среднее	897	19,2	1064	20,1	1249	23,2	1620	23,9	1794	36,5
p5	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	-500	-6,7
p10	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
p25	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
Медиана	500	11,1	500	13,3	700	12,5	1000	14,3	1000	12,7
p75	1000	25,0	1500	25,0	2000	25,0	2000	25,0	3000	27,8
p90	2000	47,6	3000	48,1	3000	42,9	4500	50,0	5000	50,0
Число наблюдений	4529		4625		4772		4941		4992	
Б. Данные регулярных обследований										
Среднее	847	38,0	1191	37,9	1295	33,0	1851	41,9	2310	34,6
p5	-1500	-33,3	-2000	-33,3	-2000	-33,3	-2000	-25,0	-4000	-33,3
p10	-500	-16,7	-859	-16,7	-1000	-16,7	-1000	-12,5	-1000	-14,3
p25	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
Медиана	522	20,5	800	20,0	1000	20,0	1000	22,2	1600	25,0
p75	1500	50,0	2000	50,0	2000	45,8	3000	50,0	4000	50,0
p90	3000	88,5	4000	87,5	4200	83,3	6000	100,0	7000	86,7
Число наблюдений	3004		3074		2943		3586		3811	

Примечание. Исключены индивиды, родившиеся позднее 1986 г. Панель (А): по данным за сентябрь соответствующего года. Панель (В): по данным на момент обследования (для большинства – ноябрь).

Оба источника сходятся в том, что у значительной части работников заработные платы снижались или не изменялись, о чем говорят нулевые значения 25-х перцентилей за все годы. Вместе с тем слева и справа от 25-го перцентиля между дополнительным модулем и регулярными обследованиями наблюдаются рассогласования, которые увеличиваются по мере продвижения к крайним перцентильям. В регулярных обследованиях респонденты чаще сообщают о более резких колебаниях заработной платы, как в сторону снижения, так и в сторону повышения. При ответах на ретроспективные вопросы дополнительного модуля респонденты склонны преуменьшать изменения в заработках и сглаживать их колебания. Так, согласно дополнительному модулю, у 90% работников, не менявших места работы, заработные платы в номинальном выражении за год увеличивались не более чем в полтора раза. В регулярных обследованиях эта отсечка опускается до 75%. В то время как в данных дополнительного модуля практически нет немобильных работников, чьи заработные платы снижались в течение года — лишь в 2008 г. их доля превысила 5%. В данных регулярных обследований эта доля ни разу не была ниже 10%.

Изменение заработных плат при смене места работы

При смене места работы на величину заработков влияют как позитивные, так и негативные факторы. Негативные факторы связаны, прежде всего, с утратой специфического человеческого капитала. При длительном нахождении в состоянии незанятости может происходить и утрата общего человеческого капитала. Если же человек переходит напрямую с одной работы на другую, то негативных последствий не должно быть. Положительное воздействие на заработки на новой работе оказывает улучшение качества мэтчинга. Опять же в случае вынужденных увольнений и длительного нахождения в состоянии незанятости этого может не происходить.

Данные дополнительного модуля дают нам больше возможностей для анализа того, что происходит при смене места работы, чем обычные панельные данные, в которых сложно точно определить момент перехода. Однако сначала мы посмотрим, как изменялись заработные платы тех, кто в течение года поменял работу. Результаты представлены в [таблице 12](#). В данных дополнительного модуля мы отобрали только тех респондентов, которые имели работу в сентябре месяце в течение двух последовательных лет, при этом это должны были быть две разные работы. В данном случае мы не учитываем ни число смен работы, ни продолжительность периода, в течение которого индивид находился без работы. Индивиды, которые не смогли найти работы к сентябрю следующего года, исключались из расчетов. Результаты, представленные в [таблице 12](#), сопоставимы с результатами из [таблицы 11](#). Поэтому сначала мы сопоставим годовые изменения заработков мобильных работников по данным дополнительного модуля и регулярных обследований, а затем сравним годовые изменения заработков мобильных и немобильных работников.

Таблица 12

Годовые изменения номинальных заработных плат мобильных работников

	2004		2005		2006		2007		2008	
	руб.	%								
А. Данные дополнительного модуля										
Среднее	2024	81.3	2109	71.2	2350	74.6	3507	78.4	2989	115.5
p5	-4800	-44.4	-5000	-50.0	-5200	-50.0	-4000	-42.1	-7000	-50.0
p10	-1400	-23.1	-2000	-28.6	-2000	-31.3	-1950	-22.5	-3000	-30.0
p25	20	0.4	0	0.0	100	2.9	200	4.2	0	0.0
Медиана	1500	36.9	1700	33.3	2000	33.3	2500	33.3	2000	26.7
p75	3500	100.0	4000	80.0	5000	75.0	5500	86.2	5800	74.2
p90	6500	200.0	8000	177.8	9000	180.0	10000	157.1	10000	140.0
Число наблюдений	496		556		605		580		699	
Б. Данные регулярных обследований										
Среднее	1443	69.1	1882	79.4	2033	98.6	2942	119.8	3736	66.0
p5	-3620	-57.6	-4000	-52.5	-4000	-48.6	-4000	-41.8	-7000	-50.0
p10	-1600	-33.3	-2000	-40.0	-2800	-33.3	-1619	-25.6	-4000	-33.3
p25	0	0.0	0	0.0	-400	-7.1	0	0.0	0	0.0
Медиана	1000	30.0	1200	33.3	1360	25.0	2000	33.3	2000	33.3
p75	2700	100.0	3100	100.0	4000	79.2	5000	100.0	5300	80.0
p90	4500	191.7	7000	190.3	8000	185.7	10000	211.1	10800	141.9
Число наблюдений	431		441		421		533		498	

Примечание. Исключены индивиды, родившиеся позднее 1986 г. Панель (А): по данным за сентябрь соответствующего года. Панель (В): по данным на момент обследования (для большинства – ноябрь).

В отношении мобильных работников данные дополнительного модуля и регулярных обследований демонстрируют гораздо больше сходства. Сходство касается не только медиан, но и всей шкалы приростов – все выделенные процентиля принимают достаточно близкие значения, особенно если принять во внимание небольшой размер выборки.

Медианный прирост заработной платы при смене места работы составлял 27–37% по данным дополнительного модуля и 25–33% по данным регулярных обследований (см. таблицу 12). Это означает, что большинство мобильных работников переходят на более высокооплачиваемые места. У четверти работников при смене места работы заработной платы, по сравнению с предшествующим годом, увеличивались в 1,8–2 раза. Здесь, безусловно, есть некоторая позитивная селекция – те, кто хотел, но не смог найти работу в течение рассматриваемого времени, не учитываются в расчетах. Смена места работы может сопровождаться и снижением заработных плат. Это касается, по меньшей мере, 10% мобильных работников. Причем у 5% работников заработной платы снижались в 2 и более раза по сравнению с предшествующим годом.

Сравнивая значения в [таблицах 11 и 12](#), можно сделать первые выводы о том, насколько выгодна работникам смена места работы. Это пока очень грубые выводы, потому что на этапе дескриптивного анализа мы игнорируем социально-демографические, возрастные и прочие различия между мобильными и немобильными работниками. Источники несколько расходятся в оценке выгод от смены места работы.

В данных дополнительного модуля выше как медианная отдача от мобильности, так и разброс выгод и потерь от мобильности. Однако в обоих источниках и средняя, и медианная выгода положительна во все годы. Отрицательный эффект от мобильности испытывают на себе лишь те работники, чьи заработные платы после смены места работы, – при сохранении места работы сокращения номинальной заработной платы наблюдаются реже и, как правило, оказываются более умеренными по своему размеру.

Таким образом, первичный дескриптивный анализ указывает на то, что мобильность приносит выгоду для большинства тех, кто решает сменить место работы. Причем это не только выгода в номинальном выражении, но по отношению и к тем коллегам, которые сохраняют место работы. На уровне дескриптивных статистик мы видим подтверждение теории мэтчинга.

Изменение заработных плат мобильных и немобильных работников за длительный период

Данные регулярных обследований РМЭЗ-ВШЭ не подходят для оценки эффектов от мобильности за длительный период. Для этого пришлось бы в сбалансированной панели, и без того плохо репрезентирующей генеральную совокупность, выделить подвыборку тех, кто имел работу в начале и в конце периода. Поэтому мы ограничимся расчетами по данным дополнительного модуля.

Для дескриптивной оценки отдачи от мобильности за длительный период мы отобрали индивидов, которые имели работу в начале и конце рассматриваемого периода, т. е. в январе 2003 г. и в сентябре 2008 г. Таковых оказалось 4250 человек, из них 57% (2428 человек) в конце периода работали на той же работе, на которой трудились в начале периода, а оставшиеся 43% (1822 человека) сменили хотя бы одну работу за период.

Мобильность имеет не только краткосрочные плюсы, но и дает долгосрочные преимущества (см. таблицу 13). Как средний, так и медианный приросты заработной платы за рассматриваемый 6-летний период были выше у мобильных индивидов. В среднем заработные платы мобильных работников выросли за период в 3,9 раза, тогда как у работников, оставшихся на прежнем месте работы, – в 2,8 раза. Рост медианных заработков был заметно скромнее: в 2,5 и в 2,6 раза соответственно. Такие расхождения между средними и медианными приростами связаны с тем, что особо удачливые из мобильных работников имели гораздо более существенные приросты в заработках, чем наиболее успешные из числа немобильных работников.

Таблица 13

Изменения номинальных заработных плат, январь 2003 г. – сентябрь 2008 г.

	Среднее	p5	p10	p25	Медиана	p75	p90	N набл.
В рублях								
Мобильные	8301	-1100	500	3000	6000	12 000	19 000	1822
Немобильные	7037	0	1300	3000	5000	9000	15 000	2428
В процентах к заработной плате в начале периода								
Мобильные	289	-20	11	67	150	312	571	1822
Немобильные	177	0	28	67	117	200	325	2428

Примечание. Расчеты по данным дополнительного модуля. В выборку включены только индивиды, имевшие работу в январе 2003 г. и в сентябре 2008 г. Исключены индивиды, родившиеся позднее 1986 г.

Большинство работников заметно выиграли, избрав стратегию мобильности. У 75% мобильных индивидов заработка к концу периода выросло сильнее, чем у немобильных индивидов. Около 20% мобильных работников понесли относительные потери от мобильности (по сравнению с немобильными индивидами). А не менее 5% мобильных работников понесли и абсолютные потери, т. е. их заработки снизились за 6-летний период даже в номинальном выражении.

Наконец, посмотрим, как связаны долгосрочные изменения заработков с интенсивностью трудовой мобильности. В таблице 14 представлены изменения в номинальных заработных платах в зависимости от того, сколько работ сменили индивиды за период. Строка «1 работа» относится к немобильным индивидам. Индивидов, имевших 5 и более работ, мы объединили в одну группу, учитывая, что их немного. Стандартные ошибки в этих расчетах очень велики (особенно для средних значений), однако общая тенденция прослеживается достаточно четко. Связь между ростом заработных плат и интенсивностью мобильности является нелинейной. Максимальный эффект от мобильности наблюдается у индивидов, имевших 4 работы за 6-летний период наблюдения.

Таблица 14

Изменения номинальных заработных плат, январь 2003 г. – сентябрь 2008 г., в зависимости от интенсивности мобильности, в % к заработной плате в начале периода

Число работ за период	Среднее	p10	p25	Медиана	p75	p90	N набл.
1	177	28	67	117	200	325	2426
2	269	9	67	150	300	529	1158
3	318	10	67	167	323	600	416
4	318	11	68	184	400	767	156
5 и более	338	20	60	157	357	700	94
Все работники	225	23	67	133	246	414	4250

Примечание. Расчеты по данным дополнительного модуля. В выборку включены только индивиды, имевшие работу в январе 2003 г. и в сентябре 2008 г. Исключены индивиды, родившиеся позднее 1986 г.

Анализ эмпирической литературы показывает, что наиболее существенными факторами, влияющими на изменения заработной платы при смене работы, являются причины смены места работы (добровольная или вынужденная) и возраст. Добровольная смена работы чаще всего ведет к повышению заработной платы – индивид принимает решения об увольнении, сопоставляя ожидаемые доходы от сохранения рабочего места (с учетом отдачи от специфического капитала) с ожидаемыми доходами от смены места работы (с учетом того, что на новом месте работы также начнется накопление специфического капитала). К тому же при добровольной смене работы работник в большинстве случаев переходит с одного места работы на другое, минуя период безработицы. При вынужденном увольнении нередко оказывается, что у работника нет более подходящей альтернативы, наоборот, необходимо время для поиска вакансий (что при добровольном увольнении часто происходит еще на старом рабочем месте). Поэтому при вынужденной смене места работы индивид может нести потери трех видов – из-за потери заработков в период безработицы и в последующем от снижения заработков, если ему не удалось найти сопоставимую работу.

В исследованиях мобильности исключительно важно иметь наиболее полные и подробные данные о трудовых биографиях работников за длительный период. Это могут быть либо специальные ретроспективные опросы, либо панельные обследования, в которых на регулярной основе задаются вопросы о трудовой мобильности. В данной работе мы имели уникальную возможность сравнить качество двух этих источников данных. Для этого были использованы данные панельного обследования РМЭЗ-ВШЭ за 2003–2008 г. и данные специального дополнительного модуля этого обследования, проводившегося в 2008 г. В этом модуле задавались вопросы ретроспективного характера о занятости индивидов в предшествующие 5–6 лет, начиная с января 2003 г., что позволило реконструировать трудовые биографии индивидов за 2003–2008 г. Базовая анкета РМЭЗ-ВШЭ позволяет отслеживать индивидов в течение нескольких лет, но дает только «срезы» данных по состоянию на момент опроса. Из ответов на вопросы базовой анкеты можно лишь частично и очень примерно восстановить, что происходило с индивидом между двумя годовыми опросами.

Оказалось, что оба источника данных имеют свои преимущества и недостатки. По данным регулярных обследований РМЭЗ-ВШЭ мы можем получить достаточно достоверные оценки масштабов мобильности и распределения работников по продолжительности специального трудового стажа. Безусловно, некоторые краткосрочные и сезонные работы оказываются незафиксированными, но связанные с этим ошибки измерения не являются существенными. Вместе с тем по данным регулярных обследований сложно отследить масштабы мобильности за более длительный период. Это происходит из-за постоянных изменений в выборке обследования, которые вызваны как выбытием респондентов из панели, так и постоянным ремонтом и расширением выборки, что обуславливает появление новых респондентов. Мы показали, что в этих условиях попытки создать сбалансированную панель не приводят к хорошим результатам из-за случайного отсева респондентов. Сбалансированная панель нерепрезентативна, то есть слишком специфична по своему составу, чтобы рассчитанные по ней показатели можно было обобщить на всю генеральную совокупность. В частности, оценки масштабов мобильности в течение года оказываются заметно ниже оценок по кросс-секционным данным.

Данные дополнительного модуля хороши именно тем, что дают возможность оценить показатели трудовой мобильности за длительный период по репрезентативной выборке. Это существенно расширяет круг показателей. Например, используя ретроспективные данные, мы можем рассчитать количество работ, которые респондент имел в течение периода, долю времени, проведенного в занятости и безработице в течение периода и т. п. В то же время чем дальше в прошлое отстоит период ретроспекции, тем менее вероятно, что респонденты сообщат точные сведения о своих прошлых работах, особенно о заработных платах в этот период. Судя по нашим данным, резкое ухудшение качества происходит уже при 5-летней глубине ретроспекции. Респонденты забывают упомянуть работы небольшой продолжительности, особенно если эти работы были в неформальном секторе. Кроме того, они субъективно «дефлируют» свои прошлые заработки, что делает невозможным использование ценовых индексов. Однако общий вывод состоит

в том, что дополнительный модуль может использоваться для изучения мобильности, но при этом нужно отдавать себе отчет, что рассчитанные по этим данным показатели представляют собой нижнюю границу уровня трудовой мобильности.

Полученные нами результаты указывают на достаточно умеренные масштабы трудовой мобильности. В течение рассматриваемого шестилетнего периода работники (включая тех, кто работал не весь период) имели в среднем 1,7 работы. При этом свыше 80% участников обследования имели не более двух работ. Немобильными в строгом смысле слова являются 38% респондентов — это те, кто трудился на одном и том же рабочем месте без перерывов в течение 6 лет. Из 6 лет периода наблюдения средний работник провел в состоянии незанятости около 1 года.

Смена места работы в подавляющем большинстве случаев сопровождается ростом заработной платы, — снижение зарплаток при переходе на новое место работы испытали лишь 10% работников. Для половины мобильных индивидов прирост заработной платы составил более 30%. Если человек не менял места работы, то его зарплатки росли гораздо скромнее (медианный прирост не превышает 15%). Эти расхождения указывают на неэффективность существующего распределения трудовых ресурсов: производительность труда и материальное положение многих работников могут быть улучшены с помощью мобильности.

Причины увольнения также сильно влияют на то, как проходит смена работы и какие зарплатки в дальнейшем имеют индивиды. При этом важно отметить, что причина увольнения, похоже, не оказывала решающего влияния на шансы нового трудоустройства. Примерно одинаковый процент среди уволенных по собственному желанию и уволенных по вынужденным причинам, в конечном счете, нашли новую работу. Однако уволенные по собственному желанию в среднем находят ее быстрее и чаще сразу переходят на новое место работы. Кроме того, те, кто меняет работу добровольно, в среднем получают более высокую прибавку на новых рабочих местах.

Лапинова В. В., Рощина Я. М.

ДОСТУПНОСТЬ ДОБРОВОЛЬНОГО МЕДИЦИНСКОГО СТРАХОВАНИЯ В РОССИИ

За 1990-е годы в России значительно ухудшилось состояние здоровья населения, что явилось причиной роста уровня заболеваемости и смертности. Однако с начала 2000-х годов показатели стабилизировались¹, а уровень смертности за 2005–2013 г. сократился с 18,4 до 14,5 человек на 1000 населения в год². Тем не менее уровень заболеваемости остается по-прежнему высоким (в 2000 г. — 730 заболевших с диагнозом, выявленным впервые в жизни на 1000 человек населения, а в 2013 — 799)³.

Конечно, снижение уровня смертности, как одного из важнейших показателей здоровья нации, в целом связано с макроситуацией: и с положительной динамикой экономической ситуации (в том числе выражающейся в росте доходов), и с возросшей социальной стабильностью. Однако немалая роль в поддержании своего здоровья принадлежит и самим людям: за последние 15 лет затраты населения России на медицинские услуги существенно выросли (как в процентах от доходов, так и в абсолютном выражении), тогда как доля государства осталась неизменной. Так, в 2010–2013 г. расходы госбюджета на здравоохранение не превышали 3,6%, а от валового внутреннего продукта они составляли 4,3% в 2009 г. и всего 3,5% — в 2011 г.⁴ За этот же период, в 2011–2012 г., население тратило 3,5% своих расходов на оплату медикаментов и медоборудования, услуг стационаров и амбулаторных учреждений, хотя еще в 2000 г. эти расходы составляли менее 1%⁵.

Таким образом, учитывая существенный рост доходов населения за 2000–2012 г., расходы на медицинские товары и услуги заметно возросли и в абсолютном выражении. Можно сделать вывод, что потребность людей в защите

¹ Рощина Я. М. Отдача от позитивных и негативных инвестиций в здоровье. М.: ГУ ВШЭ, 2008. С. 88.

² Федеральная служба государственной статистики. Демография. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 07.12.2014)

³ Федеральная служба государственной статистики. Здравоохранение. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/healthcare/# (дата обращения: 07.12.2014)

⁴ Государство экономит на здоровье // Экспертный сайт Высшей школы экономики. URL: <http://www.opes.ru/1578279.html> (дата обращения: 07.12.2014)

⁵ Социальное положение и уровень жизни населения России. М.: Росстат, 2001. Табл. 7.9; Социальное положение и уровень жизни населения России 2013. М.: Росстат, 2013. Таблицы 7.9.

своего здоровья и в получении качественных медицинских услуг возросла. Однако помимо непосредственной оплаты при оказании медицинских услуг, население может получать их на основе системы обязательного медицинского страхования (ОМС – государственная система социальной защиты интересов граждан в охране здоровья), а также добровольного медицинского страхования (ДМС – перечень оплачиваемых страховой компанией услуг с указанием страховой суммы, медицинских учреждений и вида оказываемой помощи). При этом во многих странах именно модель ДМС является основой получения качественной медицинской помощи. Частная система медицинского страхования, например, в США является устоявшейся системой, которая характеризуется децентрализованностью, высоким развитием инфраструктуры страховых организаций и отсутствием государственного регулирования. «Для большинства населения США страхование здоровья является частным делом каждого»¹. Преимущество страховой медицины состоит в том, что этот механизм позволяет превратить высокие затраты (в случае возникновения болезни), хотя и с низким риском, в постоянные, но относительно небольшие издержки.

Как утверждают исследователи системы российского здравоохранения, на данный момент существует противоречие между тем, что представляет собой добровольное медицинское страхование по определению, и тем, как оно функционирует в современном российском обществе. Несовершенство управления этой моделью выражается в наличии несоответствия между налоговыми законодательными документами, отсутствию у страховых компаний статистических данных, которые важны для расчета страховых взносов, а также отсутствию в настоящее время конфликта между программами обязательного и добровольного медицинского страхования. Это может являться одной из причин низкого спроса на ДМС и качества медицинской помощи для населения в России. Второй фактор недостаточной востребованности ДМС, вероятно, это все еще низкие доходы значительной части населения России. Помимо этого мы предполагаем, что в целом россияне не склонны к страхованию рисков.

Таким образом, проблема исследования состоит в наличии следующего противоречия: хотя люди готовы платить за качественное медицинское обслуживание, однако большинство при этом не используют ДМС, предпочитая нести расходы по факту необходимости в услугах. Далее мы проанализируем, какие факторы влияют на склонность россиян к приобретению полиса ДМС. Для того, чтобы сформулировать исследовательские гипотезы, обратимся к экономической теории в области человеческого капитала здоровья и уже реализованным эмпирическим исследованиям.

В модели инвестиций в капитал здоровья, предложенной Гроссманом², предполагается, что человек, появляясь на свет, обладает определенным так называемым «капиталом здоровья». С течением времени этот капитал естествен-

¹ Улыбина Л. К., Михневич О. И. Проблемы и перспективы развития добровольного медицинского страхования в России. URL: http://www.iupr.ru/domains_data/files/zurnal_10/UlybinaMihnevich%20O.I..pdf (дата обращения: 02.04.2015).

² Grossman M. The human capital model // Handbook of Health Economics. Volume 1 / Ed. by Anthony J. Culver and Joseph P. Newhouse. Amsterdam, Lausanne, New York, Oxford, Shannon, Singapore, Tokyo: Elsevier, 2000. P. 347–408.

ным образом уменьшается, подвергаясь износу, однако для его восстановления люди могут делать инвестиции в здоровье, которые представляют собой, прежде всего, расходы на медицинские услуги. Покупка полиса добровольного медицинского страхования представляет собой оплату медицинской помощи, хотя и сделанную в форме объединения рисков: в этом случае индивид предпочитает невысокие постоянные издержки значительным расходам, хотя и имеющим относительно небольшую вероятность (в случае заболевания). Поэтому выводы Гроссмана о том, какие факторы влияют на объем инвестиций в здоровье, актуальны и для настоящего исследования. В частности, можно предполагать, что с большей вероятностью склонны к покупке полиса ДМС будут люди с более высокой заработной платой в силу того, что в случае болезни их потери от невыхода на работу будут наиболее высоки. Кроме того, больше расходуют на свое здоровье те, кто имеет высшее образование, в частности потому, что они лучше себе представляют возможные последствия от потери здоровья и способы его сохранения. В силу износа капитала здоровья нести более высокие расходы вынуждены также люди старшего возраста.

Следуя идее Гроссмана, в работе «Здоровье, инвестиции в здоровье и выбор профессии»¹, М. Купер исследует две модели инвестиций в здоровье и обращает внимание на поведение людей в течение всего жизненного цикла, а также их выбор профессии. В первой модели он изучает то, как капитал здоровья варьируется среди людей с различным уровнем доходов, а также с различными условиями окружающей среды. Результаты позволяют сделать вывод о наличии влияния загрязнения окружающей среды и вредной работы на предпочтение более высокого заработка (в том числе как средства компенсации потерь в здоровье). Другой его вывод отчасти противоречит идее Гроссмана, так как оказывается, что люди более склонны делать инвестиции в здоровье в молодом возрасте.

В своем исследовании У. Кокергам и его коллеги сравнивали социальную стратификацию и здоровый образ жизни в США и Западной Германии². Такое сравнение интересно в связи с тем, что для американцев характерна индивидуалистская система поведения, направленная на привилегированные группы людей, а для жителей Германии наоборот — более патерналистская система, ориентированная на государственную помощь, а также на права граждан страны. Авторы обнаружили зависимость образа жизни от образования, дохода, статуса занятости, занятия спортом, курения, употребления алкоголя и питания, а также возраста, пола и национальности.

В России на данных социологического исследования в Архангельской области было выявлено³, что более высокие расходы на медицинские услуги несут женщины, люди с высшим образованием, жители городов, а также служащие по

¹ Coper M. L. Health, Investment in Health and Occupational Choice // The Journal of Political Economy. Vol. 85. (Dec. 1977. N 6.).

² William C. Cockerham; Gerhard Kunz; Guenther Lueschen. Social Stratification and Health Lifestyles in Two Systems of Health Care Delivery: A Comparison of the United States and West Germany // Journal of Health and Social Behavior. Vol. 29. (Jan. 1988. N 2.).

³ Меньшикова Л. И., Дьячкова М. Г., Мордовский Э. А. Расходы населения на лекарственные препараты и медицинские услуги и факторы, их обуславливающие // Социальные аспекты здоровья населения. 2014. № 1. С. 35.

сравнению с рабочими и пенсионерами. Вероятность затрат на медицинские услуги оказалась положительно зависимой от доходов и отрицательно — от возраста. В то же время такие расходы оказались не связанными с состоянием здоровья. Исследование факторов затрат на медицинскую помощь на данных RLMS-HSE за 2010–2011 г. показало, что позитивное влияние оказывает факт проживания в Москве и Санкт-Петербурге, высокие душевые доходы, плохое здоровье, женский пол, состояние в браке, молодой возраст¹. Правда, надо отметить, что наличие полиса ДМС альтернативно оплате разовых медицинских услуг, поэтому не очевидно, будут ли детерминанты покупки полиса аналогичны тем, что влияют на величину расходов на медуслуги.

Исследование рынка медицинских услуг в России, проведенное РБК в 2013 г., показало, что наиболее высокие расходы на разовые платные медицинские услуги несут жители больших городов и люди с высокими доходами². В 57,5% семей опрошенных не оказалось полиса ДМС. Затраты на приобретение полиса оказались выше всего в Москве и у людей с доходами выше 100 тыс. руб. на человека в семье³.

Таким образом, мы можем предположить, что более склонны к приобретению полиса ДМС будут жители больших городов, а также люди с высокими доходами. В модель необходимо включить такие переменные, как возраст, оценка здоровья, профессиональная группа и занятость, а также пол, национальность, семейное положение и наличие детей. Последнее обстоятельство может оказаться важным в силу того, что люди с детьми больше задумываются о собственном здоровье, так как видят свою ответственность за семью.

Как показывают многие исследования, значительная доля полисов ДМС приобретается за счет работодателей (полностью или частично). По данным социологического обследования, до 38% предприятий и организаций заключают подобные договора для своих работников⁴. При этом большинство работодателей позитивно оценивают отдачу от такого вида вложений. В то же время финансовая ответственность самих работников оказалась зависимой от профессионального риска на предприятии. Поэтому важный вопрос, на который мы попробуем ответить в данной работе, — каким категориям работников работодатели чаще предоставляют полис ДМС.

Мы полагаем, что актуальность нашего исследования обусловлена постепенным ростом интереса россиян к этому виду страхования, в связи с чем нужно понимать, какая аудитория и с какими характеристиками готова платить за ка-

¹ Шишкин С. В., Потапчик Е. Г., Селезнева Е. В. Оплата пациентами медицинской помощи в российской системе здравоохранения. Препринт WP8/2014/03. Серия WP8. НИУ-ВШЭ, 2014. URL: http://www.hse.ru/data/2014/05/30/1325391100/WP8_2014_03.pdf (дата обращения: 02.04.2015).

² Затраты на платные разовые медицинские услуги // Обзор платных медицинских услуг в частном секторе / РБК. Исследования рынков: [Электронный ресурс]. URL: http://marketing.rbc.ru/reviews/medicine2013/chapter_4_4_1.shtml (дата обращения: 02.04.2015).

³ Затраты на программы ДМС // Обзор платных медицинских услуг в частном секторе / РБК. Исследования рынков: [Электронный ресурс]. URL: http://marketing.rbc.ru/reviews/medicine2013/chapter_4_4_2.shtml (дата обращения: 02.04.2015).

⁴ Потапчик Е. Г., Селезнева Е. В., Шишкин С. В. Развитие добровольного медицинского страхования: позиция работодателей // Обязательное медицинское страхование в Российской Федерации. 2011. № 6. С. 40–45.

чественное медицинское обслуживание, и для каких категорий населения полис ДМС более доступен. Под доступностью в данной работе мы будем понимать зависимость вероятности приобретения полиса дополнительного медицинского страхования от ряда факторов, прежде всего дохода, места жительства и занятости. При этом наличие такого влияния может быть проинтерпретировано как неравенство доступа к ДМС.

Предметом данного исследования выступает доступность добровольного медицинского страхования в России. Эмпирическим объектом — население России старше 18 лет. Возрастные ограничения связаны с тем, что за несовершеннолетних решение принимается их родителями. Целью является определение факторов, влияющих на вероятность обладания полисом добровольного медицинского страхования в России.

В данном исследовании мы будем преимущественно использовать данные RLMS-HSE за 2013 г., а также другие волны, начиная с 2000 г., для анализа динамики отдельных показателей. Отметим, что начиная с 2010 г. выборка была увеличена более чем в полтора раза, и в 2013 г. панельная выборка населения всех возрастов составила 21 735 человек.

Данные опроса показывают, что в период с 2000 по 2009 г. доля респондентов, которые имели договор ДМС, увеличилась с 1,8 до 4,1% (максимум — 6,1% в 2007 г. В период с 2010 по 2013 г. значение рассматриваемого показателя сначала снова выросло, а затем снизилось до 4,1%. На уровне 95% значимости можно утверждать, что в целом за исследуемый период доля населения старше 18 лет, пользующегося ДМС, увеличилась (см. рис. 1).

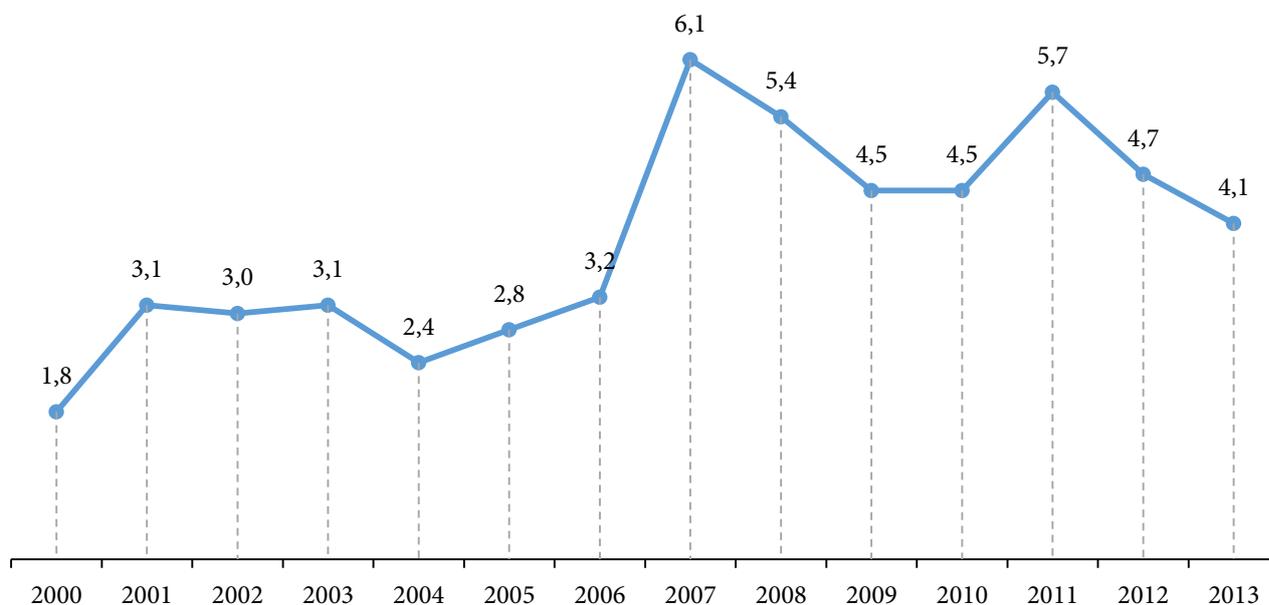

Рис. 1. Доля населения старше 18 лет, имеющая ДМС, %, RLMS-HSE, 2000–2013 г.

Рассмотрим, какие группы населения были более склонны к тому, чтобы иметь договор ДМС в 2013 г. (см. таблицу 1).

Таблица 1

Наличие ДМС в зависимости от основных социально-экономических характеристик, RLMS-HSE, население 18 лет и старше, 2012 г.

Индикатор	Вся выборка	Доля имеющих ДМС в % от категории	Кто платил за ДМС		
			Респондент	Работодатель	Другое лицо
Имеют ДМС		4,1	11,3	79,6	9,1
Количество опрошенных		692	78	551	63
Пол					
Мужской	42	4,7	8,7	82,8	8,4
Женский	58	3,5	13,8	76,4	9,8
Национальность					
Русский	86,4	4,2	11,4	79	9,6
Другая национальность	13,6	2,7	11,1	84,1	4,8
Возраст					
18–25	12,1	2,6	14,5	52,7	32,7
26–35	20,5	5,4	7,8	86,5	5,7
36–45	18,5	5,4	12,1	83,2	4,6
46–55	16	5,8	11,3	81,3	7,5
56–65	16,2	2,8	15	73,8	11,3
66–75	9,2	1,1	5,6	72,2	22,2
Более 75 лет	7,6	1	23,1	69,2	7,7
Тип населенного пункта					
Москва и Санкт-Петербург	10,8	7,5	7,9	85	7,1
Областной центр	30,5	5,1	17,1	68,8	14,1
Другой город	26,7	4,2	9,2	85,1	5,6
ПГТ или село	32,1	1,6	3,4	92	4,5
Законченное образование					
Незаконченное среднее образование	17,5	1,3	7,7	76,9	15,4
Законченное среднее образование	33,1	3	9,4	76,6	14
Законченное среднее специальное образование	24,3	3,7	12,7	80,3	7
Законченное высшее образование и выше	25,1	7,4	12,1	81,4	6,5
Семейное положение					
Никогда в браке не состояли	15,4	2,6	13	60,9	26,1
В браке	64	4,9	10,3	82,7	7
Разведены/Вдовец/Вдова	20,6	2,3	16,3	75	8,8

Продолжение таблицы 1

Индикатор	Вся выборка	Доля имеющих ДМС в % от категории	Кто платил за ДМС		
			Респондент	Работодатель	Другое лицо
Количество детей					
Нет детей младше 18 лет	57	3,2	11,6	78,8	9,5
1 ребенок	27	5,7	8,4	87,7	3,9
2 ребенка	12,9	5,3	16,5	73,6	9,9
Более 2 детей	3,1	4,2	11,8	82,4	5,9
Квнтильная группа по душевому доходу					
1 Самые бедные	17,5	1,3	8,1	83,8	8,1
2	19,3	2,2	14,5	69,6	15,9
3	20,4	3,1	11,7	76,7	11,7
4	21,1	4,1	10,6	77,5	12
5 Самые богатые	21,7	8,3	10,4	84,2	5,4
Оценка состояния здоровья					
Очень хорошее	16,1	4,9	21,4	42,9	35,7
Хорошее	50,2	4,5	11,9	79,6	8,5
Среднее, не хорошее, но и не плохое	22,7	4,4	11	80,8	8,1
Плохое	8,7	1,5	6,7	76,7	16,7
Совсем плохое	2,3	0,3	0	100	0
Количество хронических заболеваний					
Нет хронических заболеваний	32,5	16,1	9,4	83,7	6,9
1 хроническое заболевание	17,7	11,9	6,7	84,6	8,7
2–3 хронических заболеваний	22,6	13,2	12,9	78,4	8,8
Более 3-х хронических заболеваний	27,2	16	15,9	71,8	12,4
Занятость в настоящее время					
Есть работа	55,8	6,2	10,5	85	4,5
В отпуске	2,5	5,5	4,2	79,2	16,7
Нет работы	41,6	0,9	20,9	31,3	47,8
Профессиональная группа (только среди занятых)					
Военнослужащие	0,4	18,2	0	87,5	12,5
Руководители	6,6	7,3	18,4	77,6	4,1
Специалисты с высшим образованием	16,9	9,1	11,6	84,5	3,9
Специалисты со средним образованием	19,5	6,6	9,3	88,4	2,3

Окончание таблицы 1

Индикатор	Вся выборка	Доля имеющих ДМС в % от категории	Кто платил за ДМС		
			Респондент	Работодатель	Другое лицо
Специалисты в сфере обслуживания	17,3	3,8	6	83,6	10,4
Квалифицированные рабочие	28,1	6,3	7,9	88,1	4
Неквалифицированные рабочие	11,1	3,6	17,5	70	12,5
Как оформлен на работе (только среди занятых)					
Официально	93,4	7,2	9,2	86,6	4,1
Неофициально	6,6	1,2	28,6	42,9	28,6
Тип предприятия (только среди занятых)					
Вредные условия труда					
Да	14,6	10,5	2,2	95,6	2,2
Нет	85,4	6,2	11,7	83,3	5,1
Иностранное предприятие					
Да	3,7	7,6	8,1	88	3,9
Нет	96,3	6,3	10,5	84,3	5,2
Государственное предприятие					
Да	47	21,7	2,9	95,7	1,4
Нет	53	6,2	10,6	84,6	4,8
Продолжительность рабочего дня (только среди занятых)					
Менее 5 часов	2,6	4,3	45,5	45,5	9,1
5–8 часов	61,7	6,4	10,3	85,5	4,1
9–12 часов	27,8	6,8	8,6	86,6	4,8
Более 12 часов	7,9	3,9	10	80	10

Всего 4,1% всего населения старше 18 лет пользовались полисом ДМС. При этом подавляющее большинство этих людей участвуют в программе за счет средств работодателей (79,6%). Доля тех, кто оплачивает полис самостоятельно, составила 11,27%. Остальные 9,10% имеют полис ДМС, который оплачивается другими лицами. Скорее всего, это родственники респондента (супруги, родители, дети и т. д.).

Гендерное распределение населения старше 18 лет по полу в текущей волне опроса составило 42% мужчин и 58% женщин. Примечательно, что мужчины несколько чаще имеют полис ДМС, чем женщины (4,7 против 3,5%). Они также чаще женщин имеют страховку, оплаченную работодателем (82,8 против 76,4%). Женщины, в свою очередь, более склонны сами оплачивать свой полис (13,8% женщин самостоятельно оплачивали полис, против 8,7% мужчин).

Согласно опросу, подавляющее большинство опрошенных идентифицировали себя как русских (86,4%). Мы можем сказать, что именно среди русских доля имеющих полис ДМС наиболее высока и составляет 4,2%, тогда так среди других национальностей – 2,7%.

Что касается различий между возрастными группами, то мы можем утверждать, что чаще всего имеют полис ДМС люди в возрасте 35–55 лет (5,6 – 5,8%). При этом хотя в этой возрастной группе полис чаще всего приобретен работодателем, но доля тех, за кого заплатило предприятие, падает с 87% в возрасте 26–35 лет до 74% в возрасте 56–65 лет. Одновременно постепенно увеличивается доля тех, кто приобрел полис ДМС самостоятельно: с 8 до 15%. Также отметим, что людям до 55 лет полис ДМС в целом более доступен, чем пожилым. Не более 1% респондентов старше 65 лет пользуются услугами ДМС. При этом пятая часть людей в возрасте 66–75 лет получили полис ДМС от родственников, а 23,1% пожилых старше 75 лет оплачивают его самостоятельно.

Среди опрошенных 68% – горожане, причем 10,8% – жители Москвы и Санкт-Петербурга. При этом чем выше уровень урбанизации, тем выше доля тех, кто имеет полис ДМС: в обеих столицах – 7,5%, в областных центрах – 5,1%, других городах – 4,2%, и всего 1,6% в сельской местности. Мы полагаем, что это связано как с более высокими доходами в городах, так и с доступностью платной качественной медицины. Однако зависимость оплаты ДМС работодателем не прямая: выше всего доля таких полисов на селе (92%), а также в Москве, Санкт-Петербурге и городах – не областных центрах (85%), а ниже всего – в областных центрах (69%).

Чем выше образование, тем, как правило, выше доходы людей, что дает им возможность оплатить ДМС. Кроме того, люди с более высокими доходами в большей степени склонны заботиться о своем здоровье, так как заболевание ведет к высоким упущенным доходам, согласно модели М. Гроссмана. Наконец, образование позволяет лучше просчитать риски и предпочитать постоянные низкие издержки (т. е. страхование) низко вероятным, но высоким. Поэтому неудивительно, что чем выше образование, тем выше доля имеющих полис ДМС (3% – среди имеющих среднее образование, почти 4% – среднее специальное и 7,4% – высшее). Между людьми со средним профессиональным и высшим образованием практически нет различий по структуре тех, кто платит за полис ДМС: более 80% – работодатели, более 12% – сами респонденты, около 7% – кто-то другой. А вот среди тех, кто получил только среднее общее образование, доля держателей договоров ДМС, за которых платят «другие», составляет 14%, а среди имеющих незаконченное среднее образование – более 15,4%.

Как мы уже упоминали, более высокие заработки могут быть стимулом больше заботиться о своем здоровье из-за высоких упущенных выгод при болезни, но, кроме того, обеспеченные люди имеют возможность расходовать больше денег на медицинские услуги. Можно также предполагать, что они скорее предпочтут превентивные относительно невысокие расходы высоким при возникновении проблем со здоровьем. Поэтому важным фактором склонности к добровольному медицинскому страхованию мы считаем душевые доходы семьи. Действительно, оказалось, что в нижнем квинтиле (среди самых бедных) обладают полисом всего 1,3%, тогда как в верхнем (самые богатые) – 8,3%. Однако среди них, как и среди самых бедных, наиболее высока доля получивших полис от работодателя: 84%, и наиболее низка – тех, за чей полис заплатил кто-либо еще (5%).

Семейное положение и наличие/отсутствие детей играет немаловажную роль в выборе дополнительного страхования. Можно предположить, что люди, состоящие в браке, будут иметь дополнительные возможности приобретения полиса,

например, за счет нетрудового дохода. Большинство опрошенных респондентов состоят в браке (64%), 15,4% никогда в браке не состояли, а остальные разведены или овдовели. В самом деле, можно заметить, что люди, состоящие в браке, чаще приобретают полис ДМС (4,9%) и при этом, в основном, полис оплачивается работодателями (почти 83%). В то же время среди никогда не состоявших в браке имеют ДМС всего 2,6%, причем только двум третям из них его оплачивает работодатель. Кроме того, эта категория населения часто приобретает ДМС за счет других лиц (26,1%). Но в этой категории много молодых людей, которые либо еще не работают (тогда полис им скорее всего покупают родители), либо работают на низких должностях, которые не предусматривают оплату ДМС. Разведенные и вдовы (вдовцы), напротив, в большинстве люди старшего возраста, которые реже имеют полис ДМС.

В нашей выборке 57% опрошенных не имеют детей, 27% имеют одного ребенка, и всего 16% тех, кто имеет более одного ребенка. Реже всего (3%) имеют полис ДМС те, у кого нет детей, однако с большой вероятностью это тоже объясняется их более молодым возрастом. Между теми, у кого 1 ребенок и 2 ребенка, практически нет разницы по обладанию ДМС (более 5%); а вот среди многодетных эта доля немного ниже (4%). Среди всех выделенных категорий большинство полисов было оплачено работодателем.

Что касается взаимосвязи наличия полиса с состоянием здоровья, то ситуация неоднозначна. С одной стороны, люди с более плохим состоянием здоровья должны быть склонны к покупке ДМС. В то же время они имеют худшие возможности для этого, так как чаще всего это люди старшего возраста, имеющие более низкие доходы и чаще всего не работающие. Кроме того, ДМС дает возможность более хорошей диагностики, что также могло привести к отрицательной корреляции между состоянием здоровья и наличием ДМС. Что касается самооценки, то большинство респондентов оценивают свое здоровье как хорошее или очень хорошее (66%), и всего 11% – как плохое или очень плохое. При этом именно последняя группа значительно реже имеет полис ДМС (менее 2%, а среди тех, у кого очень плохое здоровье, – всего 0,5%). Примечательно также, что люди с очень плохой оценкой своего здоровья вообще не оплачивают самостоятельно или за средства других лиц, а имеют ДМС от работодателей. Напротив, среди тех, у кого очень хорошее здоровье и имеющих полис, всего 43% получили его на работе, 21% – оплачивают самостоятельно, и у 36% полис оплачен другими лицами. Мы предполагаем, что это также связано с молодым возрастом этой группы.

Помимо самооценки здоровья, объективным показателем является наличие и количество хронических болезней. Как оказалось, 32,2% респондентов не имеют хронических заболеваний, 17,7% имеют одно, 22,6% – 2–3, и 27,2% – более трех заболеваний. Конечно, это говорит о довольно плохом состоянии здоровья россиян. Оказалось, что реже всего имеют полис ДМС те, у кого одно заболевание (11,9%, по сравнению с 16% среди не имеющих хронических заболеваний или наоборот, имеющих более трех), однако эти различия не очень велики. В то же время в группе с наиболее плохим здоровьем люди чаще приобретают ДМС сами или за них платят родственники.

По всей выборке насчитывается 55,8% людей, у которых есть работа, 2,5% людей, у которых есть работа, но они по каким-либо причинам в отпуске, и 41,6% людей без работы. Как мы уже видели, в России подавляющее большинство поли-

сов ДМС оплачивается работодателем. Неудивительно поэтому, что среди занятых его имеют 6% (85% которых получили его на работе), а среди незанятых — 1%. Но на первый взгляд непонятно, почему 31% незанятых, имеющих полис, сообщили, что его оплачивает работодатель. Вероятно, в данном случае речь может идти о полисе супруга (супруги), который оплачен на его работе. В то же время почти половине неработающих полис приобрели родственники.

Среди занятых большинство — квалифицированные рабочие (28,1%), много также специалистов с высшим и средним образованием (16,9 и 19,5%, соответственно). При этом низкоквалифицированных специалистов насчитывается почти 11%, а военнослужащих всего 0,4%. Примечательно, что военнослужащие вообще не платят сами за ДМС, при том, что около 18% военнослужащих пользуются ДМС. Можно предположить, что для старших чинов это входит в пакет социального страхования. После военных, выше всего доля имеющих полис среди специалистов с высшим образованием (9%) и руководителей (7%). При этом руководители чаще покупают его сами (18% против 12%). Ниже всего доля пользующихся ДМС среди неквалифицированных рабочих (3,6%), однако 17,5% из них оплачивают его самостоятельно.

Среди занятых, которые оформлены на работе официально (93,4% от всей выборки), насчитывается 7,2% имеющих ДМС. При этом 9,2% полисов оплачиваются самими респондентами, 86,6% — работодателем и 4,1% — другими лицами. А среди тех, кто не оформлен официально на работе (6,6%), пользуется ДМС всего 1,2%. Из них 28,6% приобретают полисы самостоятельно, 42,9% — получают от работодателей и 28,6% — от других лиц. Таким образом, очевидно, что доступность ДМС выше среди работающих официально и среди тех, кто занимает более высокую должность.

Мы полагаем, что характеристики предприятия также могут оказывать влияние на вероятность наличия ДМС. В частности, на предприятиях с вредными условиями труда она, скорее всего, выше. В целом 14,6% занятых работает на вредных предприятиях, и из них 10,5% имеют ДМС (по сравнению с 6% среди тех, кто не связан с вредными условиями на работе). В самом деле, 96% этих полисов приобретены работодателями, таким образом, гипотеза подтверждается. На государственных предприятиях в момент опроса было занято 47,0% респондентов; более 22% из них имеют полис, практически во всех случаях оплаченный работодателем. Что касается иностранных предприятий, то на них работают только 3,7%, и среди них пользуются ДМС — 7,6%. Чаще всего это тоже «социальный пакет» на предприятии.

Связаны ли продолжительность рабочего дня и наличие полиса среди занятых? Однозначно предположение сделать трудно; данные показали, что чаще всего имеют полис люди с «нормальной» продолжительностью рабочего дня (от 5 до 12 часов), их в выборке более 90%. Что касается занятых менее 5 часов в день, вероятнее всего, это люди с неполным рабочим днем, или специфическими характеристиками работы, поэтому не удивительно, что лишь 46% из тех, кто пользуется ДМС, полис оплачивает работодатель (46% покупают его самостоятельно).

Таким образом, мы увидели, что полис ДМС более доступен прежде всего тем, кто имеет работу, а среди них — занимающим более высокую должность, оформленным на работе официально, работающим на государственных предпри-

ятнях или тех, где есть вредные условия труда. Кроме того, ДМС чаще пользуются люди из Москвы или Санкт-Петербурга, с высокими доходами и образованием. Это говорит о том, что пока в России существуют высокие барьеры доступности ДМС.

Теперь протестируем гипотезы о влиянии различных факторов на вероятность наличия полиса ДМС на основе регрессионного анализа. Это позволит нам оценить значимость каждого из них «при прочих равных условиях», а также сравнить силу их эффекта. Мы использовали один и тот же набор детерминант для нескольких регрессионных моделей:

- тип населенного пункта;
- семейное положение;
- пол;
- национальность;
- возраст и возраст в квадрате;
- логарифм душевого дохода;
- образование;
- профессиональная группа;
- самооценка состояния здоровья;
- количество детей различных возрастных категорий.

Первая модель (бинарной логистической регрессии) была оценена для дихотомической зависимой переменной, принимающей значение 1 в случае, если у респондента есть полис ДМС, и 0 – в противном случае (см. таблицу 2).

Оценки модели показали, что самое сильное позитивное влияние на вероятность обладания полисом ДМС имеют занятые по сравнению с незанятыми, причем у квалифицированных рабочих вероятность иметь полис возрастает по сравнению с незанятыми более чем в четыре раза, у специалистов с высшим образованием – в 3,4 раза, у неквалифицированных рабочих – в 3 раза, а у руководителей предприятий и специалистов со средним образованием – в 2,8 раза.

Следующая по силе детерминанта – натуральный логарифм душевого дохода; при его возрастании на единицу (то есть при росте дохода примерно в два раза) вероятность наличия полиса ДМС увеличивается почти вдвое. Высока также степень влияния образования: лица с высшим образованием склонны к обладанию полисом в 1,7 раза, а со средним профессиональным образованием – в 1,25 раза по сравнению с теми, у кого нет профессионального образования.

Значимым позитивным фактором оказалось также количество несовершеннолетних детей – как до 1 года, так и старше 7 лет. Выше мы уже останавливались на объяснении того, почему имеющие детей могут больше заботиться о своем здоровье; однако труднее объяснить факт, что количество детей в возрасте 1–6 лет не оказывает влияния на изучаемую переменную.

Наконец, ожидаемое негативное влияние было выявлено для факта проживания в сельской местности (вероятность обладания полисом ДМС на 70% ниже, чем в Москве и Санкт-Петербурге) и нестоличном городе (соответственно на 28% ниже). Кроме того, по сравнению с людьми, состоящими в браке, ниже вероятность приобретения ДМС для никогда не состоявших в браке (на 26%) и разведенных и овдовевших (на 40%).

Таблица 2

Бинарная логистическая регрессия¹, RLMS-HSE, население старше 18 лет, 2012 г.

Независимые переменные	Exp(B)
ПГТ или село (база – Москва и Санкт-Петербург)	0,298***
Город	0,720***
Никогда в браке не состояли (база – состоит в браке)	0,603***
Разведены/Вдовец/Вдова	0,735**
Мужской пол	1,123
Русские	1,184
Возраст	1,024
Возраст квадрат	1,000
Логарифм душевого дохода	1,956***
Законченное среднее специальное образование (база – среднее общее образование)	1,250**
Законченное высшее образование и выше	1,738***
Руководители предприятий и законодатели (база – незанятые)	2,808***
Специалисты с высшим образованием	3,426***
Специалисты со средним образованием или сферы услуг	2,820***
Квалифицированные рабочие	4,183***
Неквалифицированные рабочие	3,003***
Плохое здоровье по самооценке (база – средний уровень здоровья)	0,722
Хорошее	0,915
Количество детей до 1 года	1,623**
Количество детей с 1 до 3-х лет	0,757
Количество детей с 4 до 6-ти лет	1,206
Количество детей с 7 до 17-ти лет	1,158*
N	16 065
Nagelkerke R Square	0,143

*** – 1% значимость, ** – 5% значимость, * – 10% значимость.

Однако некоторые социально-демографические характеристики, для которых мы обнаруживали различия на уровне перекрестных распределений, оказались в модели незначимыми: это пол, национальность, возраст и самооценка здоровья.

Но данная модель позволила нам выяснить только «барьеры» доступности добровольного медицинского страхования в целом. Для того, чтобы оценить также факторы, влияющие на вероятность наличия полиса ДМС, оплаченного работодателем и самостоятельно, мы оценили модель мультиномиальной логистической регрессии с зависимой переменной, принимающей три значения:

- отсутствие полиса ДМС;
- наличие полиса, оплаченного работодателем;
- наличие полиса, оплаченного самостоятельно или другими лицами.

¹ Зависимая переменная – наличие полиса ДМС.

Таблица 3

Мультиномиальная логистическая регрессия¹, RLMS-HSE, население старше 18 лет, 2012 г.

Независимые переменные	Exp(B) для категории зависимой переменной	
	1	2
ПГТ или село (база – Москва и Санкт-Петербург)	0,332***	0,144***
Город	0,630***	1,185
Никогда в браке не состояли (база – состоит в браке)	0,442***	1,263
Разведены/Вдовец/Вдова	0,675**	0,801
Мужской пол	1,162	0,966
Русские	1,081	1,521
Возраст	1,025	1,031
Возраст квадрат	1,000	1,000
Логарифм душевого дохода	2,024***	1,813***
Законченное среднее специальное образование (база – среднее общее образование)	1,305**	1,110
Законченное высшее образование и выше	1,887***	1,560*
Руководители предприятий и законодатели (база – незанятые)	7,829***	0,931
Специалисты с высшим образованием	10,358***	0,735
Специалисты со средним образованием или сферы услуг	9,026***	0,515**
Квалифицированные рабочие	13,818***	0,693
Неквалифицированные рабочие	7,343***	1,421
Плохое здоровье по самооценке (база – средний уровень здоровья)	0,823	0,553
Хорошее	0,861	1,213
Количество детей до 1 года	1,630**	1,737
Количество детей с 1 до 3-х лет	0,668	0,979
Количество детей с 4 до 6-ти лет	1,195	1,355
Количество детей с 7 до 17-ти лет	1,145	1,257
N	16054	
Nagelkerke R Square	0,16	

*** – 1% значимость, ** – 5% значимость, * – 10% значимость.

В первом варианте оценивания базовой категорией выступила «отсутствие полиса ДМС» (см. таблицу 3). Таким образом, мы можем сравнить влияние факторов как на наличие полиса ДМС от работодателя, так и на наличие приобретенного самостоятельно, по сравнению с его отсутствием. В первом случае все детерминанты фактически совпадают с описанным выше случаем (хотя сила влияния может отличаться). Это не удивительно, так как, как мы видели выше, подавляющее количество полисов в России приобретаются предприятием. Однако

¹ Зависимая переменная – базовое значение – нет полиса ДМС, 1 – полис ДМС приобретен работодателем, 2 – полис ДМС приобретен самостоятельно.

в данном случае еще выше влияние должности. Так, по сравнению с незанятыми, вероятность иметь полис от работодателя выше у квалифицированных рабочих в 13,8 раза, у специалистов с высшим образованием – в 10,4 раза, у специалистов со средним образованием – в 9 раз, у руководителей и неквалифицированных рабочих – более чем в 7 раз. Сила влияния остальных факторов сохраняется примерно на прежнем уровне, за исключением количества детей старше 7 лет.

Что касается детерминант наличия полиса ДМС, оплаченного самостоятельно или членами семьи, то в этом случае количество значимых коэффициентов существенно меньше. При этом самое сильное влияние на вероятность иметь такой полис, по сравнению с отсутствием ДМС, оказывает логарифм душевого дохода (при его возрастании на единицу зависимая переменная возрастает в 1,8 раза). Второй значимой переменной является высшее образование (хотя и на уровне 10%) – его наличие повышает вероятность самостоятельно приобретенного полиса на 56%. Наконец, значимыми, но негативно влияющими факторами, оказались проживание в сельской местности (вероятность снижается на 85% по сравнению с жителями Москвы и Санкт-Петербурга) и должность специалиста со средним профессиональным образованием (снижение вероятности на 48%). Не оказывают влияния на склонность к самостоятельному приобретению полиса ДМС такие факторы, как проживание в другом городе (кроме Москвы и Санкт-Петербурга); семейное положение; количество детей. Кроме того, подтвердилось отсутствие влияния возраста, состояния здоровья, пола и национальности.

Наконец, в таблице 4 мы можем сравнить, влияние каких факторов значимо для приобретения полиса ДМС самостоятельно, по сравнению с ДМС, оплаченным работодателем (базовая категория). Чаще приобретают такой полис люди, которые не состояли в браке (вероятность выше в 2,8 раза) и проживающие в других городах, по сравнению с Москвой и Санкт-Петербургом (вероятность выше в 1,9 раза). Напротив, реже самостоятельно покупают полис ДМС все категории занятых по сравнению с неработающим населением, а также жители сельской местности.

Таким образом, можно сказать, что часть гипотез не подтвердилась: в частности, не выявлено значимое влияние возраста, пола, состояния здоровья и наличия детей на наличие полиса ДМС. Возрастные различия в обеспеченности, скорее всего, связаны с различиями в занятости и должностном статусе.

Так как 80% имеющих полис ДМС получили его от предприятия, не удивительно, что именно профессиональный статус оказывает наибольший эффект на вероятность обладания этим типом страхования. Однако дополнительного объяснения требует тот факт, что работодатели чаще приобретают полис квалифицированным рабочим, чем специалистам с высшим образованием и руководителям. Работодатели чаще оплачивают полис ДМС в городах, людям, состоящим в браке, с высшим образованием, и имеющим более высокие доходы.

В то же время было выявлено только три фактора, стимулирующих самостоятельное приобретение полиса ДМС: это высокие душевые доходы, высшее образование и проживание в Москве и Санкт-Петербурге (что не опровергает выдвинутые ранее гипотезы). Эти же факторы представляют собой и барьеры доступа к ДМС. Однако важно, что ни возраст, ни состояние здоровья не влияют на склонность к страхованию здоровья: это говорит о том, что население России

в целом пока не склонно к разделению риска и не склонно нести постоянные издержки на инвестиции в здоровье с уменьшением его запаса. Это подтверждает наше предположение о том, что в настоящее время необходима специальная политика по продвижению добровольного медицинского страхования, объяснению его преимуществ, созданию диверсифицированных продуктов ДМС с разным набором состава услуг и, возможно, их качества.

Таблица 4

Мультиномиальная логистическая регрессия¹, RLMS-HSE, население старше 18 лет, 2012 г.

Независимые переменные	Exp(B) для категории зависимой переменной	
	1	2
ПГТ или село (база – Москва и Санкт-Петербург)	3,014***	0,435*
Город	1,587***	1,880**
Никогда в браке не состояли (база – состоит в браке)	2,263***	2,858***
Разведены/Вдовец/Вдова	1,482**	1,187
Мужской пол	0,861	0,831
Русские	0,925	1,407
Возраст	0,975	1,005
Возраст квадрат	1,000	1,000
Логарифм душевого дохода	0,494***	0,896
Законченное среднее специальное образование (база – среднее общее образование)	0,766**	0,851
Законченное высшее образование и выше	0,530***	0,827
Руководители предприятий и законодатели (база – незанятые)	0,128***	0,119***
Специалисты с высшим образованием	0,097***	0,071***
Специалисты со средним образованием или сферы услуг	0,111***	0,057***
Квалифицированные рабочие	0,072***	0,050***
Неквалифицированные рабочие	0,136***	0,194***
Плохое здоровье по самооценке (база – средний уровень здоровья)	1,215	0,672
Хорошее	1,161	1,409
Количество детей до 1 года	0,613**	1,065
Количество детей с 1 до 3-х лет	1,497	1,465
Количество детей с 4 до 6-ти лет	0,837	1,134
Количество детей с 7 до 17-ти лет	0,873	1,098
N	16 054	
Nagelkerke R Square	0,16	

*** – 1% значимость, ** – 5% значимость, * – 10% значимость.

¹ Зависимая переменная – базовое значение – полис ДМС приобретен работодателем, 1 – нет полиса ДМС, 2 – полис ДМС приобретен самостоятельно.

Швецова Т. А., Рощина Я. М.

РОЖДЕНИЕ РЕБЕНКА ИЛИ ПРЕРЫВАНИЕ БЕРЕМЕННОСТИ: ЧТО ВЛИЯЕТ НА ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЯ РОССИЯНКАМИ?

Низкий уровень рождаемости в России наблюдается на протяжении последних сорока лет. Если в 1950 г. число родившихся на тысячу человек составляло 26,9 человека, то к 1990-м годам данный показатель снизился до 10,9. Только после 2002 г. рождаемость начала расти и к 2013 г. достигла 14,5 рождений на тысячу человек. Однако коэффициент рождаемости 2013 г. был существенно ниже значения 1950 г. В 1950 г. естественный прирост населения равнялся 16,8 на тысячу человек. В 2011 г., напротив, наблюдалась естественная убыль на уровне – 0,9. При этом в 2011 г. умерших на тысячу человек было больше, чем в 1950 г.¹ В 2013 г. естественный прирост населения России достиг нулевого значения.

Существуют два подхода к объяснению низкой рождаемости в России: системный и факторный. Под факторным подходом подразумевается объяснение сложившейся ситуации со ссылкой на различные факторы, среди которых: низкий уровень жизни, безработица, высокая занятость женщин на рынке труда, стремление к самореализации и пр. Системный подход базируется на концепции демографического перехода, т. е. объясняет снижение рождаемости с точки зрения общего политического, социального и экономического положения страны, в том числе с точки зрения изменения социальных ценностей, институтов и общества в целом². В данной работе мы будем использовать факторный подход, поскольку наша цель – выявить те факторы, которые влияют на решение женщин детородного возраста (18–45 лет) родить ребенка или прервать беременность.

Мы не случайно затронули показатели рождаемости в России с 1950 по 2011 г. Между 1960-ми и 1970-ми гг. естественный прирост населения падает с 15,8 до 5,9 на тысячу человек³. Именно в это время произошел резкий рост коли-

¹ Федеральная служба государственной статистики. Демография. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/ (дата обращения: 02.04.2015).

² Вишневецкий А. Г. Глобальные детерминанты низкой рождаемости // Синергетика. Будущее мира и России / Под ред. Г. Г. Малинецкого. М.: ЛКИ, 2008. С. 71–91.

³ Федеральная служба государственной статистики. Демография. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/ (дата обращения: 02.04.2015).

чества аборт. Данная тенденция прослеживается с конца 1950-х гг. и достигает пика в 1964 г., когда было зарегистрировано 5,6 млн случаев абортов¹. В дальнейшем показатель постепенно падал и достиг нового пика только в 1988 г., когда было зарегистрировано 4,6 млн абортов.

Так как с 1950-х по 1990-е гг. рождаемость в России снижалась, можно предположить, что все больше женщин прибегало к практике использования контрацептивов, вытесняя тем самым практику совершения абортов. Однако в 1993 г. число абортов достигло 235 на 100 родов (для сравнения, в 1968 г. количество абортов на 100 родов было равно 293, в 1987 г. — 175, в 2002 г. — 139). Вероятно, здесь сыграла свою роль сложившаяся социально-экономическая и политическая ситуация. Многие семьи не могли позволить себе родить ребенка, находясь в трудном материальном положении.

Начиная с 2000 г. темпы естественной убыли населения падают, а число абортов сокращается. Однако достаточно низкий уровень рождаемости сохраняется. Это означает, что многие пары заинтересованы в регулировании деторождения и все большее их количество прибегает к использованию контрацептивов. Данная тенденция является весьма благоприятной для России. Меньшее количество абортов является следствием снижения нежелательных беременностей. Хотя долгие годы российские женщины были скорее склонны к совершению аборта, нежели к применению контрацепции. Если раньше большая часть населения выбирала «народные» методы, то к концу 1990-х гг. большее предпочтение отдавалось внутриматочным спиральям (ВМС) и гормональным контрацептивам.

Обследования в области применяемых методов контрацепции среди женщин до сих пор слабо распространены. Сбор данных по применению внутриматочных спиралей и гормональных контрацептивов осуществляет Министерство здравоохранения России. В 2011 г. среднегодовое число абортов на 100 родившихся живыми и мертвыми составило 55,9. В 2005 г. этот показатель был равен 105,4, в 2008 г. — 73,1². Для сравнения, в период с 1991 по 1997 г. данный показатель превышал 200 абортов. Только с 1998 г. число абортов постепенно снизилось.

К сожалению, статистика не дает полных сведений о категориях женщин, прерывающих беременность: нет данных о том, к каким группам населения они относятся. Однако существуют выборочные обследования, которые позволяют более подробно узнать о существовании некоторых закономерностей. Как показало обследование «Родители и дети, мужчины и женщины» (РидМиЖ) в 2004 г., число абортов, в среднем совершаемых женщиной, зависит от таких факторов, как уровень образования, религиозность, тип населенного пункта, метод контрацепции и брачное/партнерское состояние. По данным на 2004 г., среднее число абортов на одну женщину, имеющую высшее образование, составляло 1,66, в то время как этот показатель для женщин со средним профессиональным образованием был равен 2,11. Несмотря на то, что в выборку входили только православные женщины,

¹ Аборт или планирование семьи? // Население и общество: Информационный бюллетень Центра демографии и экологии человека Института народнохозяйственно прогнозирования РАН. Декабрь 2006. № 105. URL: <http://www.demoscope.ru/acrobat/ps105.pdf> (дата обращения: 02.04.2015).

² Характеристика абортов в Российской Федерации // Основные показатели здоровья и матери ребенка / Министерство здравоохранения Российской Федерации: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rosminzdrav.ru/documents/6686-statisticheskaya-informatsiya> (дата обращения: 02.04.2015).

среднее число абортотв на одну женщину в зависимости от степени религиозности различно. Так, если женщина сильно религиозна, данный показатель был равен 1,66, если же слабо религиозна – 1,97¹.

Интересные результаты дала вторая волна обследования РидМиЖ, проведенная в 2007г.² По сравнению с первой волной с 2004 г. количество женщин, имеющих партнера и использующих контрацептивы, упало с 84,2 до 79,5%. В то же время возросла доля пар, которые не собираются предотвращать беременность, что говорит о желании завести ребенка. Это стремление было выше у молодых и бездетных пар, зарегистрированных в браке, чем у пар, проживающих в фактическом браке.

Таким образом, с каждым годом в России растет число женщин, предпочитающих аборту планирование семьи, контроль над деторождением. Если в 2005 г. по данным Министерства здравоохранения РФ гормональной контрацепцией пользовались 94 из 1000 женщин фертильного возраста, то к 2011 г. их число увеличилось до 117,9. В то же время в конце 2011 г. 120,9 женщин из 1000 женщин фертильного возраста состояло под наблюдением в связи с наличием ВМС (внутриматочные спирали)³. Для сравнения, в 2005 г. внутриматочными спиралями пользовались 136,8 из 1000 женщин. Данная тенденция вполне объяснима показателями указанного периода по использованию гормональной контрацепции.

В целом какие-либо методы предохранения от беременности в 2011 г. использовали лишь 238,8 женщин из 1000 женщин фертильного возраста⁴. По сравнению с 2005 г. данный показатель вырос на 8 единиц, однако оставался сравнительно невысоким.

Источник данных, выборка и измерение основных переменных

Источником данных в представленной работе является база данных RLMS за 2012 г., на основе которой мы сможем выявить те факторы (переменные), которые влияют на принятие решения о рождении ребенка или прерывании беременности. Кроме того, использовались данные за 2013 г. о том, родила ли женщина ребенка (собирается родить) или прервала беременность (собирается прервать). В итоговую выборку было включено 3886 женщин. Выборка формировалась в два этапа. Первоначально были отобраны женщины фертильного возраста (18–45 лет), опрошенные в 21-й волне обследования РМЭЗ (2012 г.). Данная выборка состояла из 5013 женщин. Затем из выборки были исключены женщины:

¹ Аборт или планирование семьи? // Население и общество. Декабрь 2006. № 105. URL: <http://www.demoscope.ru/acrobat/ps105.pdf> (дата обращения: 02.04.2015).

² Сакевич В. И. Особенности внутрисемейного контроля рождаемости в России // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. М.: НИСП, 2009. С. 119–138.

³ Профилактика абортотв // Основные показатели здоровья и матери ребенка / Министерство здравоохранения Российской Федерации: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rosminzdrav.ru/documents/6686-statisticheskaya-informatsiya> (дата обращения: 02.04.2015).

⁴ Там же.

1. Данные о которых отсутствуют в опросе 22-й волны (2013 г.).
2. Беременные со сроком более 3-х месяцев в 21-й волне (те, кто родили ребенка в течение шести месяцев после проведения опроса 21-й волны).

В исследование включены следующие независимые переменные из 21-й волны: социально-демографические и экономические характеристики женщины и ее семьи, а также данные опроса о репродуктивном здоровье. Зависимая переменная построена на основании данных 22-й волны. Она имеет три значения: 1 – женщина после опроса 21-й волны родила или в момент опроса 22-й волны беременна и собирается родить ребенка; 2 – женщина после опроса 21-й волны делала аборт или в момент опроса 22-й волны беременна и намерена прервать беременность; 3 – женщина после опроса 21-й волны не была беременна (базовая категория).

Выделим основные характеристики финальной выборки (3886 женщин). Распределение женщин по возрасту примерно равномерно в интервалах 26–30 лет, 31–35 лет, 36–40 лет, 41–45 лет (19–20% группы). Самую малую долю составляют девушки 18–20 лет (7,2%). Почти половина женщин имеют законченное среднее образование и ниже. Законченное высшее образование имеют 31% женщин. Половина женщин состоит в зарегистрированном браке, почти четверть женщин никогда в браке не состояли. Проживают в незарегистрированном браке 15,5% женщин, и 8,6% женщин разведены. При этом 71% опрошенных женщин имеют детей. Если говорить об основной занятости, то неработающих женщин на момент опроса было 30%, кроме того, 7% женщин находились в декретном отпуске или отпуске по уходу за ребенком (см. таблицу 1).

Таблица 1

Сравнение основных социально-экономических характеристик женщин 18–45 лет из полной и финальной выборок, RLMS-HSE, 2012 г., %

	Полная (N=5013)	Финальная (N=3886)
Возраст		
18–20 лет	7,8	7,2
21–25 лет	17,6	15,9
26–30 лет	20,8	20,0
31–35 лет	18,6	18,7
36–40 лет	18,7	19,9
41–45 лет	16,5	18,2
Законченное образование		
Окончила 0–6 классов	0,3	0,3
Незаконченное среднее образование (7–8 кл)	1,5	1,4
Незаконченное среднее образование (7–8 кл) + что-то еще	15,3	15,9
Законченное среднее образование	27,9	28,0
Законченное среднее специальное образование	23,2	23,5
Законченное высшее образование и выше	31,7	30,8

Продолжение таблицы 1

	Полная (N=5013)	Финальная (N=3886)
Семейное положение		
Никогда в браке не состояли	24,1	23,4
Состоите в зарегистрированном браке	50,1	50,4
Живете вместе, но не зарегистрированы	15,5	15,5
Разведены и в браке не состоите	8,4	8,6
Вдова	1,3	1,4
Официально зарегистрированы, но вместе не проживают	0,7	0,7
Наличие детей		
Нет	31,9	29,1
Да	68,1	70,9
Отношение к религии		
Верующий человек	39,9	39,4
Скорее верующий, чем неверующий человек	50,5	51,6
Скорее неверующий, чем верующий человек	5,5	5,4
Неверующий человек, атеист	4,1	3,6
Занятость		
Вы сейчас работаете	62,0	63,5
Вы находитесь в отпуске декретном или по уходу за ребенком до 3-х лет, или в другом отпуске	8,2	7,4
У Вас сейчас нет работы	29,8	29,1

Если сравнивать эту выборку с выборкой всех женщин 18–45 лет, опрошенных в 21-й волне (5013 женщин), то процентное распределение по каждому социально-демографическому параметру примерно одинаково (почти во всех случаях отклонение в доле не превышает 2%, исключение составляет показатель наличия детей: 71% по финальной выборке и 68% по исходной выборке). Таким образом, финальная выборка по основным характеристикам не отличается от полной выборки и является несмещенной.

В исследовании также использовались данные опроса женщин 2012 г. (Проект «Россия»), в нем принимали участие более 70% женщин 18–45 лет. Отличительная черта данного опроса в том, что он направлен на изучение репродуктивного поведения женщин. Поэтому нами были отобраны некоторые переменные, которые могут влиять на репродуктивное поведение, включая прерывание беременности.

На основании нескольких вопросов 22-й волны была создана новая зависимая переменная, отражающая прежде всего фактическое поведение (роды, аборт или отсутствие того и другого), а также намерения для беременных на момент опроса. Мы использовали вопросы о рождении ребенка или наличии аборта за последние 12 месяцев, наличии беременности на момент опроса, а также намерении рожать ребенка. Была создана новая переменная, которая разделяет женщин на три группы:

1. Женщины, у которых за этот период между опросами не было ни родов, ни аборта.
2. Женщины, у которых за этот период были роды или кто сейчас ждет ребенка и собирается его рожать.
3. Женщины, у которых за этот период был аборт или кто сейчас ждет ребенка и не собирается его рожать.

Для данного исследования в качестве факторов были отобраны следующие характеристики: тип населенного пункта, семейное положение, количество членов семьи, профессиональная группа, образование, основная занятость, страх потерять работу, оценка материального положения, удовлетворенность жизнью, отношение к религии, наличие детей, наличие жилья в собственности, наличие современной бытовой техники, квинтильная группа по душевому доходу, оценка собственного здоровья, наличие хронических заболеваний. Также использовались переменные, касающиеся репродуктивного поведения женщины (эти характеристики имеются не для всей выборки женщин), в том числе возраст первой половой связи и способ предохранения от нежелательной беременности.

Выбор этих переменных в качестве детерминант принятия решения о рождении ребенка или прерывания беременности был основан на экономической теории фертильного поведения, основы которой были заложены в 1950-х годах. Согласно этой теории, семьи с высокой ценностью детей и высокими доходами мужа более склонны к рождению детей. Напротив, более высокие заработки женщины скорее являются препятствием к большому количеству детей в семье, так же как и образование родителей, так как оно повышает требования к «качеству» детей. Эти гипотезы были подтверждены в многочисленных эмпирических исследованиях.

Дж. Хекман и Дж. Уолкер¹ установили, что заработная плата жены влияет на фертильность отрицательно, а заработная плата мужа — положительно. Белые женщины по сравнению с черными чаще откладывают время рождения первого ребенка. М. Гроссман и Т. Джойс² проанализировали решения беременной женщины о рождении или об аборте. Один из полученных результатов свидетельствует о том, что черные женщины, для которых теневая цена контрацепции является относительно высокой, с большей вероятностью прервут беременность, чем белые, для кого теневая цена ниже и чья беременность с большей вероятностью будет запланированной.

К. Отани³ обнаружил, что уровень образования жены и мужа, занятость жены и возраста при вступлении в брак влияют отрицательно на число детей, а продолжительность брака, религиозность жены, число комнат в доме, напротив, имеют положительный эффект. Очень важный аспект проанализирован Р. Вонгом и Р. Левиным,⁴

¹ Heckman J. J., Walker J. R. The Relationship between Wages and Income and the Timing and Spacing of Births: Evidence from Swedish Longitudinal Data // *Econometrica*. 1990. No 58(6). P. 1411–1422.

² Grossman M., Joyce T. J. Unobservables, Pregnancy Resolutions, and Birth Weight Production Functions in New York City // *Journal of Political Economy*. 1990. No 98(5). P. 983–1007.

³ Otani K. The Cigno Model and Cumulative Fertility in Canada and Japan: the Effects of Wife's Education and Work Experience // *Kansai University Review of Economics and Business*. 1996. No 24(1–2): 1–26.

⁴ Wong R., Levine R. E. The effect of Household Structure on Women's Economic Activity and Fertility: Evidence from Recent Mothers in Urban Mexico // *Economic Development and Cultural Change*. 1992. Vol. 41. No 1. P. 89–102.

оценившими влияние присутствия дополнительного члена семьи (который может ухаживать за ребенком) в домашнем хозяйстве на вероятность рождения ребенка за последние пять лет (эффекты не найдены). Факторы рождаемости в России по данным RLMS изучены для периода 1990-х – начала 2000-х гг.¹, а по данным исследования «Родители и дети, мужчины и женщины» (РидМиЖ) – для середины 2000-х гг.²

Взаимосвязь вероятности прерывания беременности и социально-экономических факторов

Обратимся теперь к данным RLMS за 2012 г., представленным в [таблице 2](#).

Таблица 2

Вероятность родов, аборта или отсутствия того и другого в будущем периоде среди женщин 18–45 лет из разных социально-экономических групп. RLMS-HSE, 2012 г. (21 раунд)

Характеристики в 21-й волне	N (чел.)	Роды или аборт в 22-м раунде, гориз. %		
		Нет*	Роды**	Аборт***
Вся выборка	3826	92,9	5,8	1,3
Тип населенного пункта				
Москва, Санкт-Петербург	374	96,1	3,1	0,8
Областной центр	1167	92,3	6,3	1,4
Другой город	1051	92,3	6,4	1,3
ПГТ, село	1294	93,1	5,5	1,4
Возрастные группы				
18–20 лет	274	94,2	5,5	0,4
21–25 лет	606	87,1	10,6	2,3
26–30 лет	764	88,0	10,7	1,3
31–35 лет	720	92,4	6,3	1,4
36–40 лет	764	96,5	2,0	1,6
41–45 лет	698	99,6	0,0	0,4
Семейное положение				
Никогда в браке не состояли	883	95,0	4,5	0,5
Состоите в зарегистрированном браке	1931	92,0	6,8	1,2
Живете вместе, но не зарегистрированы	586	90,6	6,8	2,6
Разведены и в браке не состоите	328	96,3	2,1	1,5
Вдовец (вдова)	52	96,2	0,0	3,8
Официально зарегистрированы, но вместе не проживают	26	96,2	0,0	3,8

¹ Рощина Я. М. Моделирование факторов склонности семьи к рождению ребенка в России // Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры (SPERO). 2006. № 5. С. 98–133.

² Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. М.: НИСП, 2007; Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. М.: НИСП, 2009.

Продолжение таблицы 2

Характеристики в 21-й волне	N (чел.)	Роды или аборт в 22-м раунде, гориз. %		
		Нет*	Роды**	Аборт***
Количество членов семьи				
1	97	94,8	3,1	2,1
2	539	91,7	7,1	1,3
3	1225	92,7	6,1	1,1
4	1058	95,3	4,0	0,8
5 и более	907	91,0	6,9	2,1
Наличие и количество детей				
Нет детей	1104	91,2	8,2	0,6
1	1481	92,6	6,3	1,1
2	1023	95,7	2,3	2,0
3 и более	217	90,8	6,0	3,2
Нет детей до 1 года	3663	93,3	5,6	1,1
Есть дети до 1 года	163	84,7	10,4	4,9
Нет детей от 1 до 3 лет	3335	93,3	5,5	1,2
Есть дети от 1 до 3 лет	491	90,2	7,9	1,8
Нет детей от 4 до 6 лет	3187	93,4	5,5	1,1
Есть дети от 4 до 6 лет	639	90,5	7,2	2,3
Нет детей от 7 до 17 лет	2299	91,8	7,1	1,0
Есть дети от 7 до 17 лет	1527	94,6	3,7	1,7
Законченное образование				
Окончил 0–6 классов	11	100,0	0,0	0,0
Незаконченное среднее образование (7–8 кл)	53	98,1	1,9	0,0
Незаконченное среднее образование (7–8 кл) + что-то еще	603	91,2	6,6	2,2
Законченное среднее образование	1068	94,0	4,6	1,4
Законченное среднее специальное образование	898	92,3	5,9	1,8
Законченное высшее образование и выше	1176	92,9	6,6	0,5
Тип жилья				
Ваше жилье	3326	93,6	5,3	1,1
Снимаете жилье или живете в общежитии	469	88,9	8,5	2,6
Квintильная группа по душевому доходу				
1 – самые бедные	816	90,9	7,1	2,0
2	686	91,7	7,9	0,4
3	684	92,4	6,0	1,6
4	694	95,0	4,0	1,0
5 – самые богатые	741	94,6	4,0	1,3

Продолжение таблицы 2

Характеристики в 21-й волне	N (чел.)	Роды или аборт в 22-м раунде, гориз. %		
		Нет*	Роды**	Аборт***
Как изменилось материальное положение Вашей семьи за последние 12 месяцев?				
Значительно улучшилось	107	85,0	11,2	3,7
Немного улучшилось	1081	93,0	5,7	1,3
Осталось без изменений	1985	93,0	5,8	1,2
Немного ухудшилось	453	93,6	5,5	0,9
Значительно ухудшилось	142	93,0	4,2	2,8
Как Вы думаете, через 12 месяцев Вы и Ваша семья будете жить лучше или хуже, чем сегодня?				
Будете жить намного лучше	193	89,6	9,3	1,0
Будете жить немного лучше	1299	92,1	6,4	1,5
Ничего не изменится	1389	93,7	5,6	0,7
Будете жить немного хуже	194	93,3	4,1	2,6
Будете жить намного хуже	48	93,8	4,2	2,1
Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом в настоящее время?				
Полностью удовлетворены	379	88,9	9,8	1,3
Скорее удовлетворены	1733	92,7	6,1	1,2
И да, и нет	903	94,0	5,3	0,7
Не очень удовлетворены	639	94,1	3,8	2,2
Совсем не удовлетворены	160	94,4	3,1	2,5
Насколько Вы удовлетворены своим материальным положением в настоящее время?				
Полностью удовлетворены	106	84,9	13,2	1,9
Скорее удовлетворены	792	92,9	5,7	1,4
И да, и нет	742	92,7	6,6	0,7
Не очень удовлетворены	1287	93,2	5,5	1,3
Совсем не удовлетворены	878	93,5	4,8	1,7
На сегодняшний день у Вашей семьи есть какие-то долги по кредитам?				
Нет	2197	93,8	5,4	0,9
Да	1611	91,7	6,4	1,9
Каково Ваше отношение к религии?				
Вы верующий человек	1487	91,9	6,5	1,6
Вы скорее верующий, чем неверующий человек	1948	93,7	5,2	1,1
Вы скорее неверующий, чем верующий человек	200	95,0	4,5	0,5
Вы неверующий человек	135	91,1	6,7	2,2
Как Вы оцениваете Ваше здоровье				
Хорошее или очень хорошее	1862	92,7	6,2	1,1
Среднее, не хорошее, но и не плохое	1824	93,0	5,4	1,6
Плохое или очень плохое	121	95,9	3,3	0,8

Окончание таблицы 2

Характеристики в 21-й волне	N (чел.)	Роды или аборт в 22-м раунде, гориз. %		
		Нет*	Роды**	Аборт***
Наличие хронических болезней				
Нет	1967	92,7	6,5	0,8
Есть	1777	93,1	5,0	1,9
Ваше основное занятие в настоящее время?				
Вы сейчас работаете	2413	93,1	5,7	1,2
Вы находитесь в отпуске декретном или по уходу за ребенком до 3-х лет	282	89,0	8,5	2,5
У Вас сейчас нет работы	1115	93,6	5,2	1,2
Профессиональная группа (только среди занятых)				
Законодатели; крупные чиновники; руководители высшего и среднего звена	91	97,8	2,2	0,0
Специалисты высшего уровня квалификации	642	93,3	5,8	0,9
Служащие средней квалификации	1568	92,2	6,4	1,3
Квалифицированные рабочие	200	92,0	6,0	2,0
Неквалифицированные рабочие всех отраслей	189	91,5	5,8	2,6
Всего	2690	92,6	6,1	1,3
Насколько Вас беспокоит то, что Вы можете потерять работу? (только среди занятых)				
Очень беспокоит	663	94,7	4,2	1,1
Немного беспокоит	801	92,1	6,6	1,2
И да, и нет	318	92,8	5,3	1,9
Не очень беспокоит	531	91,0	7,7	1,3
Совсем не беспокоит	370	91,6	6,5	1,9
Всего	2683	92,5	6,1	1,4

*Не было ни родов, ни аборта.

**Были роды или ждет ребенка и собирается его рожать.

***Был аборт или собирается прервать имеющуюся беременность.

Рассмотрим взаимосвязь рождаемости и типа населенного пункта. Распределение долей женщин, у которых за период между опросами 21-й и 22-й волн были роды или кто сейчас ждет ребенка и собирается его рожать и женщин, у которых за этот период был аборт или кто сейчас ждет ребенка, но не собирается его рожать, показывает, что в сельской местности доля последних выше (1,4%), чем в Москве и Санкт-Петербурге (0,8%), но примерно такая же, как в других городах. В то же время доля родивших женщин или собирающихся родить в областных центрах и других городах самая высокая и составляет более 6,3% (тогда как в обеих столицах – 3,1%, на селе – 5,5%). Таким образом, в обеих столицах ниже как склонность к рождению ребенка, так и доля делавших аборт, что можно объяснить высокой контрацептивной грамотностью. В то же время жители Москвы и Санкт-Петербурга, вероятно, предъявляют более высокие требования к будущим детям, что сказывается на более низкой рождаемости. Более низкая рождаемость на селе может быть объяснена низкими доходами и плохими условиями жизни.

Если говорить о возрастных группах, то здесь наибольший процент женщин, родивших или собирающихся родить. Это женщины 21–25 лет (10,6%) и 26–30 лет (10,7%), что вписывается в стандарты возраста для рождения первого ребенка. Таким образом, зависимость вероятности родов от возраста квадратичная, что соответствует более ранним исследованиям. В то же время наибольшая вероятность аборта наблюдается в возрастной группе 21–25 лет, что, скорее всего, говорит о высокой интенсивности половых связей вне брака и недостаточной грамотности в сфере контрацепции.

Интересные результаты были получены для переменной семейного положения. Так, среди женщин, состоящих в зарегистрированном браке и среди женщин, состоящих в незарегистрированном или гражданском браке, доля родивших или собирающихся рожать одинакова и составляет 6,8%. Однако доля прервавших беременность или собирающихся прервать беременность более, чем в два раза выше среди женщин, проживающих в незарегистрированном браке (2,6%) по сравнению с теми, чьи отношения официально оформлены (1,2%).

Особых различий в зависимости от количества членов семьи выявлено не было. Можно только отметить, что самая высокая доля женщин, прервавших беременность или собирающихся сделать аборт, наблюдается в семьях одиночек (2,1%) и в больших домохозяйствах (2,1%). Это может объясняться тем, что одинокая женщина не всегда берет на себя ответственность за рождение ребенка, в больших же семьях рождению препятствуют низкие доходы.

Более охотно женщины рожали или собираются рожать, если они не имеют детей (8,2%). Доля женщин, совершающих аборты, в этой группе равна всего 0,6%. Самая высокая доля абортов наблюдается, если у женщин уже есть дети до 1 года (4,9%) или у нее 3 и более детей (3,2%).

У женщин с высшим образованием выше вероятность родов и ниже — абортов, что объясняется как более высокими доходами, так и грамотностью в сфере контрацепции. Что касается материального положения, то здесь предсказуемо рождаемость выше среди бедных по сравнению с богатыми. Так, среди самых бедных (квинтильная группа по душевому доходу) 7,1% женщин родили или беременны сейчас и собираются рожать. В этой же группе наблюдается и самая большая доля женщин, сделавших аборт или собирающихся сделать аборт (2%). В то же время среди самых богатых доля родивших или собирающихся родить — 4%, а доля сделавших аборт или собирающихся его сделать — 1,3%.

Если мы посмотрим на то, как изменилось материальное положение семьи женщины за последние 12 месяцев, то увидим, что среди тех, чье материальное положение значительно улучшилось, доля родивших или собирающихся родить женщин равна 11,2%. Однако в этой же группе самая большая доля женщин, сделавших аборт или собирающихся его сделать (3,7%).

На рис. 1 и 2 показана взаимосвязь степени удовлетворенностью жизнью и материальным положением и вероятности родов или аборта. Отчетливо видно, что удовлетворительное материальное положение повышает как количество родов (13,2%), так и количество абортов (1,9%). С удовлетворенностью жизнью ситуация обстоит иначе: самая большая доля родивших или собирающихся рожать женщин располагается среди группы полностью удовлетворенных жизнью женщин (9,8%), самая большая доля прервавших беременность или собирающихся прервать беременность находится среди женщин, совсем не удовлетворенных жизнью (2,5%).

Рис. 1. Взаимосвязь удовлетворенности жизнью в целом и вероятности родов и аборта, %

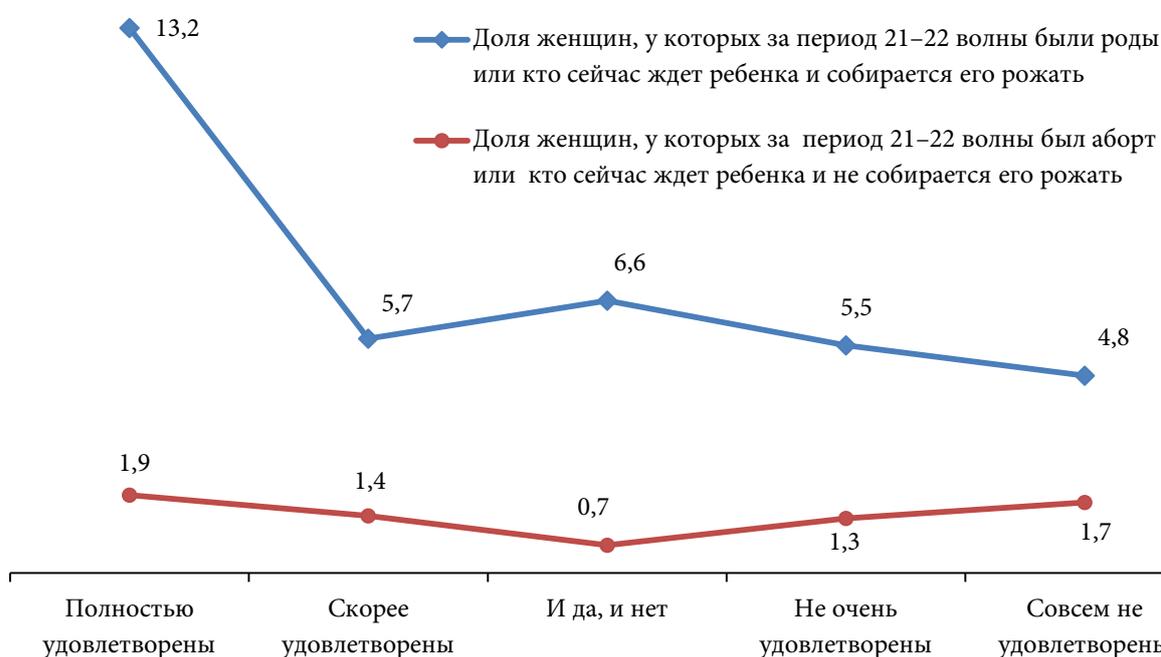

Рис. 2. Взаимосвязь удовлетворенности материальным положением и вероятности родов и аборта, %

Склонность и к родам, и к абортam выше среди тех, кто снимает жилье или проживает в общежитии. Вероятно, это более молодые женщины, возможно, мигранты. Отношение к религии также оказывает влияние на прерывание беременности. Так, среди неверующих доля женщин, сделавших аборт или собирающихся его сделать, — 2,2%, среди верующих — 1,6%. Однако вероятность рождения ребенка примерно одинакова в обеих группах.

Рождаемость выше среди женщин, оценивающих свое здоровье как хорошее и очень хорошее. Склонность к абортам выше среди тех, у кого средняя самооценка здоровья. Если посмотреть на наличие хронических болезней у женщин, то очевидно, что среди тех, у кого есть хронические болезни, доля женщин, прервавших беременность или собиравшихся ее прервать, выше (1,9%), чем среди не имеющих хронических болезней (0,8%).

Можно было ожидать, что занятость на рынке труда оказывает влияние на фертильное поведение. Однако между неработающими и работающими женщинами значимых отличий нет. А вот самая высокая доля женщин, как родивших или собиравшихся родить (8,5%), так и прервавших беременность или собиравшихся прервать (2,5%), выявлена среди женщин, находящихся в декретном отпуске или отпуске по уходу за ребенком (см. рис. 3). Это может говорить об относительно небольшом периоде между рожденьями, а также о недостаточной информированности молодых мам о необходимости контрацепции после родов.

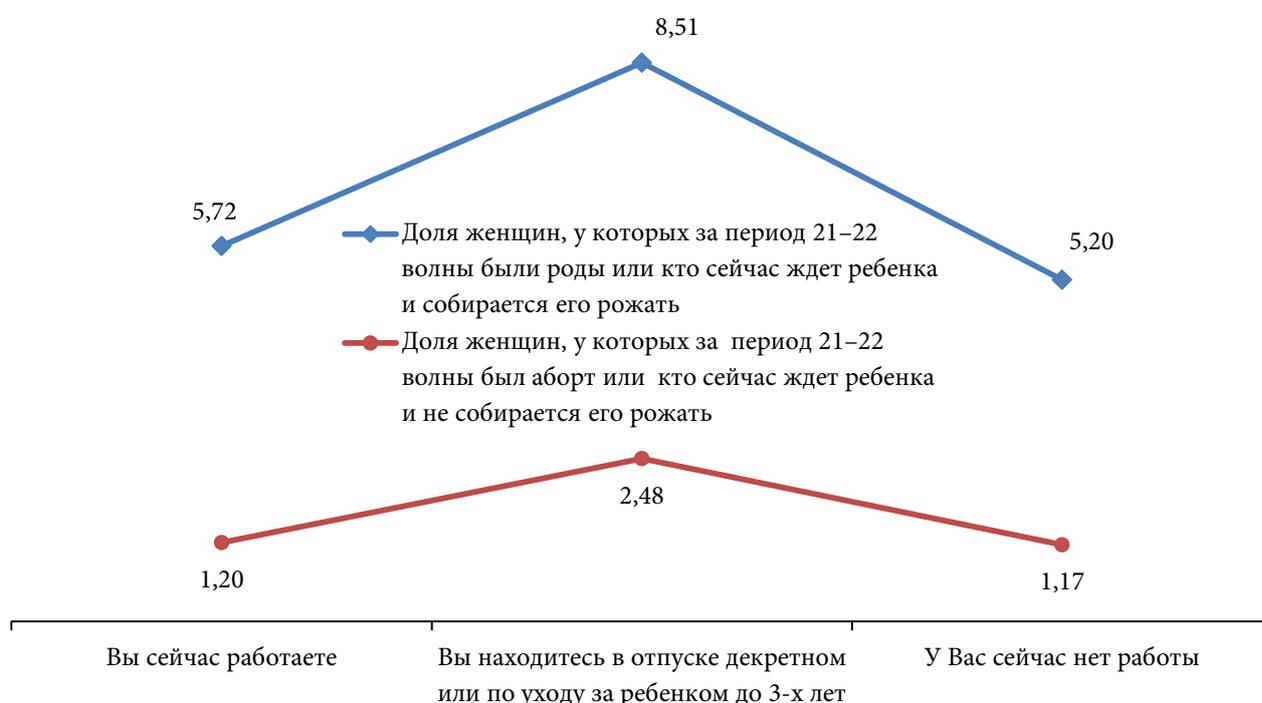

Рис. 3. Взаимосвязь положения на рынке труда и вероятности родов или аборта, %

Что касается профессионального статуса занятых женщины, то чем он ниже, тем выше вероятность абортов. Так, самая высокая доля абортов наблюдается среди неквалифицированных рабочих (2,6%), а среди законодателей, крупных чиновников, руководителей высшего и среднего звена их вообще нет. Ожидаемая взаимосвязь вероятности аборта с беспокойством потерять работу не выявлена, а вот вероятность родить ребенка ниже всего среди тех, кто очень боится ее потерять.

Взаимосвязь вероятности прерывания беременности и репродуктивной истории

Среди всей совокупности женщин (3826) более 60% (2828) участвовали в опросе на тему женского здоровья и фертильного поведения. Мы рассмотрим несколько переменных, характеризующих репродуктивную историю, которые, как мы предполагаем, могут влиять на последующее фертильное поведение (см. таблицу 3).

Таблица 3

Вероятность родов, аборта или отсутствия того и другого в будущем периоде среди женщин 18–45 лет в зависимости от прошлого репродуктивного поведения. RLMS-HSE, 2012 г. (21 раунд)

Характеристики в 21-й волне	N (чел.)	Роды или аборт в 22-м раунде, гориз. %		
		Нет*	Роды**	Аборт***
Вся выборка	2828	93,7	5,1	1,2
В каком возрасте Вы впервые вступили в половую связь?				
Не было половой жизни	317	98,4	1,6	
11–15 лет	141	93,6	5,0	1,4
16–18 лет	1362	91,9	6,3	1,8
19–22 лет	781	94,8	4,5	0,8
23–33 лет	109	91,7	7,3	0,9
Натальная история				
Родила в теч. 24 мес.	276	90,8	6,6	2,6
Рожала ранее	1688	95,0	3,6	1,4
Была беременна, но не рожала	91	86,5	12,4	1,1
Не была беременна	486	89,0	10,8	0,2
Выкидыши				
Были выкидыши	225	91,8	5,0	3,2
Нет	1824	94,3	4,3	1,4
Количество абортов за жизнь				
Не было	1025	92,9	6,1	1,0
1 аборт	430	94,8	3,8	1,4
2 аборта	281	95,0	2,9	2,1
3 аборта	124	96,7	0,8	2,5
4 и более абортов	149	94,6	0,7	4,7
История абортов				
Были аборты за 12 мес.	62	90,2	1,6	8,2
Были аборты ранее	950	95,5	2,7	1,8
Была беременна, но не было абортов	1024	92,9	6,1	1,0
Предохранялись ли за последние 30 дней				
Предохранялись	1325	94,3	4,3	1,4
Не предохранялись	1084	92,7	6,2	1,1
Какой способ предохранения Вы использовали чаще всего в последние 30 дней?				
Презерватив	538	93,7	5,2	1,1
Противозачаточные гормональные таблетки	237	94,9	4,2	0,8
Внутриматочные спирали	265	95,5	3,4	1,1
Прерванный половой акт	126	93,7	4,0	2,4
Другое	121	93,4	3,3	3,3

Продолжение таблицы 3

Характеристики в 21-й волне	N (чел.)	Роды или аборт в 22-м раунде, гориз. %		
		Нет*	Роды**	Аборт***
Вы хотите родить еще одного ребенка?				
Нет	1268	96,8	1,8	1,4
Да	931	88,1	10,7	1,2
Затрудняюсь ответить	212	93,3	5,3	1,4

*Не было ни родов, ни аборта.

**Были роды или ждет ребенка и собирается его рожать.

***Был аборт или собирается прервать имеющуюся беременность.

Среди всех опрошенных 8,2% в 2012 г. еще не вступали в половые отношения. Однако в этой группе 1,6% родили в следующем периоде, в то же время среди них не было абортов. Можно заметить, что возраст начала половой жизни отрицательно влияет на вероятность аборта. Среди женщин, впервые вступивших в половую связь в 23–33 года, наблюдается самая высокая доля рождений (7,3%), в этой же группе один из самых низких процентов совершения аборта (0,9%). В то же время среди женщин, впервые вступивших в половую связь в 11–15 лет, доля рождений составляет 5%, а доля абортов – 1,4%. Вероятно, женщины, чья половая жизнь началась после 23 лет, более ответственно относятся к рождению детей.

Самая высокая вероятность аборта – среди женщин, родивших ребенка в течение последних двух лет (2,6%). Это еще раз подтверждает вывод о необходимости информировать женщин о том, что недавние роды не гарантируют от новой беременности. В то же время молодые мамы довольно часто скоро рожают вновь (6,6%). Выше всего доля рождений (более 10%) и ниже абортов среди тех, кто еще никогда не имел беременности до опроса 21-й волны, или у кого беременность была, но не окончилась родами. Высока также доля абортов среди тех, у кого когда-либо ранее были выкидыши (3,2%), однако не исключено, что в этой группе высока доля прерывания беременности по медицинским показаниям.

Очень показательно, что вероятность аборта в будущем самым тесным образом связана с абортивной историей. У женщин, не прерывавших ранее беременность, она составляет всего 1%, тогда как среди тех, у кого было 4 и более абортов, – 4,7%, а среди тех, кто отказался от родов за 12 месяцев до опроса 21-й волны, – 8,2%. Таким образом, можно сказать, что есть группа женщин (хотя она невелика), для которых аборт остается привычным «методом контрацепции».

Не удивительно, что женщины, которые не предохраняются от беременности, рожают чаще (6,2%), чем остальные (4,2%), но удивительно, что они же и чаще делают аборты. Вполне предсказуемые результаты получились по переменной «Способ контрацепции за последние 30 дней». Наиболее высокий уровень абортов наблюдается среди женщин, использующих мази, свечи, спринцевания, экстренную контрацепцию и т. п. (3,3%), а также прерванный половой акт (2,4%). В то же время доля абортов среди женщин, использующих презерватив, равна 1,1%, а среди женщин, использующих противозачаточные гормональные таблетки, – 0,8%. Самая высокая доля рождений (6,4%) и абортов (2,4%) приходится на женщин, ведущих половую жизнь без контрацептивов. Ожидаемый результат

получен и для фертильных намерений. Среди желающих родить ребенка 10,7% женщин сделали это в следующем году. Среди затруднившихся с ответом родили в следующем году 5,3% женщин. При этом на вероятность аборта желание завести детей практически не повлияло.

Регрессионный анализ факторов, влияющих на вероятность родить ребенка или прервать беременность

Далее мы оценили мультиномиальную регрессионную модель с зависимой переменной: базовая категория – женщина в следующем году не родила ребенка и не прерывала беременность; 1 – родила ребенка; 2 – прервала беременность. Эта регрессия была оценена для двух выборок: в первом случае для всей совокупности женщин, и во втором – для совокупности женщин, которые принимали участие в опросе «Женское здоровье». Кроме того, ниже мы представили результаты регрессионного анализа для зависимой переменной с базовой категорией «родила ребенка», что позволило увидеть детерминанты прерывания беременности по сравнению с родами. Средние значения детерминант для каждой выборки показаны в [таблице 4](#).

Таблица 4

Средние значения переменных регрессий. RLMS-HSE, 2012 г. (21 раунд)

	Вся выборка	Участвовавшие в опросе «ЖЗ»
Характеристики женщины		
Возраст	32,26	32,38
Возраст в квадрате	1099,18	1110,55
Живет в Москве или Санкт-Петербурге	0,10	0,11
Живет в другом городе	0,57	0,55
Никогда не состояла в браке	0,23	0,27
Живут вместе, но не зарегистрированы	0,15	0,14
Разведена/вдова	0,10	0,10
Официально зарегистрированы, но вместе не проживают	0,01	
Законодатели, руководители	0,02	0,02
Специалисты высшего и среднего уровня квалификации	0,37	0,36
Офисные служащие и специалисты в сфере услуг	0,22	0,21
Квалифицированные рабочие	0,05	0,05
Неквалифицированные рабочие	0,05	0,05
Законченное среднее специальное образование	0,24	0,23
Законченное высшее образование и выше	0,31	0,30
Русская	0,88	0,86

Продолжение таблицы 4

Удовлетворенность жизнью	3,40	3,40
Хорошее здоровье по самооценке	0,49	0,49
Плохое здоровье	0,03	0,03
Есть хроническое заболевание у жены	0,47	0,48
Логарифм личного дохода	7,98	7,89
Количество детей	1,11	1,09
Первый сексуальный опыт до 18 лет		0,63
Был когда-либо аборт		0,36
Желание иметь еще одного ребенка		0,42
Характеристики супруга		
Логарифм дохода супруга	5,56	5,10
Супруг работает	0,52	0,48
Супруг занимает руководящую должность	0,04	0,03
Характеристики домохозяйства		
Один из супругов верит в бога	0,47	0,50
Оба супруга верят в бога	0,44	0,41
Разница в возрасте супругов	0,37	0,41
Количество членов семьи старше 18 лет за исключением женщины и ее супруга	0,95	1,09
Логарифм дохода остальных членов семьи	6,32	6,78
Собственное жилье	0,88	0,89
Площадь жилья на одного члена семьи	11,03	11,27
Наличие долга по кредитам	0,42	0,40
Наличие стиральной машины	0,82	0,82
Наличие автомобиля	0,55	0,54

Рассмотрим, какие факторы влияют на вероятность рождения ребенка по сравнению с отсутствием родов или аборта для всей совокупности женщин (см. таблицу 5). Наиболее сильное влияние на рождение ребенка оказывают возраст и его квадрат. Так как коэффициент при квадрате этой переменной отрицательный, вероятность рождения сначала возрастает, а затем уменьшается. Это соответствует закономерностям, которые были найдены для прошлых периодов обследований¹.

¹ Рощина Я. М. Моделирование факторов склонности семьи к рождению ребенка в России.

Таблица 5

Оценки мультиномиальной регрессии для всей совокупности женщин¹, RLMS-HSE, 2012 г.

	Роды				Аборт			
	RRR (exp)		sign (P> z)	Std. Err.	RRR (exp)		sign (P> z)	Std. Err.
Характеристики женщины								
Возраст	1,909	***	0,000	0,321	1,332		0,170	0,278
Возраст в квадрате	0,987	***	0,000	0,003	0,994	***	0,043	0,003
Живет в Москве или Санкт-Петербурге (база – живет в сельской местности)	0,531		0,103	0,206	0,828		0,821	0,690
Живет в другом городе	1,079		0,697	0,212	1,250		0,573	0,496
Никогда не состояла в браке (база – состоит в зарегистрированном браке)	0,172	*	0,000	0,063	0,186	**	0,046	0,157
Живут вместе, но не зарегистрированы	0,660		0,105	0,169	1,469		0,401	0,673
Разведена/вдова	0,327		0,025	0,163	0,248	*	0,079	0,197
Официально зарегистрированы, но вместе не проживают	3,8e-15	***	1,6e-15	0,000	0,718		0,728	0,684
Законодатели, руководители (база – не работает)	0,345		0,311	0,362	2,9e-14	***	1,9e-14	0,000
Специалисты высшего и среднего уровня квалификации	1,054		0,858	0,310	2,269		0,111	1,166
Офисные служащие и специалисты в сфере услуг	1,192		0,527	0,331	0,654		0,435	0,356
Квалифицированные рабочие	1,511		0,322	0,630	1,602		0,501	1,123
Неквалифицированные рабочие	1,592		0,266	0,666	1,453		0,574	0,964
Законченное среднее специальное образование (база – среднее общее образование)	1,065		0,778	0,239	1,520		0,284	0,595
Законченное высшее образование и выше	1,152		0,568	0,286	0,408		0,161	0,261
Русская	1,053		0,851	0,287	2,039		0,308	1,426
Удовлетворенность жизнью	1,076	*	0,410	0,096	0,855		0,400	0,159
Хорошее здоровье по самооценке (база – средний уровень здоровья)	0,966		0,842	0,168	0,927		0,832	0,332
Плохое здоровье	1,131		0,826	0,634	0,289		0,152	0,251
Есть хроническое заболевание у жены	0,879		0,477	0,160	3,638	***	0,000	1,337
Логарифм личного дохода	1,033	**	0,344	0,036	0,992	*	0,900	0,063
Количество детей	0,646		0,016	0,117	2,188	***	0,000	0,354

¹ Базовая категория зависимой переменной – в будущем году не родила ребенка и не было аборта; 1 – родила ребенка; 2 – прервала беременность. N= 3166, Pseudo R2 = 0,173.

Продолжение таблицы 5

	Роды				Аборт			
	RRR (exp)		sign (P> z)	Std. Err.	RRR (exp)		sign (P> z)	Std. Err.
Характеристики супруга								
Логарифм дохода супруга	0,889	**	0,030	0,048	0,969	*	0,647	0,067
Супруг работает	1,833		0,246	0,958	0,352	**	0,039	0,178
Супруг занимает руководящую должность	1,299		0,585	0,623	1,592		0,656	1,663
Характеристики домохозяйства								
Один из супругов верит в бога	0,827		0,540	0,256	1,298		0,712	0,918
Оба супруга верят в бога	1,228		0,573	0,446	1,317		0,704	0,953
Разница в возрасте супругов	1,010	**	0,708	0,027	0,961	**	0,300	0,036
Количество членов семьи старше 18 лет за исключением женщины и ее супруга	1,044	*	0,578	0,081	1,284		0,176	0,237
Логарифм дохода остальных членов семьи	0,990	**	0,652	0,023	0,989	**	0,808	0,044
Собственное жилье	0,994		0,980	0,243	0,407	**	0,050	0,187
Площадь жилья на одного члена семьи	0,987	**	0,483	0,018	0,996		0,925	0,045
Наличие долга по кредитам	1,001		0,994	0,172	2,209	**	0,034	0,826
Наличие стиральной машины	1,089		0,733	0,273	1,031		0,937	0,401
Наличие автомобиля	1,092		0,640	0,206	0,249	*	0,000	0,094

*10% значимость; **5% значимость; ***1% значимость.

Все значимые факторы за исключением зарегистрированного брака, но раздельного проживания, влияют на рождение ребенка негативно. При этом наиболее сильное отрицательное влияние оказывает отсутствие зарегистрированного брака. Так, у женщин, никогда не состоявших в браке, вероятность рождения ребенка ниже на 83% по сравнению с женщинами, состоящими в зарегистрированном браке. В то же время переменная «незарегистрированный брак» для этой совокупности женщин оказалась незначимой. Подтвердилась гипотеза относительно количества детей: чем больше детей, тем ниже вероятность рождения ребенка (уменьшается на 35% при увеличении числа детей на 1).

Наконец, существенное значимое влияние оказывает доход супруга: при его увеличении в два раза (то есть увеличении логарифма на 1), зависимая переменная уменьшается на 11%. В то же время позитивное влияние на вероятность рождения ребенка оказывает личный доход женщины, а негативное — доходы остальных членов семьи. Это противоречит многим ранее полученным результатам, так как теоретически высокие заработки женщины являются основанием для отказа от рождения из-за больших потерь в доходах на время отпуска по уходу за ребенком; наоборот, доходы супруга и других членов семьи могут эти потери компенсировать, тем самым стимулируя рождаемость. Поэтому этот феномен требует дополнительного объяснения.

Сравним результаты, полученные на основе регрессии для совокупности женщин, участвовавших в опросе «Женское здоровье» (см. таблицу 6). Это позволит нам учесть влияние дополнительных переменных. Влияние возраста, от-

сутствия опыта семейной жизни и доходов супруга аналогичны полученным ранее результатам. В то же время не значимы в этой модели доходы женщины и других членов семьи. Однако если супруг имеет работу, вероятность рождения ребенка в пять раз выше (хотя значимость этой переменной невысока, ошибка вероятна в 10% случаев). Практически не склонны к рождению ребенка женщины, занимающие высокие руководящие должности. Значимой становится переменная места жительства: по сравнению с сельской местностью вероятность родить у жительниц Москвы и Санкт-Петербурга ниже на 70%. На 54% ниже вероятность родить и у женщин, состоящих в незарегистрированном браке. Наконец, из трех дополнительных переменных – наличие сексуального опыта до 18 лет, опыт аборта в прошлом и желание родить еще ребенка – значимой оказалась только последняя, то есть если женщина хочет иметь (еще) детей, вероятность рождения возрастает в 4,3 раза.

Таблица 6

Оценки мультиномиальной регрессии для совокупности женщин, участвовавших в опросе «Женское здоровье»¹, RLMS-HSE, 2012 г.

	1				2			
	RRR (exp)		sign (P> z)	Std. Err.	RRR (exp)		sign (P> z)	Std. Err.
Характеристики женщины								
Возраст	1,895	**	0,015	0,500	2,251	*	0,098	1,104
Возраст в квадрате	0,988	***	0,005	0,004	0,986	*	0,054	0,007
Живет в Москве или Санкт-Петербурге (база – живет в сельской местности)	0,296	**	0,027	0,163	0,652		0,706	0,738
Живет в другом городе	0,872		0,654	0,266	1,063		0,913	0,597
Никогда не состояла в браке (база – состоит в зарегистрированном браке)	0,236	***	0,006	0,124	7.6e-15	***	5.6e-15	0,000
Живут вместе, но не зарегистрированы	0,458	**	0,039	0,173	1,523		0,477	0,902
Разведена/вдова	0,313		0,101	0,221	0,346		0,223	0,301
Законодатели, руководители (база – не работает)	8.9e-15	***	5.1e-15	0,000	2.9e-14	***	3.4e-14	0,000
Специалисты высшего и среднего уровня квалификации	0,760		0,538	0,338	2,114		0,255	1,391
Офисные служащие и специалисты в сфере услуг	0,816		0,636	0,350	0,584		0,469	0,434
Квалифицированные рабочие	1,727		0,395	1,108	1,814		0,583	1,966
Неквалифицированные рабочие	1,092		0,903	0,784	1,006		0,995	1,057
Законченное среднее специальное образование (база – среднее общее образование)	0,944		0,857	0,299	1,551		0,382	0,779

¹ Базовая категория зависимой переменной – в будущем году не родила ребенка и не было аборта; 1 – родила ребенка; 2 – прервала беременность. N= 1739, Pseudo R2 = 0,2698.

Продолжение таблицы 6

	1			2				
	RRR (exp)		sign (P> z)	Std. Err.	RRR (exp)		sign (P> z)	Std. Err.
Законченное высшее образование и выше	0,857		0,662	0,302	0,553		0,567	0,572
Русская	0,906		0,813	0,376	1,497		0,677	1,451
Удовлетворенность жизнью	0,940		0,626	0,120	0,763		0,258	0,182
Хорошее здоровье <i>по самооценке (база – средний уровень здоровья)</i>	0,956		0,853	0,229	1,042		0,930	0,486
Плохое здоровье	1,662		0,535	1,362	1.19e-14	***	7.5e-15	0,000
Есть хроническое заболевание у жены	0,732		0,242	0,195	4,691	***	0,005	2,588
Логарифм личного дохода	1,102		0,114	0,068	0,958		0,548	0,069
Количество детей	0,685		0,229	0,216	2,016	***	0,001	0,437
Первый сексуальный опыт до 18 лет	1,258		0,378	0,328	0,938		0,912	0,538
Был когда-либо аборт	0,640		0,197	0,221	2,839	*	0,051	1,519
Желание иметь еще одного ребенка	4,341	***	0,000	1,658	1,474		0,445	0,749
Характеристики супруга								
Логарифм дохода супруга	0,814	**	0,025	0,074	0,956		0,534	0,070
Супруг работает	5,057	*	0,089	4,827	0,300	*	0,091	0,214
Супруг занимает руководящую должность	0,773		0,792	0,754	4.3e-14	***	2.5e-14	0,000
Характеристики домохозяйства								
Один из супругов верит в бога	0,557		0,140	0,221	0,416		0,310	0,359
Оба супруга верят в бога	0,716		0,480	0,339	0,407		0,327	0,373
Разница в возрасте супругов	0,976		0,586	0,043	0,990		0,797	0,040
Количество членов семьи старше 18 лет за исключением женщины и ее супруга	0,907		0,430	0,112	1,649	**	0,010	0,320
Логарифм дохода остальных членов семьи	0,984		0,634	0,034	0,899	*	0,052	0,049
Собственное жилье	0,862		0,674	0,304	0,895		0,875	0,632
Площадь жилья на одного члена семьи	0,964		0,262	0,031	0,840	*	0,075	0,082
Наличие долга по кредитам	1,241		0,381	0,305	1,455		0,467	0,749
Наличие стиральной машины	1,891		0,146	0,827	0,925		0,889	0,519
Наличие автомобиля	1,268		0,378	0,341	0,269	**	0,012	0,141

*10% значимость; **5% значимость; ***1% значимость.

Рассмотрим теперь детерминанты вероятности аборта по сравнению с женщинами, которые не были беременны (см. таблицу 7). Начнем с модели для всей совокупности женщин. Практически невероятным событием является аборт для женщин-руководителей. После этой переменной наиболее сильное влияние на возможность совершения аборта оказывает наличие хронических заболеваний у женщины (вероятность аборта возрастает в 3,6 раза). Вероятно, это отражение заботы женщин с плохим здоровьем о здоровье будущих детей. На втором месте по силе влияния наличие долгов по кредитам и количество детей. Наличие долга увеличивает вероятность прерывания беременности в 2,2 раза. При увеличении числа детей на 1-го, вероятность аборта увеличивается в 2,18 раза. Интересно, что как для родивших ребенка, так и для прервавших беременность сила влияния квадрата возраста примерно одинакова, что говорит о том, что аборт чаще делают более молодые женщины. У женщин, никогда не состоявших в браке, вероятность прерывания беременности ниже на 82%, а у разведенных и вдов на 75%, чем у женщин, состоящих в зарегистрированном браке. Таким образом, ряд факторов оказывают однонаправленное влияние как на рождение ребенка, так и на прерывание беременности: другими словами, это факторы возникновения беременности.

Переменной, негативно влияющей на вероятность аборта, является занятость супруга. Наличие работы у мужа уменьшает ее на 63%. Собственное жилье и наличие автомобиля также отрицательно сказываются на прерывании беременности, вероятность аборта уменьшается на 60 и на 75% соответственно.

В регрессии для подвыборки женщин, участвовавших в опросе «Женское здоровье», основные выявленные закономерности сохраняются. Значимыми становятся также переменные «плохое здоровье по самооценке», «руководящая должность супруга», «доходы остальных членов семьи» и «жилая площадь на человека» (отрицательное влияние), хотя значимость некоторых из них невысока. Вероятность аборта возрастет в 1,6 раза вместе с увеличением количества взрослых в семье на 1-го человека. Это может подтверждать гипотезу о том, что стесненные жилищные условия способны подтолкнуть женщину к принятию решения о прерывании беременности. Совершение аборта ранее увеличивает вероятность прерывания беременности в 2,6 раза и является вторым по силе влияния, хотя уровень значимости (10%) невысок. Это говорит о том, что для многих женщин аборт является привычным «контрацептивным» средством.

Наконец, посмотрим, какие факторы могут стимулировать женщину прервать беременность (а не родить) в случае ее возникновения (см. таблицу 7). Это, прежде всего, наличие хронического заболевания (рост вероятности в 4,1 раза) и количество детей (рост вероятности в 3,4 раза на каждого дополнительного ребенка). Позитивное влияние на такое решение может оказать наличие долга по кредитам. Напротив, менее вероятно решение об аборте у женщин-руководителей, женщин, чей супруг имеет работу, или в семье есть собственное жилье или автомобиль. Оценка регрессии для женщин, участвовавших в опросе «Женское здоровье», показала некоторые дополнительные переменные. Так, очень низка вероятность аборта, по сравнению с рождением, у женщин, ранее не состоявших в браке, а также у женщин с плохой самооценкой здоровья и чей супруг занимает руководящую должность. Напротив, вероятность аборта по сравнению с родами

в 4,4 раза выше у тех женщин, которые когда-либо ранее уже делали аборт. К сожалению, полученные результаты не слишком устойчивы в силу слишком маленькой доли женщин, делавших аборт, в выборке.

Таблица 7

Оценки мультиномиальной регрессии для двух выборок женщин¹, RLMS-HSE, 2012 г.

	Вся выборка				Участв. в опросе «ЖЗ»			
	RRR (exp)		sign (P> z)	Std. Err.	RRR (exp)		sign (P> z)	Std. Err.
Характеристики женщины								
Возраст	0,700		0,183	0,187	1,213		0,730	0,678
Возраст в квадрате	1,007		0,115	0,004	0,998		0,800	0,008
Живет в Москве или Санкт-Петербурге (база – живет в сельской местности)	1,582		0,615	1,442	2,158		0,539	2,706
Живет в другом городе	1,153		0,745	0,506	1,222		0,754	0,781
Никогда не состояла в браке (база – состоит в зарегистрированном браке)	1,040		0,964	0,907	1.2e-14	***	1.1e-14	0,000
Живут вместе, но не зарегистрированы	2,206		0,111	1,096	3,358		0,083	2,349
Разведена/вдова	0,727		0,724	0,657	1,119		0,919	1,240
Законодатели, руководители (база – не работает)	3.5e-18	***	4.2e-18	0,000	-			
Специалисты высшего и среднего уровня квалификации	2,129		0,193	1,236	2,656		0,182	1,945
Офисные служащие и специалисты в сфере услуг	0,548		0,318	0,330	0,672		0,627	0,550
Квалифицированные рабочие	1,057		0,945	0,851	0,998		0,999	1,249
Неквалифицированные рабочие	0,903		0,894	0,695	0,870		0,911	1,084
Законченное среднее специальное образование (база – среднее общее образование)	1,448		0,402	0,640	1,619		0,405	0,938
Законченное высшее образование и выше	0,358		0,133	0,245	0,588		0,625	0,640
Русская	1,944		0,369	1,438	1,682		0,620	1,763
Удовлетворенность жизнью	0,791		0,249	0,161	0,805		0,421	0,217
Хорошее здоровье по самооценке (база – средний уровень здоровья)	0,965		0,928	0,378	1,097		0,855	0,557

¹ Базовая категория зависимой переменной – в будущем году родила ребенка; приведены результаты регрессии для категории – прервала беременность.

Продолжение таблицы 7

	Вся выборка				Участв. в опросе «ЖЗ»			
	RRR (exp)		sign (P> z)	Std. Err.	RRR (exp)		sign (P> z)	Std. Err.
Плохое здоровье	0,257		0,172	0,256	2.4e-15	***	2.3e-15	0,000
Есть хроническое заболевание у жены	4,136	***	0,000	1,650	6,601	***	0,002	3,993
Логарифм личного дохода	0,961		0,572	0,068	0,876		0,139	0,078
Количество детей	3,395	***	0,000	0,836	2,914	***	0,006	1,142
Первый сексуальный опыт до 18 лет					0,758		0,661	0,478
Был когда-либо аборт					4,396	**	0,019	2,779
Желание иметь еще одного ребенка					0,359		0,102	0,225
Характеристики супруга								
Логарифм дохода супруга	1,088		0,341	0,097	1,176		0,184	0,144
Супруг работает	0,189	**	0,023	0,139	0,061	**	0,022	0,074
Супруг занимает руководящую должность	1,224		0,856	1,361	1.9e-14	***	2.2e-14	0,000
Характеристики домохозяйства								
Один из супругов верит в бога	1,562		0,561	1,197	0,720		0,728	0,679
Оба супруга верят в бога	1,059		0,943	0,844	0,553		0,568	0,573
Разница в возрасте супругов	0,952		0,282	0,044	1,017		0,770	0,060
Количество членов семьи старше 18 лет за исключением женщины и ее супруга	1,234		0,285	0,243	1,813	***	0,009	0,415
Логарифм дохода остальных членов семьи	0,999		0,990	0,050	0,915		0,165	0,059
Собственное жилье	0,410	*	0,080	0,209	1,072		0,930	0,841
Площадь жилья на одного члена семьи	1,009		0,860	0,050	0,874		0,180	0,088
Наличие долга по кредитам	2,208	*	0,050	0,894	1,137		0,823	0,652
Наличие стиральной машины	0,953		0,916	0,432	0,487		0,304	0,341
Наличие автомобиля	0,227	***	0,000	0,094	0,217	***	0,009	0,127
N	3166				1739			
Pseudo R2	0,173				0,2698			

*10% значимость; **5% значимость; ***1% значимость.

Мы выявили различия между долями аборт и рождений в зависимости от отношения к религии, семейного статуса, материального положения, профессиональной группы, наличия хронических болезней и других факторов. Некоторые распределения получились вполне ожидаемыми. Так, предсказуемо, что доля рождений выше среди бедных, нежели среди богатых, или доля аборт среди верующих ниже, чем среди неверующих. Однако появились и довольно неожиданные

результаты. Например, высокая доля как рождений, так и абортс среди женщин, находящихся в декретном отпуске или отпуске по уходу за ребенком. В целом данное исследование подтвердило закономерности, обозначенные во многих работах, посвященных прерыванию беременности. Главной проблемой остается высокая доля абортс ввиду применения ненадежных методов контрацепции. А это значит, что выявление факторов, влияющих на прерывание беременности, а не на предохранение от нее, все еще актуально.

На основе регрессионного анализа были выявлены факторы, влияющие на рождение ребенка или прерывание беременности. Особенно сильное влияние оказывают возраст, семейное положение, доходы супруга, наличие хронических заболеваний, количество детей, наличие собственного жилья, совершение абортс ранее и желание иметь еще одного ребенка. Также были выявлены факторы, которые не влияют на прерывание беременности, хотя в гипотезах предполагалось обратное. Среди них вера в Бога и уровень образования. Неожиданным оказалось и влияние доходов.

Особое внимание следует уделить влиянию опыта абортс на рождение ребенка или прерывание беременности. Опыт прерывания беременности не только уменьшает вероятность рождения ребенка, но и повышает вероятность повторного абортс. Это говорит, в первую очередь, о том, что женщины, сделавшие аборт, часто относятся к прерыванию беременности как к методу контрацепции. Более того, как уже было подчеркнуто ранее, у женщин, состоящих в зарегистрированном браке, не только выше вероятность рождения детей, но и выше вероятность прерывания беременности, что снова говорит о пренебрежении современными контрацептивными средствами.

Сведения об авторах

Воронин Геннадий Леонидович

Доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник
Института социологии РАН

E-mail: voroning@isras.ru

Евграфова Ксения Олеговна

Научный сотрудник Института социологии РАН

E-mail: skenya@list.ru

Киселева Ирина Павловна

Старший научный сотрудник Института социологии РАН

E-mail: ikiseleva@demoscope.com.ru

Козырева Полина Михайловна

Доктор социологических наук, первый заместитель директора
Института социологии РАН

E-mail: pkozyreva@isras.ru

Директор Центра лонгитюдных обследований НИУ ВШЭ

E-mail: pkozyreva@hse.ru

Косолапов Михаил Самуилович

Кандидат философских наук, заведующий отделом
Института социологии РАН

E-mail: mkosolapov@isras.ru

Профессор кафедры методов сбора и анализа социологической
информации НИУ ВШЭ

E-mail: mkosolapov@hse.ru

Краснова Лидия Сергеевна

Лаборант Центра лонгитюдных обследований НИУ ВШЭ

E-mail: augustbelle11@gmail.com

Лапшинова Вероника Витальевна

Лаборант Центра лонгитюдных обследований НИУ ВШЭ

E-mail: Lapshinova-veron@mail.ru

Лукьянова Анна Львовна

Кандидат экономических наук,
доцент Департамента прикладной экономики НИУ ВШЭ,
старший научный сотрудник Центра трудовых исследований НИУ ВШЭ
E-mail: alukyanova@hse.ru

Низамова Алфия Энварьевна

Кандидат социологических наук, заместитель директора
Центра лонгитюдных обследований НИУ ВШЭ
E-mail: anizamova@hse.ru

Рощина Яна Михайловна

Кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической
социологии НИУ ВШЭ, ведущий научный сотрудник
Центра лонгитюдных обследований НИУ ВШЭ
E-mail: yroshchina@mail.ru

Смирнов Александр Ильич

Доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник
Института социологии РАН
E-mail: smir_al@bk.ru

Соколова Светлана Борисовна

Научный сотрудник Института социологии РАН
E-mail: sveta@demoscope.com.ru

Швецова Татьяна Анатольевна

Лаборант Центра лонгитюдных обследований НИУ ВШЭ
E-mail: shvetsovatyana@gmail.com

Научное электронное издание

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО МОНИТОРИНГА
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ И ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ
НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)**

Выпуск 5

Корректор В. В. Камышан
Компьютерная верстка И. М. Ситдигов

Уч.-изд. л. 12,1. Объем 2,5 Мб.

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
101000, г. Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел.: (495) 621 7983; 628 7931
E-mail: hse@hse.ru

URL: http://www.hse.ru/rlms/vestnik/Vestnik_RLMS-HSE_2015.pdf